

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
СОГЛАСИЯ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА
(Институт Наследия)

ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

по итогам VIII международного научного форума

Москва
2023

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

К 90

Издаётся по решению Учёного совета Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Редакционная коллегия:

Горлова И. И., доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (ответственный редактор);

Коваленко Т. В., кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Гуцалов А. А., кандидат философских наук, руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Костина Н. А., кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Саркисова Е. Г., кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Рецензенты:

Морозова О. М., доктор исторических наук, профессор кафедры связей с общественностью Донского государственного технического университета;

Рахаев А. И., доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств.

К 90

Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VIII междунар. науч. форума [Электронное сетевое издание] / Отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. А. Гуцалов, Н. А. Костина, Е. Г. Саркисова. — М.: Институт Наследия, 2023. — 372 с. — DOI: 10.34685/НИ.2023.31.10.001. — ISBN 978-5-86443-440-6.

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов и сообщений Восьмого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», состоявшегося 22–25 сентября 2022 г.

В опубликованных статьях рассмотрены проблемы культурного наследия народов России в аспекте укрепления российской государственности, основные вопросы теории и практики сохранения культурного наследия, специфические черты этнических культур Северного Кавказа и механизмы межнационального взаимодействия, народные художественные промыслы в эпоху глобальных трансформаций, художественная жизнь в контексте диалога культур. Особое внимание уделяется анализу опыта актуализации и репрезентации культурного наследия Северного Кавказа в современном обществе.

Сборник подготовлен в рамках государственного задания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-440-6

DOI: 10.34685/НИ.2023.31.10.001

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать на сайте Института Наследия — www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»

ISBN 978-5-86443-440-6

9 785864 434406

© Коллектив авторов, 2023

© Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2023

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

LIKHATCHEV RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE
FOR CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

SOUTHERN BRANCH

**CULTURAL HERITAGE
OF THE NORTH CAUCASUS AS A RESOURCE
OF INTERETHNIC CONCORD**

**Proceedings
of the 8-th International Scientific Forum**

Moscow
2023

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

K 90

Editorial Board:

Irina I. Gorlova, Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director, Southern Branch of the Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, (Editor-in-Chief);

Timofey V. Kovalenko, Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director, Southern Branch of the Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Aleksandr A. Gutsalov, Cand. Sci. (History of Philosophy), Herd, Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch of the Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Natalya A. Kostina, Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch of the Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Elena G. Sarkisova, Cand. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Cultural Heritage), Senior Researcher, Department of the Heritage Studies and Expert Activities, Southern Branch of the Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

Reviewers:

Olga M. Morozova, Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Public Relations, Don State Technical University;

Anatoly I. Rakhav, Dr. Sci. (Music Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts.

K 90

Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya

(The Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Interethnic Concord): Proceedings of the 8-th International Scientific Forum / Ed.-in-Chief I. I. Gorlova; Editorial Board: T. V. Kovalenko, A. A. Gutsalov, N. A. Kostina, E. G. Sarkisova. — Moscow: Institut Naslediya, 2023. — 372 p. — DOI: 10.34685/HI.2023.31.10.001. — ISBN 978-5-86443-440-6.

The book includes materials based on the reports and messages of the 8-th International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Inter-Ethnic Concord”, held on September 22–25, 2022.

The published articles examine the problems of the cultural heritage of the peoples of Russia in the aspect of strengthening Russian statehood, the main issues of the theory and practice of preserving cultural heritage, the specific features of the ethnic cultures of the North Caucasus and the mechanisms of interethnic interaction, folk arts and crafts in the era of global transformations, artistic life in the context of the dialogue of cultures. Particular attention is paid to the analysis of the experience of updating and representing the cultural heritage of the North Caucasus in modern society.

The book was prepared within the framework of the state task of the Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-411-6

DOI: 10.34685/HI.2023.31.10.001

ISBN 978-5-86443-440-6

© By Composite authors, 2023

© Southern Branch, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, Н. А. Костина
Культурное наследие и современное общество:
стратегии и перспективы (Вместо предисловия) 15

РАЗДЕЛ 1

Культурное наследие и гражданская идентичность

И. И. Горлова
Культурная политика
на Юге России: направления и практики 22

А. Л. Зорин
Русская философская мысль XIX–XX веков
в поисках цивилизационной идентичности России 30

В. А. Ливцов
Движение добровольных помощников-реставраторов:
ВООПИиК как предтеча волонтерской
деятельности в сфере сохранения
историко-культурного наследия в России 37

Н. Г. Денисов, М. В. Ярчук
«Места памяти» в социальном пространстве
(на примере города-героя Новороссийска) 51

А. А. Гуцалов
Этноцентризм в культуре и исторической
памяти: опыт теоретического исследования
национального государства 59

РАЗДЕЛ 2

Народные художественные промыслы в эпоху глобальных трансформаций: история и современность

Т. Л. Астраханцева

Традиция Победы как отправная
точка в народном искусстве России 76

И. А. Елисеева

К вопросу о сохранении содержания
традиционного народного искусства 86

Г. Н. Керцева (Вольная)

Традиции изготовления серёг
и височных привесок в средневековом
прикладном искусстве Северного Кавказа 89

О. Ю. Калягина

История и судьба Городецкой
строчевышивальной фабрики и мастеров
традиционного нижегородского золотного шитья 107

М. Г. Куёк

Декоративно-прикладное искусство адыгов
в современном художественном пространстве 126

РАЗДЕЛ 3

Сохранение культурного наследия: проблемы, поиски, решения

С. А. Рагуленко

Некоторые вопросы атрибуции археологических предметов
(на примере золочёных конских упряжей
раннеаланского периода предгорий Центрального Кавказа) 138

Г. В. Бакуменко

Проблемы коммеморации
и коммодификации научно-технического наследия 144

Е. М. Багаева

Г. М. Шубников — выдающийся
представитель отечественной военной науки 159

В. А. Кармалюк

Трансформация исторического центра
станции Раевской: опыт исследования 167

А. Н. Еремеева

История раннесоветской архитектуры
в зарубежной историографии 1960-х — 1980-х годов 180

А. М. Слюхова

Культурная политика Евросоюза
в отношении противодействия незаконному
обороту культурных ценностей 188

РАЗДЕЛ 4

Художественная жизнь страны и регионов в контексте диалога культур

И. В. Мацневский

Об актуальных проблемах изучения и развития
музыкального искусства этноисторических
ареалов и этнокультурных сообществ 195

Г. В. Тавлай

Сакральность духовно-эстетических
смыслов в традиционном народном творчестве
(на примере ансамблевого пения белорусов) 199

Л. В. Мадикова

Корабельные мотивы в русской средневековой живописи:
особенности изображения и судостроительные традиции 207

Т. В. Коваленко

Д. Ф. Чижевский у истоков
колхозно-совхозного театрального движения
(Страницы забытой биографии) 223

Е. Б. Долинская

1941 год. Московские композиторы в Нальчике
(Фольклорные мотивы в классических жанрах) 236

Е. Ю. Третьякова

Беседы с Николаем Санджиевым как глубинное интервью
о задачах и возможностях художественных переводов 250

Б. П. Борисов

Город будущего как материализованный
«художественный образ» 259

РАЗДЕЛ 5

Межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры

А. С. Куёк

Идентичность и мифоэпические воззрения
адыгов (черкесов): история и современность 275

Ф. Н. Хуако

Язык и культура в духовном
бытии адыгского этноса: поиски взаимосвязи 283

О. И. Кускарова

Социокультурный аспект языковой политики
в полиэтничном пространстве Республики Адыгея 291

Р. З. Сагов

Этноязыковая ситуация
в Республике Ингушетия на современном этапе:
вопросы письменности ингушского языка 297

Ю. Н. Триль

Детская обрядность адыгов как форма
социализации: трансляция культурных кодов 306

РАЗДЕЛ 6

Современное общество

и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации

Н. С. Казачкова

Волонтерские практики в сохранении
традиций питания (на примере Республики Беларусь) 316

Ю. С. Путрик

Перспективы формирования и развития новых
туристских продуктов в Чеченской Республике
с использованием объектов культурного наследия 326

Л. Р. Барахоева, М. А. Арсельгова

Научно-просветительская деятельность
Ингушского научно-исследовательского
института гуманитарных наук:
современные тенденции и перспективы 336

А. А. Михайлова

Деятельность А. С. Ярешко по возрождению
и преемственности традиции православного
колокольного искусства (к 80-летию со дня рождения) 350

Л. Н. Кузнецова

Взаимодействие национальных культур
как путь духовного, патриотического
и художественно-эстетического общения 359

CONTENTS

Irina I. Gorlova, Timofey V. Kovalenko and Natalya A. Kostina
Cultural Heritage and Modern Society:
Strategies and Prospects (Instead of a Foreword) 21

SECTION 1 **Cultural Heritage and Civic Identity**

Irina I. Gorlova
Cultural Policy in the South of Russia: Directions and Practices 29

Alexander L. Zorin
Russian Philosophical Thought
of the XIX–XX Centuries in Search
of the Civilization Identity of Russia 36

Viktor A. Livtsov
Movement of Voluntary
Assistants-Restorers: VOPIK as a Forerunner
of the Volunteer Activities in the Field
of Preserving Historical and Cultural Heritage in Russia 50

Nikolay G. Denisov and Milena V. Yarchuk
“Places of Memory” in Social Space
(on the Example of the Hero City of Novorossiysk) 58

Alexander A. Gutsalov
Ethnocentrism in Culture
and Historical Memory: Experience
of Theoretical Research of the Nation State 75

SECTION 2
Folk Arts and Crafts
in the Era of Global Transformations: History and Modernity

Tatyana L. Astrakhantseva
The Tradition of Victory As a Starting Point
in Russian Folk Art 85

Irina A. Eliseeva
On the Issue of Preserving
the Content of the Heritage of the Folk Art 88

Galina N. Kertseva (Volnaya)
Traditions of Making Earrings
and Temporal Pendants in the Medieval
Applied Art of the North Caucasus 106

Olga Yu. Kalyagina
The History and Fate of the Gorodets Stitching
and Embroidery Factory and of the Masters of Traditional
Gorodets Gold Embroider in the Nizhny Novgorod Region 123

Maryet G. Kuyok
Decorative and Applied Art
of the Adygs in the Modern Art Space 137

SECTION 3
Preservation of Cultural Heritage: Problems, Searches, Solutions

Sergey A. Ragulenko
Some Questions of Attribution of Archaeological Objects
(on the Example of Gilded Horse Harnesses of the Early Alanian
Period of the Foothills of the Central Caucasus) 143

Gennady V. Bakumenko
Problems of Commemoration and Commodification
of Scientific and Technical Heritage 159

Yelena M. Bagayeva
Georgy M. Shubnikov is an Outstanding
Representative of Russian Military Science 166

Victoria A. Karmaluk

Transformation of the Historical Center
of the Village of Raevskaya: Research Experience 179

Anna N. Ereemeeva

The History of Early Soviet Architecture
in Foreign Historiography of the 1960s — 1980s 187

Aminet M. Siyukhova

The Cultural Policy of the European Union in Relation
to Countering the Illicit Trafficking of Cultural Property 194

SECTION 4
Artistic Life of the Country
and Regions in the Context of Dialogue of Cultures

Igor V. Matsievsky

About the Actual Problems of Studying
and Developing the Musical Art of Ethnohistorical
Areas and Ethnocultural and Communities 198

Galina V. Tavlai

The Sacredness of Spiritual and Aesthetic Meanings
in Traditional Folk Art (on the Example of the Ensemble
Singing of Belarusians) 207

Lidia V. Madikova

Ship Motifs in Russian Medieval Painting:
Features of the Image and Shipbuilding Traditions 222

Timofey V. Kovalenko

Dmitriy F. Chizhevsky at the Origins
of the Kolkhoz and Sovkhoz Theatrical Movement
(Pages of a Forgotten Biography) 235

Elena B. Dolinskaya

The 1941. Moscow Composers in Nalchik
(Folklore Motifs in Classical Genres) 249

Elena Yu. Tretyakova

Conversations with Nikolai Sanjiev As an In-depth Interview
about the Tasks and Possibilities of Literary Translations 259

Boris P. Borisov

The City of the Future As a Materialized

“Artistic Image” 274

SECTION 5

Interethnic Interaction: Language, Society, Cultures

Asfar S. Kuyok

Identity and Mythological Views

of the Adygs (Circassians): History and Modernity 283

Fatimet N. Khuako

Language and Culture in the Spiritual Existence

of the Adyghe Ethnos: The Search for Relationships 290

Olga I. Kuskarova

Socio-Cultural Aspect of Language Policy

in the Multiethnic Space of the Republic of Adygea 296

Ruslan Z. Sagov

Ethnolinguistic Situation in the Republic of Ingushetia

at the Present Stage: Issues of Writing the Ingush Language 306

Yulia N. Tril

Circassian Children’s Rituals As a Form

of Socialization: Translation of Cultural Codes 315

SECTION 6

Modern Society and Cultural Heritage: Experience of Actualization and Representation

Natallia S. Kazachkova

Volunteer Practices in Conservation Food Traditions

(Using the Example of the Republic of Belarus) 325

Yury S. Putrik

Prospects for the Formation and Development

of New Tourist Products in the Chechen Republic

with the Use of Cultural Heritage Objects 335

Lyudmila R. Barakhoeva and Marina A. Arselgova

Scientific and Educational Activities

of the Ingush Research Institute of Humanities:

Current Trends and Prospects 349

Alevtina A. Mikhaylova

Alexandr S. Yareshko's Activity

on the Revival and Continuity of the Tradition

of Orthodox Bell Art (to the 80th Anniversary of his Birth) 359

Lyudmila N. Kuznetsova

Interaction of National Cultures

As a Way of Spiritual, Patriotic, Artistic

and Aesthetic Communication 371

И. И. Горлова*, *Т. В. Коваленко***, *Н. А. Костина****

Культурное наследие и современное общество: стратегии и перспективы (Вместо предисловия)

Представлен обзор проблематики докладов и сообщений Восьмого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», который состоялся 22–25 сентября 2022 г. Рассмотрены вопросы сохранения культурного наследия народов Северного Кавказа, его использования как ресурса межнационального согласия, создания единого культурного пространства, налаживания межкультурного диалога на международном и региональном уровнях.

Ключевые слова: международный научный форум, Северный Кавказ, культура, культурное наследие, государственная политика, межнациональное согласие, диалог культур, единое социокультурное пространство.

Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» прошёл в восьмой раз. Он состоялся 22–25 сентября 2022 г. на базе санатория «Жемчужина моря» в приморском посёлке Кабардинка. Подготовка и организация форума 2022 г. складывалась вокруг трёх юбилейных дат: 90-летия образования Центрального научно-исследовательского института методов краеведческой работы (впоследствии — Российский институт культурологии), 30-летия создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, и 10-летия деятельности нашего Южного филиала.

Южный филиал был образован 30 января 2012 г. в составе Российского института культурологии [3], в 2014 г. включён в структуру

---

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Россия, ii.gorlova@gmail.com.

** КОВАЛЕНКО Тимофей Викторович, кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, timofey.kovalenko@gmail.com.

*** КОСТИНА Наталья Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, kostnat72@mail.ru.

объединённого Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. В начале 2022 г. мы отметили первый собственный юбилей. За эти десять лет филиал стал авторитетной институцией, объединившей интеллектуальные силы Юга России, утвердился в регионе в качестве ведущего академического исследовательского центра гуманитарного профиля. Значительны наукометрические показатели деятельности коллектива, наши статьи, монографии и книги востребованы научным сообществом, индексы цитирования их достаточно высоки. Сегодня филиал объединяет учёных — культурологов, историков, искусствоведов, философов, филологов и специалистов в области охраны наследия.

Кадровый потенциал наших сотрудников весьма высок: 15 человек и все имеют научные степени: семь докторов наук (И. И. Горлова, А. Н. Еремеева, А. Л. Зорин, Е. Ю. Третьякова, Н. Б. Зиновьева, А. Н. Соколова, А. М. Сиюхова); шесть кандидатов наук (Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, В. В. Бондарь, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов, О. И. Бычкова). В 2022 г. состоялись защиты диссертационных исследований двух наших сотрудников — О. Н. Маркова [12] и Е. Г. Саркисова [13] получили учёные степени кандидата культурологии по научной специальности 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

Южным филиалом проводятся научные исследования по проблемам государственной культурной политики, сохранения культурного наследия, этнокультурной специфики Юга России и формирования гражданской идентичности [4]. В настоящее время завершается выполнение трёхлетних научно-исследовательских работ по темам государственного задания: «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России» (номер государственной регистрации: 121021500262-2), «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности» (номер государственной регистрации: 121021500263-9), «Архитектурно-градостроительное наследие советской эпохи: историко-культурная ценность, актуализация и сохранение» (номер государственной регистрации: 122020800075-7).

Южным филиалом установлены прочные творческие связи с органами исполнительной власти, осуществляющими государственную политику в сфере культуры и сохранения наследия, с федеральными и региональными академическими структурами гуманитарного про-

---

филя, с ведущими вузами, музеями, библиотеками и другими просветительскими учреждениями Юга России, с региональными отделениями творческих союзов.

Интеллектуальные возможности, определяющие сегодня креативный потенциал Южного филиала — стимул всестороннего развития и научного роста, залог его стратегической роли в культурной политике южных регионов России. Все это предъявляет не только повышенные требования к задачам, стоящим перед коллективом, но и открывает поистине безграничные возможности для совершенствования научной деятельности.

Важным направлением деятельности филиала является организация и проведение различных научных и просветительских мероприятий — конференций, круглых столов, научно-проектных семинаров, научно-практических мероприятий экспертного профиля по проблемам культурной политики и сохранения культурного наследия.

Визитной карточкой филиала стал международный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» [2], посвящённый сбережению российской идентичности, созданию единого культурного пространства, обеспечению национальной безопасности России средствами науки, культуры и искусства, развитию языков и литератур многонационального региона, прежде всего, русского языка и русской классической литературы как важнейших государствообразующих компонентов российской цивилизации и духовности.

С 2015 года форум проводится ежегодно, объединяя представителей научно-образовательных учреждений, органов исполнительной и законодательной власти, общественных организаций Юга России для обсуждения актуальных вопросов развития культуры и сохранения культурного наследия [1]. Проект получил организационную поддержку Министерства культуры Российской Федерации, Федерального агентства по делам национальностей и включён в перечень официальных мероприятий по реализации Стратегии национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Каждый год в работе форума принимает участие около 200 специалистов в области этнологии, культурологии, кавказоведения, теории и практики межэтнических отношений, архитектуры, археологии, истории искусств, межкультурной коммуникации, в том числе молодые учёные почти из всех регионов России. Выступили с трибуны форума и представители научно-педагогических школ Абхазии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Китая, Мексики,

Молдовы, Польши, Украины, Швейцарии, Узбекистана, Южной Осетии, Японии.

Проведение международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» в 2022 г. имело особый смысл. Докладчики, выступающие, все участники форума, представляющие различные регионы страны, этнические группы, конфессии, подчеркнули своё стремление к единению на демократических основах, провозглашённых в Конституции Российской Федерации, актуализировали мировоззренческий потенциал российской культуры и традиционных ценностей, подчеркнув роль нравственного сознания в экономических, политических, правовых явлениях и процессах, роль творческого потенциала нации в решении актуальных проблем социального развития.

Научная программа Восьмого международного форума традиционно отразила приоритеты государственной культурной политики. При разработке содержания тематических мероприятий программный комитет опирался на указы Президента Российской Федерации от 30.12.2021 г. № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» и от 30.12.2021 г. № 745 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». Не могли мы обойти вниманием 100-летие государственности Адыгеи, республики Российской Федерации, с которой нас связывают не только общие административные границы, но самые добрые, искренние отношения. День открытия работы форума, 22 сентября 2022 г., масштабная творческая программа — этнопроект «Адыги».

Научная программа форума включала: всероссийскую научную конференцию «Традиционная художественная культура народов России в контексте цивилизационной идентичности»; круглые столы «Историко-культурные исследования как инструмент сохранения культурного наследия: проблемы теории и практики», «Художественная жизнь страны и региона: константы и векторы культурных взаимодействий», «Культурное наследие регионов России в цифровой среде: способы сохранения и репрезентации», «Волонтёрское движение в сфере сохранения культурного наследия: опыт, проблемы, перспективы»; специальную сессию «Освоение и популяризация научно-технического наследия как фактор повышения престижа научных знаний (От Года к Десятилетию науки и технологий)». В программе мероприятий было представлено 319 докладов из 33 регионов Российской Федерации, а также Республики

Абхазия, Республики Армения, Республики Беларусь, Иорданского Хашимитского Королевства, Китайской Народной Республики, Республики Молдова, Республики Узбекистан и Республики Южная Осетия. Всего в работе форума приняли участие 172 человека.

* * *

Предлагаемый читателю сборник статей содержит доклады участников Восьмого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», исправленные, дополненные, переработанные специально для настоящего издания.

Его разделы отражают грани проблематики научного диалога, состоявшегося 22–25 сентября 2022 г.:

- культурное наследие и гражданская идентичность;
- народные художественные промыслы в эпоху глобальных трансформаций: история и современность;
- сохранение культурного наследия: проблемы, поиски, решения;
- художественная жизнь страны и регионов в контексте диалога культур;
- межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры;
- современное общество и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации.

Ежегодные встречи представителей научной общественности в рамках международного форума вносят значительный вклад в формирование единого культурного пространства, изучение проблем диалога культур, исследование перспектив использования культурного наследия как ресурса устойчивого развития региона, научно-методическое обеспечение государственной политики в сфере культуры, сохранение наследия.

Мы надеемся, что результаты форума, настоящее издание его материалов, преемственное с содержанием предыдущих сборников (см.: [5] [6] [7] [8] [9] [10] [11]), послужат осмыслению важнейших проблем культуры южного региона, укреплению добрососедских отношений между народами, продолжению традиций дружбы и взаимопонимания, которыми всегда славился Северный Кавказ.

Литература

1. Горлова И. И. Северный Кавказ — территория межнационального согласия // Культурное наследие России. — 2016. — № 3. — С. 39–42.
2. Коваленко Т. В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» // Наследие веков. — 2015. — № 4. — С. 149–153.
3. Коваленко Т. В. О создании Южного филиала Российского института культурологии // Культурологический журнал. — 2012. — № 1. — С. 18.
4. Крюков А. В. Научные издания Южного филиала Института Наследия // Наследие веков. — 2016. — № 1. — С. 121–124.
5. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / Отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, А. В. Крюков. — М. ; Краснодар : Принт сервис групп, 2015. — 624 с.
6. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / Отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. — Краснодар : Родные традиции, 2017. — 429 с.
7. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / Отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. — Краснодар : Экоинвест, 2018. — 746 с.
8. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / Отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. Н. Еремеева, А. В. Крюков, Н. А. Костина. — Краснодар : Ин-т Наследия, 2019. — 438 с. — DOI: 10.34685/НИ.2019.98.73.001.
9. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума / Отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. — М. : Ин-т Наследия, 2021. — 426 с. — DOI: 10.34685/НИ.2021.87.21.003.
10. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VI междунар. науч. форума / Отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. — М. : Ин-т Наследия, 2021. — 376 с. — DOI: 10.34685/НИ.2021.95.54.020.
11. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VII междунар. науч. форума / Отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. А. Гуцалов, Н. А. Костина,

---

Е. Г. Саркисова. — М. : Институт Наследия, 2023. — 422 с. DOI: 10.34685/НН.2022.85.64.001.

12. *Маркова О. Н.* Исторический опыт сохранения недвижимого культурного наследия на Кубани и Черноморье в конце XVIII — начале XXI вв. : дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Краснодар, 2022. — 174 с.
13. *Саркисова Е. Г.* Музей в социокультурном пространстве современного общества: функциональная трансформация : дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Краснодар, 2022. — 233 с.

Irina I. GORLOVA,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of the Likhatchev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, ii.gorlova@gmail.com.

Timofey V. KOVALENKO,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director,
Southern Branch of the Likhatchev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia,
timofey.kovalenko@gmail.com.

Natalya A. KOSTINA,

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Complex Problems
of Cultural Studies, Southern Branch of the Likhatchev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia,
kostnat72@mail.ru.

**Cultural Heritage and Modern Society:
Strategies and Prospects (Instead of a Foreword)**

A review of the problems of reports and communications of the Fief International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource of Interethnic Concord”, which took place on September 22–25, 2022, is presented. Issues of preserving the cultural heritage of the peoples of the North Caucasus, its use as a resource of interethnic consent, and creating a unified cultural space are considered establishing intercultural dialogue at the international and regional levels.

Keywords: *international scientific forum, North Caucasus, culture, cultural heritage, state policy, interethnic harmony, dialogue of cultures, a single sociocultural space.*

РАЗДЕЛ 1

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

И. И. Горлова*

Культурная политика на Юге России: направления и практики**

В статье рассматриваются основные тенденции модернизации и цифровизации, направленные на реновацию учреждений культуры, поддержку и развитие культурных индустрий Юга России. Практики государственной культурной политики анализируются как важный фактор укрепления и развития единого общероссийского культурного пространства. Юг России является одним из центров цивилизационного развития культурного пространства России в прошлом и настоящем, где пересекаются древнейшие торговые пути, геополитические и геокультурные интересы, раскрывается своеобразие моделей жизнеустройства входящих в состав российского многонационального народа

---

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, ii.gorlova@gmail.com.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России», номер государственной регистрации: 121021500262-2.

этнокультурных сообществ. Поэтому, наряду с развитием музеев, народного прикладного творчества, образовательно-просветительских программ, приоритетное место в практиках реализации государственной культурной политики отводится культурному туризму. Культурный туризм является в рамках государственной культурной политики значимой сферой познания истории и культуры и укрепления дружбы народов России, важным направлением развития её полиэтнической культуры на основании укрепления братских взаимосвязей и взаимно признаваемых ценностей бытия.

Ключевые слова: Юг России, государственная культурная политика, макрорегион, общественное культурное пространство, культурный туризм, Дом семьи Дервиш, Славянская деревня, Казачье подворье, Шира-котар, Шира Бена-Юрт, этнографический комплекс в Магасе.

Юг России представляет собой важнейший геополитический и геокультурный макрорегион с точки зрения современного миростемного развития, в который входят различные регионы, образующие субъекты Российской Федерации [2]. Макрорегиональная культурная политика бинарна по своей природе: с одной стороны, она является существенной частью и способом реализации государственной культурной политики, а с другой — она отражает макрорегиональные особенности практического воплощения государственной культурной политики в условиях многосоставного макрорегионального сообщества, интегрирующего и выражающего интересы проживающих в макрорегионе этнокультурных сообществ (см.: [5] [6]).

Юг России, являющийся важнейшим стратегическим природным, геоэкономическим и геополитическим ресурсом России, органически входящим в проект «Великий шелковый путь» и транспортно-логистические коридоры Север — Юг и Запад — Восток, не менее важен как часть единого культурного пространства страны.

Если рассматривать Юг России в рамках парадигмы природного наследия, то природные ландшафты здесь отражают как первозданные уголки дикой природы различных климатических зон — горных, степных, приморских, субтропических, так и природные зоны, издревле освоенные землепашцами, скотоводами, садоводами и виноградарями. Это природное разнообразие явилось основой разнообразия гастрономических культур народов, населяющих эти места.

Юг России является исторически сложившимся местом встречи европейских и азиатских цивилизаций, территорией формирования и развития древнейших государственных образований — Боспорского царства, Хазарского каганата, Тмутараканского княжества в древнерусских землях.

Сосредоточие мировых религий и различных конфессий воплотилось в культовых и храмовых памятниках архитектуры и в обычаях и традициях, складывавшихся на протяжении столетий на Юге России.

Важным представляется и наличие многочисленных исторически сложившихся объектов курортно-лечебной сферы, позволяющих сочетать задачи оздоровления с культурно-туристскими проектами.

В условиях современных тенденций развития культуры и реализации стратегических задач государственной культурной политики на Юге России успешно реализуется национальный проект «Культура», направленный на обновление учреждений культуры, поддержку творческих коллективов, развитие креативных индустрий и дополнительного художественного образования, а также подготовку и переподготовку кадров учреждений культуры. В макрорегионе активно осуществляется цифровизация музейных учреждений, оснащение муниципальных музеев современным оборудованием. Одно из приоритетных мест в реализации государственной культурной политики отведено развитию культурного туризма.

С геокультурной точки зрения, Юг России формировался и развивался на перекрёстке миграционных путей многих народов. Здесь встретились древнейшие цивилизации мира и положили начало развитию этого макрорегиона как перекрёстка цивилизаций, на территории которого сохранились древнейшие памятники истории и культуры. Поэтому Юг России привлекателен для туристов. С 2019 г. на Юге России Русским географическим обществом совместно с Крымом, Краснодарским краем и Ростовской областью реализуется туристский маршрут «Золотое кольцо Боспорского царства», посвящённый истории древнегреческих полисов и поселений Боспора Киммерийского. Этот проект приобрёл всероссийское значение, расширив потенциальные целевые аудитории за счёт трансформации его в культурно-просветительский, включив в программы маршрута в качестве культурно-индустриального блокчейна лекционные и научно-просветительские программы, реализующиеся на 35 тематических площадках, включая музеи в Анапе и на федеральной территории «Сириус» в двенадцати городах и посёлках четырёх регионов России. Большой популярностью у туристов пользуется программа «Винные дороги Боспорского царства». В целях реализации потенциала государственно-частного партнёрства к проекту привлечена авиакомпания Utair [3].

С военно-исторической точки зрения, и как ресурс патриотического воспитания подрастающих поколений, Юг России являет собой картину героических событий прошлого. Достаточно назвать такие эпохальные события в истории России, как Крымская война, Гражданская война, Великая Отечественная война.

Как справедливо отмечается в современной научной литературе, культурное пространство представляет собой пространство аксиологических оснований человеческого бытия [11]. При этом следует иметь в виду, что именно единство культурного пространства макро-регионов и регионов России образует основание для общероссийской культурной идентичности. А национальная культурная идентичность выступает в качестве важнейшего фактора национальной безопасности России в современных условиях мирового развития (см.: [7] [12]). «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» от 29 февраля 2016 г. отмечает наряду с этим и имеющиеся риски «для сохранения единства культурного пространства» [10].

Важнейшим направлением реализации государственной культурной политики на Юге России, развития единого культурного пространства на основе взаимообогащения региональных и этнокультурных особенностей жизни и творчества местного населения, а также значимым драйвером развития региональных экономик субъектов Российской Федерации является культурный туризм [1]. Культурный туризм позволяет создавать эффективную инфраструктуру для сопровождения и поддержки туристских программ, включая гостиничную индустрию, развитие традиционных народных промыслов, цифровых музейных, геймерских и анимационных программ; развивать брендинг территорий, превращая их в привлекательные инвестиционные площадки и арт-кластеры современных культурных индустрий [9].

В условиях разноуровневости развития регионов Юга России важнейшим средством поддержания единства культурного пространства, позволяющим соединить задачи актуализации и ревитализации памятников культурного и природного наследия, социокультурной рекреации и познавательно-просветительских задач межэтнических коммуникативных практик с учётом задач использования природных, исторических и человеческих ресурсов регионов с целью всестороннего развития территорий, является культурный туризм. Президент Российской Федерации В. В. Путин во время совещания в Дагестане по развитию туризма 28 июня 2023 г. отметил, что для «эффективного развития туристической

сферы у России всё есть... — это огромный исторический, культурный, природный, рекреационный потенциал» [8].

Культурный туризм является важным структурным элементом современных культурных индустрий Юга России, драйвером их развития, как и коммодификации региональных природных, человеческих, культурно-исторических ресурсов, привлекательной локацией для проведения различных массовых культурных мероприятий и фестивалей при сравнительно быстрой окупаемости инвестиций в эту сферу культурной политики [4].

В настоящее время доминирующее положение в нём занимает эмоционально-познавательная модель, в которой знакомство с культурой других народов и регионов ярко аранжировано эмоциональным контекстом, который позволяет прочувствовать всю глубину разнообразия природных достопримечательностей, памятников истории и культуры, повседневных и праздничных моделей образа жизни многочисленных народов, населяющих Юг России. В комплексе ознакомления с народными ремеслами и народным искусством, этнокультурными обычаями и ценностями, культурой традиционной кухни человек получает весь спектр эмоциональных впечатлений, которые формируют в его сознании чувство сопричастности к великому прошлому и настоящему российской цивилизации.

Современные этнокультурные комплексы, организующие (наряду с выставочными комплексами, отражающими уклад жизни представляемого народа) event-мероприятия, воспроизводящие традиционные народные праздники, обряды и предлагающие широкий спектр активных развлечений и блюд этнической кухни, стали неотъемлемым элементом современной индустрии культурного туризма.

Можно назвать такие этнокультурные комплексы, как этнокомплекс «Атамань» на Таманском полуострове, этнический центр «Черкесский аул» в поселке Федосеево Анапского района Краснодарского края, культурно-туристический комплекс «Россия» в посёлке Абрау-Дюрсо под Новороссийском, где обустроена концертная зона на 1500 посадочных мест, различные интерактивные площадки «Весёлая ферма», костюмированная фотозона, ресторан и дегустационный зал знаменитых шампанских вин и т. п. На территории Сочи близ курорта «Роза Хутор» на Красной поляне построен этнокультурный комплекс «Моя Россия», в котором представлены характерные для одиннадцати регионов России постройки и бытовые предметы, гости могут попробовать традицион-

---

ные для представленных регионов блюда, проводятся анимационные мероприятия.

В Крыму в рамках развития частного социального предпринимательства в сфере культуры успешно функционирует частный культурно-туристский комплекс в районе древней столицы Крымского ханства Бахчисарая «Дом семьи Дервиш» (Dervish-Evi), посвящённый быту крымских татар. В комплексе представлены музейные экспонаты, отражающие историю быта крымскотатарского народа, функционируют мастерская медника, магазин сувенирной продукции. В частном этноцентре «Славянская деревня», расположенном в селе Красный Мак Бахчисарайского района представлены предметы быта белорусского, русского и украинского народов, экспонируемые в подлинных домах XIX века, привезённых в Крым из мест их первоначальной постройки. Объекты отражают особенности традиционной архитектуры трёх восточнославянских народов.

Известны этнокультурные комплексы в Ставропольском крае — «Казачье подворье» в Предгорном районе и «Центр традиционной русской культуры казаков-некрасовцев и духовных христиан-молокан» в Левокумском районе.

В Чеченской Республике созданы этнокультурные музейные комплексы, воспроизводящие многообразную жизнь чеченских аулов XVIII века — аул «Шира-котар» («Старый хутор»), частный этнокультурный комплекс «Донди-Юрт» (в городе Урус-Мартане), недавно открытый этнокультурный комплекс «Шира Бена-Юрт»; в Ингушетии — этнографический комплекс в Магасе.

Таких примеров продуманной и перспективной организации культурно-досуговых просветительских центров можно привести много. Важно отметить, что цифровизация и геймофикация культурно-туристических программ позволяет значительно расширить охват потенциальных целевых аудиторий, оживить картины прошлого в визуальном формате цифровых ресурсов и сделать их привлекательными для людей различных возрастов и профессий, доступными для понимания современными участниками туристских программ.

Современные тенденции развития индустрии культурного туризма с привлечением новейших информационных технологий позволяют превратить туристские проекты в регионах Юга России в драйверы социально-экономического и социально-культурного развития, в центры привлечения инвестиций, укрепляющие и развивающие единое куль-

турное пространство России и российскую культурную идентичность на традиционных, отрефлексированных в процессах исторического развития цивилизационных основаниях российской полиэтнической и поликонфессиональной цивилизации.

Все сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Юг России как макрорегион в российском социокультурном пространстве обладает конкурентной совокупностью памятников природного и культурного наследия, развивающейся курортной сферы и экологического чистого агропроизводства, позволяющей реализовывать в сфере индустрии культурного туризма задачи историко-патриотического воспитания и рекреации.

2. Реализация базовых положений государственной культурной политики на макрорегиональном уровне в современных условиях призвана опираться на доминантные социокультурные ресурсные основания регионов, создающих интегрирующие в макрорегиональном пространстве и дифференцирующие в общероссийском социокультурном пространстве признаки.

3. Макрорегион Юг России является инвестиционно привлекательным для ревитализации объектов культурного и природного наследия и модернизации субъектов Российской Федерации.

Литература

1. Булыгина И. И. Роль туризма в реализации стратегии государственной культурной политики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — № 3. — С. 29–34.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / Пер. с англ. Н. В. Тюкиной; вступ. ст. и прил. Г. М. Дерлугьяна. — Изд. 2-е, испр. — М. : URSS: Ленанд, 2017. — 299 с.
3. Золотое кольцо Боспорского царства. Региональные проекты РГО // Русское географическое общество [Сайт]. — URL : <https://www.rgo.ru/ru/article/zolotoe-kolco-bosporskogo-carstva-v-2022-godu-posetili-bol-ee-15-mln-chelovek> (дата обращения: 10.07.2023).
4. Кольба А. И. Разработка и реализация государственной политики в сфере культуры и туризма в контексте национальных приоритетов развития России. Текст: электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2020. — № 02. — С. 137–145.
5. Крюкова О. С. Региональная культурная политика в РФ: проблемы и перспективы // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегод-

- ник. — Вып. 14. — М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. — Ч. 2. — С. 544–545.
6. *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах : Сравнительное исследование / Пер. с англ. Б. И. Макаренко, науч. ред. пер. А. М. Салмин, Г. В. Каменская. — М. : Аспект-пресс, 1997. — 286 с.
  7. *Серегина Т. Н.* Феномен идентичности и культурная политика современной России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2016. — Т. 5. — № 6А. — С. 248–258.
  8. Совещание по вопросам развития туризма // Президент России [Сайт]. — URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71547/> (дата обращения: 10.07.2023).
  9. *Старцева А. С.* Культурный брендинг имиджа российских регионов: традиции и новации : автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. — М., 2015. — 24 с.
  10. Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года от 29.02.2016 г. // Правительство России [Сайт]. — URL : <http://static.government.ru/> (дата обращения: 10.07.2023).
  11. *Трипузов М. З.* К вопросу изучения феномена культурного пространства в зеркале культурологического анализа // Культура и цивилизация. — 2019. — Т. 9. — № 2А. — С. 133–140.
  12. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 1. — Ч. II. — Ст. 212.

Irina I. GORLOVA,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, ii.gorlova@gmail.com.

Cultural Policy in the South of Russia: Directions and Practices

The article examines the main trends in modernization and digitalization aimed at the renovation of cultural institutions, support and development of cultural industries in the South of Russia. The practices of state cultural policy are analyzed as an important factor in the strengthening and development of a single all-Russian cultural space. The south of Russia is one of the centers of civilizational development of the cultural space of Russia in the past and present, where ancient trade routes, geopolitical and geocultural interests intersect, and the uniqueness of the life patterns of the ethnocultural communities

that make up the Russian multinational people is revealed. Therefore, along with the development of museums, folk arts and crafts, educational programs, a priority place in the implementation of state cultural policy is given to cultural tourism. Cultural tourism is, within the framework of state cultural policy, a significant area of knowledge of history and culture and strengthening the friendship of the peoples of Russia, an important direction for the development of its multi-ethnic culture on the basis of strengthening fraternal relations and mutually recognized values of existence.

Keywords: *South of Russia, state cultural policy, macroregion, public cultural space, cultural tourism, Dervish family house, Slavic village, Cossack farmstead, Shirakotar, Shira Bena-Yurt, ethnographic complex in Magas.*

А. Л. Зорин*

Русская философская мысль XIX–XX веков в поисках цивилизационной идентичности России**

В статье проанализированы концепции славянофилов и евразийцев как наиболее ярких и оригинальных представителей отечественной философской мысли, касающиеся специфики цивилизационной идентичности России и сохранения самобытности её культуры, которые являются важными для дальнейшего укрепления общероссийского гражданского самосознания и национального единства, а также обретения политического и культурного суверенитета. Особое внимание уделено трактовке российскими философами отношений с Европой, которая на протяжении веков стремилась осуществлять экспансию на Восток с целью политического, экономического и культурного порабощения народов, населяющих Россию. Представлены оригинальные подходы к проблемам взаимоотношения Российского государства и гражданского общества, которые призваны способствовать укреплению внутреннего единства страны.

Ключевые слова: российская цивилизация, славянофилы, евразийцы, культурно-исторический тип, политический и культурный суверенитет, национальная самобытность, общероссийская гражданская идентичность.

---

* ЗОРИН Александр Львович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, azor115@rambler.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности», номер государственной регистрации: 121021500263-9.

В современной России до сих пор ещё остаётся актуальным поиск общенациональной идеи, которая бы объединяла народ в единое целое, давая возможность противостоять как внутренним, так и внешним угрозам национальной безопасности. Большое значение в этой связи приобретает использование культурного наследия народов России и русской философии в частности, в рамках которой были созданы концептуальные подходы и учения, имеющие непреходящее значение для сохранения национальной культурной матрицы, позволяющей народу идентифицировать себя как некую самостоятельную и неповторимую общность, определить своё место во всемирно-историческом процессе, осознать смысл своего существования и своё предназначение. Цель данной статьи — представить основные теоретические изыскания отечественных философов по вышеуказанным проблемам и выяснить, какие именно сформулированные ими идеи являются особенно востребованными в эпоху резкого обострения геополитического конфликта с Западом, постепенно перерастающего в прямое военное столкновение на Украине.

Чтобы лучше понять пафос и идейные споры между ведущими русскими философами XIX — начала XX вв., начнём с небольшого исторического экскурса. Создание национального государства, явившееся следствием объединительной деятельности московских государей в XIV–XVI вв., потребовало идеологического обоснования исторической миссии России в мировом историческом процессе и определения её политических задач на отдалённую перспективу. В XVI веке эту роль выполняла историософская доктрина игумена псковского Елизарова монастыря Филофея, который в послании великому князю Василию III писал, что «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [3, с. 30], тем самым утверждая, что Москва является наследницей двух великих империй (Римской и Византийской) и вправе претендовать на ведущую роль в мировой истории и европейской политике. При этом уже в XVI веке у некоторых представителей правящей элиты России возникает вопрос о возможности и эффективности применения европейских методов управления и государственного строительства на российской почве, что нашло своё отражение в переписке царя Ивана Грозного с бежавшим по политическим мотивам в Литву князем Андреем Курбским. В более широком плане в указанной переписке речь шла о прояснении цивилизационной самобытности России. Пётр I, ярый противник русской старины, всеми силами стремился европеизировать управляемое им государство путём проведения радикальных реформ.

Но, действуя зачастую варварскими методами, он порой достигал эффекта, противоположного тому, на который надеялся. Во многом поверхностная европеизация произошла в правящем слое общества, в то время как широкие народные массы продолжали жить по старым канонам и обычаям.

Отечественная война 1812 года, закончившаяся полным изгнанием армии Наполеона из России и заграничным походом русских войск, позволившим прежде всего представителям дворянства воочию познакомиться с реалиями жизни в Европе, дала мощный толчок к размышлениям о русской истории и месте России в мировом историческом процессе. И первым, кто серьёзно стал рассуждать об исторической судьбе России и её предназначении, был П. Я. Чаадаев. Он исходил из того, что «мир искони делился на две части — Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода» [7, с. 153]. Россия, по мнению русского мыслителя, прежде всего в лице своих правителей постоянно стремилась вписаться в западную цивилизацию, основанную на идеях «долга, справедливости, права, порядка». Но мало в этом преуспела, «ограничиваясь лишь слепым, поверхностным и часто неискусным подражанием» [7, с. 45]. С другой стороны, будучи отвергаемыми Западом, «тем не менее мы никогда не принадлежали к Востоку. У Востока — своя история, не имеющая ничего общего с нашей» [7, с. 154]. Таким образом, Чаадаев после долгих размышлений одним из первых пришёл к выводу о том, что Россия — это отдельная цивилизация, находящаяся между Востоком и Западом, имеющая собственное религиозное начало (православие) и собственный путь развития. И мыслитель пророчил ей «великое будущее» в силу «особенных свойств русского народа».

Мысль о собственных духовных основах российской цивилизации, опираясь на творчество Чаадаева, продолжили развивать славянофилы (К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков). Они высоко ценили национальные особенности русской культуры, основанные на православной религии, пришедшей из Византии. Принципу индивидуализма как доминирующему началу социальной жизни, превозносимому западными философами, они противопоставляли принцип соборности как основополагающую основу общественного

устройства в России. С особой силой выраженную мысль о необходимости самостоятельного пути развития для русского народа мы находим в книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», которая была написана под впечатлением событий Крымской войны. В своей работе автор подчёркивает неумное стремление европейских держав к доминированию, оправдываемое якобы постоянной агрессивностью России, являющейся тёмной и мрачной силой, гасительницей света и свободы. Данилевский же, напротив, утверждает, что «Россия не честолюбивая, не завоевательная держава», что «в новейший период своей истории она большей частью жертвовала своими очевиднейшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейским интересам» [1, с. 44] и выступала «не как самобытный организм», а как «служебная сила». Автор книги однозначно отрицает европоцентристскую концепцию универсального прогресса, во главе которого стоят западные страны, и противопоставляет ей теорию культурно-исторических типов, которые представляют собой не сводимые друг к другу цивилизации. «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью» [1, с. 91]. Тем самым Данилевский выдвигает идею политического суверенитета российского государства и его право на поиск собственных путей развития. В этой связи мыслитель резко критикует российское западничество, которое отмеривает России «жалкую и ничтожную историческую роль подражателей Европы и тем самым лишает нас надежды на самобытное культурное значение, т. е. на великую историческую будущность» [1, с. 469].

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшие за ней события вновь актуализировали проблему поиска Россией собственного исторического пути. И решить эту проблему поставили своей задачей создатели евразийства, основными представителями которого можно считать Г. В. Флоровского, П. Н. Савицкого, Л. П. Карсавина, С. Н. Трубецкого. С их точки зрения, и западничество, и славянофильство явили свою односторонность, что настоятельно требовало поиска новых подходов. В основу своей концепции евразийцы положили высказанную Ф. М. Достоевским в «Дневнике писателя» мысль о том, что «Россия не в одной только Европе, но и в Азии», что «русский не только европеец, но и азиат», и, более того, что «в Азии может быть еще больше наших надежд, чем в Европе» [2, с. 33]. Исходя из этого, евразийцы стремились

предложить иное географическое и историческое понимание России, для чего ввели новое географическое понятие «Евразия», помимо Европы и Азии. На этой основе они утверждали, что земли России «не распадаются между двумя материками, но составляют, скорее, некоторый третий и самостоятельный материк» [5, с. 217], который подразумевает не только географическое, но культурное содержание. Оно указывает на то, что в культурное бытие России вошли элементы самых различных культур. Здесь ощущается влияние Запада и Востока, а также Юга, который предстаёт преимущественно в образе византийской культуры. Вслед за Данилевским евразийцы являлись сторонниками отрицания теории «универсального прогресса». С их точки зрения, социальная жизнь столь многолика и разнопланова, что не может быть какого-то общего совершенствования. Поэтому всякая культура (культурная среда), совершенствуясь в одном или с одной точки зрения, в то же время испытывает упадок в другом или с другой точки зрения. Это, в частности, относится к европейской культуре, которая, показывая своё научное и технологическое превосходство, одновременно являет религиозное и нравственное оскудение. Стало быть, Запад не может выступать в роли ментора, указывающего другим цивилизациям, кому и в каком направлении развиваться.

В этой связи Н. С. Трубецкой подчёркивает, что историческая миссия России — «освобождение мира от власти романо-германских хищников». И реализация этой задачи возможна «лишь при том условии, если в сознании всего русского общества произойдет резкий перелом в сторону духовного отмежевания себя от Европы, утверждение своей национальной самобытности; стремления к самобытной национальной культуре и отвержения европейской культуры... Если же этого не произойдет, Россию ждет бесславная и окончательная гибель» [6, с. 55]. При этом философ не отрицал для России плодотворность «экономического западничества», т. е. осуществления заимствований некоторых эффективных западных моделей экономической деятельности и технологий. Однако относительно западной «космополитической культуры», по его мнению, никакой компромисс не допустим. «Освободив свое мышление и мироощущение от давящих его западных шор, мы должны внутри себя, в сокровищнице национальной русской духовной стихии, черпать элементы для создания нового мировоззрения. В этом духе мы должны воспитывать и подрастающее поколение» [6, с. 57].

Согласно евразийцам, государство «должно быть *идеократическим*», то есть обладать особой властью. Именно это утверждение вызывает особую критику и неприязнь либералов, заявляющих, что государство такого типа полностью подавляет права и свободы граждан и лишает их возможности осуществления творческой деятельности. Но так ли его понимают сами евразийцы? Вот что пишет по этому поводу Л. П. Карсавин: «Ошибочно всякое обоготворение государства и всякое признание его последней целью культурного развития и бытия», из этого следует, что «государство по отношению к культуре вторично» [4, с. 191]. Однако в то же время оно «направляет развитие культуры», является координатором и объединителем других сфер общественной жизни, чему служит проводимая им «единая культурно-государственная идеология» — именно то, чего так не хватает всё ещё в социально-политической жизни России и против чего занимают непримиримую позицию либералы.

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что в эпоху резкого обострения конфронтации с Западом в борьбе за освобождение Украины от нацизма проанализированные нами концепции славянофилов и евразийцев приобретают снова актуальность. Прежде всего, они дают возможность глубже понять истоки лицемерной и двуличной позиции элит западных стран по вопросам взаимодействия с Россией. Опыт показывает, что ни к какому равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству Запад с Российской Федерацией не готов: последняя ему нужна лишь в виде сырьевого придатка и неисчерпаемого источника ресурсов. Западные международные институты, занимающиеся защитой прав человека, почти не интересуются, что происходит у себя дома, но всегда готовы вмешиваться во внутренние дела других стран под благовидным предлогом. Особо следует сказать о западных ценностях, которые давно утратили общечеловеческий характер и служат продвижению интересов определённых политических групп. Западная культура всё больше удаляется от своих христианских корней и становится богоборческой. Всё это говорит о том, что усиливаться будет не только военное, но и культурно-идеологическое противостояние. И Россия в этом противостоянии должна отстоять свой политический и культурный суверенитет, а также сохранить свой цивилизационный код, который будет способствовать упрочению гражданско-государственной идентичности россиян и поддерживать единство в их рядах, столь необходимое, чтобы одержать победу в СВО.

Литература

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост., послесл. и коммент. С. А. Вайгачева. — М. : Книга, 1991. — 574 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30-ти т. — Л. : Наука, 1984. — Т. 27. — 518 с.
3. Из истории русской гуманистической мысли / Сост. А. Ф. Малышевский, науч. ред. А. И. Ракитова. — М. : Просвещение, 1993. — 288 с.
4. Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн : Антология. — М. : Наука, 1993. — С. 174–216.
5. Савицкий П. Н. Евразийство // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья : в 2-х т. — М. : Искусство, 1994. — Т. 1. — С. 215–233.
6. Трубецкой Н. С. Русская проблема // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн : Антология. — М. : Наука, 1993. — С. 48–58.
7. Чаадаев П. Я. Статьи и письма / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. — 2-е изд., доп. — М. : Современник, 1989. — 623 с.

Alexander L. ZORIN,

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Leading Researcher,
Department for the Heritage Studies and Expert Activities,
Southern Branch, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, azor115@rambler.ru.

Russian Philosophical Thought of the XIX–XX Centuries in Search of the Civilization Identity of Russia

The article analyzes the concepts of Slavophiles and Eurasians as the brightest and most original representatives of Russian philosophical thought, concerning the specifics of the civilizational identity of Russia and the preservation of the identity of its culture, which are important for further strengthening of the all-Russian civic consciousness and national unity, as well as the acquisition of political and cultural sovereignty. Special attention is paid to the interpretation by Russian philosophers of relations with Europe, which for centuries has sought to expand to the East with the aim of political, economic and cultural enslavement of the peoples inhabiting Russia. The article presents original approaches to the problems of the relationship between the Russian state and civil society, which are designed to strengthen the internal unity of the country.

Keywords: Russian civilization, Slavophiles, Eurasians, cultural and historical type, political and cultural sovereignty, national identity, all-Russian civil identity.

В. А. Ливцов*

Движение добровольных помощников-реставраторов: ВООПИиК как предтеча волонтерского движения в сфере сохранения историко-культурного наследия в России

В статье исследована природа волонтерского движения в сфере сохранения наследия в СССР и современной России. Обращение к опыту формирования памятникоохранительных добровольческих практик в 1960–1980-е гг. позволяет создать целостную картину становления и развития добровольческой деятельности в данной сфере, что является необходимой базой для воспитания новых поколений молодых волонтеров, заботящихся о сохранении самоидентичности России, а также для совершенствования управления волонтерскими сообществами. Статья написана на основе архивных данных, воспоминаний участников добровольческих движений, исследовательской литературы.

Ключевые слова: помощники реставраторов, добровольчество, волонтерское движение, историко-культурное наследие, охрана памятников, ВООПИиК, исторический опыт.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения природы волонтерского движения в сфере сохранения культурного наследия в России и потребностью в совершенствовании управления сообществами волонтеров. Специфика реставрационного волонтерского движения предопределена особенностями общностных и деятельностных характеристик данного феномена, множественностью управленческих структур, затрагивающих интересы участников волонтерской деятельности и регулирующих данную сферу, на федеральном и локальном уровнях. Осмысление уникального опыта формирования и последующей трансформации добровольческих подразделений в 1960–1980-е гг., связанных с восстановлением историко-культурного наследия, позволяет создать целостную картину становления и развития волонтерских реставрационных структур, способствовать подготовке новых поколений волонтеров в целях сохранения памятников культуры России.

---

* ЛИВЦОВ Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель председателя ВООПИиК, Орёл, Россия, livcov@orel.ganepa.ru.

В 1960-е гг. общественность в центре и на периферии начала собирать информацию о положении памятников, что способствовало их сохранению. Благодаря этому были, в частности, спасены 110 деревянных часовен Карелии, уже предназначенные к сносу.

Среди активистов, которые ратовали за сохранение наследия, был ректор МГУ академик И. Г. Петровский. В своем вузе он поощрял студенческое движение в защиту памятников. Так, студенты МГУ выезжали в Подмосковье, где спасали от разрушения мемориальные усадьбы. Иван Георгиевич в 1960–1965 гг. неоднократно «зондировал почву» в ЦК КПСС о возможности создания общественной организации в сфере сохранения памятников, но получал отказ.

В апреле 1964 г. по студенческой Москве прокатилась волна вечеров, посвящённых охране памятников истории и культуры, вызванная сносом старой застройки. Интерес молодёжи к объектам культуры способствовал открытию клубов «Родина» в Москве и «Россия» в Ленинграде, появлению самодеятельных организаций, проводивших работу среди студентов и учащихся. В Москве базой молодёжного клуба «Родина» стало Крутицкое подворье, где в 1965 г. под руководством реставратора П. Д. Барановского шла работа по разборке завалов и стали проводиться реставрационные работы.

С середины 1960-х гг. начинается новый этап в развитии добровольных форм участия населения в деле сохранения историко-культурного наследия под эгидой новой массовой общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИиК) [4, л. 110.]. Тогда в идеологический отдел ЦК КПСС обратились видные деятели культуры: В. А. Десятников, М. П. Кудрявцев, П. Д. Барановский, Л. И. Антропов с предложением создать в РСФСР добровольное общество охраны памятников, по образцу уже существующих в других союзных республиках СССР. В. А. Десятников написал письмо и министру культуры Е. А. Фурцевой. Вскоре новая общественная структура была образована под лозунгом выполнения ленинского указания о «возможно полном ознакомлении широких масс населения с сокровищами искусства и старины» [5, л. 9]. К концу 1960-х гг. ВООПИиК объединяло уже около 1 млн 700 тыс. членов [6, л. 116].

Одной из действенных и практических форм помощи в сохранении памятников истории и культуры стало шефство над ними. Наиболее распространённой формой такого шефства явилось прикрепление первичной организации (предприятия, учреждения, совхозов, колхозов,

школ и других учебных заведений) к принятым под охрану памятникам [7, л. 10]. Отчёты областных отделений ВООПИиК свидетельствовали, что «нет почти ни одного района, где бы первичные организации не шефствовали над могилами бойцов, защищавших Советскую страну в 1918–1921 гг., или над памятниками жертвам кулацких расправ над сельскими активистами 1930-х гг., или могилами героев Великой Отечественной войны» [3, л. 6].

Ещё одной из добровольных практик Общества была организация лекторских и экскурсионных групп, объединяющих ветеранов труда, войны и революции. Они читали лекции, проводили экскурсии, делились воспоминаниями, рассказывали о событиях, которым были посвящены установленные в регионах монументы. Особенно активны были Советы ВООПИиК Куйбышевской и Курской областей, разработавшие маршруты похода молодёжи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа [7, л. 5].

Важным направлением в общественной деятельности стали реставрационные работы, в ходе проведения которых сформировались добровольческие реставрационно-строительные отряды. В 1967 г. по инициативе первичной организации ВООПИиК физического факультета Московского государственного университета, был организован первый реставрационно-строительный отряд из студентов МГУ (60 человек), который выехал на Соловецкий архипелаг для проведения там противоаварийных работ на памятниках архитектуры [7, л. 11]. По свидетельству современников, «желающих было так много, что в отряд принимали только тех, кто прошел целинную школу и приобрел квалификации шоферов, бульдозеристов, плотников и каменщиков». Помимо самих реставрационных работ, студенты были задействованы на строительстве объектов инфраструктуры: дорог, аэродрома, линий связи на Соловках. Добровольцы также вели просветительскую работу среди населения, рассказывая о значении памятников русского зодчества. Это начинание поддержали ЦК ВЛКСМ, Центральный совет (ЦС) ВООПИиК, Министерство культуры РСФСР.

В соответствии с решением ЦС ВООПИиК от 11 сентября 1967 г. молодёжная секция ЦС совместно с Московским городским комитетом (МГК) ВЛКСМ организовала из числа студентов московских вузов семь молодёжных реставрационно-строительных отрядов [8, л. 13].

В 1968 г. по согласованию с управлением культуры Смоленского облисполкома и Смоленской научно-реставрационной производствен-

ной мастерской Президиум ЦС ВООПИиК и МГК ВЛКСМ организовали молодёжный реставрационно-строительный отряд из студентов исторического факультета МГУ в количестве 30 человек для работы в Смоленской области (Вязьма, совхоз «Хмельницкий») на реставрации памятника архитектуры-усадьбы Грибоедовых [8, л. 10]. В связи с тем что в отряде студентов не было плотников и кровельщиков, Президиум ЦС ВООПИиК обратился с просьбой к Государственному комитету Совета Министров РСФСР по профессионально-техническому образованию о выделении в состав отряда двух плотников и двух кровельщиков — выпускников одного из строительных профессионально-технических училищ. Срок работы добровольцев отряда составлял 50 дней (июль — август).

Смоленская реставрационная мастерская компенсировала организационные расходы, связанные с командированием отряда, решила вопросы с размещением и питанием студентов. Кроме того, специалисты-архитекторы Смоленской научно-реставрационной мастерской предложили зачесть выпускникам профтехучилища выполняемые ими плотницкие и кровельные работы в качестве производственной практики.

Опыт работы реставрационно-строительных отрядов столичной студенческой молодёжи сыграл большую роль в организации подобных отрядов в регионах страны. Президиум ЦС ВООПИиК неоднократно обсуждал итоги работы этих отрядов и рекомендовал местным отделениям Общества оказывать помощь комсомольским органам и органам культуры в создании отрядов и привлечении их к ремонту, консервации и реставрации памятников истории и культуры.

Начиная с 1969 г. Министерство культуры стало основным заказчиком работ для студенческих реставрационных отрядов. Центральный штаб ЦК ВЛКСМ распространил на реставрационно-строительные отряды положение, которое действовало для студенческих строительных отрядов, тем самым инициатива ВООПИиК получила полное признание.

Знакомство с материалами о работе реставрационно-строительных отрядов в тот период позволяет говорить о значительных трудностях, возникавших в организации и обеспечении деятельности добровольцев на местах. Так, подавляющее большинство реставрационных мастерских были не готовы принять отряды: не хватало строительного инструмента, строительных материалов, возникали трудности в организации ночлега и питания, а также проблемы с возмещением стоимости железнодорожного проезда [11, с. 17].

Определённое место в деятельности отрядов занимала работа по созданию новых памятников на местах боевой и трудовой славы советского народа. Так, летом 1970 г. силами реставрационно-строительного отряда «Север», работавшего в Мурманской области, был сооружён памятник воинам Советской Армии, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Постепенно определились традиционные объекты студенческих реставрационных работ: Успенский собор в Ошевенске Архангельской области, Пафнугьево-Боровский монастырь в Калужской области, архитектурные памятники X–XI вв. в Архызе Ставропольского края, Троицкий собор и дом-усадебя Вульфов в Калининской области, архитектурные памятники Суздаля Владимирской области, торговые ряды в Костромской области, музей-заповедник «Кижи» в Карельской АССР, Ростовский кремль в городе Ростов Великий Ярославской области.

Многие первичные организации ВООПИиК высших учебных заведений участвовали в археологических раскопках и этнографических экспедициях.

В 1969 г. ВООПИиК организовало десятидневную экспедицию, которой руководил член Президиума ЦС П. П. Ревякин. В ней участвовали историки, археологи, архитекторы, художники, писатели, музейные работники. Экспедиция проехала по двадцати двум городам вокруг Москвы, обследовала наиболее интересные для показа градостроительные комплексы и архитектурные ансамбли будущего экскурсионного маршрута «Золотое кольцо России». Выяснялись ситуация с их благоустройством, наличие и качество гостиниц, сетей общественного питания, а также техническое состояние объектов и т. д. Особое внимание было уделено оценке состояния музеев и памятников, вопросам их музеефикации. Члены экспедиции встречались с руководителями местных органов власти, интересовались их предложениями.

Затем секция архитектуры ЦС ВООПИиК провела конференцию в Ярославле «Памятники Северо-Восточной Руси» [10, с. 41]. Основной доклад председателя секции архитектуры П. П. Ревякина вызвал интерес как новизной идеи, так и предложенными совместными практическими мероприятиями ЦС ВООПИиК и государства по реставрации памятников и развитию народного искусства.

На рубеже 1970–1980-х гг. на смену студенческим строительно-реставрационным отрядам, формируемым по принципу принадлежности к определённому студенческому сообществу, пришли выездные

реставрационные отряды общественности, специализировавшиеся на сохранении и восстановлении памятников Русского Севера.

В 1970 г. началось обследование Севера европейской части СССР по программе подготовки Свода памятников народов РСФСР, которое взяло на себя ВООПИиК. Эту работу возглавили А. Г. Шабельников и М. П. Кудрявцев вместе с активом Архитектурного института. Но к концу 1970-х гг. эта деятельность начала свёртываться, хотя в секции образовался актив из более чем 30 специалистов из Карелии, Архангельской и Вологодской областей.

В связи с нехваткой специалистов важную роль продолжали выполнять студенческие реставрационные отряды, работавшие на крупных ансамблях и на отдельных древних памятниках.

В ноябре 1971 г. в Москве на Крутицком подворье под руководством П. Д. Барановского была организована Общественная комиссия по шефству над памятниками истории и культуры. Это положило начало московскому регулярному массовому шефскому движению. Пётр Дмитриевич Барановский был среди организаторов и руководителей первых научных и производственных учреждений охраны и реставрации памятников, создаваемых в стране. При его участии разработаны основополагающие документы в области выявления, учёта и сохранения памятников истории и культуры, по его инициативе в Москве родилось движение по добровольной помощи в восстановлении памятников отечественной истории и культуры. Под его руководством выполнена реставрация более ста памятников различных эпох, школ и стилей, среди которых всемирно-исторические шедевры: Крутицкое подворье, церковь Одигитрии, постройки Болдинского монастыря на Смоленщине, церковь Параскевы-Пятницы в Чернигове, памятники Ярославля и Русского Севера. Этот человек всей своей жизнью являл пример высокого гражданского служения Отечеству [13, с. 166].

Главным консультантом отрядов в ВООПИиК была председатель реставрационной комиссии секции архитектуры, кандидат архитектуры Г. В. Алферова, много лет руководившая отрядом на Кий-острове в Архангельской области [9, с. 95].

Отличием выездных реставрационных отрядов общественности от студенческих отрядов являлся щадящий режим работы: практиковались три недели труда и обязательно одна неделя отдыха, что в совокупности с разнообразной и глубокой культурной программой в заповедных местах России (Соловки, Валаам) создавало новую форму общественной

досуговой занятости населения. Например, отряд под руководством Евгения Морозова и Константина Козлова один сезон работал в Белозерске, второй сезон — в Переяславле. Желющие работать в выездном отряде участвовали в раскопках в Андрониковом монастыре.

Общее руководство сектором выездных отрядов по шефству над памятниками истории и культуры Московского городского отделения (МГО) ВООПИиК осуществлял В. А. Птицын. В своих воспоминаниях он так описывает качественно новый состав участников добровольного реставрационного движения с ярким стремлением к самовыражению, желанием найти себя: «На острове Валаам летом 1985 г. появились интересные группы людей: они работали на реставрации памятников отечественной истории и культуры, имея в кармане справку об отпуске, в то же время не были ни шабашниками, ни представителями студенческих отрядов. Разные слухи ходили перед их приездом, но главной темой было: “Им деньги не нужны”». Основание же говорить о принципиальной новизне групп отпускников даёт, прежде всего, развитие в отрядах принципа безвозмездного труда на памятниках истории и культуры. На московских трудовых встречах этот принцип реализовывался в форме субботников и воскресников.

Для членов выездных отрядов развитие традиций личного бескорыстия потребовало новых решений. Основой их явилась идея практического воплощения неразрывного единства прошлого и будущего. Учитывая, что отряды рождались в год 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, московские энтузиасты из архангельского и валаамского отрядов приняли решение перевести всю разницу между заработанными средствами и затратами на проезд и питание на счёт строившегося тогда Мемориала Победы на Поклонной горе в Москве.

В. А. Птицын обращал внимание на разнообразный состав отрядов: «люди в возрасте от 16 до 65 лет: и студенты, и доценты тех же вузов, рабочие и инженеры, объединенные непреодолимой потребностью практических действий на ниве красоты и культуры» [14, с. 165].

В 1980-х гг. движение добровольных помощников реставраторов под эгидой шефской секции МГО ВООПИиК приобрело большие масштабы. Реставрационные отряды трудились на памятниках Царицыно, Симонова монастыря, отличались мобильностью молодые отряды «Дома Пластова» (под руководством С. В. Гераскина).

В своих воспоминаниях участник добровольческого движения С. Ю. Чусов так описал происходившие тогда события: «Люди самых

разных возрастов и профессий приходили в свое свободное время, в выходные дни, чтобы помочь реставраторам в восстановлении наших памятников истории и культуры. В 1986 г. это мощное движение затянуло и меня... В Царицыно реставрационные работы велись уже давно, и там существовал свой отряд... Все приходившие записывались в ведомость, для контроля посещаемости. За каждое посещение выдавался памятный талончик, а за 5, 25 и 50 выходов — давались значки “активист шефской секции” разной степени. Раз в месяц руководители на заседании шефской секции отчитывались о проделанной работе на объекте. После работ, которые продолжались 2–3 часа, устраивалось чаепитие, на которое шефская секция выделяла 3 рубля в месяц, и культурная программа — экскурсия по памятнику, беседа с архитекторами и т. п. От реставраторов добровольцев встречал, озадачивал и организовывал выделенный человек. В Царицыне руководителем отряда был местный старожил, физик из города Троицка Алексей Григорьевич Олейник. ...В нашу задачу входила перегрузка его (кирпича) на тележки или носилки и транспортировка его к Малому дворцу, а там снова укладка в штабеля или занос внутрь. Учитывая, что обычно народу приходило много, один раз даже 300 человек было, а так обычно 20–50 человек (это достигалось тем, что приходили целыми коллективами, например, школьники классами с учителями), выстраивали цепочку и передавали кирпич из рук в руки, что облегчало дело... Кстати, тут надо отметить, что добровольцы в те времена делились на две категории. Одни закреплялись на каком-нибудь объекте и работали там постоянно, а другим нравилось расширять свой кругозор и каждый раз посещать новый объект» [16].

Летом 1983 г. секцией документальных памятников ВООПИиК с участием молодёжи были организованы археографические экспедиции по поиску и спасению древних рукописных и старопечатных книг.

Шефское движение в сфере сохранения историко-культурного наследия получило развитие в Москве и Московской области, Ленинграде, Владимире, Ярославле, Вологде, Воронеже, Горьком, Ельце, Казани, Калининграде, Калуге, Орле, Пензе, Ростове, Рязани, Свердловске, Тобольске, Томске, Туле, Чусовом и других городах.

В марте 1987 г. ЦС ВООПИиК организовал первое Всероссийское совещание шефских (волонтерских) объединений. Здесь было принято решение о создании Российского совета шефских объединений при ЦС ВООПИиК.

В 1987 г. после трансляции телепередачи «12 этаж», в которой прозвучал призыв оказать помощь сотрудникам музея «Коломенское», был создан отряд добровольцев. Помощь музею первоначально состояла в разборке фонда белокаменной резьбы, собранного П. Д. Барановским с разрушавшихся церквей Москвы. Затем добровольные помощники участвовали в реставрационных работах Павильона 1825 г. По итогам работы за год отряду было присвоено имя первого директора музея «Коломенское» Петра Дмитриевича Барановского. В 1988 г. комиссаром этого отряда стал Геннадий Салахетдинов, с именем которого была связана дальнейшая активизация деятельности отряда в Коломенском и Царицыно.

Московское городское отделение ВООПИиК активно рекрутировало в ряды своей Общественной инспекции активистов, получавших удостоверения инспекторов и патрулировавших территории объектов культурного наследия Москвы. Они фиксировали факты причинения ущерба памятникам архитектуры, истории и археологии в результате дорожного, жилищного, промышленного и дачного строительства, карьерных работ.

Стали практиковаться нерегулярные шефские работы во многих населённых пунктах. Ярким примером такой работы было восстановление церкви Михаила Архангела во Владимире учащимися СПТУ-15 под руководством председателя первичной организации ВООПИиК И. Б. Петрова. Он замыслил создание здесь выставочного зала и музея. Ребята выполняли не только подсобные, но и кровельные работы. Клуб смог получить статус любительского объединения со своим счётом. К ребятам приезжали поработать и поучиться московские школьники из товарищества шефских отрядов «ЛАД», имевшие опыт работы в Москве и Подмоскovie, в Архангельской области. Скоро Владимир стал местом притяжения волонтеров со всей России, и здесь открылась общественная межобластная школа реставрационного дела [2, с. 78].

В апреле 1988 г. ЦС ВООПИиК, Ярославское областное отделение ВООПИиК, Российский совет шефских объединений провели Второе российское совещание шефских объединений. В нём приняли участие представители из Москвы и Иркутска, Ленинграда и Тобольска, Владимира и Куйбышева, Орла и Пензы — всего от 22 городских и областных отделений ВООПИиК. Это совещание, хотя и оказалось менее представительным, но показало рост шефского движения. Оно уже не хотело ограничиваться неквалифицированными работами, а желало заниматься профессиональной подготовкой общественников, хотело участвовать

в решении проблем сохранения историко-культурного наследия. Движение получило значительное развитие в Москве и области, Ленинграде и области, Владимире, Ярославле, Вологде, Воронеже, Горьком. Ельце, Иркутске, Йошкар-Оле, Казани, Калининe, Калуге, Краснодаре, Куйбышеве, Орле, Пензе, Пскове, Ростове Великом, Рязани, Свердловске, Северодвинске, Тобольске, Томске, Туле, Чусовом, Юрьеве-Польском.

Петров на Втором всероссийском совещании был избран председателем Российского совета шефских товариществ.

Создание любительских реставрационных объединений с собственным счётом, а следовательно, и с дополнительными возможностями приобретения строительных материалов, инструментов, организации обучения реставрационным ремеслам стало характерной чертой тех лет. В таких объединениях труд добровольцев был лично безвозмездным, но все деньги, заработанные объединением, строго учитывались, переводились на общий счёт, а затем использовались на нужды движения.

В Северодвинске учащиеся СПТУ под руководством мастера А. И. Климова во время летней практики приступили к ремонту деревянной церкви. Заготавливая зимой элементы памятников, ребята летом смогли вести ремонтно-консервационные работы на «поточно-промышленной» основе.

В г. Чусовом Пермской области учащиеся и тренеры спортивной школы создали целую улицу из построек, ранее обречённых на гибель. Были восстановлены две часовни, в одной из которых располагался музей И. Т. Ермака, а в другой были собраны материалы по истории реки Чусовой, действующая сельская кузница, колодец с колодой из лиственницы, сельская лавка, два крестьянских дома, в одном из которых были собраны экспонаты крестьянского быта, а в другом — археологические находки с р. Чусовой.

Под Ельцом Липецкой области в селе Озерки члены клуба «Вече» возрождали усадьбу нобелевского лауреата писателя И. А. Бунина. С домов в г. Ельце, которые не удавалось спасти от разрушения, снимались и собирались различные элементы: изразцы, ручки, заслонки, детали резьбы [12, с. 118].

Тобольский клуб «Добрая воля», наряду с помощью реставраторам, на общественных началах разработал программу возрождения и реставрации памятников города. Тобояки сумели добиться её рассмотрения государственными инстанциями. По указанию Министерства культуры РСФСР, «Росреставрация» расширила работы в г. Тобольске.

Многие объединения — шефские секции в Москве, Горьком, молодёжное любительское объединение в Йошкар-Оле, «Феникс» в Орле. «Добрая воля» в Калуге, «Памятники Отечества» в Воронеже, «Товарищество» и «Реставратор» в Ярославле, «Реставратор» в Пскове — стали сложившимися коллективами. Многочисленные ленинградские шефские группы сотрудничали в объединении «МИР» и Совете по экологии культуры [15, с. 45].

К концу 1980-х гг. добровольческое движение получило развитие в 32-х регионах РСФСР. Однако последующие события привели к обособлению от ВООПИиК сложившихся добровольческих объединений, а затем и к их оформлению в самостоятельные профессиональные реставрационные организации. Важно отметить, что именно благодаря активности добровольческих объединений (в частности, ВООПИиК) в 1970–1980-е гг. XX века были спасены от разрушения многие памятники истории и архитектуры.

В середине 1980-х гг. с началом перестройки ВООПИиК находилось на подъёме. В этот период возобновляется его производственная деятельность, улучшается финансовое состояние. Общество не только принимало участие во всех крупномасштабных государственных мероприятиях по сохранению историко-культурного наследия, но и само не раз становилось инициатором дел, направленных на сохранение памятников.

Однако 1990-е гг. стали критическими для жизни ВООПИиК. Общество потеряло финансовую стабильность, однако продолжало оказывать активное влияние в деле сохранения культурного наследия.

В 2000 г. по инициативе Стрельнинского районного отделения ВООПИиК началась реставрация Константиновского дворца для организации морской резиденции Президента России. На период до начала реставрации дворец был передан Стрельнинскому районному отделению Общества.

В 2005 г., по инициативе Президиума ЦС ВООПИиК, впервые после долгого перерыва, была восстановлена практика работ студенческих отрядов по сохранению памятников русской архитектуры. Инициатива была поддержана Министерством культуры и массовых коммуникаций, а сама идея проведения подобных работ получила одобрение Президента В. В. Путина на совместном заседании президиумов Госсовета и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству в марте 2005 г., посвящённом проблемам сохранения историко-культурного наследия.

ВООПИиК был создан студенческий научный отряд «Наследники России». Первым его делом стало исследование состояния грун-

тов, основания и фундаментов разрушенного в конце 1930-х гг. Спасо-Каменного монастыря в Усть-Кубенском районе Вологодской области. В последующие годы студенческие отряды «Наследники России» работали в Троицком Оптине монастыре города Болхова, на памятнике археологии в урочище «Кудеярова гора» в Хотынецком районе Орловской области, а также в Иркутской области.

В Москве и Петербурге при отделениях ВООПИиК были созданы реставрационные центры, производившие спасательные работы на памятниках истории и культуры. По заданию Министерства культуры России Общество проводило мониторинг состояния объектов историко-культурного наследия.

ВООПИиК и телекомпания «Спас» 13 апреля 2010 г. провели круглый стол на тему «Волонтерские программы на объектах культурного наследия: проблемы организации и развития», приуроченный к Международному дню памятников и исторических мест. В нём приняли участие представители ВООПИиК — организаторы и участники волонтерских отрядов Орловской, Нижегородской и Ленинградской областей, добровольческих объединений МГУ, МГИМО, Новгородского университета, представители музеев-заповедников, международных добровольческих программ. К участию были приглашены представители Государственной Думы РФ, Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, Общественной палаты РФ, Минкультуры Московской области.

Целью круглого стола являлось привлечение широкого внимания к инициативе ВООПИиК по организации работы студенческих отрядов, создание на портале ВООПИиК диспетчерского центра, который начал бы аккумулировать спрос и предложение на волонтерские работы на объектах культурного наследия.

Массовую работу с волонтерами ВООПИиК возобновил в 2016 г. Отправной точкой повышения интереса к проблеме добровольческого движения в области сохранения культурного наследия в России стал прошедший 25 октября 2016 г. в Москве Российско-французский форум «Волонтерство в деле сохранения культурного наследия». Его организатором выступил ВООПИиК при поддержке Федерального государственного учреждения культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» и департамента культурного наследия Москвы [1, с. 128].

Периодом продуктивного диалога власти и волонтерского движения в области охраны памятников истории и культуры стали 2017–2019 гг. В 2017 г. Обществом были заключены соглашения о взаимодействии по

вопросам развития волонтерских инициатив с Министерством культуры России, Росимуществом, Агентством по управлению и использованию памятников истории и культуры. В конце того же года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным было одобрено предложение ВООПИиК о создании ресурсного центра поддержки добровольческих движений в сфере сохранения культурного наследия [1, с. 129].

По итогам слушаний Общественной палаты «Практика и перспективы участия добровольцев в сохранении культурного наследия в России и Франции» 2018 был объявлен Годом добровольца (волонтера) в России. В августе 2018 г. была одобрена и рекомендована к реализации концепция общественного движения «Волонтеры культуры»

Накопленный в прошлом столетии опыт привлечения добровольцев к консервационным и реставрационным работам определил роль Общества на современном этапе как наиболее масштабного и системного организатора добровольческой деятельности в сфере охраны и восстановления объектов культурного наследия в России.

В целом реставрационное добровольческое движение по сохранению памятников архитектуры прошло длительный путь в своём становлении и развитии. Благодаря работе добровольцев было восстановлено большое число исторических объектов, находящихся в аварийном состоянии, по всей стране. Кроме того, можно говорить о формировании культурной идентичности российской молодёжи в ходе работ волонтерского сообщества по формированию своих новых реставрационных практик.

Литература

1. Воронаева М. Д., Горлова Н. И., Губина А. В. [и др.] Анализ практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции). — М. : ВООПИиК, 2020. — 308 с.
2. Горлова Н. И. К истории развития реставрационного добровольческого движения в 1960–1980-е гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2017. — № 3. — С. 75–81.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 4.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 5.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 8.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 150.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 154.

8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 187.
9. Ляпков В. Д., Кротюк В. Ф. В помощь реставраторам // Памятники Отечества : Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — 1985. — № 2. — С. 95–97.
10. Мазалецкая Е. Н. Деятельность Ярославского отделения ВООПИиК по популяризации охраны культурного наследия в 1960–1980-е гг. // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. «Гуманитарные науки». — 2017. — № 2. — С. 39–42.
11. Маланичева Г. И. Ливцов В. А. Этапы истории ВООПИиК. К 50-летию образования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — Орёл : Орловский филиал РАНХиГС, 2016. — 168 с.
12. Михайлов К. Н. «Действуйте! Время пришло» // Памятники Отечества : Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — 1989. — № 2. — С. 118–121.
13. Письмо редакционного совета // Памятники Отечества : Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — 1988. — № 2. — С. 166.
14. Птицын В. А. Реставрационные отряды общественности // Памятники Отечества : Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — 1986. — № 1. — С. 162–165.
15. Птицын В. А. Российское шефское движение // Памятники Отечества : Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — 1988. — № 2. — С. 42–46.
16. Чусов С. Ю. Записки добровольца. Часть 1 // Москва. Южный округ. Краеведение [Сайт]. — URL : http://moskva-yug.ucoz.ru/publ/chusov_sju_zapiski_dobrovolca/6-1-0-166 (дата обращения: 12.12.2022).

Viktor A. LIVTSOV,

Dr. Sci. (National History), Prof., Deputy Director,
Central Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Deputy Chairman,
VOOPIK, Oryol, Russia, livcov@orel.ranepa.ru.

**Movement of Voluntary Assistants-Restorers:
VOOPIK as a Forerunner of the Volunteer Activities
in the Field of Preserving Historical and Cultural Heritage in Russia**

The article explores the nature of the volunteer movement in the field of heritage conservation in the USSR and modern Russia. Appeal to the experience of the

formation of monumental volunteer practices in the 1960s–1980s allows us to create a holistic picture of the formation and development of volunteering in this area, which is a necessary basis for educating new generations of young volunteers who care about preserving Russia's self-identity, as well as for improving the management of volunteer communities. The paper is written on the basis of archival data, memoirs of participants of volunteer movements, research literature.

Keywords: *assistants to restorers, volunteerism, volunteer movement, historical and cultural heritage, protection of monuments, VOPIK, historical experience.*

Н. Г. Денисов*, **М. В. Ярчук****

«Места памяти» в социальном пространстве (на примере города-героя Новороссийска)

В статье актуализируется историко-культурологическая роль «мест памяти» в социальном пространстве как объектов материального и, одновременно, нематериального сакрального наследия, функционально укрепляющих национальную безопасность и общероссийскую гражданскую идентичность в современных условиях вызовов и угроз. В данном контексте анализируются монументальные памятники города-героя Новороссийска и их эффективное использование в гражданско-патриотическом воспитании населения. Делается вывод о взаимодействии общественности и властей города в части реализации градостроительного принципа развития: от монументальных памятников — к мемориальной культуре. Постановка работы по использованию «мест памяти» в духовно-культурном воспитании обуславливает предложения авторов об учреждении и присвоении Новороссийску почётного звания «Город высокой мемориальной культуры» и развёртыванию всероссийского меморативного движения среди муниципальных образований.

Ключевые слова: места памяти, монументальная политика, мемориальная культура, Великая Отечественная война, северокавказский монументальный ландшафт, город-герой Новороссийск, Новороссийский исторический музей-заповедник.

Военно-политическая экспансия стран НАТО и Евросоюза во главе с США, сопровождаемая экономическим и информационно-психо-

---

* ДЕНИСОВ Николай Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия, ngdenisov@gmail.com.

** ЯРЧУК Милена Вячеславовна, магистрант кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия, yarchuk.milena@mail.ru.

логическим давлением на Россию, обуславливает не только военную, но и духовную, морально-этическую, социокультурную, патриотическую мобилизацию всех возрастных и профессиональных категорий населения Отечества. Этим целям служат указы президента, законодательные акты и решения правительства Российской Федерации последнего времени, нормативные документы соответствующих федеральных министерств и ведомств, лейтмотивом которых является вывод В. В. Путина: «Зачем нам такой мир, если там не будет России?» [3]. В частности, в Указе Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 400 от 02.07.2021 г. есть актуальный раздел «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». В нём эти категории возведены в ранг государственной политики, направленной на сохранение исторической памяти и культуры народов Российской Федерации, укрепление культурного суверенитета и общероссийской гражданской идентичности [4].

Базовым государственным актом, обеспечивающим сохранение исторических мест памяти в социокультурном пространстве России, является Федеральный закон «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», в котором сказано, что «объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия» [3]. Этот закон направлен на координацию действий всех ветвей власти в части популяризации и охраны объектов культурного наследия, их реставрации, а также культурно-исторической среды обитания.

Традиция строительства религиозных объектов как историко-культурных феноменов социальной памяти восходит к храмовой архитектуре древних цивилизаций. Многие уникальные и сохранившиеся до наших дней святыни культурного наследия христианского мира относятся ко второй половине XIX — первой половине XX вв., ярким примером этого являются Кафедральный собор в Херсонесе, величественная Екатерининская церковь в Екатеринодаре, храм Христа Спасителя в Москве, Богоявленский собор и Кафедральный собор в Санкт-Петербурге.

Деятнадцатый век, ставший золотым веком монументальной скульптуры, также явился временем становления российской государственной монументальной политики и традиции воздвижения монументов.

тов за пределами столиц и центральных губерний Российской империи. История основания и условия существования «главных» памятников государства, таких как памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве, столп-часовня («памятник 1-го класса») на месте расположения частей Раевского на Бородинском поле, Александровская колонна на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге, памятник императрице Екатерине II в Санкт-Петербурге, а также ряд мемориалов, возведённых в обеих столицах и крупных городах государства в последнюю четверть XIX — начале XX вв., широко известна и подробно описана в литературе (см.: [6]). В истории практики величественного государства они являются одновременно парадигмами и объектами аналогии с памятниками, созданными в глубинке. К ним относятся северная сторона склона Кавказского хребта и Предкавказья, которые синхронно демонстрируют национальный уклон и региональные характерные черты, свидетельствующие о монументальной политике страны.

Ряд учёных доказывает, что концепция формирования северокавказского монументального ландшафта связана с сооружением триумфальной арки в городе на юго-западе России Екатеринограде, единственного в своем роде исторического объекта, представляющего историко-культурное наследие XVIII века. Фактическое время строительства объекта культурного наследия не установлено, однако общепризнано, что он был возведён по личной инициативе генерал-лейтенанта П. С. Потёмкина не ранее 1786 г. Арка, сохранившаяся с некоторой потерей внешнего вида, в настоящее время является объектом культурного наследия федерального значения.

Активизация исследований в области развития монументального искусства в последние годы связана с такими социально значимыми государственными объединениями, как Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество. Она стала результатом государственной политики по усилению противодействия попыткам фальсификации истории в ущерб государственным интересам России.

Приоритетным направлением исследовательской работы Российского военно-исторического общества является «монументальная пропаганда». Этот термин является отражением советской традиции. Данная деятельность направлена на изучение военной истории Российской Федерации, её популяризацию, а также сохранение и охрану объектов военно-исторического наследия как памятников истории и культуры [1, с. 1–8].

Как бы это парадоксально ни звучало, наиболее системной парадигмой в контексте установления социально-исторических памятников явилась в XX веке ленинская монументальная пропаганда, отражающая события и образы советской истории. Они долгое время доминировали в монументальном пейзаже 1920–1980-х гг. и до сих пор представляют собой военно-историческое культурное наследие той эпохи. Прежде всего, это касается революции и гражданской войны, иностранной интервенции в период 1917–1921 гг., жертвами которых стало большое число мирных жителей. Мемориальные сооружения, памятники, надгробия воспроизводят различные исторические события давно минувших лет и теперь выступают как места социальной памяти соотечественников. Другой важной мемориальной эпохой является Великая Отечественная война 1941–1945 гг., которая оставила места памяти в социальном пространстве бывшего Советского Союза, кроме того, военные мемориалы советскому солдату-освободителю были установлены в ряде зарубежных стран, таких как Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Норвегия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия.

Город-герой Новороссийск в общественном сознании преимущественно ассоциируется с Великой Победой, в частности, победоносной Новороссийско-Таманской наступательной операцией оперативного десанта, высаженного силами Черноморского флота в Новороссийский порт в ходе военных действий 1943 года, представляя собой одну из выдающихся советских десантных военно-стратегических операций. Длившаяся 225 дней она вошла в историю как одна из самых героических специализированных советских совместных военных операций вооружённых сил и военно-морского флота, остановившая продвижение врага.

Новороссийск — один из многих городов Советской России, сполна хлебнувших трагедию и ужасы Великой Отечественной войны. С самых первых дней войны город превратился в арену ожесточённых сражений. Немецкое руководство, учитывая стратегическое значение Новороссийска, непрерывно бомбило город. Он превратился в неприступное укрепление на пути войск вторжения, рвущихся на Кавказ, немецко-фашистские захватчики ликвидировали, замучили и вывезли на каторжные работы почти всех жителей города. Он был почти полностью разрушен, по официальным данным 96 % зданий и сооружений не подлежали восстановлению и реконструкции. Трагедия города от-

---

носится к числу самых жестоких и чудовищных преступлений нацистской Германии, разрушение Новороссийска можно соотнести только с разрушением Сталинграда, писала газета «Вперед за Родину» осенью 1943 г. Восстановление полиса за короткий срок, ставшего носителем богатейшего мемориального и историко-культурного наследия нашей страны в послевоенный период, считается трудовым подвигом (см: [7]). Культурное наследие Новороссийского округа характеризуется уникальным многообразием. Краеведческий музей оставался одним из значимых объектов сохранения исторической и культурной памяти.

Фундаментальной основой города незадолго до октябрьских революционных событий 1917 года явился первый городской музей, ставший объединённой коллекцией исторических и природных экспонатов Причерноморья. Инициатором его создания был Л. Сенько-Поповский, вице-губернатор Черноморской провинции. Посетители увидели первые музейные коллекции в декабре 1916 г., собранные в основном за счёт добровольных пожертвований. Главными экспонатами первого музея были археологические находки и артефакты.

Сегодня Новороссийский исторический музей-заповедник является главным музейным объединением города-героя, в фондах которого насчитывается около 150 тыс. экспонатов. Среди экспонатов музея уникальные редкие документы, произведения монументального искусства и художественного творчества, а также другие предметы материальной культуры. Территория города богата исключительными и разнообразными памятными артефактами, малыми и крупными архитектурными формами, вплоть до мемориальных ансамблей. Десятки памятников, мемориальных комплексов и братских обелисков сегодняшнего Новороссийска, возведённых в память о трагических событиях, пробуждают чувство гордости у последующих поколений.

В память о героической Победе в Великой Отечественной войне потомки героев и жители города ежегодно проводят памятные мероприятия. Мемориальный комплекс «Героям Гражданской войны и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» является одним из величайших ансамблей страны. Его основными композициями являются комплекс «Малая Земля», расположенный на самом берегу, а также мемориал «Линия обороны» и памятник «Матросам революции». Победа в Великой Отечественной войне открыла всему миру не только мощь советской военной техники, но и величие русского духа. В честь победы в Новороссийске был построен монументальный ансамбль «Площадь

Героев», ставший священным местом памяти о самоотверженных солдатах, павших за освобождение города во время войны.

Градостроительная политика города тесно координируется с социально-культурной практикой, природно-ландшафтным зонированием и туристическими маршрутами. Новороссийск включает в себя мемориальные пространства, рассказывающие о героических событиях его истории. Одним из самых ярких памятных мест города является архитектурный ансамбль «Огонь вечной славы», символизирующий сердце города и представляющий собой ряд памятников и мемориалов.

Следует отметить, что одним из первых памятников, увековечившим память горожан о трагических событиях Великой Отечественной войны, стал монументальный памятник-композиция «Расстрелянный вагон», установленный в 1946 г. в День Победы на историческом месте обороны советских войск. Он является частью композиции мемориального комплекса «Линия — Рубеж обороны» [2, с. 7–14]. Мемориальный комплекс посвящён военным событиям лета и осени 1942 г., когда фашистские войска ворвались на Кавказ, чтобы проложить путь к нефтяным вышкам Баку и Грозного. Именно здесь, на участке между цементными заводами «Октябрьский» и «Пролетарский», были остановлены вражеские войска, что нашло отражение в названии мемориала [5]. Над памятником работали скульптор Владимир Цигаль и градостроители Яков Белопольский, Роман Кананин и Владимир Хавин.

В последние годы значительно обновляется мемориальный потенциал города-героя Новороссийска, в рамках которого образовательная парадигма памяти представляет собой патриотическую опору образов героев для новых поколений. Самый известный из новых памятников — герою Великой Отечественной войны, легендарному майору Цезарю Львовичу Куникову, скульптурная композиция которого отражает исторический момент начала высадки морских десантников на окраине оккупированного немцами города. Кроме того, в 2022 г. в микрорайоне Мысхако был построен новый мемориальный комплекс, посвящённый героям-победителям.

Как показал анализ системного развития Новороссийска в послевоенное время, его градостроительная, социально-экономическая и гражданско-воспитательная политика гармонично сочетает мемориальную, меморативную и патриотическую культуры в целом. Из года

в год, с каждым десятилетием город постепенно превращался в полисный мемориальный комплекс, образовательный потенциал которого отражал духовно-нравственный и гражданско-патриотический облик подрастающего поколения. Таким образом, «места памяти» являются драйвером не только социокультурного, но и современного промышленного и технологического развития Новороссийска, о чём, согласно статистическим данным, свидетельствует его превосходство по уровню жизни горожан среди других городов региона и Северного Кавказа.

Обобщающим итогом нашего анализа следует считать, что в нынешних условиях военных вызовов и угроз полисное развитие современных социокультурных пространств должно предполагать интеграцию материального и нематериального историко-культурного наследия по примеру Новороссийска и ряда других городов-героев России и Беларуси.

Вышеизложенное убедительно определяет важность присвоения городу-герою Новороссийску почётного звания «Города высокой мемориальной культуры» и развития меморативного движения среди городов Российской Федерации.

Литература

1. *Денисов Н. Г.* Культурно-идеологическая основа российской цивилизации: исторические уроки и будущее государственности. // Журнал Института Наследия. — 2018. — № 2. — С. 1–8.
2. *Денисов Н. Г., Ярчук М. В.* Образы прошлого, настоящего и будущего: к постановке вопроса о формировании меморативной культуры // Культурная жизнь Юга России. — 2021. — № 3. — С. 7–14.
3. Миропорядок 2018 (2018): документ. фильм В. Р. Соловьёва : видеверсия: 01:23:46 (время воспроизведения). — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9Vxik6kLEbM> (дата обращения: 01.09.2023). Доступно на YouTube.
4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // Президент России [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 01.09.2023).
5. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Президент России [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18230> (дата обращения: 01.09.2023).

6. Бондарь В. В., Еремеева А. Н., Маркова О. Н., Юренева Т. Ю. Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы. М. : Институт Наследия, 2022. — 168 с. — DOI: 10.34685/НИ.2021.48.21.005.
7. Еремеева А. Н., Коваленко Т. В. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945) // Известия Уральского федерального университета. — Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 23. — № 1. — С. 25–39. — DOI: 10.15826/izv2.2021.23.1.002.

Nikolay G. DENISOV,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Department of History, Cultural Studies and Museology,
Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia,
ngdenisov@gmail.com.

Milena V. YARCHUK,

Master's Student, Department of History,
Cultural Studies and Museology, Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russia, yarchuk.milena@mail.ru.

“Places of Memory” in Social Space (on the Example of the Hero City of Novorossiysk)

The article actualizes the historical and cultural role of “places of memory” in social space as objects of material and, at the same time, immaterial sacred heritage, functionally strengthening national security and all-Russian civil identity in modern conditions of challenges and threats. In this context, the monumental monuments of the hero city of Novorossiysk and their effective use in civil and patriotic education of the population are analyzed. The conclusion is made about the interaction of the public and the city authorities in terms of the implementation of the urban development principle: from monumental monuments to memorial culture. The formulation of the work on the use of “places of memory” in spiritual and cultural education determines the authors’ proposals on the establishment and assignment of the honorary title of “City of High Memorial Culture” to Novorossiysk and the deployment of the All-Russian memorial movement among municipalities.

Keywords: *places of memory, monumental politics, memorial culture, the Great Patriotic War, the North Caucasian monumental landscape, hero city Novorossiysk, Novorossiysk Historical Museum-Reserve.*

А. А. Гуцалов*

Этноцентризм в культуре и исторической памяти: опыт теоретического исследования национального государства**

Проблема национализирующегося государства была впервые поставлена в 1996 г. Р. Брубейкером в ответ на геополитическую ситуацию, возникшую на постсоветском пространстве после крушения СССР и социалистической системы. В статье анализируются особенности политики национализации истории и культуры на примере одного из постсоветских государств — Республики Казахстан. За основу исследования взяты аналитические материалы казахстанских и зарубежных авторов, Конституция Республики Казахстан, статистические данные с официальных источников. Проводя параллель между федеративным устройством Советского Союза и новой России, автор подчёркивает актуальность изучения опыта нациестроительства в «бывших братских республиках». Подчёркивается, что в Казахстане наблюдаются выраженные тенденции по национализации (моноэтнизации) государства, титулизации казахского этноса, значительному возвышению роли его языка, истории, культуры, религии, традиций и обычаев. В результате происходит сегрегация общества на привилегированный класс, в роли которого выступает казахский этнос, и на все остальные этнические меньшинства, что, несомненно, усиливает межэтническую напряжённость и порождает взаимное отчуждение народов. Подчёркивается, что политика нациестроительства в современном Казахстане не привела ко сколько-нибудь значительным результатам в экономической, финансовой, технологической, образовательной, культурной, спортивной, оборонной, демографической сферах.

Ключевые слова: Р. Брубейкер, конструктивизм, структурализм, инструментализм, нация, национализирующееся государство, национализация истории, национализация культуры, нациестроительство, моноэтноцентричный, Конституция Республики Казахстан.

Проблематика национализирующихся государств затрагивает большей частью новые национальные государственные образования,

---

* ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич, ведущий научный сотрудник — руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, gutsalov_alex@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности», номер государственной регистрации: 121021500263-9.

возникшие после развала СССР и социалистической системы. Мною был взят за основу опыт нациестроительства одной из стран, возникших на постсоветском пространстве (Республика Казахстан).

Значимость обращения к данной теме усиливается наличием схожих черт государственного национального устройства современной федеративной России и бывшего Советского Союза. Подобно советским социалистическим республикам, национальные республики России имеют свою государственную атрибутику (конституции, флаги, гербы, гимны, свой (-и) государственный (-е) язык (-и), помимо русского) и являются, по сути, государствами в государстве, в которых из выделенных титульных этносов целенаправленно формируются отдельные полноценные нации в общенациональном российском поле. Форма государственного устройства в бытность СССР долгое время давала чувство уверенности в стабильности и нерушимости Союза. Однако исторический ход событий показал, что даже такое казавшееся крепким единство может быть быстро разрушено, а прежде братские республики могут быстро превратиться во враждебные по отношению к России (зачастую и друг к другу) или дистанцирующиеся от неё страны.

Проведённый мною объёмный анализ уровня развития финансовой, экономической, технологической, демографической, культурной, спортивной, оборонной, социальной сфер новообразованных на постсоветском пространстве государств убедительно демонстрирует невысокие показатели по всем направлениям практически во всех странах, включая и Россию, а также значительное отставание по темпам роста (там, где он наблюдается) по сравнению с последним тридцатилетним периодом советской истории, когда эти страны находились в общем социально-политическом, экономическом и культурном поле.

С одной стороны, эти факты являются довольно сильным аргументом в пользу того, что в единстве жить лучше и по многим позициям национального хозяйства, оказывается, выгоднее, и опровергают идею, что, живя порознь можно достичь лучших показателей национального развития. Многие представители элиты в национальных бывших советских республиках долгое время находились под чарами этой идеи в период формирования новых суверенных государств на территории распавшегося СССР. С другой стороны, важно обратиться к изучению технологии нациестроительства на постсоветском пространстве во избежание неудачных и ошибочных подходов, так и не позволивших новым государствам добиться очевидных и убедительных успехов. Конечно,

в одной статье осветить всю проблематику невозможно. Но задать направление цельного исследования можно. Я ограничусь сейчас представлением общей картины формирования нации в Республике Казахстан, выявлением его основной направленности.

Государственное самоопределение любого народа сопровождается большим количеством проблем, сталкиваясь с вопросом сущностного постижения себя как нации: единого социального организма с институционализированным «своим» независимым государством. Прежде всего, эти сложности связаны с выбором определяющей концепции: что же такое нация, которая должна быть образована на территории республики? Должна ли она формироваться на основе титульного этноса, или в её основе должен быть заложен с самого начала полиэтничный или даже вне- и надэтничный фундамент? Как относиться в новых геополитических реалиях к наследию бывшего Советского Союза, к русскому народу, его языку и культуре, широко распространённым во всех советских республиках?

Разброс мнений по этим вопросам в Казахстане был велик, но большинство сводилось к двум принципиально разным позициям. Первая заключалась в идее, что в основу новой казахстанской нации должен быть положен казахский этнос с его культурой, историей, системой ценностей, нормами, идеалами, традициями, обычаями и прочими важными составляющими. Этот подход я именую моноэтноцентричным. Вторая утверждала, что новая казахстанская общность должна быть полиэтничной и общегражданской, что никакая этническая культура не должна при этом доминировать, а широко распространённые русский язык и русская культура должны иметь равное положение, что и казахские язык и культура. При этом все этнические культуры должны иметь достаточную государственную поддержку и надлежащие условия для своего сохранения и развития. Эта позиция может быть охарактеризована как общегражданская.

Вопрос об определении нации в философском и политическом дискурсе остро стоит уже несколько последних веков. Первое использование в общественной жизни этого термина, как известно, относится к середине XIV века, характеризуя в то время региональные студенческие объединения в университетах. Этот термин был использован в названии Священной Римской империи германской нации (*Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation*). Он встречается в работах М. Лютера (1520, *An den christlichen Adel deutscher Nation*), Дж. Вико (1725, *Principi di una scienza nuova d'intorno alia comune natura delle nazioni*), Фихте

(1808, *Reden an die deutsche Nation*), В. И. Ленина (1914, «О праве наций на самоопределение»). В 1919 г. была образована Лига наций, сделавшая акцент в определении этого концепта не на языке или этнической культуре какого-либо народа, а именно на обладании или необладании им автономной политической государственной организацией. Согласно этому подходу, народ без государственного суверенитета не имеет признаков нации.

В начале 1980-х гг. в связи с распространением идей глобализма интерес к этой теме резко возрос. Тогда вышли работы Дж. Э. Армстронга («Нации до национализма», 1982), Дж. Брэйи («Национализм и государство», 1982), Б. Андерсена («Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма», 1983), Э. Геллнера («Нации и национальность», 1983), М. Хроха («Социальные предпосылки национального возрождения», 1985), Э. Смита («Этнические истоки наций», 1986), П. Чатерджи («Националистическая мысль и колониальный мир», 1986) и многих других.

Как и в отношении этноса, к раскрытию понятия «нация» выделяются три основных подхода — конструктивистский, примордиалистский и инструменталистский.

Примордиалистские концепции большей частью касаются разработки темы этноса, разделившись на два направления. Одно из них подчёркивает базисную значимость социобиологического субстрата, который и даёт начало различным этносам, которые затем формируют нации (К. Гирц, У. Коннор, Р. Гамбино, П. Ван ден Берге, Л. Н. Гумилёв и др.). Другое настаивает на преимущественном значении эволюционно-культурной основы (Н. Я. Данилевский, Р. К. Турнвальд, С. М. Широкогоров, В. Э. Мюльман, Ю. В. Бромлей и др.).

Инструментализм обращает внимание на текучесть и подвижность национальных и этнических формирований: люди могут свободно принимать любую идентичность в зависимости от конкретных целей. С этой точки зрения, этносы и нации становятся обычными инструментами для людей для достижения гражданских, экономических, культурных и прочих благ. Среди представителей этого направления можно назвать Н. Глейзера, Д. Монихэна, С. Корнела, Д. Хартмана, Ф. Янга, О. Пэттерсона, М. Хэтчера и др.

Конструктивизм представлен именами Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, Д. Белла, Н. Глейзера, Г. Вулла, С. Хантингтона, М. Н. Губогло, Г. С. Денисова, В. А. Тишкова и др. Например, Б. Андерсон в начале

1980-х гг. называл нации «воображаемыми сообществами»: «воображается как нечто неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [3, с. 47]. Но при этом даже искусственно сконструированные политические нации он считал серьёзной «жизнеспособной программой мобилизации для современного государства» и «моральной силой сплочения» в эпоху глобального транснационализма и «флюидной идентичности» [4, с. 6].

Поскольку этносы и нации не существуют отдельно друг от друга, находятся в постоянном взаимном общении, вопрос нациестроительства и формирования общенациональной, гражданской, государственной идентичности любого народа выходит далеко за пределы только данного социума и неизбежно затрагивает общемировую конфигурацию и концепцию мирового развития и международного взаимодействия.

Но при этом нужно понимать, что подходы к формированию нации и государства следует сочетать с историческими, культурными, этническими особенностями государственно институционализируемой территории. Автоматическое накладывание или перенос опыта других стран может привести к деформации этих особенностей и к серьёзным просчётам и ошибкам.

Пример неудачной попытки такого переноса являет собой статья казахстанского автора А. К. Абдиной. За основу анализа ею была взята идея американского учёного С. Хантингтона различных вариантов дальнейшего пути развития США: религиозная Америка, объединяемая приверженностью американскому кредо; бюрократическая Америка, соединяющая официальные языки и культуры; «отделившаяся» Америка с расовыми перекосами во внутренней политике; возрождённая Америка, объединённая враждой с определёнными частями мира; комбинация этих и прочих иных вариантов. Пытаясь перенести выбор этих направлений развития другой страны на казахстанскую почву, А. К. Абдина в качестве конструктивного предложения смогла лишь предложить идею А. Касенова о системном брендинге Казахстана в мире (см.: [7] [8]).

Слепой перенос значимых социальных технологий и маркеров с одного общества на другое вряд ли окажется удачным при существенных исторических, экономических, финансовых, технологических, культурных различиях между ними. Культура и историческое наследие народа прокладывают свой путь в сознании мирового сообщества не столько внешним сходством и типичностью, сколько особенными внутренними смыслами и содержательной привлекательностью, формируемые очень длительное время, веками аутентичной истории. Конечно, пример США

с их поистине неистощимыми финансовыми возможностями, хорошо развитой экономикой, системой права, совершенно иной культурой и историей, активным и несколько агрессивным позиционированием этой страны в мире не может быть взят за основу для подражания Казахстаном, обладающим гораздо более скромными экономическими возможностями и иным историческим и культурным наследием.

Лучший фундамент брендинга страны — это её успехи во всех областях социального-экономического, демографического, культурного пространства. Даже самые успешные технологии внешнего продвижения страны в мировом пространстве не смогут долго камуфлировать недостатки внутренней государственной системы экономики, культуры, образования и прочих сфер. Никакие формальные трюки, вроде перевода языка с кириллицы на латиницу, тотальной моноэтнизации истории, культуры и языка, не смогут сделать страну более привлекательной и открытой.

Поэтому идея А. К. Абдиной о необходимости разработки «позитивных элементов идентичности бренда — логотипа, слогана, визуального языка, используемого в каждом контексте, корпоративных цветов, звуков, форм упаковки или материалов упаковки, архитектуры и т. д.» [2, с. 171] — вряд ли сможет серьёзно помочь в укреплении нации и устойчивом продвижении казахстанского сообщества в мире. Этим нужно завершать процесс, а не начинать с него.

Опыт Казахстана показывает, что в этой стране моноэтноцентричный подход к формированию нации устойчиво берёт верх, как, впрочем, в большинстве стран — бывших братских республик СССР. Фиксация этого положения вещей в 1990-е гг., на заре создания наций в новых государствах Восточной Европы, вдохновила американского социолога (родившегося в Китае) Р. Брубейкера на ввод в научный оборот нового концепта «национализирующееся государство»¹. Общепринятое

---

¹ Перевод этого термина на русский язык звучит неблагозвучно, но мы вынуждены им пользоваться, поскольку он уже вошёл в научный дискурс в таком виде. Я употребляю термин «национализирующееся государство» (а не «национализирующее государство», как предлагает Ж. К. Нургалиева [12]), подчёркивая процессуальный характер этого явления. Смысл его заключается в постепенной и устойчивой моноэтнизации всех сфер национального хозяйства, истории, традиций, обычаев, языка и культуры, то есть в распространении языка, норм, идеалов и ценностей некоего выделенного этноса на всю национальную полиэтническую общность. В связи с этим родились даже термины, фиксирующие этот процесс: «казахивание», «эстонизация», «латышезация», «украинизация» и т. д.

и близкое ему по смыслу выражение «национальное строительство» не совсем удовлетворяло его. Для подчёркивания новых смыслов потребовался новый термин, который бы смог более точно зафиксировать процесс создания новых национальных государств в результате развала СССР и социалистической системы. Понятие «национализирующееся государство» (the newly nationalizing states [14, p. 4], nationalizing states [14, p. 5]) было впервые употреблено Брубейкером в 1996 г. в работе «Переосмысленный национализм: государственность и национальный вопрос в Новой Европе». Брубейкер подчёркивает степень вовлечённости государства в процессы национального строительства, превращение самого государства в «национальное», т. е. созданное для только одной «титულიной» нации и поэтому носящее её имя. Поэтому он даже по отношению к международным регионам и отдельным странам использует это понятие: национализирующаяся Польша (nationalizing Poland) [14, p. 7], национализирующиеся государства Юго-Восточной Азии (the nationalizing southeast Asian states) [14, p. 6] и т. д. Этот термин настолько его увлёк, что в десятистраничном предисловии к книге автор употребил его 28 раз.

Кроме этого, он вводит и другие концепты: «национализирующийся национализм» (nationalizing nationalisms), «трансграничные национализмы» (или «внешняя национальная родина»), «национализм этнических меньшинств». Первое понятие относится к проявлению национализма позиционирующей себя «основной» (или титульной) нации, отличая себя «от граждан в целом». При этом титульная нация обязательно ощущает себя в слабом положении, будучи следствием предшествующей дискриминации до обретения независимости. Национализирующееся государство становится средством реализации политики полной поддержки и создания преференций господствующей этнической группы, именем которой и названо государство. Поэтому он употребляет этот термин и по отношению к собственно политике и разнообразным политическим практикам: nationalizing policies and practices.

Все остальные этнические группы становятся меньшинствами с урезанными правами. У каждого национального меньшинства имеется внешняя родина, т. е. государство, в котором доминирует эта этническая группа. Это государство обязано заниматься вопросами поддержки этнически «своих» граждан других государств. В соответствии с этой ролью оно выступает «внешней национальной родиной» для находящихся в ранге этнических меньшинств в других новообразованных странах. Таким образом, появляются национализмы трёх видов: государства

этнического титульного большинства, национальной родины и этнических меньшинств. И они вступают друг с другом в конфронтацию. При этом «основная нация понимается как законный “владелец” государства как государства основной нации и для нее»¹ [14, p. 5].

Брубейкер довольно точно описал сложившуюся ситуацию, которая в течение последующей четверти века только подтверждала его выкладки. Тенденции усиления коренной титульной нации и ослабления других нетитульных народов в странах постсоветского пространства сохраняются до сих пор и даже привели к демографическим ямам нетитульного населения.

Каждая вновь образованная страна после развала СССР испытывала кризис своей легитимности. Это, по точному выражению Ж. К. Нурғалиевой, преодолевалось «путем конструирования идентичностей» с жёстким разделением титульной и нетитульных наций, с принципом доминирования и приоритета титульного народа над всеми остальными [11, с. 79].

В 1993 г. в Казахстане конституционно было закреплено положение, что государство является формой самоопределения именно казахской нации: «Республика Казахстан как форма государственности самоопределившейся казахской нации обеспечивает равные права всем своим гражданам» [9]. В Конституции 1993 г. говорится и о «народе Казахстана», но тут же подчёркивается «незыблемость казахской» (не казахстанской) «государственности» [9].

В Конституции 1995 г. тоже есть слова: «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой...»² [10]. Но дальнейшие слова лишь подчёркивают смысл предыдущей редакции: «...созидавая государственность на исконно казахской земле...» [10]. Если земля объявляется «исконно казахской», то все иные народы, проживающие на тер-

---

¹ The core nation is understood as the legitimate “owner” of the state, which is conceived as the state of and for the core nation [14, p. 5].

² Можно поправить Ж. К. Нурғалиеву, противопоставившую две редакции Конституции на том основании, что только вторая редакция Конституции вводит слова «мы, народ Казахстана». Мы видим, что и в первой редакции это словосочетание присутствует и даже высвечено так же: народ Казахстана на «исконно казахской земле». Когда эта земля стала иметь такой статус: до отделения будущих казахов во второй половине XV века в качестве узбекских казаков от общей узбекской общности или до этого, правда, не уточняется. Принципиального изменения смысла этого пассажа во второй редакции мы не наблюдаем.

ритории Казахстана, не могут быть, по определению Основного Закона страны, исконными, титульными, имеющими равные права с казахами.

Как раз такое положение и отражено в понятиях Брубейкера «национализирующееся государство» и «национализирующаяся нация». Если говорить иными словами, то такие заявления в Конституции, закрепляющие первенствующее право на территорию и ведущую роль казахского народа, имеют признаки нескрываемого этнического национализма, с открытыми возможными перспективами трансформации его в шовинизм. Справедливости ради следует отметить, что они пока пресекаются взвешенными заявлениями руководителей государства, утверждающих равные права всех народов страны.

С другим тезисом Ж. К. Нурғалиевой тоже можно не согласиться. Она пишет о своеобразном «обмене статусов» прежнего «доминирующего» (очевидно, имеются в виду русские) и актуального (казахи) этносов (см.: [11, с. 79] [12, с. 15]). Конечно, в основе такого полагания лежит искажённое представление о советском прошлом, в котором как раз этнический аспект акцентированно учитывался и именно в пользу местного национального субстрата. Это проявлялось во всех сферах жизни, включая и сам этнонациональный принцип формирования республик. Поэтому речь не может идти об «обмене статусов». У русского народа в СССР правовой статус вообще не был никак зафиксирован ни в одном из официальных документов. Все народы были де-юре равны, как и их языки. Впервые русскому языку придали правовой статус официального языка и средства межнационального общения только в 1990 г., на закате социалистической империи. На фоне конституционных формулировок об «исконно казахской земле», о государстве Казахстана как формы самоопределения только «казахского народа» можно утверждать, что выраженные моноэтноцентричные идеи заменили гораздо более демократичную систему межэтнического взаимодействия советского времени.

Это точно выражено в следующем пассаже Ж. К. Нурғалиевой: «Национализирующая стратегия власти проявляется и в закреплении привилегированного положения представителей “титульного этноса”, что выражается в “коренизации управления”, в заполнении благоприятных “социальных ниш” именно “своим” народом. Это позволяет казахскому населению, как коренному, воспринимать себя в качестве обладателя особого статуса в системе взаимоотношений с властью и основного адресата мероприятий социальной и национальной политики государства» [11, с. 80].

Следом этот автор приводит цитату из работы французского социолога Пьера Бурдьё «Дух государства: генезис и структура бюрократического поля»: «Государство участвует в объединении культурного рынка, унифицируя все коды: правовой, языковой, и проводя гомогенизацию форм коммуникации. С помощью систем классификации, вписанных в право, бюрократические процедуры, образовательные структуры, государство формирует ментальные структуры и навязывает общие принципы видения и деления, т. е. формы мышления. Тем самым они принимают участие в построении того, что обычно называют национальной идентичностью или, более традиционным языком, — национальным характером» (см.: [6, с. 134] [15, р. 52]).

Здесь следует сделать одно важное критическое замечание. Одной из главных стратегий Бурдьё было решение проблемы отношения конструктивизма (с его акцентом на свободной воле человека в конструировании социальных структур) и структурализма (с обратным акцентом внимания на социальные структуры, упорядочивающие все действия любых субъектов). Поэтому приведённую цитату нельзя принимать как полноценно выраженную позицию Бурдьё, поскольку в ней он не подчеркнул свободное ответное участие граждан в формировании данных структур. А это очень важно для представления аутентичной позиции автора. С его точки зрения, государство со всеми своими структурами и социальными полями не должно быть неким всемогущим тоталитарным инструментом, навязывающим свою волю и формирующим все социальные предпочтения и общественные идеи, полностью игнорируя и определяя волю граждан. Среди граждан Казахстана — далеко не одни только казахи, но и представители множества других этнических групп, могущие не принимать и отвергать действия государства по оказыванию всего культурного, политического, социально-экономического поля. Иначе, как мы и наблюдаем в этой республике и на всем постсоветском пространстве, это будет создавать серьёзные деформации в социальном устройстве.

Выявляемый на практике конфликт между тенденциями структурного функционализма и социального конструктивизма имеет далеко не теоретический смысл. Поэтому вовсе не случайно Бурдьё называл свою позицию «структуралистским конструктивизмом» или, наоборот, «конструктивистским структурализмом». Французский социолог, с одной стороны, признаёт, что социальный мир формируется структурами, но они, в свою очередь, сами выстроены социальными агентами, габитус

которых (схемы восприятия, мышления, действия) меняется и развивается, т. е. имеет свой генезис. Так же, впрочем, как и сами социальные поля претерпевают развитие и изменение.

С такого рода взвешенной позиции можно утверждать, что при игнорировании и недооценке роли социальных субъектов, состояния сознания общества (его габитуса) любые установки государственных структур на радикальное изменение социальных полей и общественного сознания могут со временем потерпеть фиаско. Как это уже неоднократно было в истории. Печально завершившаяся история Советского Союза — тому яркий пример.

Национализирующееся государство актуализирует идеи тотального и принудительного пересмотра истории: меняются герои, святые, калейдоскоп побед и поражений, оценки, героизируются иные персоны и события, обязательно максимально «одревляются» этнические корни «главного» народа по сравнению с другими этническими группами, историческая роль которых заметно нивелируется, всячески популяризуется концепция «духовного колониализма» или просто «колониализма», во власти которого в недавнем прошлом был народ-страдалец, не просто обретший, а героически обретший, наконец, свою долгожданную свободу. Всё это служит задаче быстрее выйти из зависимости в сознании получившего независимую государственность этноса от любого влияния того народа, который ныне выставляется в качестве экс-колонизатора. На этом фоне неизбежно возникает поле межгосударственного и межэтнического напряжения, поскольку все иные, нетитульные этносы также оказываются в ущемлённом положении. Ж. К. Нургалиева справедливо пишет о том, что «ученые вольно или невольно легитимируют этническую вражду», что способно привести к разрушению единой социальной общности [11, с. 81].

Стоит отметить, что эту основу для выбора пути выстраивания нового типа идентичности подготовила национальная политика самого СССР. Именно в нём избранные этносы наделялись символами государственности, получая свою институализированную территорию и соответствующее развитие национального самосознания. Огосударствление этнических групп населения, наделение их своими «национальными территориями», то есть придание данным этносам статуса нации с собственным национальным государством со всеми государственными атрибутами власти и символикой, с этническими квотами в органах управления и получении образования, с созданием для них

необходимой экономической базы, с условиями устойчивого развития письменных языков, национальной культуры, с мощным позиционированием их на международном поле, с открытием национальных театров, с продвижением этнически ориентированного кинематографа — всё это в свете активно декларируемого в советское время ленинского тезиса о праве наций на самоопределение¹ и привело, в конечном счёте, к распаду страны. Характерно, что ни в одной из вновь образованных стран (как неизбежное следствие безответственного заигрывания с национальными элитами) мы нигде не наблюдаем подобного отношения к национальным меньшинствам внутри этих стран в настоящее время. Наоборот, права этнически иных групп значительно урезаны по сравнению с «титულным» народом.

Это проявляется в политике навязывания одного государственно-го языка с одновременным вытеснением русского языка, в фактическом неравноправии при устройстве на работу (хотя формально, по закону, этого нет), в переписанной истории с иными акцентами, где героическая роль отводится преимущественно представителям государствообразующего этноса, в мемориализации памяти с установкой сотен памятников этническим историческим персонажам, копируя аналогичную практику советских властей относительно революционеров и их вождя В. И. Ленина, в массовом переименовании улиц, скверов, городов, областей, районов, станций и проч.

В Казахстане только в течение первых 18 лет независимости было переименовано 3 области, 12 городов, 53 областных и 7 городских районов, 43 станции и разъезда железнодорожного сообщения, 957 малых населённых пунктов, 890 учреждений образования, культуры, здравоохранения, спорта [12, с. 19]. Уже к 2005 г. осталось около 20 русских топонимов, но и они продолжали вызывать у «местного» «исконного» населения нескрываемое раздражение. Внесены изменения в транскрипцию названий трёх областей, двенадцати городов, четырнадцати районов, семидесяти шести железнодорожных станций и двадцати двух малых населённых пунктов. За первое двадцатилетие «независимости» было переименовано 60% всех географических объектов [5]. Многие из них были основаны имперской Россией во времена деления Казахского

---

¹ Это право на международном уровне было закреплено в 3 статье Декларации ООН о правах коренных народов (резолюция 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года).

ханства на жузы. В итоге мы постепенно получаем иной народ, иную историю, иные ценности, противоречащие всему, что исповедовалось в СССР и разрушающие исторические межнациональные связи. В России продолжают по инерции воспринимать все народы бывшего СССР как братские. Но взаимно ли это?

Безудержная практика борьбы с топонимическим прошлым заставила даже казахстанские власти наложить временный мораторий на переименования, который, однако, недолго длился и был снят к 2017 г. очередным постановлением Правительства РК о переименовании железнодорожных станций.

Каталог географических названий Республики Казахстан, изданный в тридцати двух томах, содержит около 120 тыс. названий микро-, макро-, мезогеографических объектов. Объективности ради следует сказать, что часть объектов подлежала переименованию из-за искажений звучания на русском языке тех или иных названий. Например, из 34,4 тыс. оронимов были искажены 7,7 тыс. (23,9%), из 25,9 тыс. гидронимов — 8,0 тыс. (31,0%) [1].

Проблема фонетического искажения названий остро стоит во всем мире: Москва — это не Москау, Россия — не Раша, Лисбоа — не Лиссабон, а Украина — не Юкрейн и т. д. Но, конечно, определяющая мотивация в производстве этих топонимических изменений была всё же иной: борьба с русскоязычным наследием. Всего было изменено 91,7 тыс. названий, сохранив из них только 9% русских [13]. Но и на этом власти Казахстана не остановились. Ставятся вопросы о переименовании, к примеру, таких крупных городов, как Петропавловск, Павлодар и др. Волна массовых переименований затронула практически все области топонимики: оронимы, хоронимы, урбанонимы, дромонимы, ойконимы, гидронимы.

Есть ли историческая логика в переименовании тех населённых пунктов, которые были выстроены во время пребывания казахов в Российской империи и СССР? Очевидно, нет. Отдавая дань безоглядному стремлению национал-патриотов «избавиться» целиком и полностью от якобы «колониального прошлого», власти республики идут и на искажение исторической правды и справедливости, наделяя «своими» именами те объекты, которые не имеют с ними никакой связи. Всё это усиливает межэтническое напряжение внутри страны и недоверие в сфере межгосударственных отношений.

Необъявленная война исторической памяти в Казахстане с пресмотром всего и вся выступила основой новой конструкции социальной

идентичности. Национализация истории и культуры выступает составной частью общего проекта национализации государства. Она означает разрушение единого поля истории, её суверенизацию, выделение «своей» истории, отдельной от общего историко-культурного пространства. Чем глубже проходит этот процесс, тем российский и казахстанский народы становятся всё дальше и дальше друг от друга, а власть новых мифов и система исторического и культурного мифотворчества всё более доминируют над сознанием наших соседей. История и культура выступают не менее серьёзным инструментом в политике, нежели экономика и политика.

Конструирование новой исторической памяти сопровождается серьёзными искажениями, всевозможными натяжками, выведением на первый план лиц, не имевших в реальной истории такого исторического веса и значения, который им пытаются придать спустя десятилетия и столетия. Это формирует новую историческую мифологию и идеологию, где главным становится не историческая правда и справедливость, а желание полной национализации (моноэтнизации) истории и культурного наследия территории в угоду своим моноэтноцентристским взглядам.

И ещё одно замечание. Рассматривая построение нации в современном Казахстане через призму примордиалистских, инструменталистских, конструктивистских концепций, можем отметить, что все они так или иначе проявлены в нём. Социобиологическое направление в рамках примордиализма фактически взято за основу в современном нациестроительстве в Казахстане. Более того, сама территория этого государства как «исконно казахская» становится составной частью примордиального определения казахского этноса-нации. Инструменталистский подход проявлен в претензии казахского этноса на ведущие роли в «своём» государстве, несмотря на то, что это самое государство изначально было полиэтничным. Чтобы завладеть всей полнотой власти над этой территорией, собственно, идея казахской нации оказалась на время жизнеспособной. Конструктивистский подход проявлен в любой нации. Нация — это всегда отчасти конструктор, вне зависимости от того, опирается он на некий избранный народ, на группу народов или вовсе является надэтничным общегражданским образованием с опорой на некие общие ценности и цели.

При этом нужно сказать, что опыт Казахстана являет собой самый мягкий образец национализирующегося государства на постсовет-

ском пространстве. Россия не входит в число национализирующихся стран, обладая длительной историей собственной государственности и поэтому лишённой необходимости проходить через эти стадии национального становления. Тем не менее опыт бывших братских республик необходимо тщательно изучать, чтобы избежать ошибок советского времени и времени их независимости в постсоветский период. Следует постепенно отходить от идеи национально-территориального деления России, от практики огосударствления отдельных этносов на территории страны. Важно при этом предложить иную систему этнического развития с опорой на культуру, принципиальную полилингвальность всего населения страны и, прежде всего, русского населения, с актуализацией богатства истории всех без исключения народов России как общего историко-культурного достояния страны. Необходимо уходить от любых этнических окрасок в деле формирования и поддержки общегражданской идентичности. Русский народ, объявленный в Конституции России государствообразующим, должен представляться как полиэтничный народ, исторически вобравший в себя практически все коренные этносы страны. Этим мы избежим тех опасностей, которые возникают, к сожалению, на территории большинства постсоветских новообразованных государств.

Литература

1. *Абдрахманов С., Макенова А.* Суверенному Казахстану — суверенная топонимика // Мысль. — 2013. — 26 декабря. — URL: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/1621> (дата обращения: 20.12.2022).
2. *Абдина А. К.* О национальной и государственной идентичности Беларуси и Казахстана // Социологический альманах. — Вып. 3. — Минск : Ин-т социологии НАН Беларуси, 2012. — С. 163–173.
3. *Бенедикт А.* Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. — М. : Кучково поле, 2016. — 416 с.
4. *Баньковская С.* Воображаемые сообщества как социологический феномен // Бенедикт А. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. — М. : Кучково поле, 2016. — С. 5–27.
5. *Бологов П.* Орда Елбасы. Казахстан предложили стереть с географических карт мира // Лента.ру [сайт]. — URL: <https://lenta.ru/articles/2014/02/07/rename/> (дата обращения: 20.12.2022).

6. *Бурдьё П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Пер. с франц. Н. А. Шматко // *Поэтика и политика : Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук.* — М. : Институт экспериментальной социологии, 1999. — С. 125–166.
7. *Касенов А.* Брэнд «Казахстан». Часть 1 // *Zona.KZ.* — 2005. — 30 сентября. — URL: <https://zonakz.net/2005/09/30/brend-kazakhstan-chast-1/> (дата обращения: 21.07.2022).
8. *Касенов А.* Брэнд «Казахстан». Часть 2. // *Казах.ру.* — 2005. — 15 октября. — URL: <http://www.kazakh.ru/news/articles/?a=320> (дата обращения: 21.07.2022).
9. Конституция Республики Казахстан (Принята на девятой сессии Верховного Совета Республики Казахстан двенадцатого созыва 28 января 1993 года) // *Викитека [сайт].* — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Республики_Казахстан_1993_года (дата обращения: 21.07.2022).
10. Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года : Текст электронный // *Эдилет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [сайт].* — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 21.07.2022).
11. *Нурғалиева Ж. К.* Казахстан: к вопросу о конфликте идентичностей // *Санкт-Петербургский социологический ежегодник.* — 2009. — СПб. : Астерион, 2009. — С. 78–87.
12. *Нурғалиева Ж. К.* Конструирование этнической и гражданской идентичности в национализирующем государстве на примере Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. — СПб., 2012. — 27 с.
13. Переименования населенных пунктов в Казахстане после распада СССР // *Инфоурок [сайт].* — URL: <https://infourok.ru/pereimenovaniya-naselyonnyh-punktov-v-kazahstane-posle-raspada-sssr-4118154.html> (дата обращения: 20.12.2022).
14. *Brubaker R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. — L. A. : University of California, 1996. — 202 p.
15. *Bourdieu P.* Esprits d'Etat. Genese et Structure du Champ Bureaucratique // *Actes de la Recherche en Sciences Sociales.* — 1993. — № 96–97. — P. 49–62.

Alexander A. GUTSALOV,

Cand. Sci. (History of Philosophy), Herd, Leading Researcher,
Department for Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch,
Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia, gutsalov_alex@mail.ru.

Ethnocentrism in Culture and Historical Memory: Experience of Theoretical Research of the Nation State

The problem of the nationalizing state was first posed in the 1996th by R. Brubaker in response to the geopolitical situation that arose in the post-Soviet space after the collapse of the USSR and all the socialist system. The article analyzes the peculiarities of the policy of nationalization of history and culture on the example of one of the post-Soviet states — the Republic of Kazakhstan. The research is based on analytical materials of Kazakhstani and foreign authors, the Constitution of the Republic of Kazakhstan, statistical data from official sources. Drawing a parallel between the federal structure of the Soviet Union and the new Russia, the author emphasizes the relevance of studying the experience of nation-building in the “former fraternal republics”. It is emphasized that in Kazakhstan there are pronounced tendencies towards nationalization of the state, titularization of the Kazakh ethnic group, excessive elevation of the role of its language, history, culture, religion, traditions and customs. As a result, society is segregated into a privileged class, which is the Kazakh ethnic group, and all other ethnic minorities, which undoubtedly increases interethnic tension and generates mutual alienation of peoples. It is emphasized that this nation-building policy has not led to any significant results in the economic, financial, technological, educational, cultural, sports, defense, demographic fields.

Keywords: R. Brubaker, constructivism, structuralism, instrumentalism, nation, nationalizing state, nationalization of history, nationalization of culture, nation-building, mono-ethnocentric, Constitution of the Republic of Kazakhstan.

РАЗДЕЛ 2

НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Т. Л. Астраханцева*

Традиция Победы как отправная точка в народном искусстве России

В статье предлагается взгляд на источники и обстоятельства рождения традиции в народном искусстве, рассматривается её появление и развитие в социальном контексте. Отмечается связь с категорией «праздника» как особого всплеска общественной энергии, говорится о единомоментной «энергии», рождающейся в социуме вокруг какого-то знакового события и сопряжённого с праздничной атмосферой. Именно эта праздничная радость и находит выражение в новом выплеске творческого потенциала, формирующем новую традицию. Отмечается, что праздник как таковой играет большую роль в традиционном общественном укладе: он как особенное событие нарушает мо-

---

* АСТРАХАНЦЕВА Татьяна Леонидовна, доктор искусствоведения, действительный член Российской академии художеств, главный научный сотрудник — руководитель образовательного направления Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств РАХ, Москва, Россия, tatiana.astrakhantseva@gmail.com.

нотонность годового цикла и тем самым аккумулирует мощный энергетический заряд, собирающий общину (или, на более глобальном уровне — народ) в единый организм. Вводится термин «суперповедение», обозначающий особую интенсивность творческой деятельности, выработку новых идей и форм в предельном, «фестивальном» темпе. В качестве характерного образца приводится послевоенный советский стиль Победы. На примере актуальных мировых тенденций указывается, что народная традиция сохраняет востребованность в современном художественном контексте.

Ключевые слова: народное искусство, традиция, стиль Победы, китч, коммерциализация искусства, национальный стиль, М. А. Некрасова, В. Н. Топоров, народное искусство Гжели.

Традиция в народном искусстве — тема, которая, несмотря на кажущуюся изученность, сохраняет огромный ресурс продуктивной новизны. Чтобы раскрыть часть этого потенциала, мы предлагаем взглянуть на проблему традиции в нетрадиционном, контринтуитивном ракурсе. Сама смысловая инерция термина «традиция» подталкивает воспринимать её как нечто само собой разумеющееся, складывающееся естественным образом на протяжении столетий.

Но понятие «традиция» нельзя воспринимать инерционно. Она, как пишет крупнейший учёный-теоретик М. А. Некрасова, рождаясь, всегда окружала человека вместе с его предметно-пространственной средой, возникала из живой природы «как ее живая часть» [3, с. 16]. Традиция предстаёт как широкая река, которая плавно течёт и вбирает в себя всё новые и новые потоки, она может затухать и возрождаться. Некрасова видит, как очевидную закономерность, «связь возрождения традиции и восстановления народного искусства в своей целостности» [3, с. 36]. И всё это сопряжено с эпохами подъёма народного сознания и самосознания творческого [3, с. 59].

В данной публикации хотелось бы более пристально посмотреть на моменты и обстоятельства рождения традиции в народном искусстве. Причины и интерпретации могут быть разные, как и те источники, которые присущи появлению в нём очередной «волны». Именно генезис традиции, её восприятие не в качестве данности, а как результат динамического взаимодействия различных сил: исторических, социальных, культурных. Такой подход, на наш взгляд, даёт возможность не просто «стряхнуть пыль» со знакомых культурных форм; что не менее важно, такой подход позволяет обдумать условия возможности для полноценного функционирования народного искусства в современности в качестве живого начала, а не ретро-аттракциона, ибо художественная

традиция является стержнем народной культуры и представляет сложную, многогранную категорию. Она лежит не только в основе создания произведений народного искусства. В ней заложены принципы *преемственности и развития, сам процесс созидания*.

Подчеркнём: нормальное функциональное состояние традиции характеризуется открытостью, тогда как на протяжении уже десятилетий можно констатировать тенденцию к изолированию и музеефикации традиционного народного компонента в культуре. Данный признак позволяет диагностировать угасание традиции как живого действующего начала в культурной жизни, её «закваски».

Неудивительно, что преобладающим в разговоре о традиции становится мотив её «возрождения». Но чтобы не оставаться на уровне ритуальных благопожеланий, тему *возрождения* надо вести от её корня в буквальном семантическом смысле — то есть с проработки вопроса о *рождении традиции*. Это требует сместить фокус внимания — от воспроизводства традиции, которая как бы уже «всегда есть», от её передачи из поколения в поколение, от складывания исторических и региональных стилевых нюансов — на тот «космогонический» момент, когда традиция появляется практически из ниоткуда, как вспышка сверхновой звезды. Условия этого события и среду для создания традиционных прототипов стоит искать на стыке культуры, социальности и коллективной психологии, возможно, даже «социальной физики». Уместным видится использование термина «энергия», понятого в духе гумилёвского пассионарного толчка. Её концентрация в социуме осуществляется вокруг какого-то знакового события, сопряжённого, как правило, с атмосферой *праздника*.

На наш взгляд, праздник является ключевой категорией и связан с зарождением традиции. Он выполняет особую символическую функцию в традиционном общественном укладе, не сводимую к чисто техническому перерыву на восстановление и накопление чего-то. Праздник понимается как мифопоэтический центр традиционного социума, прерывающий монотонность годового цикла и создающий особенное, уникальное событие для всех участников. Как писал известный исследователь фольклора В. Н. Топоров, «праздник противопоставлен будням, связан с представлением о “незанятости, пустоты от дел”, и «эта “пустота”, “незаполненность” праздника так или иначе соотносится с идеей о разрыве профанической временной длительности, о празднике как состоянии, когда время останавливается, когда его нет» [5, с. 329–330].

Этот вакуум, образовавшийся в социальном космосе, аккумулирует мощный энергетический заряд, собирающий общину (или на более глобальном уровне — народ) в единый организм.

Идеи праздника как ключевой категории в рождении традиции в народном искусстве постоянно развивала в своих исследованиях и М. А. Некрасова. Констатируя пять функций народного искусства (праздничная, утилитарная, сувенирная, коммуникативная, эстетическая), она ставит праздничную функцию на первое место, рассматривая её на современном этапе не только как этнический аспект, а, прежде всего, как живую культурную память определённой народности, в основе которой находятся органично взаимосвязанные духовная и материальная культура этноса [3, с. 81].

Именно праздник, праздничная радость и находят выражение в новом выплеске творческого потенциала, формирующем новую традицию. Отсюда мы можем зафиксировать два важных момента.

Во-первых, фундаментальную укоренённость художественной традиции в социальном измерении и как следствие — её *динамизм, изменчивость*. «Всякий стиль, — писал А. Б. Салтыков, — есть выражение духовного состояния народа своего времени, <...> народ не останавливается в своем развитии, <...> он постоянно меняется, <...> и с этими переменами неизбежно связаны изменения художественного стиля» [4, с. 29].

Во-вторых, нужно ещё раз подчеркнуть ошибочность приписывания традиции к прошлому, абсолютизации подхода, определяющего традиционность народного искусства через связь с прошлым, его истоками, корнями. В мифопоэтической логике временных циклов этот момент разрыва, порождающего традицию, относится скорее к категории «*вечного настоящего*», каждый раз создающегося заново.

Здесь уместно будет ввести термин «*суперповедение*», обозначающий особую интенсивность творческой деятельности, выработку новых идей и форм в предельном, «фестивальном» темпе.

Переходя к конкретно-историческому плану, следует указать, что самым очевидным источником праздничного подъёма нации, дающего импульс для нового витка традиции, служат значимые военные победы.

Память о народных победах на национальном уровне являлась самым очевидным источником такого праздничного подъёма. Если бы позволяли возможности методологии исторического исследования, интересно было бы проследить интенсивность развития русского крестьян-

ского искусства, которое мы сегодня называем традиционным народным искусством, до и после Куликовской битвы или триумфа 1812 года. А если обратиться к уже проработанному материалу, то лучшей иллюстрацией этого тезиса служит возникший на волне победы в Великой Отечественной войне «стиль Победы».

«Это искусство народной радости», — так охарактеризовала искусство, появившееся после 1945 г., В. И. Мухина. И в данном случае вполне уместно говорить именно о новой народной традиции. Несмотря на, несомненно, авторский характер большинства произведений стиля «Победа», его базовой чертой была народность, проявленная в настроении, образах и сюжетах [1, с. 142–149]. Смело заимствуя их из предшествующих эпох, авторы стиля «Победа» преодолевали исторический разрыв, не впадая при этом в чистую ретроспективность.

Ярким примером может служить новое возрождённое народное искусство Гжели. Некогда цветущий очаг народной духовной культуры, переживший забвение, восстанавливается в атмосфере победно завершаемой Великой Отечественной войны. Силами учёного А. Б. Салтыкова и художницы Н. И. Бессарабовой возрождается сине-голубая, фарфоровая роспись в технике полуфаянса XIX века.

На этом примере хорошо видна и роль социального измерения в рождении новой традиции народного искусства, требовавшего в качестве необходимого условия определённой гармонии между обществом и государством, наличия между ними базового консенсуса относительно системы этических и эстетических координат. Неудивительно, что за этим последовал взрыв в развитии промыслов, продлившийся до середины 1970-х гг.

Предметная область, охваченная всенародной радостью Победы, была максимально широка — от изделий народных промыслов и бытовых художественных предметов до роскошных залов московского метрополитена, интерьеры которых отмечены такими категориями, как «народность» и «праздничность». В этот период, пожалуй, впервые в изобразительном искусстве и архитектуре *классическое* стилевое начало было отодвинуто *народным* на второй план.

Затронув тему войны в стилевом контексте, невозможно обойти ту драматическую ситуацию, которая сегодня складывается вокруг военных действий на Украине. Не касаясь политических оценок, трудно не отметить проблему, связанную с визуально-пропагандистским сопровождением военных событий. Отсутствие единого подхода и чёткой

эстетической программы привело к тому, что символика спецоперации формировалась «на коленке» и обладала, выражаясь аккуратно, очень скромным агитационным потенциалом. Причём в большей степени это касается именно госпропаганды, кульминацией которой стала «бабушка с флагом». На низовом, народном уровне продукция (плакаты, стикеры) была более разнообразной, креативной и стилистически актуальной, но её распространение упиралось в «потолок» социальных сетей.

Нельзя сказать, чтобы это положение взялось внезапно из ниоткуда. Уже после «Крымской весны» стал заметен острый дефицит стилевого и вообще художественного отражения исторических событий народного масштаба. Воссоединение Крымского полуострова с Россией сопровождалось мощной коллективной эмоцией подъёма, чувством национальной гордости, рождало ощущение причастности к большой Истории. Не сравнивая его по значимости с Победой 1945-го, нельзя, однако, не заметить их общий знак — той самой народной радости, которая воплотилась в стиле «Победа». Естественно было ожидать — опять же, с учётом масштаба и исторического контекста — подобного всплеска обновлённой традиции, выраженной в предметной сфере. В воздухе буквально витал запрос на национальное искусство, в особенности традиционное декоративно-прикладное, на формирование свежей «триумфальной» моды в разных сегментах: кухня, одежда, посуда, мебель и т. д., которая могла бы удовлетворить вкусы разных социальных слоёв и групп в общем эстетическом национальном коде. Однако в действительности всё ограничилось однотипными футболками с президентом и «вежливыми людьми». «Высокие» жанры на «Крымскую весну» не отреагировали никак, а массовую нишу заполнила вульгарная атрибутика, качественно не отличающаяся от перестроечного «Арбата». Что касается промыслов, то они также внесли почти нулевой вклад в выстраивание новой традиции, сосредоточившись на сувенирно-подарочной продукции и господрядах. Первопричину такого сбоя следует выявлять, отталкиваясь от тезиса о принципиальной роли социального измерения, в народной традиции.

Вместе с А. Б. Салтыковым мы констатировали, что искусство (и народное, традиционное в особенности) является, с одной стороны, индикатором благополучия общественно-политической ситуации и с другой — производным от строя и атмосферы той страны, в которой оно создаётся. Оно плодотворно развивается там, где есть полноценное сопряжение между укладом общественной жизни и государственной идеологией; где, иначе говоря, государство и общество мыслят себя

в единой ценностной и эстетической системе координат. А значит, разрушение этого общего контура неизбежно проявляет себя упадком народной художественной традиции, её отмиранием или деформацией.

Постсоветским символом такого упадка на долгие годы стал Арбат с его «матрёшками-балалайками», пародирующими национальное искусство, спекулирующими на его сниженной имитации. Как раз начиная с середины 1980-х гг., в России общество и государство резко теряют даже декларативную связь, начинают жить в разных измерениях. Это неизбежно отражается на воплощении национальной идеи в искусстве, которое скатывается в самопародию, в китч, подстраивается под рынок за счёт стремительного качественного обвала. Пресловутый «рынок», притом понятый в экстремальном смысле, собственно, и стал фактической «идеологией», запустив эпоху тотальной коммерциализации народного искусства.

Долгосрочный деструктивный эффект этой подмены был очень существенным: в массовом сознании закрепилось именно такое представление о своём национальном искусстве, не допускающее полноценного самоотождествления, не говоря уже о гордости. Небольшие же очаги промыслов, сохранявшие народный дух, школу, мастерство и традиционные стандарты качества, были изолированы от социальной жизни и озабочены выживанием за счёт государственных дотаций и заказов. Ни о каком стилевом развитии, новаторстве, улавливании атмосферы эпохи речи там не шло. Национальные «опыты» В. М. Зайцева и ряда других дизайнеров, лежащие в плоскости haute couture, то есть адресованные элитному потребителю, не могли отвечать запросам общества. И это притом, что промыслы, отказываясь от советской промышленной гигантомании заводов и их монополии, стали возвращаться к органичному развитию по географическому принципу: развиваются и семейные мастерские, небольшие фирмы-артели. Однако весь этот потенциал остаётся не реализованным, с точки зрения задачи выработки востребованного художественного стиля в русле национальной традиции. Если рассматривать причины такого положения дел в свете социальной обусловленности культурных процессов, то необходимо констатировать: уровень солидарности в нашем обществе по-прежнему слишком низок, а государственно-национальные декларации со стороны власти вступают в противоречие с реальностью рыночных отношений, затронувших практически все сферы жизни.

В последние годы ситуация стала несколько меняться: национальный стиль стал выходить из лубочного гетто, проникая в сферы молодежной моды и предметного дизайна. По мере расширения национальной волны интонация менялась на уважительную, авторы коллекций в этом стиле сочетали экспериментальный подход с вдумчивым отношением к исходному материалу, будь то эмалевые броши в технике ростовской финифти, павлопосадские платки, елецкие кружева, этнические вышивки и пр. Фольклорные мотивы оказались неисчерпаемым ресурсом для креативного воображения художников самых разных стилей и направлений: от люкса по панка. Стали привычным явлением коллаборации современных мастеров непосредственно с аутентичными промыслами. Можно по-разному оценивать художественные достижения в рамках данной тенденции, но её позитивный *социокультурный* эффект несомненен: утратил силу сохранявший со времен арбатских лотков рефлекс как бы стыдиться национального элемента в культуре, допуская его только на правах шутки, или же облекая в гротескную «люксовую» дороговизну (продукция компании Bosco).

Однако волна восприятия традиционной народной культуры в обществе на разных его уровнях тем не менее не масштабируется на целостный государственный уровень, оставаясь хоть и симпатичным, но всё же артефактом потребительской культуры. Вместо лубочности традиция сталкивается с новым вызовом — *вызовом миражности*, возможности конвертироваться в полноценный народный подъём.

И глядя на ситуацию в целом, складывается ощущение, что такое положение вещей является следствием целенаправленной государственной политики, специфического модерирования национальной повестки: заигрывающего с темой наследия и корней, но в строго ограниченном диапазоне и пресекая любую низовую «инициативу», которая кажется политадминистраторам не вполне управляемой.

Очевидно, что искусственно, лабораторно сконструировать новую народную традицию невозможно, она является органическим результатом большой и не всегда заметной работы исторических сил. В то же время без анализа сложившегося положения (который мы попытались начать в данной публикации) и сделанной на его основе системной «работы над ошибками» переломить текущую кризисную ситуацию тоже не получится. Привычные сетования на отсутствие лидеров, способных объединить вокруг себя энтузиастов, в данном случае совершенно неуместны: формирование традиций всегда было сугубо

коллективным творчеством, шло спонтанное самоструктурирование общества, а лидеры как бы выдвигались народной средой и назначались уже из неё.

Кроме того, на социально-политическом уровне в стране сохраняется противоречие между декларируемыми властью национальными и социальными принципами, с одной стороны, и реальным доминированием либерально-рыночных ценностей в общественных отношениях — с другой. Возможно, именно этот конфликт запирает шлюзы «коллективного бессознательного», тормозя его творческую инициативу.

Исходя из данной классификации, нынешнее состояние традиции можно интерпретировать как доминирование сувенирной функции, закупоривающей творческий потенциал исключительно в предметной сфере. В то же время острейшим образом наше общество нуждается в широком и свободном преобразующем воздействии народной творческой стихии. Совершенно справедливо отмечает В. М. Василенко: «Если традицию не совершенствовать, не развивать, она вырождается. Не утратить традицию сегодня — потребность развивающегося искусства» [2, с. 40]. Но в не меньшей степени это потребность и государственной системы, сталкивающейся сегодня с жесточайшим стресс-тестом в виде глобальной войны против Запада.

Выход в горячую фазу конфликта обнажил давний провал на смысловом уровне: что Россия предлагает миру, за что воюет, на что опирается. Ответы на эти вопросы в лучшем случае носят негативный характер («чтобы не как на загнивающем Западе»). Как и случае с разнородностью используемой военной символики (от беломонархической до красной советской), это распыляет и ослабляет наш ресурс в цивилизационном противостоянии.

При этом давно выдвигаются концепции о том, что современный этап развития массовой культуры выдвигает на первый план не вербально-дискурсивные, а визуально-иконические модели коммуникации с аудиторией. Народная художественная традиция с её многообразием и выразительностью образного мира могла бы стать предметным выражением национальной идеи, которую в словесной форме искали долго и тщетно.

Со стороны творческого цеха для такого прорыва сегодня существует готовность и возможности, вопрос стоит за волей и санкцией государства на полноценное национальное возрождение.

Литература

1. Астраханцева Т. Л. Стиль «Победа» в декоративно-орнаментальном искусстве 1940–1950-х гг.: к проблеме дефиниций в советском искусстве сталинской эпохи // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. — М. : КомКнига, 2010. — С. 142–149.
2. Василенко В. М. Русское народное искусство: содержание, стиль, развитие. — М. : РГГУ, 2011. — 168 с.
3. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры: теория и практика. — М. : Изобразительное искусство, 1983. — 343 с.
4. Салтыков А. Б. Избранные труды. — М. : Советский художник, 1962. — 727 с.
5. Топоров В. Н. Праздник // Мифы народов мира. — М. : Сов. энциклопедия, 1982. — Т. 2. — С. 329–330.

Tatyana L. ASTRAKHANTSEVA,

Dr. Sci. (Fine Arts, Arts and Crafts and Architecture),
Full Member (Academician), Russian Academy of Arts,
Chief Researcher, Head of the Educational Direction,
Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy
of Arts, Moscow, Russia, tatiana.astrakhantseva@gmail.com.

The Tradition of Victory As a Starting Point in Russian Folk Art

The paper offers an author's view of the sources and circumstances of the birth of tradition in folk art, considers its appearance and development in a social context. The author notes the connection with the category of the festivity as a special surge in public energy. Here it is worth talking about a single moment «energy» born in society around some significant event and associated with a festive atmosphere. It is this festive joy that finds expression in a new splash of creative potential that forms a new tradition. Note that the holiday as such plays a large role in the traditional social order: it, as a special event, violates the monotony of the annual cycle and thereby accumulates a powerful energy charge that collects the community (or, at a more global level, the peoples) into a single organism. Here it will be appropriate to introduce the term «super behavior», denoting the special intensity of creative activity, the development of new ideas and forms at the extreme, «festival» pace.

Keywords: folk art, tradition, style of Victory, kitsch, commercialization of art, national style, Maria A. Nekrasova, Vladimir N. Toporov, folk art of Gzhel.

И. А. Елисеева*

К вопросу о сохранении содержания традиционного народного искусства

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса о сохранении содержания традиционного народного искусства. Отмечается, что процессы глобализации, происходящие в настоящее время, влекут за собой определённые угрозы национальным, этническим и местным особенностям. В связи с данной проблемой в статье рассматриваются подходы к толкованию понятия «традиция», актуализируется суть духовной традиции и её характеристики. В статье представлены возможные пути, направленные на сохранение традиционного народного искусства, его защиту и развитие.

Ключевые слова: народ, самобытность, искусство, ценность, целостность, традиция, духовность.

Современное мироустройство вносит свои коррективы во все сферы жизни и деятельности человека. Не является в этом вопросе исключением и народное искусство. Исторические, социальные, политические и экономические процессы оказывают существенное влияние в этой области. Глобализация несёт в себе определённые угрозы национальным, этническим, локальным особенностям. В процессе своего развития современное искусство обнаруживает тесную связь с народным искусством и традициями. В связи с этим есть острая необходимость в сохранении традиционных ценностей народного искусства, что может быть осуществлено только в системе образования и формирования эстетических ценностей народа.

Культура, язык, традиции и обычаи, нравственно-этические нормы — неотъемлемые составляющие любой нации. Целостность культуры рассматривается как «соотношение традиции и инновации, взаимодействие академического и народного искусства, проявление уникального и всеобщего» [3, с. 90]. Вопросы традиций находят своё осмысление в работах многих исследователей. Научная мысль первой половины прошлого столетия в данном вопросе сводилась к рассмотрению традиций как пережитков прошлого, не находящих связь с современным, новым,

---

* ЕЛИСЕЕВА Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Орского гуманитарно-технологического института (филиала) Оренбургского государственного университета, Орск, Оренбургская область, Россия, elis-1000@mail.ru.

модернизированным. «Между тем традиция неотделима не только от культурной деятельности народа, но и от самого человека как вечной проблемы. Традиция оказывается той связью, которая формирует знание человечества в опыт. Эта связь пронизывает историю народа, связывая в единое все человечество» [2, с. 199]. Традиции представляют собой те материальные и духовные ценности, то наследие, культурные нормы, обычаи и обряды, которые присущи той или иной народности. «Традиции и новаторство (от лат. «предание, передача» и «обновление, изменение») — две взаимосвязанные стороны исторического развития искусства вообще и народного искусства в частности. Подобно всякой развивающейся системе, искусство в каждый момент своего существования изменяется — должны обновляться и методы обучения, трансляция знаний о виде и способах деятельности» [1].

Народная культура, выступая смыслообразующим составляющим нации, является выражением народного самосознания, его мировоззрения, поэтому сохранение ценностного содержания традиционного народного искусства является важным и первостепенным. Сохранение национальных духовных ценностей является ничем иным, как основой культуры нации, её сокровищем. Элементы традиционного народного искусства представляют собой опыт, накопленный веками, обеспечивающий возможность дальнейшего развития, совершенствования и социализации. Именно этот бесценный опыт, передающийся из поколения в поколение, и представляет собой саму суть духовной традиции, отражающей всё многообразие взаимосвязи человека с окружающей действительностью. Важной характеристикой духовной традиции обнаруживается её целостность, преемственная последовательность, при этом значимость определяется самобытностью, этническим содержанием, специфической картиной мира.

Своеобразие и богатство этнической культуры определяются самобытностью, яркостью, неповторимостью отдельных, местных проявлений народного творчества, проявляющихся в многообразии уникальных, присущих данной местности, художественных обычаев и традиций, имеющих сущностное значение для культуры в целом, ибо вносят неоценимый вклад в систему общечеловеческих ценностей.

Одними из конкретных шагов по сохранению традиционного народного искусства видятся его идентификация, документирование, исследование и сохранение. Безусловно важным в данном плане является популяризация с целью распространения, повышения его роли. Дума-

ется, что всё вышеперечисленное является важным, ибо способствует защите и развитию традиционного народного искусства, воспитывает у граждан чувство уважения к собственному наследию, не позволяет забывать о духовной жизни нации, существовавшей в течение долгого времени.

Литература

1. Ермолаева М. Б. Традиция народного искусства в процессе обучения основам дизайна // Педагогика искусства. — 2011. — № 4. — С. 256–265.
2. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры: теория и практика. — М. : Изобразительное искусство, 1983. — 343 с.
3. Победаш И. Н., Ситников В. И. Народное искусство и целостность культуры. Аксиологический аспект // Вестник славянских культур. — 2014. — № 3. — С. 90–103.

Irina A. ELISEEVA,

Cand. Sci. (Literature of the Peoples of Foreign Countries),
Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Orsk Humanities and
Technology Institute, Orenburg State University, Orsk, Orenburg Region,
Russia, elis-1000@mail.ru.

On the Issue of Preserving the Content of the Heritage of the Folk Art

The purpose of the paper is to consider the issue of preserving the content of traditional folk art. It is noted that the processes of globalization currently taking place entail certain threats to national, ethnic and local features. In connection with this problem, the article discusses the approaches to the interpretation of the concept of “tradition” and actualizes the essence of spiritual tradition and its characteristics. The paper presents possible ways aimed at preserving traditional folk art, its protection and development.

Keywords: *people, identity, art, value, integrity, tradition, spirituality.*

Г. Н. Керцева (Вольная)*

Традиции изготовления серёг и височных привесок в средневековом прикладном искусстве Северного Кавказа

В позднесредневековых памятниках (XV–XVII вв.) горной зоны Северного Кавказа встречаются золотые, серебряные и бронзовые серьги и височные привески с кольцом, с несколькими шариками разных размеров, расположенными по вертикали, украшенные зернью. Они имеют аналогии среди серёг «прикамского», или «волынского» типа VII–XI вв. Мода на такие серьги и височные привески существовала в Средние века на территории Центральной Европы, Древней Руси, Поволжья, Прикамья, Северного Кавказа. Условно такой тип украшений изображает женскую фигурку в позе «одорации», приносящей дары богам и олицетворяющую «богиню плодородия». Эта семантическая схема была понятна многим народам и культурам в эпоху Средневековья, позже в традиционной культуре многих народов, в том числе и народов Северного Кавказа. Такие серьги являлись амулетом, связанным с идеей плодородия и чадородия.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Северная Осетия, Мацута, Махческ, Кобань, Лезгор, Дзивгис, серьги, височные привески, амулет, средневековое прикладное искусство, богиня плодородия.

На Северном Кавказе в памятниках XV–XVII вв. встречаются серьги, состоящие из округлого кольца и прикреплённых к нему вертикально расположенных полых шариков. Сверху на дужку припаивался небольшой шарик диаметром 0,5–0,4 см, состоящий из двух половинок (верхней и нижней). На него был припаян шарик зерни или пирамидка из четырёх шариков зерни (3 в основании и 1 сверху). Снизу на дужку крепился сфероид диаметром 0,5 см и длиной 0,6–0,7 см, состоящий из двух половинок: левой и правой. К сфероиду снизу крепились столбики из двух или трёх шариков или их имитаций. В ряде случаев шарики могли быть одинаковыми (d около 0,2 см), либо разными по размеру: нижние крупнее (d около 0,2 см), а верхние были зернью. В ряде случаев встречается имитация столбиков из зерни. К этим столбикам из шариков крепится крупный шарик или эллипсоид (d 1,0–1,6 см) состоящий из

---

* КЕРЦЕВА (ВОЛЬНАЯ) Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии РСО — Алания, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, gal.volnaya@yandex.ru.

двух половинок: верхней и нижней. И наконец, к этому крупному шару припаивают пирамидки из зерни. Вся зернь — диаметром 0,1 см. Серьги часто украшала скань или имитация скани из рифлёной проволоки, между элементами серёг, столбиками и большим шариком, соединяя половинки шарика. Также в этих местах использовались полоски из металла без рифления. Все элементы серёг соединены с помощью пайки, внутренний стержень отсутствует. Шары изготавливались из тонкой золотой, серебряной или бронзовой фольги толщиной менее 0,1 см с помощью металлической матрицы.

В 2020 г. автор статьи, проводя археологические раскопки погребений в каменных ящиках «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» XVI–XVII вв., обнаружил серьги, состоящие из округлого кольца и прикреплённых к нему вертикально расположенных полых шариков. В погребении 9 справа у черепа найден фрагмент серебряной серьги (возможно, что другая часть серьги находится в другом погребении). Большинство серёг были найдены в основном в области головы и грудной клетки погребённых. В погребении 14 слева у головы были найдены две бронзовые височные подвески (*илл. 1, 2*) в погребении 20 — бронзовые в области разрушенного черепа (*илл. 1, 7–8*), в погребении 64 слева от черепа найдены две бронзовых серьги, одна из них фрагментирована (*илл. 1, 5–6*), в погребении 75 — у левой ключицы фрагмент бронзовой серьги (*илл. 1, 4*). В погребении 43 фрагменты серёг из жёлтого металла находились в трех разных местах: справа от костяка у нижней челюсти и в районе ключицы, слева располагались ниже затылка (*илл. 1, 9–10*). Любопытно, что в этом погребении по сторонам от крыльев таза была положена ещё пара бронзовых серёг, но другого типа (*илл. 1, 1–10*) [17, с. 60–65]. Похоже, что части одной серьги оказались в разных погребениях. Верхняя часть в погребении 75 (*илл. 1, 4*), а нижняя в погребении 64 (*илл. 1, 5*). Серьга была разделена на две части таким образом, что верхние половинки малых шариков были отделены от нижних между кольцом и большой подвеской.

Можно предположить, что серьги в этом погребениях не были вдеты в уши погребённого и не служили украшением головного убора, а были частью погребального обряда. Можно ещё предположить, что серьги из жёлтого металла разделили на части во избежание их хищения. То есть происходила предумышленная порча украшений. Кроме этих серёг из Мацуты, такие украшения в Северной Осетии известны из Махчеса (*илл. 1, 11–14*) [35, табл. CVII, 5–6, CIX, 3–4, LXXXIX, 22),

Илл. 1. Позднесредневековые серьги с подвесками из шариков (из памятников Северного Кавказа)

Лезгора (илл. 1, 16–17) [35, табл. LXXXII, 5–6], Кумбулты (илл. 1, 15) [32, табл. LXXXIX, 22], Кобани (илл. 1, 18–20) [35, табл. LVIII, 5] [31], серебряная подвеска из погребения 143 Нузальского могильника (илл. 1, 26) [27]. Аналогичные серьги происходят из каменных ящиков и склепов села Дзивгис (илл. 1, 21–23) [33, с. 249–408, рис. 27, 24; 28, 3, 6, 8, 9; 18, 1–3], склепа XV–XVI в. близ с. Ахсау (илл. 1, 24–25) [21, с. 7, рис. 21, 42, 2]. Обращают на себя внимание серьги из Дзивгиса с крестиками на шариках в верхней и средней части (илл. 1, 22–23). Большинство находок таких серёг известно из Дигорского ущелья Северной Осетии (10 экз. из 26).

В Чечне такие серьги известны из Юрташтинского [36, с. 68–79], Ялхой-Мохкского [8], Гардалинского [32, № 1, рис. 7, 5, с. 152–168] (илл. 1, 27), Автуринского могильников 1 [3], могильника «Урус-Мартановский поворот» [36, рис. 1, 2], недокументированные хранятся в Национальном музее Чеченской Республики (илл. 1, 28–29). В Ингушетии такие серьги встречаются в склепах XIV–XVII вв. в сёлах Салги и Хамхи (илл. 1, 30–31) [3, рис. 1, 4], в Балкарии из селе Зилчи (илл. 1, 33–34) [16, рис. 276–277], также они встречаются в Карачаево-Черкесии (илл. 1, 32).

Говоря о том, были ли это серьги или височные подвески, можно лишь условно. Проволочные швензы — основа серёжек, которые держат на себе всю декоративную часть изделия, что характерно для всех северокавказских серёг, вполне могли вставляться в мочку уха. Однако есть образец, где эти украшения использовались как височные подвески.

В деревянном гробу, помещённом в каменный ящик 6 могильника близ села Махческ, была обнаружена войлочная шапочка, расшитая шнурообразным золотым шитьём с парой серебряных подвесок по бокам, аналогичных рассматриваемым выше серьгам [35, табл. CXI, с. 258]. Орнамент на шапочке состоит из четырёх симметричных элементов, каждый из которых напоминает «древо жизни». На лобной части шапочки помещена фигурка птицы, к туловищу и клюву которой прикреплены вытянутые бубенчики на цепочках (илл. 1, 35). Смысл головного убора, на мой взгляд, состоит в размещении птицы на вершине древа жизни. Звонящие бубенчики имитируют звуки дождя, а цепочки с бубенцами изображают их визуально. Тогда понятно место подвесок в виде женской фигуры, которая приносит подношение в поднятых руках. В данном случае интерпретируется молитва о дожде, небесной влаге. Главное действующее лицо этой сцены — птица, дарующая дождь (илл. 1, 35).

Материалы из каменных ящиков «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» датируются по находкам из погребений адыгов XVI–XVII вв. [14, с. 336–339, рис. 1]. Если для большинства территорий Европы XVI–XVII вв. — это уже Новое время, для горных обществ Северного Кавказа это ещё продолжение средневекового уклада жизни как в экономическом, так и в политическом контексте.

Описанная разновидность серёг широко бытовала на протяжении большого исторического отрезка времени как на Северном Кавказе, так и в прилегающих областях, начиная с VII по XVI вв. [25, с. 65].

На Северном Кавказе подобная технология изготовления серёг/подвесок известна ещё в аланский период. Однако серьги этого периода отличаются меньшими размерами, дужка — вытянутый овал. Такие серьги с гирляндой из двух, трёх или четырёх полых бусин, соединённых вертикальным штырём и вытянутым овальным кольцом, встречаются в погребениях катакомб аланского катакомбного могильника VI–IX вв. в Даргавсе [12, табл. XXX, 1–2; XXXVII, 5–6, L, 9, LX, LXXII, CVIX]. Такие серьги из комплексов в селах Чми и Камунта VIII–IX вв. В. Б. Ковалевская и В. А. Кузнецов относят к третьему отделу, тип 2 по их классификации [20, с. 138]. Аналогичные серьги фиксируются в памятниках Центрального Кавказа VII–XIII вв. [37, с. 94–99, рис. 78, 5; 80–82]. В этот период широко используются разновидности бус, где на верхнее кольцо прикрепляется бусина, а снизу прикрепляются в различном составе полые шарики и зернь (IV–XIII вв.) [19, с. 138].

В середине VIII — начале X в. в салтово-маяцкой культуре фиксируются серьги подобного типа, но с овальной дужкой и гирляндой из трёх полых круглых бусин (*илл. 2, 26–28*) [29, с. 353]. Бусины состояли из двух полусфер (верхней и нижней) с отверстиями, выполненными с помощью тиснения. Детали бус крепились с помощью проволоки (вертикального штыря). Серьги с подвесками из двух-трёх шариков, скреплённых вертикально, встречаются также в памятниках адыгов Западного Предкавказья в IV–IX вв. [11, с. 16]. Также такие составные серьги встречаются в салтово-маяцкой культуре. Материалы салтово-маяцкой и аланской культур Северного Кавказа генетически связаны друг с другом. В VII–XVIII вв. такие серьги известны на территории Северной Осетии в Архонском и Хазнидонском катакомбных могильниках (*илл. 2, 22–23*).

Развитие аланской культуры Предкавказья прослеживается, начиная с I в. н. э., вплоть до татаро-монголов и далее до современности.

Илл. 2. Средневековые аналоги серьгам с подвесками из шариков (поломская, салтово-маяцкая, аланская, древнерусская культура, болгары, Среднее и Нижнее Подунавье)

Объясняется эта жизнестойкость ранним оседанием этих кочевников и тесным слиянием их с местными племенами.

В золотоордынский период на Верхней Кубани, в Дагестане и Чечено-Ингушетии был распространён тип крупных серёг со стерженьком, унизанным несколькими бусинками, восходящий к салтовским серьгам. Также в этот период пышно развивается искусство скани и зерни (*илл. 2, 26–28*) [20, с. 227, 235, рис. 94, 55; 94, 103].

Морфологически наиболее близкими позднесредневековым серьгам и височным привескам Северного Кавказа являются серьги «прикамского» и «волынского» типа VII–XI вв.: двух параллельных типов развития украшений, созданных в рамках общеевразийской моды. мода на такие серьги и височные привески была на территории Центральной Европы VII–IX вв.: в Венгрии клад в Токае (*илл. 2, 13–14*), Польше [41, рис. 11, 14], Словакии, Болгарии (*илл. 2, 20–21, 24–25*) [29, рис. 5], Древней Руси (*илл. 2, 15*) [28, рис. 110], клад в Гнёздово, найденный в 1868 г. и др., в варяжских памятниках (*илл. 2, 16–19*), Поволжье (*илл. 2, 12*), Прикамье (поломская культура в Удмуртии) (*илл. 2, 1–7*), на Северном Кавказе (салтово-маяцкая, аланская культуры) (*илл. 2, 26–27*).

Возможно, что мода на ношение подобных украшений попала в Прикамье из Подунавья через Кавказ или Подонье. Ранние серьги и привески более лаконичны. Условно они изображают женскую фигурку в позе «одорации», видимо, олицетворяющую «богиню плодородия». Эта схема была понятна многим народам и культурам в эпоху Средневековья и актуальна для них. Женщины носили такие украшения не только как украшение, но и как амулет, связанный с идеей плодородия и чадородия. В Польше такие серьги обнаружены в могильнике у села Обра Нова. Такой тип серёг у местного населения называется «Światki» — Святки, то есть Рождество и, по-видимому, также связаны с идеей рождения и фертильностью.

Г. Ф. Корзухиной было высказано предположение, что прототипами для серёг «волынского» типа с «подвесками-фонариками» являются античные амфоровидные серьги, имевшие весьма длительный период существования [22, с. 45–52].

Однако технологически позднесредневековым северокавказским серьгам близки серьги из памятников Волжской Булгарии X–XII вв. Если для волинских серёг характерна полая, штампованная, спаянная из двух половинок (левой и правой) подвеска, то для прикамских серёг — изготовление подвесок из отдельных шариков с верхней и нижней частями,

нанизанных через отверстие на стержень [29, с. 338–354]. В частности, такие серьги характерны для полонской культуры IX–XII вв. на территории Удмуртии (например, Полонский I могильник VIII–IX вв.). Интересно, что в удмуртском прикладном искусстве серьги с бусинами на кольце, аналогичные северокавказским, по мнению Е. Н. Васильевой, изображают женское божество с поднятыми руками [7]. Они имеют аналогии в традиционной удмуртской вышивке, где встречается изображение женщины с воздетыми к небу руками и ногами, согнутыми ромбом. Справа и слева от женской фигурки в вышивке могут быть изображены ветки деревьев — символы идеи плодородия. Этот образ богини плодородия свидетельствует о существовании представлений у удмуртов о верхнем и нижнем мирах. Эта богиня именуется «Шунды-Мумы» (букв. пер. с удм. — Мать Солнца) — богиня Солнца, олицетворение живительного света и тепла, призванная заботиться о том, чтобы Солнце вовремя всходило и заходило [7, рис. 6] [15, с. 6] [18].

Действительно, руки женского божества на рассматриваемых нами серьгах/подвесках образуют кольцо или овал, бусины как центральные элементы изображают голову, торс и широкую юбку женской фигурки, нижняя пирамидка зерни — ноги, выступающие из-под юбки, верхняя пирамидка на кольце — некое культовое подношение. У «волынских» и «прикамских» типов серёг на кольце нанизаны бусины меньших размеров с зернью или без неё, или же кольца, составленные из зерни, вероятно, изображающие браслеты.

Характерной позой Великой богини в изображениях была поза с поднятыми руками. Поза богини или Матери-Прародительницы с большими ладонями зафиксирована по всему миру, начиная с наскальных изображений [6]. Одни из ранних изображений женского божества с поднятыми над головой руками встречаются в виде скульптурной керамической фигурки из Египта 3500–3400 гг. до н. э. (илл. 3, 5), а также на хеттском барельефе II тыс. до н. э. (илл. 3, 1). Над женской фигурой (хеттской богиней Солнца Ариннити) изображено Солнце с крыльями, а по сторонам расположены деревья [40, р. 7]. Изображение богини с поднятыми к небу руками встречаем на бронзовых амулетах начала I тыс. до н. э. из Италии [38, с. 56–57].

Самые ранние серьги варварского изготовления, изображающие женское божество с воздетыми вверх руками, встречаются на золотых серьгах из скифских памятников IV в. до н. э. — курган 2 у села Любимовка (Херсонская обл.) (илл. 3, 2), курган Толстая могила (Поднепровье)

Илл. 3. Изображения богини с распростёртыми к небу руками (из археологических памятников)

(илл. 3, 3), курган 5 у села Мастюгино (Средний Дон) (илл. 3, 4). По сторонам от него (женского божества) изображены кошачьи хищники. По мнению В. И. Гуляева, это изображение богини Кибелы (скифской Агримпасы) — владычицы зверей [10, с. 105–117]. Такие изображения змееной богини известны в скифских и меотских памятниках Прикубанья IV в. до н. э. Золотая бляшка в виде крылатой змееной богини с поднятыми в молитвенной позе руками есть на золотой диадеме из кургана Куль-Оба. Такие же виды встречаются на золотых бляшках из других мест (станции Елизаветинская, Ивановская, Усть-Лабинская [5, рис. 22, 2] [2, фото на с. 127] [38, с. 49], курган Большая Близнаца у деревни Стеблиевка в Тамани (илл. 3, 6).

В скифский период известно изображение змееной богини с поднятыми вверх руками на серебряном тазе греческой работы из кургана IV в. до н. э. из царского скифского кургана Чертомлык (илл. 3, 7). В результате переосмысления головной убор, которого она касается вздетыми руками, превратился в чашу. Такие же изображения встречаются на предметах эллинской работы: на золотой накладке горита IV в. до н. э. из Соболевой Могилы (Днепропетровская обл., Украина), на мраморной капители III в. до н. э. из Саламина (Кипр) [38, с. 58–59]. Отмечается особая популярность сюжета в скифских памятниках IV в. до н. э.

Ещё одно изображение богини с поднятыми над головой руками-крыльями известно на золотых бляшках I в. до н. э. из кургана 1/24 с. Комарово в Северной Осетии (илл. 3, 8). Богиня стоит анфас, в поднятых руках — полусферическая чаша. Поза божества из Комарово наиболее близка изображению на греческом тазе IV в. до н. э. из Чертомлыка [39, с. 251–272).

Изображение женского божества с поднятыми руками встречается на сасанидском серебряном блюде V века, найденном около г. Чердынь Свердловской области, хранящемся в Эрмитаже. На нём изображена священная птица Симург, уносящая в небо богиню воды и плодородия Ардвисуру Анахиту с поднятыми кверху руками, которая кормит его плодами, горкой лежащими на плоской чаше с ножкой в виде шарика. Вокруг блюда вьётся ветка с крупными цветами; в двух завитках вместо цветка помещены собаки, в трёх — птицы (илл. 3, 11) [34, табл. III, с. 8].

На двух золотых сосудах V–VIII вв., обнаруженных в 1799 г. в кладе близ венгерского селения Надь-Сент-Миклош (Венский художественно-исторический музей), встречены композиции с изображением грифона

(Сенмурва/Симурга), уносящего в когтях обнажённую богиню с поднятыми руками. На одном из сосудов у богини в руках находятся два куста растения (священной Хаомы), на другом сосуде богиня держит в правой руке чашу, из которой пьёт грифон, а в левой держит куст растения. В обеих композициях по бокам от описанной композиции присутствуют изображения деревьев. Это изображение Ардвисуры Анахиты, космологической фигуры, почитаемой как божество «Вод», связанной с плодородием, исцелением и мудростью. Греческие и римские историки классической древности называли её либо как Анайтис, либо отождествляли её с одним из божеств из их собственных пантеонов. Анахита выращивает урожай и стада. Она приветствуется и как божество, и как мифическая река, которую она олицетворяет, «столь же велика, как все эти воды, текущие по земле» (Яшт, 5.3). По авестийской мифологии, Ардвисура Анахита олицетворяет собой мировое древо Хаому, которое, в той же мифологической традиции, ломает «царь птиц» Сэнмурв, рассыпая его семена, то есть терзание здесь переходит в осеменение новой жизни. По сути, эта же идея прослеживается и в русском обряде «вождения русалки», где разрывание и растаскивание соломенной куклы соотносится с осеменением полей.

Если принять такое толкование нашего блюда, то понятным становятся чаша и ветка в руках женщин, изображённых на кувшинах Сент-Миклошского клада. Космический прообраз их — Иштар, олицетворение воды и растительности, в исторический период Ирана расщеплённый на два авестийских образа Амешаспанд — Хаурватат и Амеретат. Сок Сомы в Ригведе носит название *amṛta* — «бессмертный» (напиток), слово, давшее впоследствии, как я полагаю, имя Амеретат — покровительнице растительности. Носительницей второго элемента Сомы — влаги-воды, стала тогда Хаурватат или Хуртат, о которой, как и о Амеретат или Амуртат, никаких упоминаний в Ригведе нет (*илл. 4, 10*) [9] [34, с. 8] [30].

Таким образом, богиня плодородия, изображаемая с поднятыми к небу руками, отождествляется с «мировым деревом». Это хорошо видно и в традиционных русских вышивках XIX века [38, рис. на с. 63]. Продолжение этого сюжета: птицу, несущую женщину с поднятыми руками, можно встретить на некоторых предметах «пермского звериного стиля» VI–XII в. н. э.

Стилизованная женская фигура встречается в традиционных орнаментах народов Северного Кавказа, например, на осетинских вы-

Илл. 4. Изображение богини с воздетыми к небу руками (в предметах традиционной культуры народов Северного Кавказа)

шивках, рисунок которых одновременно может символизировать «древо жизни», а также оленьи рога (*илл. 4, 1–5*) [1, рис. 1 на с. 23]. Интересно, что изображения змееногой богини с двумя атрибутами в поднятых руках сохранились на надгробиях осетин до XX века [39, с. 251–272].

В узорных композициях ингушских войлочных ковров-истингов на ветвях «древа жизни» располагаются антропоморфные изображения в позе адорации либо символизирующие плодородие зооморфные силуэты. Священные культовые деревья, по поверьям, были наделены душой и даже ассоциировались с человеком (человек-дерево). Священное «древо жизни» символизировало человеческий род в прошлом, настоящем и будущем (*илл. 4, 6, 8*) [13, с. 52–52]. Изображение сразу трёх женских фигур в позе одорации встречаем на бронзовой треугольной пряжке из Ингушетии (*илл. 4, 7*) [13, с. 21]. На каждой из трёх вершин треугольника изображены голова и руки, а основание треугольника с прилегающими к нему сторонами изображает платье, расширяющееся книзу. Вышивки в виде женских фигур с воздетыми руками украшают ингушские подчасники XX века (*илл. 4, 9–10*).

Изображения женщин с воздетыми к небу руками и одновременно «древо жизни» встречаются в прикладном искусстве балкарцев и карачаевцев: в рисунке войлочных ковров, на нарукавниках (*илл. 4, 19–20*) и подолах традиционных платьев карачаевок и балкарок (*илл. 4, 14–16*), на тимпанах каменных погребальных памятников [23, табл. 20, 29, табл. 39, 42, 46, 49].

Аналогичные изображения женщины встречаются в вышивках на нарукавниках традиционных женских костюмов адыгов (черкесов) (*илл. 4, 11*), на накоснике, на надмогильном памятнике в с. Курп, на адыгском тамговом знаке, на женском нагрудном украшении «тхылъ», на вышивке женской сумочки и женского кафтанчика конца XIX века, на фрагменте росписи (*илл. 4, 13*), в орнаменте золотого шитья (*илл. 4, 12, 17, 18*), аппликациях [26, рис. 19, 33б, 38, 39, 67б, 126, 127, 143, 176–177, 194]. Такие изображения женского божества, совмещённые с «древом жизни», можно увидеть и на чеченских коврах (*илл. 4, 21–22*).

Изображение женской фигуры, с поднятыми руками приносящей дары богам, встречается в традиционном прикладном искусстве народов Северного Кавказа, в основном, на коврах, предметах женского обихода или праздничного женского костюма.

Такие трёхчастные композиции с центральным элементом — женской фигурой с поднятыми над головой руками в позе одорации —

встречаются с древнейших времен. Это может быть стилизованное изображение «древа жизни» и/или «матери богини». Обычно женщина держит в поднятых руках какой-либо предмет: сосуд, виноградную гроздь и т. п. Стилизованно это отражено в серьгах. Кольцо изображает сомкнутые над головой руки, которые держат какой-то дар богам — пирамидку из зерни. Статуэтки женщин с поднятыми руками были широко распространены в древнем мире. Встречаются они и в прикладном искусстве славяно-финского региона. Это вышивки северорусских полотенец, древнерусские фибулы, пермские бляшки. Кисти рук бывают проработанными условно, бывают отчётливо. Вместо ладоней могут быть изображены птицы или гипертрофированные кисти с гигантскими растопыренными пальцами, с большими пальцами, прижатыми к вискам. Ядро такой мифологемы — Мировое Дерево.

Во многих культурах Дерево отождествляется с женщиной. Например, в хараппской (протоиндийской) культуре на печатях изображена богиня (Богиня-Мать) под деревом или в развилке его ветвей. Наследие этого образа — общепонятный иконографический сюжет «Рождение Будды», где его мать Майя стоит под деревом, держась за него рукой. Древнеегипетскую Исиду (иногда с Осирисом или младенцем Гором) изображали в кроне дерева или под деревом. В скандинавской «Эдде» три норны живут у корней мирового ясеня Иггдрасиль. В народной традиции на Троицу берёзку наряжали как девушку [4].

В позднем Средневековье такие серьги и эта схема сохраняется на украшениях из позднесредневековых склепов и каменных ящиков Северного Кавказа: Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии и Чечни). Особенно много таких находок в Дигорском ущелье Северной Осетии. В позднесредневековых украшениях используются те же прежние технологии (штамповка, зернь), что и в раннем, и в развитом Средневековье, однако они становятся более совершенными, увеличивается число деталей. Технология изготовления полых шариков позднесредневековых серёг из памятников Северного Кавказа отличалась от серёг предыдущих эпох, прежде всего, отсутствием внутреннего стержня, они собраны воедино с помощью пайки.

Идея изображения женщины с распростёртыми вверх руками продолжает встречаться в традиционном искусстве народов Северного Кавказа на коврах, элементах традиционной одежды, тамгообразных знаках на погребальных памятниках, вышивках, помещённых на различных предметах (илл. 4).

Этот архетип оказался очень живуч. Его можно наблюдать на стене из металлических конструкций «Фатима, держащая солнце» (автор Б. А. Тотиев), установленной в 1975 г. на въезде в г. Владикавказ — столицу Северо-Осетинской Республики со стороны села Михайловского (илл. 4, 23).

Литература

1. Андиев Б. Ф., Андиева Р. Ф. Осетинский орнамент. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1960.
2. Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Из коллекции Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея, Государственного Музея искусств народов Востока, Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника, Адыгейского областного краеведческого музея. — Краснодар : Краснодарское книжное изд-во, 1987.
3. Багаев М. Х. Раскопки позднесредневекового могильника у селения Автуры // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. — Грозный : Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого, 1984. — С. 105–111.
4. Баркова А. Л. Женщина с воздетыми руками: мифологические аспекты семантики образа: Текст электронный // Научная страница А. Л. Барковой [сайт]. — URL: <http://mith.ru/alb/mith/woman.htm> (дата обращения: 23.12.2022).
5. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. — Киев : Наукова думка, 1983.
6. Богини с воздетыми руками, с рогами и крыльями. Адорант и Оранта // Livejournal. — URL: <https://world-jewellery.livejournal.com/115541.html?y-sclid=le3768s3os742409626> (дата обращения: 13.12.2022).
7. Васильева Е. Н. Семантика удмуртского декоративно-прикладного искусства и ее связь с мифо-религиозным комплексом // Религиозная жизнь [сайт]. — URL: <http://religious-life.ru/2012/02/vasileva-semantic-udmurtskogo-dekorativno-prikladnogo-iskusstva/15.12.2020> (дата обращения: 10.11.2012).
8. Виноградов В. Б., Петренко В. А., Березин Я. Б., Савенко С. Н. Отчет о полевых работах 3-го отряда. Сводный отчет о полевых работах в Чечено-Ингушетии и Ставропольском крае в 1981 г. // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 8710.
9. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. — Ижевск : Удмуртия, 1994.

10. Гуляев В. И. Богиня Кибела — владычица зверей — в скифском искусстве // Российская археология. — 2018. — № 1. — С. 105–117.
11. Джигунова Ф. К. Западное Предкавказье в IV–IX вв. : автореф. ... канд. истор. наук: 07.00.06. — СПб., 2000. — 23 с.
12. Дзаттиаты Р. Г. Аланские древности Даргавса. — Владикавказ : Ир, 2014.
13. Дзаурова Т. А.-Х. Ингушский национальный орнамент. — М. : Delibri, 2019.
14. Дружинина И. А. К датировке погребальных памятников адыгов // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. — Махачкала : Мавраев, 2020. — С. 336–339.
15. Иванова М. Г. Вдохновение в древних истоках : Материалы по средневековому искусству удмуртов : Методическое пособие для мастеров. — Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 1999.
16. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных классным художником И. А. Владимировым в Нальчикском округе Терской области // Отчет Археологической Комиссии за 1895 год. — СПб. : Типография Главного Управления уделов, 1897.
17. Керцева Г. Н. (Вольная) Позднесредневековые серьги и височные привески Северного Кавказа: традиции изготовления и семантика // Третьи Виноградовские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конфер. (Армавир, 5 апреля 2023 г.). — Армавир ; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2023. — С. 60–65.
18. Климов К. М. Удмуртское народное искусство. — Ижевск : Удмуртия, 1988.
19. Ковалевская В. Б., Кузнецов В. А. Памятники эпохи раннего средневековья // Археология Северной Осетии. — Ч. 2. — Владикавказ : СОИГСИ им. В. И. Абаева, 2007.
20. Ковалевская В. Б. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М. : Наука, 1981.
21. Кокиев Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии. — Владикавказ : Растдзинад, 1928.
22. Корзухина Г. Ф. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — М., 1946. — Вып. 13. — С. 45–52.
23. Кузнецова А. Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. — Нальчик : Эльбрус, 1982.

24. *Мамаев Х. М., Нарожный Е. И.* Новые археологические памятники золотоордынского времени в Чечне // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2014. — № 3. — С. 43–55.
25. *Мизиев И. М.* История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева : В 3-х т. — Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. — Т. 1.
26. *Наков Ф. Р.* Тхыпхъэ: Адыгская (черкесская) знаковая система. — Нальчик : Изд. М. и В. Котляровых, 2010.
27. «Нам угрожали побоями». Что выкопали у средневековой часовни в Нузале? // Основа [сайт]. — URL: <https://osnova.news/n/10473/?ysclid=ldzww048m6659803581> (дата обращения: 10.11.2022).
28. *28. Прохоров В. А., Прохоров А. В.* Материалы по истории русских одежд и обстановки. — СПб. : Императорская Академия наук, 1881.
29. *Рябцева С. С.* «Близнецы» или «двойники»? О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских» серег // STRATUM plus. — Археология и культурная антропология. — 1999. — № 5. — С. 338–356.
30. Серебро Востока в Прикамье: Текст электронный // Parmaday Путеводитель по Перми и Пермскому краю. — URL: <https://parmaday.ru/chastichki-parmy/vostochnoe-serebro-v-prikamye.html?ysclid=lbscub-guod839053944> (дата обращения: 02.12.2022).
31. *Собрание В. И.* Долбежева. 1889–1890 // Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. 1889. Д. 16.
32. *Тангиев М. А.* К изучению погребального обряда населения Чечни XIII–XVI вв. (ямные погребения) // Российская археология. — 2021. — № 1. — С. 152–168.
33. *Тменов В. Х.* Эпоха позднего средневековья. Формирование традиционной осетинской культуры XIII–XVIII вв.) // Археология Северной Осетии. — Владикавказ : СОИГСИ им. В. И. Абаева, 2007. — Ч. 2. — С. 249–408.
34. *Тревер К. В.* Новые сасанидские блюда Эрмитажа. — М. — Л. : АН СССР ; Гос. Эрмитаж, 1937.
35. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. — М. : тип. А. И. Мамонтова и К°, 1900. — Вып. 8.
36. *Умаров С. Ц.* Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни // Археолого-этнографический сборник. — Т. III. — Грозный : Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1969.
37. *Успенский П. С., Албегова (Царикаева) З. Х-М.* Древности центрального Кавказа VII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). — М. : Институт археологии РАН, 2021.
38. *Шауб И.* Италия — Скифия. — М. : Новый Гермес, 2008.

39. Яценко С. А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н. э. // *Stratum plus*. — Археология и культурная антропология. — 2000. — № 4. — С. 251–272.
40. *Büyüktaşınır Z. Bin Tanrılı Uygarlık (Civilization of a Thousand Gods)*. — İstanbul, 2003.
41. *Chropovsky B. Krása slovienskeho šperku*. — Palass, 1978. — Ris. 11, 14.

Galina N. KERTSEVA (VOLNAYA),

Cand. Sci. (Archaeology), Assoc. Prof., Senior Researcher,
Archeology Department, Institute for History and Archeology
of the Republic of North Ossetia — Alania, Vladikavkaz,
Republic of North Ossetia — Alania, Russia, gal.volnaya@yandex.ru.

Traditions of Making Earrings and Temporal Pendants in the Medieval Applied Art of the North Caucasus

In the late medieval monuments (the XV–XVII centuries) of the mountainous zone of the North Caucasus, there are gold, silver and bronze earrings and temporal pendants with a ring, with several balls of different sizes arranged vertically, decorated with grain. They have analogies among the earrings of the “Prikamsky” or “Volynsky” type of the VII–XI centuries. The fashion for such earrings and temporal pendants existed in the Middle Ages on the territory of Central Europe, Ancient Russia, the Volga Region, the Kama Region, and the North Caucasus. Conventionally, this type of jewelry depicts a female figure in the pose of “odoration” bringing gifts to the gods and personifying the “goddess of fertility”. This semantic scheme was understood by many peoples and cultures in the Middle Ages, later in the traditional culture of many peoples, including the peoples of the North Caucasus. Such earrings were an amulet associated with the idea of fertility and childbearing.

Keywords: North Caucasus, North Ossetia, Matsuta, Makhchesk, Koban, Lezgor, Dzivgis, earrings, temporal charms, amulet, medieval applied art, goddess of fertility.

О. Ю. Калягина*

История и судьба Городецкой строчевышивальной фабрики и мастеров традиционного нижегородского золотного шитья

Предлагаемая в статье хроника становления Городецкой строчевышивальной фабрики отражает исторический и социальный контексты эволюции одного из видов народного художественного промысла (НХП) — нижегородского городецкого золотного шитья. Автор сама является заслуженным мастером НХП, живым носителем данной традиции, хранителем памяти описываемых событий, в которых выразились знаковые моменты истории страны, повлиявшие на процессы наследования народной культуры. Индустриализация и модернизация не всегда негативно влияли на художественные промыслы, которые в СССР благодаря государственной поддержке, энтузиазму и самоотдаче мастеров получили мощный рывок. Однако сугубо рыночные механизмы и наступление массовой культуры, изменившие спрос, поставили НХП на грань выживания. Будущее видится в комплексной государственной поддержке и переключении акцентов на собственно художественную национально-культурную функцию традиционного промысла как её главную, определяющую.

Ключевые слова: история народных художественных промыслов, городецкая золотная вышивка, наследование традиционного народного искусства, А. В. Поляков, артель «Красный швейник», В. К. Ярина, Т. И. Храмова, Всесоюзная выставка прикладного искусства.

В Нижегородской губернии до революции существовало три центра золотного шитья: Лысково, Арзамас и Городец. Несмотря на трудоёмкость (ручной труд) и дороговизну, оно было очень востребованным. Им украшались одежда, головные уборы, платки, обувь. Золотное шитьё входило в элементы декора разных предметов, которые органично сочетали утилитарность и сакральность. Было много мастериц и учениц. К настоящему времени предприятие золотного шитья осталось только в Городце, где работала фабрика в советское время. В 1990-е гг. она была закрыта и возобновила работу в 2000-е гг. после перехода в частные руки. Сейчас на ней работают не более пяти штатных мастериц-золотошвеек, являющихся одновременно и художницами. Сохранившиеся предметы данного художественного промысла находятся в различных музе-

---

* КАЛЯГИНА Ольга Юрьевна, независимый исследователь, заслуженный мастер народных художественных промыслов Нижегородской области, член Союза художников России, Нижний Новгород, Россия, neon.eagle@mail.ru.

ях страны, обладая не только исторической, но высокой эстетической ценностью. Всё, что с ними связано, — история их создания, судьбы мастеров и коллективов — уникально в своём роде и одновременно типично, поскольку отражает дух времени и образ жизни нашего народа, его потребность в прекрасном, осуществление идеалов красоты в культуре повседневности, проходя сложные этапы развития (см.: [1]). В этом контексте предлагаемая хроника становления Городецкой строчевышивальной фабрики и истории мастеров традиционного нижегородского золотного шитья заслуживает особого внимания.

Изготовление золотной вышивки отличается сложностью, трудоёмкостью и разнообразием используемых материалов. Золото применялось для изготовления нитей лишь в глубокой древности. Сохранившиеся предметы дают основания считать, что данный промысел существовал здесь как минимум с XVII века. «Изначально существовало два вида нитей — волооченые и пряденые. Самыми древними считаются волооченые нити. Плоская нить называется “бить”, получалась путем протяжки металлической заготовки через мельчайшие отверстия в специальной металлической пластине — матрице. Пряденые нити образуются скручиванием, навиванием металлической нити на шелковую или хлопчатобумажную нить так, чтобы она была полностью покрыта золотом или серебром. Для создания рельефных элементов использовались нити сложного сечения, которые назывались канитель и струнцал (трунцал). Канитель представляет собой тонкую проволоку, скрученную в спираль, полую внутри, круглую в сечении. Для изготовления струнца использовалась плоская бить, скрученная пружиной, в сечении квадратная» [2]. Со временем золото стало заменяться тонкой позолотой металлической основы или материалами, имитирующими золото, откуда и название — «золотная», т. е. изображающая драгоценный металл. Современные городецкие златошвейки не растеряли секреты мастерства. Крупные, пышные искрящиеся цветы и сочные гроздья винограда — излюбленные мотивы городецкой вышивки — используются в традиционных орнаментах на одежде из натуральных материалов (см.: [3]).

Итак, обратимся к хронике. Начало собственно нового этапа в развитии промысла можно отнести к 1928 г. Городец того времени не имел крупной промышленности. По всему городу были разбросаны мелкие полукустарные и кустарные предприятия. Было много и частных, которые работали на дому и продавали свою продукцию на рынках. Но им становилось всё трудней и трудней: государственные органы провели

решительную борьбу с частным сектором в промышленности. Частники почувствовали, что выход один — объединение, создание промыслово-кооперативных артелей и товариществ.

Вот такое товарищество или, как его тогда называли, промкредитное общество и было создано из городецких портных-частников.

Между прочим, подобные артели создавались в то время повсюду. Они являлись той формой организации, которая обеспечивала сочетание личных интересов трудящихся с общественным и представляла собой кратчайший путь перехода от мелкого кустарного производства к промышленному. Хозяйственная деятельность промкредитного общества осуществлялась при помощи паевых взносов за счёт отчислений от прибыли. Но этого было недостаточно. Да и прибыли начинающие товарищества не имели. Поэтому большинство промкооперативных обществ обращались в государственный банк за долгосрочным кредитом и благодаря ему могли развиваться.

Городецкое промысловое кредитное кооперативное товарищество кустарей получило юридическое право на существование в конце 1928 г. и подчинялось Нижегородскому союзу промыслово-кредитных товариществ. Вначале в нём было всего девять человек: П. В. Путилин (председатель), И. А. Желобков (заместитель), И. Н. Гашин, В. Г. Полтинин, Ф. М. Галюшин, Ф. М. Тимофеев, Ф. И. Лаврин, В. П. Шестаков, П. И. Вахнин. Они арендовали частный дом на Колхозной улице. В дом принесли свой материал, перетащили машинки, мебель и стали работать.

Потом в товарищество пришло несколько белошвеек. Шили платья и бельё. Когда набиралась партия продукции, сами же её сбывали в Нижнем Новгороде или Балахне. Там же закупали материал.

Первое время приходилось туго, работали с убытком. Остаться без зарплаты было обычным явлением. Помещение мастерской убирали сами. Дежурили тоже по очереди. Сторожа и уборщицу нанимать было невыгодно.

В марте 1930 г. промкредитное товарищество было переименовано в артель «Красный швейник», которую возглавил А. В. Поляков. Разместилась артель в доме Гунякова. Но ненадолго. Людей стало больше, и мастерская заняла другой дом — Ханыгина (ныне ул. Кирова, 12). Артель объединяла уже 100 человек.

Каждый член артели вносил паевые взносы: рубль полтора-два в месяц. Это была святая святых артели — платить паевые. Даже лозунги в ходу были: «Артель сильнее — чем больше пай, в артели средства на-

коплай», или ещё: «Сильна артель, силен и ты: крепи артельные кусты». Каждый пайщик должен был помнить десять правил члена производственного коллектива, которые и определяли всю его деятельность. При увольнении паевые взносы возвращались.

К этому времени в артели, кроме белошвеек и портных, появились шапочники. Организовали даже раскройный цех. Постепенно артель начала приобретать машинки за казённый счет. От индивидуального пошива перешли к подетальному (или операционному). Это было большим достижением: производительность труда резко возросла. Выросла и зарплата артельщиков: если поначалу они получали по 13–20 руб., то к 1935 г. зарплата поднялась до 50–60 руб. (в новом масштабе цен).

В 1932 г. белошвейный цех перевели в отдельное помещение. И вскоре же было получено ответственное задание: делать вышивку на экспортную продукцию. Но, прежде чем начать работу, кое-кого из работниц послали в село Катунки к опытным вышивальщицам — подучиться новому делу. Когда приехали, начали налаживать дело у себя: принесли из дома пяльцы, обечки и даже стулья. Под руководством Н. П. Красиковой стали вышивать комплекты скатертей, в которые входили 12 маленьких и одна большая скатерть с изображением британского льва. Вышивали также блузки, платья.

Оплата этого ответственного заказа производилась довольно необычно: давали кое-какие изделия из трикотажа, кое-что из продуктов и даже чай, который в те времена был в дефиците.

Однажды в мастерскую пришел заведующий В. Г. Полтинин:

— А ну, красавицы, кто хочет поработать самостоятельно? Открываем отделения артели в Чудове и Гурьеве (позже — Правдинск и Чкаловск).

Вызвались А. Гурьева, А. Бунеева, А. Никитина и другие. Погрузили они свой немудрёный скарб на лодки и спустились к Чудову. Там нашли небольшую комнатёнку, расставили в ней машинки, зеркала, манекены, и пошла работа. Принимали частные заказы. Впоследствии из этой группы образовалась швейная артель имени 8 Марта. То же самое и в Гурьеве — из небольшой группы швейников образовалась артель, которая существует в Чкаловске и поныне.

Как видим, Городецкая артель «Красный швейник» дала толчок к развитию швейных производств в Правдинске и Чкаловске.

К 1935 г. артель «Красный швейник» окрепла и продолжала развиваться. Шила платья, пододеяльники, мужские косоворотки с вышив-

кой «Коностас» и «Прямушки». Вид мастерская имела довольно убогий: разномастные машинки — у кого ножные, у кого ручные. Над ними на проволоке висели керосиновые лампы. Неумолчный стрёкот машинок заглушал все остальные звуки. Остро чувствовался угар — это от плиты, которая топилась беспрестанно для подогрева утюгов.

Работа для разглаживаний была самая тяжёлая. Поэтому, когда однажды заведующая А. Ф. Гурьева спросила, кто хочет перейти на глаженье продукции, все ответили ей молчанием.

— Ну, кто смелый? — ещё раз спросила Анна Фёдоровна. — Ведь надо, поймите, надо кому-то работать.

— Ну, давайте я пойду, — вызвалась А. И. Успенская.

Да так и работала года три, в жаре, орудуя тяжёлыми чугунными утюгами.

В 1936 г. в помещении мастерской появилось электричество. Радость была неописуема: во-первых, интересно и, во-вторых, не будет копоты и керосинового запаха, от которого в конце смены у работниц кружилась голова. Старенькие потрёпанные машинки стали постепенно возвращаться на своё место, в дома их владельцев. Их заменили хотя и подержанные, но казённые машины. Работать стало легче, веселей.

В 1937 г. артель претерпела организационные переустройства. «Красный швейник» стал самостоятельным. Белошвейки и вышивальщицы остались на прежнем месте и приняли гордое имя «Артель им. 21-й годовщины Октября». К этому времени артель насчитывала 300 работниц. Возглавила её В. К. Яргина. После этого немного расширился ассортимент выпускаемых изделий — начали шить и вышивать наволочки, скатерти, сорочки, портьеры. Причём портьеры, вышитые крестом, нередко шли на экспорт.

В эти годы по всей стране ширилось стахановское движение. Захватило оно и городских швейников. Первыми стахановками фабрики стали тогда А. Бунеева, Т. Кузнецова, Е. Котрикова, Т. Соколова, Т. Староверова. Они постоянно перевыполняли задания и были самыми активными общественницами. За ними лозунг «Работать по-стахановски!» поддерживали другие работницы. Трудно было, а всё равно тянулись за лучшими.

Городец в то время имел единственную связь с миром — через Волгу в Правдинск. Продукцию возили на лодках. Всякие случаи бывали при этом. Однажды Н. Петрунина повезла продукцию в Правдинск. Внезапно поднялся ветер — и лодку перевернуло.

— Оказалась я в воде вместе с узлом, — рассказывает Нина Павловна. — Мне бы бросить его, а я не могу. Думаю, как же я брошу его, ведь в нем наша продукция, труд людей? Не могу бросить узел, да и все! Так меня вместе с узлом и вытащили из реки. А в другой раз лодку затерло льдом. По тонкой ледяной корочке люди ползли к берегу и толкали перед собой узлы. Сколько их, таких случаев, не счесть. Все это тогда считалось обычным, а сейчас — удивительным. Времена меняют привычные взгляды на отдельные вещи и явления.

Всё для фронта, для победы. 1941 год. Война. Страшное известие о вероломном нападении гитлеровских войск на СССР отозвалось в сердцах работников артели на улице Кирова ощущением громадной беды, словно чёрной тучей закрыло светлую жизнь. Мужья, отцы и братья уходили на фронт. Побросав работу, женщины с ребятишками на руках, не отставая, шли по пыльной дороге следом за колонной красноармейцев. Везде были слёзы, стоны, причитания. А потом опять возвращались к машинкам: надо работать, кормить осиротевших детей, ждать возвращения мужей, отцов, сыновей, братьев в ожидании победы.

Однажды в артель к вышивальщицам приехал военный.

— Товарищи женщины! Фронт поручает вам почетный заказ — вышивать гвардейские знамена. Но только об этом, особенно о номерах воинских частей, которые вы будете вышивать, никто не должен знать...

Склонились женские головы над пурпурными полотнищами знамён. Золотом вышивать серп, молот, звёздочку, призывы к победе. Каждую цифру номера воинской части зашивали заплаткой: так надо. Шведы начали шить нижнее солдатское бельё, потом гимнастёрки, пилотки. Дали задание сшить 25 тыс. пар солдатского белья в месяц.

Заведующая производством Н. Охлопкова ужаснулась:

— Да как же мы столько сделаем!? У нас ни машин, ни людей нет на такое задание...

Но военпред был непреклонен.

— Надо сделать, ведь это для фронта.

Пошла Охлопкова по городу. Постучится в дом:

— Помогите, гражданочки, возьмитесь, сколько можете, сшить белья... Для фронта ведь это надо...

— Да что вы! Не умею я хорошо-то шить...

— Как сможете... Возьмитесь! Ведь у вас тоже есть кто-нибудь на фронте... Может для них и сошьете.

И женщины брали шитьё на дом. Были и такие, которые упорно отказывались, но таких было немного. Набрали человек 30 швей-надомниц. И шили... да так, что не только выполнили, но и перевыполнили задание военного командования: стали шить до 40 тыс. пар белья ежемесячно. Два раза премии от облисполкома получали.

Работали по 10–12 часов. А хлебный паёк — всего 400 гр. Недоедание, утомление, тоска сопровождали эту трудную и тревожную жизнь. Но женщины работали. И даже воевали. Ушли на фронт Е. Пименова, Ю. Строкина, Е. Гореловская, Е. Бочкарева, А. Бельчева, Л. Туйбова, К. Щеголева, Л. Шикова, К. Малышова, К. Левыкина и ещё несколько человек.

Потом начали приходиться первые «похорожки» — сообщения о гибели близких людей. Убили Геннадия Скилова (мужа А. Теленковой), в слезах была вся артель. Знали его многие, любили... Затем надели чёрные траурные одежды ставшие вдовами Е. Барышникова, З. Кашина, Л. Челкова. Война делала своё чёрное дело. Наступал день — и у всех возникал один вопрос: «Что он ещё принесёт: похорожку, взятие немцами городов или ещё что?..»

Однажды во дворе артели с машины отгрузили громадный ворох солдатского обмундирования — гимнастёрки, шинели, полушубки. Всё это было изодрано, в грязи, с пятнами крови. «С убитых и раненых сняли», сразу догадались женщины. А военный представитель, поймав их изумлённый взгляд, подтвердил: «Да, дорогие женщины, амуниция эта побывала на фронте, вместе с владельцами. Поработайте над ней — можете нам...». И уехал. А работницы дрожащими от страха руками брали разорванные и окровавленные гимнастёрки, смотрели на них и долго не могли прийти в себя: «Может, ее носил мой муж? Размер как раз такой...». И опять слёзы, опять причитания. Когда немного оправились, взяли обмундирование домой, стирали, зашивали, штопали, утюжили его. Не раз собирали бойцам подарки. Вязали носки и перчатки, шили кисеты, украшали их золотой мишурой, набивали самосадом, вышивали платочки... Писали записки: «Самому отважному», «Самому любимому бойцу».

Одна из таких записочек соединила жизненные судьбы швей Жени и фронтовика Н. Лунина. Солдат в кармане гимнастёрки обнаружил письмо с такими тёплыми, задушевными словами, что не мог не приехать в Городец.

Май 1945 года. Великая Победа. В артель имени 21-й годовщины Октября с известием о Победе пришли чувства безграничной радости,

облегчения и удовлетворения от сознания выполненного долга перед Родиной и народом. Военные заказы прекратились. Женщины с радостью готовы были приняться за мирную продукцию. Но не было ткани. Им присылали шёлковые и миткалевые парашюты, из которых начали шить женские сорочки и блузки. Шнуры раздергивали на нитки и вышивали ими незатейливые рисуночки.

Поиски. Не сразу поднялась после войны страна. Несколько лет после неё не могла оправиться и Городецкая артель. Не было тканей, запчастей к машинкам, а ведь нужно было работать. Только к 1950 г. ожила артель. Были получены первые швейные машинки с электрическими моторчиками. Улучшилось снабжение тканями. Артель медленно, но уверенно начала наращивать выпуск продукции. Появилась необходимость расширения. Купили одноэтажный домик на улице Александра Невского, где разместился цех вышивки, раскрой и даже бухгалтерия.

В те годы была модной вышивка «Ришелье». Правда, в артель она пришла гораздо раньше, в 1940 г., когда О. Богомолова обучила этой вышивке первых четырёх девушек. А во время войны было не до «Ришелье». И вот только в 1950 г. эта вышивка опять получила право на существование. Причём артель одна из первых наладила машинную вышивку, приспособив для этого обычную машинку. Это заметно увеличило производительность труда. Если раньше работница над накидкой трудилась 4–5 дней, то машинная вышивка сократила этот срок до 1 дня. Вышивали подзолы, наволочки, пододеяльники, портьеры, а позднее блузки. В то время швейные изделия из дорогих тканей, да ещё и с дорогим рисунком, не пользовались большим спросом — народ ещё не оправился после войны. Поэтому шили из простых хлопчатобумажных тканей, делали рисунок, и это устраивало покупательниц.

Шли годы, увеличился спрос на швейную продукцию, с каждым годом росла необходимость расширения производственных площадей. А их не было, и никто не обещал. Тогда заведующая А. Ларионова пошла на отчаянный шаг — без разрешения вышестоящих органов начала строительство второго этажа над мастерской по улице Александра Невского. В лесхозе закупили материал, заключили договор с бригадой плотников-шабашников. Областное начальство, узнав об этом, страшно возмутилось, угрожало даже судом за самовольные действия, но постепенно гнев начальства утих. А через 8 месяцев пристрой был готов. В нём разместился весь цех машинной вышивки «Ришелье», все 30 машин.

После этого купили ещё два дома на улице Александра Невского: в одном разместились закройщики и конторы, в другом — механическая мастерская и гладильное отделение, а вскоре на выделенные средства построили небольшой домик прачечной во дворе цеха машинной вышивки.

Многим ветеранам фабрики памятни события тех лет. Тогда появились первые машинки 22-го класса, не новые, уже подержанные, но для того времени современные.

Нина Павловна Петрунина вспоминает:

— Пришли эти машинки к нам, поставили их, и все боятся подойти: а вдруг током ударит. Да и жужжит как-то подозрительно. Долго топтались возле них. Потом одна работница все-таки решилась: села за машинку, включила ее. За ней потянулись и другие.

С появлением высокопроизводительных машинок заметно увеличилась производительность труда. Выпускали продукции на 90–100 тыс. рублей. Особенно хорошо работали тогда мастер цеха А. А. Хухарева, Е. Баришникова, М. Маслова, вышивальщица Е. Бушуева, закройщицы А. Шикова, О. Приваловская и др.

В начале 1960-х гг. получила развитие вышивка нового художественного направления «Верхошов» — гладь, настил и др. Главное внимание обратили на традиционную горьковскую вышивку — гипюр.

С освоением новых видов вышивки изделия артели стали экспонироваться на всесоюзных выставках. Ещё в 1951 г. на Всесоюзной выставке прикладного искусства в Москве была представлена первая работа городецких вышивальщиц — занавес «Снежинка», изготовленный по эскизам художника артели А. В. Богачевой. Изделие получило вторую премию, диплом, а его описание было опубликовано в альбомах для воспроизводства.

На следующий год на выставке была предоставлена уникальная занавесь, вышитая золотом. Артель имени 21-й годовщины Октября объединилась с артелью «Красный швейник». Во владение её отошли мастерские на ул. Горького. Была произведена реконструкция некоторых помещений. Так, здание бывшей обувной артели приспособили под цех машинной вышивки.

С первого сентября 1960 г. объединённые артели стали именоваться строчевышивальной фабрикой. К тому времени промышленность дала швейникам немало совершенных машин, которые заменили привычный ручной труд. И на Городецкой фабрике появились специаль-

ные машины, а в раскройном отделении, где знали только портновские ножницы, пришли электрические ножи.

В 1961–1962 г. фабрика работала стабильно: выпускала накомодники, подзоры, скатерти, портьеры, занавески, пододеяльники, шёлковые блузы с вышивкой «Ришелье», мужские рубашки-«гуцулки». Изделия эти пользовались спросом до того времени, пока в благосостоянии населения и быту не произошли большие перемены. Новая мебель и новые вкусы изменили домашний интерьер. Накомодники, подзоры, портьеры и т. п. перестали отвечать вкусам людей — их перестали покупать. Сбыт продукции фабрики резко пошёл на убыль. Магазины стали «открещиваться» от устаревших вышитых изделий, а фабрика стала работать «на склад». Работники снабжения и сбыта вынуждены были продавать продукцию своей фабрики за пределами области — ездили в Кишинёв, Ташкент, Воркуту и другие города страны, шли на всё, чтобы сбыть изделие, а они не шли.

Чтобы как-то поправить положение, начали брать самые невероятные заказы: шили медицинские, поварские халаты, рабочие куртки и даже ватные матрасы. Создавшееся кризисное положение заставило коллектив предприятия коренным образом пересмотреть ассортимент.

В 1963 г. Городецкую строчевышивальную фабрику возглавила Татьяна Иосифовна Храмова. В этом же году появилось новое оборудование — мережечные машины. Именно на посту директора фабрики наиболее полно проявились её деловые и политические качества руководителя. Ей принадлежала идея создания экспериментальной группы.

— Надо прекратить выпускать старомодные изделия, которые не пользуются спросом, и начинать шить что-то другое.

— А что именно?

— Допустим, легкое женское платье...

— Но тогда надо самим разрабатывать технологию пошива. А кто будет заниматься этим?

— Давайте создадим свою экспериментальную группу.

В 1965 г. такая группа появилась. В неё вошли художники, модельеры-конструкторы, лекальщики, вышивальщицы. Под руководством А. В. Богачевой стали создаваться новые рисунки для вышивки. Конструктор-модельер В. Зайцева разрабатывала новые модели женского платья, технологию. В производственную жизнь предприятия эта группа внесла дух творчества и взыскательного отношения к тому, что выпускают цеха.

Это незамедлительно сказалось на сбыте. Выпуск и реализация продукции значительно увеличились: с 2842 руб. в 1964 г. до 3742 руб. в 1965 г. Ценой больших усилий план 1965 г. был успешно выполнен к 13 декабря, а 7-летний план — к 25 сентября. 119 работниц фабрики справились с заданиями к 1 декабря. Сверх плана в тот год было выпущено продукции на 4000 руб. Для достижения таких показателей пришлось немало поработать. Мало шить хорошее платье, надо чтоб оно было модным. А мода, в особенности женская, меняется довольно часто. Со сменой моды требовались пересмотр ассортимента продукции, технологии и перестройка всего производства.хлопотное это дело, но интересное и нужное.

Освоение новых моделей одежды и увеличение производства её не прошло незамеченным. В 1966 г. был опубликован указ Президиума Верховного Совета РСФСР о награждении работников фабрики орденами и медалями. Была награждена орденом Трудового Красного Знамени швея З. Бакловская, орденами «Знак Почета» швея Н. Воробьева, вышивальщицы Е. Котрикова, В. Мясникова, мастер А. Шикова, медалью «За доблестный труд» художница А. В. Богачева, медалью «За трудовое отличие» вышивальщица К. Оничева. Это вдохновило коллектив фабрики на новые трудовые успехи.

Примечательным событием в 1966 г. было принятие почётных обязательств швейей-мотористкой З. Белавской по почину костромской ткачихи В. Плетневой: она решила бороться за досрочное выполнение заданий пятилетки. План двух лет она наметила выполнить к 7 ноября 1967 г. — к юбилею Родины, а пятилетку — к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Вскоре её поддержали работницы А. Усова, М. Щеголева, Г. Волкова, Г. Александрова, З. Дикишина, Н. Воробьева и др. Это движение явилось мощным толчком к подъёму производительности труда.

В 1966 г. фабрика заключила договор с Московской республиканской базой сувениров на поставку швейных изделий на крупную сумму. Этим фабрике была оказана большая честь. В юбилейный для страны год, когда отмечалось 50-летие Октябрьской революции, коллектив фабрики достиг ещё больших успехов. Толчком к тому послужило принятие почётных юбилейных обязательств, за выполнение которых партийная и профсоюзная организации развернули социалистическое соревнование. Борьба за достойную встречу юбилея Родины и досрочное выполнение заданий пятилетки завершилась внушительной победой. Были выполнены все юбилейные обязательства. Производственный план

1967 г. фабрика завершила на 10 дней раньше. За год было изготовлено продукции почти на 5,5 млн рублей. Причём в течение года разработано и внедрено в производство около 30 новых моделей одежды и 45 новых рисунков для них. Среди предприятий управления художественных промыслов области фабрика заняла второе место. Это было очень большим достижением коллектива.

Следует иметь в виду, что фабрика со второго полугодия 1967 г. начала работать по новой системе планирования и экономического стимулирования, что потребовало осуществления важных организационно-технических и экономических мероприятий. Понимая, что такому предприятию нужны квалифицированные кадры, Татьяна Иосифовна присматривается к вышивальщицам и способным, желающим учиться, даёт направление от фабрики в Московское художественное училище. В 1972 г. благодаря целеустремлённости и авторитету Храмова сумела добиться выделения земли и начала строительства нового четырёхэтажного здания для фабрики. Строительство шло очень быстро, и все работники фабрики принимали в этом участие: это были субботники, воскресники и пр. В апреле 1975 г. фабрика начала работать в полную мощность, уже была оснащена современным оборудованием с большой столовой и имела следующие цеха: подготовительный, раскройный, пошивочные, экспериментальный, машинной и ручной вышивки. Швейное оборудование цехов постоянно обновляется и модернизируется.

В этом же году было создано вышивальное отделение при ПТУ № 9. Для производственного обучения на фабрике было выделено два помещения: просторный цех на 20 машин на 4-м этаже и учебный класс. Спецрисование преподавала А. В. Богачева, спецтехнологию — А. Г. Грачева, а производственное обучение вела мастер Г. А. Царева. Через год девочки уже получали 4-й разряд вышивальщицы машинной вышивки... Директор заботился обо всём и обо всех. Благодаря её личным качествам был построен детский сад для детей сотрудников фабрики.

Произошли большие изменения в технологии производства. Обычный метод пошива изделий работницей был заменён по операционным методам, который позволил создать поточное производство. Затем получила распространение специализация смен и цехов: каждая смена выпускала только один вид изделий. В раскройном цехе успешно внедрён «безостатковый» метод раскроя, благодаря которому достигнута немалая экономия материалов. В цехе машинной вышивки появились вышивальные полуавтоматы типа «Текстима» из ГДР. В пошивочных

цехах внедрён агрегатно-групповой метод пошива, что позволило значительно поднять производительность труда и улучшить качество продукции. 19 августа 1978 г. фабрике было присвоено звание «Предприятие высокой культуры».

В 1980 г. сердце Татьяны Иосифовны Храмовой остановилось. С 1963 г. и до последнего дня своей жизни она была бессменным руководителем Городецкой строчевышивальной фабрики. Родина высоко оценила её трудовые и боевые заслуги. Она была удостоена 6 правительственных наград. На фабрике работало уже около 1180 работников; с 1 января 1988 г. она перешла на полный хозрасчёт и самофинансирование, являясь предприятием традиционных художественных промыслов с удельным весом художественных изделий и выпуском товаров народного потребления около 80 % от общего объёма. В марте 1988 г. фабрике исполнилось 60 лет, трудовой коллектив достойно встретил этот юбилей.

Становление творческой группы. Становление творческой группы фабрики началось с прихода первого профессионального художника — А. В. Богачевой. Уроженка Московской области после окончания МХПУ имени Калинина в 1948 г. выбрала местом работы Городецкую строчевышивальную фабрику. Она создавала рисунки для новых изделий, которые потом внедрялись в производство. Сначала это было «Ришелье», а позднее верхшвы и горьковский гипюр. Здесь она не только по-своему решала композицию прозрачного строчевого узора, но и активно обогащала технику вышивки. Так она впервые сочетала горьковский гипюр с рельефными верхшвами.

В 1969 г. пришла на фабрику Дина Александровна Белова. Окончив Семеновскую художественную школу промысловой кооперации, она получила квалификацию мастера хохломской росписи. Проработала 8 лет на фабрике «Хохломский художник», но по семейным обстоятельствам переехала в Городец. Сначала её определили на операцию пришивания пуговиц. Потом было участие в конкурсе по созданию рисунка для вышивки. Её работы понравились, и ей предложили работу художником по вышивке. С 1969 г. она плодотворно работает над созданием рисунков для серийного производства, а также над выставочными образцами. Хохломская школа наложила яркий отпечаток на её творчество. Свободный размашистый рисунок с чёткостью и плавностью линий сочетались в её работах с тонким чувством цвета.

В 1971 г. в творческой группе было пополнение: вернулась с учёбы из Москвы А. Г. Грачева. В 1963 г. она была принята на Городецкую фа-

брику в качестве вышивальщицы. Постепенно она осваивала различные техники вышивки и её тягу к творчеству заметила Богачева. Она и подготовила её к поступлению в художественное училище. Теперь художников уже трое, у каждого свой почерк, работа закипела! Создание рисунков на модели одежды, сувениры, постельное и столовое бельё, работа над высокохудожественными изделиями, участие в различных конкурсах: городских, областных и республиканских.

В 1972 г. на строчевышивальной фабрике в Городце проходил семинар. Его проводили художник по вышивке Н. А. Сапожникова и научный сотрудник из московского НИИХП Н. Т. Климова. Это был исторический семинар. Приехали художники и модельеры со всей области. По научным работам НИИХП начали возрождать золотное шитьё. Это была новая стезя для творчества. Художники с творческим порывом начали создавать высокохудожественные изделия. Это платки, шали, панно и одежда по мотивам нижегородского золотного шитья. В 1975 г., когда фабрика переехала в новое здание, экспериментальная группа уже насчитывала более 20 человек. Вместе с художниками трудились модельеры-конструкторы Л. П. Сумкина, Н. Лебедева, В. Мяккова и др. Руководила творческой группой Т. В. Захарова.

В 1978 г. работы художников были отправлены в Москву на ВДНХ на всероссийский конкурс. Работы были отмечены грамотами и медалями ВДНХ. А. В. Богачева получила серебряную медаль, а А. Г. Грачева была награждена бронзовой. Соавторами художников по праву считаются лучшие вышивальщицы, которые воплощают идеи художников в жизнь. На Городецкой фабрике их было немало: Л. С. Ноздринская, А. В. Шкарина, А. Т. Сомова, Н. И. Александрова и др. Они в совершенстве владели техникой исполнения всех видов вышивки.

В активной работе этой лаборатории немалая заслуга Т. И. Храмовой. Экономист по образованию, она была не лишена природного чувства красоты, чутко реагировала на изменения в современном искусстве, ценила талант художников и модельеров. Это взаимное понимание директора и творческого коллектива стало той плодородной почвой, на которой ярко расцвело искусство вышивки. Недаром из 7 строчевышивальных фабрик Горьковской области Городецкая на юбилейной выставке в Москве 1978 г. была представлена лучше, чем другие предприятия, и удостоена диплома первой степени.

В 1978 г. с направлением от фабрики отправляют на учёбу в Москву ещё двух человек: Л. С. Нагибину, пришедшую на фабрику в 1975 г.

после окончания 8 классов и работавшую швеей-мотористкой, а также О. Ю. Калягину, которая после окончания 8 класса в 1977 г. поступила на обучение в ПТУ на машинную вышивку. Здесь её талант сумели оценить главный художник фабрики А. В. Богачева и А. Г. Грачева, которые преподавали у неё специальные предметы. Успешно окончив московский вуз, они вернулись на родную фабрику, но, увы, любимого директора, который их ждал, больше не было, мест художников тоже. Поэтому Нагибину оформили художником-модельером, а Калягину — мастером производственного обучения и преподавателем спецпредметов в ПТУ при фабрике.

В 1986 г., после ухода на пенсию А. В. Богачевой, главным художником назначают А. Г. Грачеву, а Калягину переводят в творческую группу художником по вышивке. В этом составе они проработали почти 10 лет. Коллектив был сильным и очень талантливым, у каждого был свой стиль. Постоянное участие в выставках и конкурсах приносило признание и награды. В 1987 г. все 4 художника Городецкой фабрики были награждены дипломами Министерства местной промышленности «За создание высоко-художественных произведений НХП». В этом же году Дина Александровна была награждена бронзовой медалью ВДНХ за шаль с золотой вышивкой «Лунная ночь».

Ежегодно на фабрике проходили конкурсы на создание уникальных высокохудожественных изделий с вышивкой. Основной целью конкурсов было сохранение и развитие уникального горюдецкого промысла. Здесь художники могли показать весь свой потенциал. Например, с горьковским гипюром работали все, но соревноваться с Грачевой было весьма затруднительно. Золотное шитьё, которое начали возрождать в начале 70-х годов, достигло своего расцвета. У Беловой свободный растительный орнамент часто дополнялся замысловатыми птицами, Нагибина, как и Богачева, тяготела к народным, более мелким орнаментам, а у Калягиной цветочный орнамент отличался разнообразием форм и декоративным разделком цветов и листьев. Конечно же, всё это исполнялось в тесном сотрудничестве с прекрасными вышивальщицами. В экспериментальной группе, кроме мастеров ручной вышивки Л. С. Ноздринской, А. В. Шкариной, А. Е. Потаповой и А. А. Обрядовой, работали и цеховые вышивальщицы В. Н. Давыдова, Л. И. Шарова, Л. В. Михайлова, Л. П. Баранова, А. И. Куделина, Н. П. Арбузникова, Л. А. Мухина и др. Также в работе по созданию высокохудожественных изделий одежной группы участвовали замечательные швеи В. И. Сто-

лестникова, Е. А. Плеханова, Л. П. Пахтусова и др. Они по праву были соавторами художников, им доверялось первыми воплотить в материале их замысел. Трудно перечислить все выставки и конкурсы, в которых принимали участие городецкие мастерицы. Среди них можно назвать выставки декоративно-прикладного искусства в Анголе, Польше, Чехословакии, Франции, Италии, США. Городецкая вышивка была представлена на наиболее крупных российских выставках «Большая Волга», «Народные художественные промыслы» (Москва), «Декоративно-прикладное искусство Нижнего Новгорода», «Промыслы России» (Вологда), «Молодость России» (Санкт-Петербург), «Народное искусство» (Караганда) и др.

В Городе ежегодно стали проводиться праздник-конкурс «Сударушка» и День города. На каждом из них фабрика блистала показом своих лучших моделей. На фабрике был создан ассортиментный кабинет, где хранились для выставок и конкурсов и демонстрировались лучшие произведения, созданные за все время существования фабрики. Их насчитывалось более сотни. Костюмы, полотенца, столешники, панно с горьковским гипюром восхищали своим изяществом. Шали и одежда с золотой вышивкой потрясали воображение экскурсантов, посещавших фабрику.

В 1992 г. была ещё одна большая победа городецкого золотного шитья: впервые за всё время существования конкурса вышивка заняла первое место. Лауреатом первой премии в области литературы и искусства в конкурсе «Молодые дарования» (Москва) стала шаль с золотой вышивкой «Земля Городецкая» автора Калягиной Ольги Юрьевны.

Уникальные произведения мастеров фабрики хранятся в Городецком краеведческом музее, в Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике, Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, Троице-Сергиевой Лавре (Сергиев Посад), Русском музее (Санкт-Петербург) и др.

О людях фабрики можно писать много. И они вполне заслужили, чтобы о них говорить громко и с почтением.

В 1993 г. Городецкая строчевышивальная фабрика стала ЗАО «Татьяна», а впоследствии не раз поменяла хозяев. Теперь она называется «Городецкая золотная вышивка», которую возглавляет Н. Ю. Дудина, но это уже совсем другая история...

Возрождение и расширение промысла сейчас возможно через повышение интереса аудитории к современным творческим решениям, со-

четающим национальный колорит и элитарность, обращение к духовно-эстетическим факторам воспитания народной культуры потребления, связанных с национальной идентичностью. И здесь без комплексной государственной поддержки не обойтись, поскольку собственно художественная функция народного промысла как выразителя национального культурного кода вытесняет функцию утилитарную. И хотя ручной труд в сравнении с машинным проигрывает по производительности, но в воспитательном, духовно-эстетическом и нравственном отношении он вне конкуренции, если наполнен любовью, добром и красотой.

Литература

1. Городецкая золотная вышивка // Земляки. Дорога домой [сайт]. — URL: <http://ya-zemlyak.ru/nps.asp?id=39&ysclid=le48827fs2624983982> (дата обращения: 10.12.2022).
2. Немного истории. // Фабрика «Городецкая золотная вышивка» [сайт]. — URL: <http://zolutka.ru/history-zolotnoj-of-an-embroidery.html> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Нижегородские промыслы : Библиографический путеводитель : презентация // Нижегородский государственный технический университет им. П. Е. Алексеева [сайт]. — URL: https://www.nntu.ru/frontend/web/ngtu/files/org_structura/library/meropr/bibliogid/2022-nizhegorodskie-promysly.pdf?ysclid=le49c65naw308854889 (дата обращения: 10.12.2022).

Olga Yu. KALYAGINA,

Independent Researcher, Nizhny Novgorod, Russia, neon.eagle@mail.ru.

The History and Fate of the Gorodets Stitching and Embroidery Factory and of the Masters of Traditional Gorodets Gold Embroider in the Nizhny Novgorod Region

The chronicle of the formation of the Gorodets Stitching and Embroidery Factory, proposed in the article, reflects the historical and social contexts of the evolution of one of the types of folk-art craft — Gorodets gold embroider in the Nizhny Novgorod region. The author herself is a merited master of the folk-art craft, a living bearer of this tradition, a keeper of the memory of the events described, which expressed significant moments in the history of the country that influenced the processes of inheritance of folk culture. Industrialization and modernization did not always have a negative impact on art crafts, which in the USSR, thanks to state support, enthusiasm and dedication of

masters, received a powerful breakthrough. However, purely market mechanisms and the onset of mass culture, which changed demand, put the folk-art craft on the brink of survival. The future is seen in comprehensive state support and a shift in emphasis to the actual artistic national-cultural function of the traditional craft as its main, defining one.

Keywords: history of folk-art crafts, Gorodetsky gold embroidery, inheritance of traditional folk art, A. V. Polyakov, artel “Krasny Shveytnik”, V. K. Yargina, T. I. Khramova, All-Union Exhibition of Applied Art.

Рис. 1. Сарафан «Русь», габардин, золотое шитьё, 2020 г., авт. О. Ю. Калягина

Рис. 2. Повойник «Сударушка», шерсть, золотое шитьё, 2021 г., авт. О. Ю. Калягина

Рис. 3. Платок «Птичий хоровод», габардин, золотое шитьё, 2021 г., авт. О. Ю. Калягина

М. Г. Куёк*

Декоративно-прикладное искусство адыгов в современном художественном пространстве

В статье рассматриваются традиционные виды декоративно-прикладного искусства адыгов, которые являются образцами подлинности, аутентичности, этнокультурного кода в трансформируемом художественном пространстве. Целью исследования являются глобализационные и трансформационные процессы, связанные с этнической и культурной идентификацией дисперсных этносов, актуализирующие проблемы изучения и музеефикации «движимого» и «недвижимого» культурного наследия как в традиционном музейном пространстве, так и в виртуальном. Результатом исследования автора является искусствоведческий обзор традиционных видов народного искусства адыгов (черкесов), сохранённых или утраченных в исторических событиях XIX–XX вв. Установлено, что аутентичные и подлинные произведения народного искусства становятся эталонными для трансформации художественного пространства и появления новых художественных направлений декоративно-прикладного и изобразительного искусства адыгов (черкесов).

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство адыгов, этнокультурный код, аутентичность, художественное наследие, трансформация художественного пространства адыгов (черкесов).

Мир художественной культуры и декоративного искусства в глобальном мировом пространстве является отражением современности и культурно-исторического наследия прошлого, традиций народного и аутентичного искусства. Культурное и художественное пространство мира постоянно трансформируется благодаря глобальным коммуникациям, современным технологиям, интернету и средствам массовой информации. В этой связи актуализируются проблемы этнической идентификации, исторической памяти, художественной преемственности традиций и искусства в новом историческом контексте. Меняющийся мир сегодня является объектом познания и воплощения в современном искусстве, как и в предыдущие исторические эпохи, но меняется контекст, художественная форма, стилистика образа, культурная традиция и её интерпретация, актуальность и трансформация реальности. Вызовы времени и глубинные проблемы современного изобразительного и де-

---

* КУЁК Марьет Гиссовна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Республика Адыгея, kuek.marina@yandex.ru.

коративно-прикладного искусства рассматриваются и активно обсуждаются профессиональным сообществом искусствоведов, культурологов, художников, мастеров прикладного искусства на многочисленных научных и художественных платформах, форумах и круглых столах, в дискуссионном пространстве интернета и социальных сетей.

Культура стала восприниматься одним из видов коммуникаций, обмена информацией, а явления культуры приобрели статус системы знаков и символов. В культуре одновременно существуют различные знаковые системы или языки культуры: естественный язык, письменные тексты, традиции, ритуалы, предметы повседневного быта, искусство и декоративно-прикладное искусство. Декоративно-прикладное искусство всегда было отражением одновременно предметности, материальности и художественности, идеальности [3, с. 6].

Как мы считаем, культурный код универсален — он работает в каждом историческом периоде, и благодаря ему сохраняется культура, при этом репрезентация этнической культуры — это практики и процессы, посредством которых формируются и поддерживаются социальные отношения и культурные изменения.

Когда художественное пространство Запада и Европы транслировало новые направления, стили искусства, новые компьютерные и сетевые технологии, на Кавказе возрождались преданные забвению художественные традиции декоративного искусства, развивались современные направления и технологии большей частью декоративно-прикладных видов искусства, что было обусловлено особенностями духовной и материальной культуры кавказских народов [4, с. 34].

Декоративно-прикладное искусство адыгов в современном художественном пространстве представлено в большом разнообразии видов, технологий, которые мы классифицируем в соответствии с используемыми для работы материалами:

- художественная керамика; мелкая пластика;
- художественная резьба по камню, кости, дереву;
- художественный металл; ювелирное искусство; кузнечное ремесло;
- ткачество;
- басонное плетение; золотая вышивка;
- художественное плетение из рогаза и куги;
- обработка кожи; горячее и холодное тиснение; аппликация;
- обработка шерсти; войлок.

Декоративно-прикладное искусство рассматривается в работах искусствоведов Б. Х. Мальбахова, А. Г. Кушу, Н. Г. Ловпаче, М. Г. Куёк, Н. В. Тертыщник, а также в публикациях историков и этнографов М.-К. З. Азаматовой, Ю. К. Беджанова, А. К. Кишева, Ф. Р. Накова, М. Ю. Унароковой, М. М. Иваноковой (Докшоковой) и др.

Надо отметить, что некоторые традиционные виды декоративно-прикладного искусства не получили развития в XX веке, потому как были вытеснены фабричным производством. В частности, это было кузнечное, гончарное, кожевенное производство. Как известно, «...те или иные конкретные формы традиционной культуры исторически развиваются: одни либо безвозвратно уходят в прошлое, становясь историческими артефактами, либо получают статус национального культурного наследия, т. е. не просто начинают «вторую жизнь», но, выражая национальную идею и становясь символом национальной идентичности, обретают «бессмертие» [6, с. 8].

Подъёмный археологический материал хронологически длительного исторического периода на территории Северо-Западного Кавказа показывает непрерывное бытование керамического производства, сложение орнаментального стиля и формообразования. Первыми произведениями прикладного искусства древних адыгов являются вылепленные от руки или на гончарном круге сосуды, кувшины, миски и кружки, а мелкая пластика предстаёт в виде антропоморфной глиняной фигурки из Мешоко. Керамика служила выражением языческих культов адыгов: тотемизма, скотоводческого культа Амыша, культа Созереша, огнепоклоннического культа «джора». У каждого культа в керамике свои обозначения: скотоводческий культ обыгрывается сосцевидными налепами, зооморфными мотивами; огнепоклоннический культ выражается в изображении креста, солярными знаками; культ Созереша обозначается веткой боярышника или оленьего рога.

Художественная керамика в современном художественном пространстве адыгов, к сожалению, пока не получила широкого развития. Интересно творчество художника Руслана Тхазеплижева, который создаёт анималистическую чёрнолощеную керамику, используя древнюю технику обжига, его фигурки бычков, коней, баранов продолжают преемственность непрерывной многотысячелетней художественной традиции.

Художник умеет найти в рамках традиционных приёмов лепки возможность фантазировать, создавать каждый раз нечто новое, нео-

---

жиданное, оригинальное. Художник изучает и перерабатывает археологические материалы и художественные артефакты, ищет новые формы и фактуры в традиционной стилистике, при этом создавая современные произведения искусства [5].

Художественная обработка камня в прикладном искусстве адыгов представлена скульптурографикой: репрезентативными памятниками являются каменный крест X–XII вв. из станицы Губской, рельефное изображение на плите из Верхнего Прикубанья (городище Гиляч), две статуи из Большого Зеленчука X–XII вв., «этокский памятник» XII века, мемориальные стелы Эльхотова и Камбилеевки. К XIV–XV вв. относятся каменные статуи воинов, найденные в верховьях Кубани, на реках Кяфар и Бежгон. Обработка камня и резьба по камню и кости остались в прошлом времени, традиция не развивалась с конца XIX века.

В отличие от обработки камня и кости, художественная обработка дерева как прикладного вида искусства, обеспечивающего предметами быта — мебелью, домашней утварью, орудиями труда, — развивается в новых художественных формах. Красота и простота композиций, разнообразие орнаментальных ритмов, богатство пластики — ценное творческое наследие, получившее дальнейшее развитие в современном декоративном искусстве адыгов. Профессиональные художники и мастера — резчики по дереву Нурбий Дидичев, Альфред Винс, Рамазан Хуажев, Аслан Негуч, Руслан Костоков, Нурбий Тешев, Ахмед Тлишев, Вячеслав Уджуху — развивают традиционные технологии, стиль, художественные приёмы и создают новые фактуры и оригинальные формы, созвучные современному искусству. Характерной чертой адыгской резьбы по дереву являются выразительные орнаменты, строго соответствующие характеру декорируемого изделия, подчёркивающие красоту формы, материала, художественного образа.

Историческая территория формирования адыгского этноса со времён бронзового века стала большой мастерской, где производили разнообразное вооружение, что подтверждается многочисленными археологическими памятниками, в которых находят мечи с разными навершиями и перекрестиями, наконечники копий и стрел, сабли, боевые топоры, копыя, ножи, кинжалы, разнообразные защитные доспехи, шлемы, щиты, кольчуги, налокотники, наручники, а также богато украшенную конскую сбрую — удила, стремена, псалии. В оружейном ремесле адыгов соединяются мастерство кузнецов и искусство ювелиров. Благодаря их совместному творчеству черкесское оружие стало образцом сочетания

уникальных боевых качеств, лёгкости, прочности и красоты отделки на всем Кавказе.

Зарождение кузнечного ремесла и искусства художественного металла, наступление «железного века», создание первых орудий труда и оружия, наделённого магическими свойствами, транслируется в адыгском героическом эпосе «Нарты» мифологическим образом бога-кузнеца Тлепша, покровителя оружия и кузнечного ремесла. Как известно, первым кузнецом нартов считается Дабэч, который передал свои секреты мастерства Тлепшу. Об этом известно из сюжета о кольчуге Тотреша, изготовленной Дабэчем, которая обладала магической силой: когда змея-стрела, выпущенная семиглавым драконом благо, достигла шеи Тотреша во время их схватки, кольчуга сошлась, вырез на шее сократился, и змея не смогла ужалить нарта. Магические способности взаимодействия Тлепша с металлом обнаруживаются в сюжете, когда нарт Дабэч начинал работу с железом в присутствии Тлепша и у него ничего не получалось, металл не слушался: «Как только Дабэч коснется железа, Тлепш подмигивает железу, оно перестает слушаться Дабэча» [7, с. 236].

Возможности Тлепша в наделении оружия нужными заказчику свойствами, в сакрализации процесса изготовления оружия и доспехов нашли отражение в сюжете о мече-самобое, у которого «клинки сами отражают удары слева, справа, спереди и сзади» [7, с. 160]. Волшебные мечи Тлепша легко разрубают камни, железные предметы. Только мечом Тлепша можно убить благо. Только пика Тлепша способна пробивать всё на своём пути. Только стрелы Тлепша наделены свойствами самонаведения и непременно поражают врага, где бы он ни находился. Тлепш создал мечи пружинной формы с сильным магнитом, которые «выстреливали» из ящика или сундука и поражали врага. Меч иныжа способен убить того, кто возьмёт его в руки, поэтому Саусэрыко использует щипцы Тлепша, чтобы обезвредить его.

Культ кузнеца Тлепша связан с металлом, получением железа из руды, сакрализацией наковальни, предметов из металла, атрибутов плавки металла — огня, воды, угля, пепла и сажи. Почитание кузни, кузнеца, наделение их сверхъестественными силами стало причиной объективизации культа железа, а также атрибутов, связанных с изготовлением металла. Отношение нартов к Тлепшу, его кузне, почитание его ремесла передалось и последующим поколениям нартов, затем и адыгам. Сакральность кузницы сохранилась до сих пор в традициях адыгских народов.

Продолжительная война конца XVIII — второй половины XIX вв. прерывает преемственность художественных традиций и уникальных технологий кузнечного, оружейного ремесла и ювелирного искусства на долгие годы. При этом адыгская диаспора в Турции, Израиле, Иордании и Сирии смогла сохранить традиционные технологии обработки металла, шерсти, дерева и кожи, золотого шитья и плетения. В Адыгее в 1990-е гг. началось возрождение декоративно-прикладного искусства, традиционных художественных ремёсел, открылись границы для культурного взаимодействия с соплеменниками, Адыгея получила статус республики, и многие факторы социально-политических запросов получили развитие в последующие годы.

Значительные успехи были достигнуты в культурном и художественном пространстве: возрождались прикладные ремёсла, традиционные виды декоративного искусства. Ювелирное и оружейное искусство в конце 1980-х — начале 1990-х гг. начало своё возрождение благодаря усилиям профессиональных художников — ювелиров Аси Еутых и Мурата Гогунокова. Важно отметить, что они направили творческий поиск на сохранение и развитие археологического и этнографического художественного металла адыгов. По археологическим источникам Ася Еутых восстановила древнюю рецептуру бронзы и воссоздала технологию бронзового литья. Она создала свой собственный стиль в искусстве, соединив стилистику майкопской археологической культуры с художественными образами меото-скифского звериного стиля, а также средневековых черкесских оружейников, создавших уникальные образцы защитного и наступательного вооружения. Ювелир создает парадное оружие, сабли, кинжалы, ножи, мужские пояса и украшения, царские ритоны, кубки; скульптуры и малые формы — колокольчики, браслеты, диадемы, кольца, серьги, пояса, нагрудники и многое другое, что отражает оригинальный авторский художественный стиль. В 2005 г. официально была создана «Ювелирная компания А. Еутых», а с 2009 г. началось сотрудничество с известной компанией Etalon-Jenavi. В 2013 г. Ася Еутых представила самую крупную свою работу — царский трон в зверином стиле, который состоит из 12 разбираемых частей, имеет высоту 2,24 метра и весит около 50 кг. В композиции трона входят изображения двенадцати зверей: барса, птицы, змеи и т. д. В январе 2023 г. состоялось открытие уникального арт-пространства «Золотая кладовая Аси Еутых», которое находится в центре парковой зоны Майкопа, на трёх этажах специально спроектированного здания и украшенного

лепкой, мозаиками, росписями в авторском исполнении, где в экспозиционных залах размещены её произведения, оборудованы ювелирные мастерские и торговые помещения.

Ювелир и оружейник Мурат Гогуноков работает в стилистике северокавказского оружейного и ювелирного искусства XVIII–XIX вв. Профессиональный реставратор-ювелир восстанавливает традиционные технологии художественной обработки золота и серебра, изучает архивные материалы, работает с музейными экспонатами, создаёт реплики с сохранением традиционной стилистики, вырабатывая авторский художественный стиль. Мастер изготавливает парадно-коллекционное оружие: кинжалы, шашки, сабли, а также бевут и ятаган с использованием драгоценных металлов и камней.

Изделия ювелиров востребованы в современном художественном пространстве, несмотря на высокую стоимость изделий.

Возрождением кузнечного ремесла и изготовлением холодного оружия сегодня в Майкопе занимается Арсен Хашхожев, переехавший из Кабардино-Балкарии в Адыгею: проводит мастер-классы, обучает, занимается изучением и возрождением традиционного кузнечного ремесла.

Ткачество адыгов подтверждается археологическими находками глиняных пряслиц и гирек от ткацкого станка. Сукно изготавливали из овечьей шерсти весенней и осенней стрижки, для тонкого сукна предпочитали мягкий подшёрсток ягнят и тонкорунных овец. Адыгские мастерицы выдeldывали сукно высочайшего качества, не уступавшего признанному в мире французскому сукну. Его красили в разные оттенки чёрного, серого, коричневого, бежевого, охристого, зеленоватого цветов. Краски получались прочные, качественные и стойкие, готовились они из коры дуба, ольхи и минеральных красителей. Высококачественное сукно шло на изготовление мужской и женской одежды, а также оно пользовалось большим спросом за пределами Кавказа и всей России, уходя на экспорт в Турцию, Молдавию, Польшу и другие страны. Сегодня ткачество вытеснено фабричным производством.

Золотым шитьём (адыгэ идагъ, дышгъэ идагъ) адыги называют все способы вышивки, плетения басонных изделий и ручного ткачества с использованием золотых, серебряных и шёлковых нитей [2].

Золотошвейный комплекс адыгов является одним из древних видов прикладного искусства, датируемым скифским периодом по памят-

никам археологии и материальной культуры, а также по летописным и письменным источникам X века. Мастерству золотого шитья и плетения басонных изделий учили с детства: умение шить, вышивать, ткать и плести галуны, кисти и бахрому считалось обязательным в воспитании девушек.

Археологические материалы X–XV вв. подтверждают распространение и расцвет золотошвейного искусства адыгов, представленного всеми известными приёмами вышивки золотом, золотыми пластинами, золотыми бусинами и бисером. Также известны аппликации с использованием золочёной кожи, вышивки канителью и блёстками, тканым или плетёным галуном, плетения тесьмы, кружев, пуговиц, басонных украшений из золотых и серебряных нитей, ручного ткачества золотых и серебряных галунов. Этот период характеризуется расцветом золотошвейного искусства, запечатлённым в вышивках золотыми и серебряными нитями одежды, головных уборов, колчанов для стрел, седла, кисетов, шкатулок, сумочек, вееров, футляров.

Известны четыре вида техники золотого шитья: традиционное плоское шитьё «вприкреп»; шитьё «гладь»; тканье галуна «на дощечках», являющееся самым архаичным примером ткачества на территории Европы; плетение басонных изделий — тесьмы, кистей, шариков, подвесок, шнуров. Каждый названный выше вид техники золотого шитья имеет свои технологические особенности.

Золотое шитьё и плетение басонных изделий возродилось и получило развитие в начале 1990-х гг. прошлого столетия благодаря целенаправленной работе по обучению молодых мастеров золотого шитья, открытию обучающих курсов, изданию художественного альбома «Золотое шитьё адыгов (черкесов)». В художественном пространстве Адыгеи сегодня золотое шитьё и басонное плетение являются самыми развитыми, доступными и востребованными видами искусства. Мастер-классы, конкурсы, фестивали, обучение в школах, преподавание золотому шитью и моделированию одежды в профессиональных художественных колледжах содействовали появлению большого количества мастеров и дизайнеров, транслирующих традиционное искусство в современных и стилизованных изделиях, украшениях, одежде.

Плетение циновки занимает значительное место в декоративном искусстве адыгов. Археологические памятники эпохи неолита позволяют датировать появление самих ранних изделий. Именно этот вид народного искусства проявил особую преемственность и устойчивость художе-

ственных традиций. Орнаментальные узоры циновок сохранили в себе информацию о религиозных верованиях, о смене культурных влияний, о быте народа. Циновки и плетёные изделия из рогоза и соломы были тесно связаны с повседневным бытом и более всего отражали жизненный уклад и происходящие в нём изменения. Издавна стены жилища адыгов и хозяйственных построек, изгороди, предметы быта и циновки плелись из лозы, кути и рогоза. Циновка служила настенным и напольным украшением, её дарили и включали в состав приданого; на ней провожали в последний путь умершего, совершали намаз; её использовали в ручном и войлочном производстве.

Устоявшаяся технология изготовления и чёткость художественных средств декорирования циновок, их функциональность, позволили трансформировать новые эстетические явления в повседневной жизни и пронести их через сложные исторические эпохи до наших дней. Признанный народный мастер Замудин Гучев стоял у истоков возрождения плетения циновок и намазлыков, изготовления традиционных музыкальных инструментов. Замудин Гучев довёл плетение циновок до уровня профессионального искусства. Его огромный труд по пропаганде и обучению детей искусству плетения в течение трёх десятков лет приносит заслуженные дивиденды в развитии традиционного ремесла. Сегодня циновка занимает достойное место в современном интерьере, в фондах многих музеев и выставочных залов Кавказа хранятся работы Замудина Гучева и его учеников.

Адыгские мастера владели выделкой кожи, которая занимала важное место в жизнеобеспечении: из неё изготавливали сёдла и конское упряжь, мужские пояса, чехлы для оружия, мужскую и женскую обувь, предметы военно-походной жизни и домашнего обихода. Наиболее известный способ украшения кожаных изделий адыгов — тиснение. Артефакты с тиснением на коже зафиксированы в опубликованных материалах археологических раскопок, к примеру, налучья, колчаны, гориты, датируемые VII — первой половиной X вв. н. э. Развитость ремесла обработки кожи и украшение её тиснением иллюстрируют металлические и костяные штампы с узорами, хранящиеся в собрании Российского этнографического музея [1, с. 28].

Современное развитие ремесла связано с именем Айдамира Патокова, который на генетическом уровне впитал интерес к традиционному художественному ремеслу, что проявилось в освоении технологии обработки дерева, кожи, изготовления музыкальных инструментов: ши-

чепшина, трещоток, а также столиков анэ, детских люлек, домашней утвари и самого сложного и почти потерянного ремесла — изготовления седла и сбруи. Дело в том, что это ремесло было коллективным и специализированным, при этом мастеров уже не было, сёдла стали музейной редкостью, поэтому Айдамир обратился к уникальному мастеру на все руки Вячеславу Мастафову, который живёт и работает в Нальчике. Благодаря своему упорству и трудолюбию он овладел этим ремеслом, научил своего брата, и ремесло стало семейным.

В 2021 г. в Северокавказском филиале музея Востока с большим успехом был представлен совместный выставочный проект Айдамира Патокова и Мазаги Гучевой «Голос сердца», на котором была представлена идея визуального пространственного взаимодействия традиционного ремесла и современного изобразительного искусства и дизайна. Айдамир представил в витринах изделия из дерева, кожи, кости: седло-арчак и седельные принадлежности, шичепшин, пхачич, камыль, различные ножи, станок для плетения басонных изделий, черкесское ружьё и пистолет.

Значительное место в современном искусстве занимает творчество Юрия Сташа — мастера-философа, пропагандиста, неутомимого модельера, который синтезировал огромный пласт художественного творчества народа и создал новые по содержанию и вечные по красоте национальные костюмы, комплексы одежды исторических, эпических персонажей, многочисленные символические и декоративные панно, тематические композиции, арт-объекты. Юрий Сташ одним из первых обратился к истокам декоративно-прикладного искусства адыгов, самостоятельно овладел техникой золотого шитья, аппликации, технологией обработки кожи и трансформировал декоративное искусство.

Обработка шерсти, изготовление войлока является важной отраслью традиционного ремесла адыгов: из войлока шили чехлы для ружей и мужские головные уборы, многофункциональные и практичные бурки, признанные на всем Кавказе и за его пределами.

В творчестве профессиональных художников в последние годы важное место занимает гобелен и войлоковалание. В творчестве Елены Абакумовой ярко отражается гармоничный мир народного мировосприятия. Возрождая традиционные приёмы обработки материалов, она трансформирует и транслирует этнокультурные коды в своих изделиях — войлоке, гобеленах и батике.

Изделиями из войлока и ручным ткачеством гобеленов на высоком профессиональном уровне занимается Гошефиж Абредж, обучая секретам мастерства учащихся детской художественной школы, проводя мастер-классы по войлоковалянию, плетению басонных изделий и ручному ткачеству. Неутомимый художник, постоянно ищущий новые формы, материалы, технологии создания традиционных и вместе с тем художественно трансформированных этнических произведений.

Традиции и современность в декоративно-прикладном искусстве адыгов сосуществуют и развиваются одновременно в поисках забытых образов, освоения древних технологий, от народного искусства к профессиональному современному искусству.

Литература

1. *Дмитриев В. А., Мастафов С. Б.* Предметы культуры адыгов в собрании Российского этнографического музея : каталог. — СПб. : Славия, 2016. — 267 с.
2. *Иванокова (Докшокова) М. М.* Адыгэ идэ. Золотое шитье черкесов. — Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых ; Полиграфсервис и Т., 2018. — 472 с.
3. *Кошаев В. Б.* Декоративно-прикладное искусство: понятия; этапы развития. — СПб. : ВЛАДОС, 2014. — 112 с.
4. *Куёк М. Г.* Современное искусство Кавказа в виртуальном и информационном пространстве // *Образы, сюжеты, художественные направления в изобразительном искусстве: региональный аспект.* — Майкоп : *Магарин О. Г.*, 2020. — 231 с.
5. Персональная выставка Руслана Тхазеплижева // Национальный музей Кабардино-Балкарской Республики [сайт]. — URL: <https://museum-kbrglav.ru/expo/personalnaja-vystavka-ruslana-thazaplizheva> (дата обращения: 15.12.2022).
6. Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России : сб. материалов всерос. науч.-прак. конфер. / Сост., науч. ред. и предисл. Ю. А. Закунов. — М. : Институт Наследия, 2022. — 156 с.
7. *Нартхэр: Адыгэ эпос / зэфэзыхьысыжьыхи зэхэзгъэуцагъэхэр, ублэлэ очеркымрэ комментариехэмрэ зытхыгъэр А. Хьэдэгъэлэ. Мыекьуапэ, 1968. — Т. 1. — 319 с. [Нарты: Адыгский эпос. Собрание текстов в 7-ми т. / Систематиз., сост., вступ. очерк и коммент. А. М. Гадагатля. — Майкоп : б. и., 1968. — Т. 1. — 319 с.]*

Maryet G. KUYOK,
Cand. Sci. (Fine Arts, Arts and Crafts and Architecture),
Leading Researcher, Department for Ethnology and Folk Art,
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research, Maykop,
Republic of Adygea, Russia, kuek.marina@yandex.ru.

**Decorative and Applied Art
of the Adygs in the Modern Art Space**

The paper examines the traditional types of decorative and applied art of the Adygs, which are examples of genuineness, authenticity, ethno-cultural code in the transformed artistic space. The purpose of the study is the globalization and transformation processes associated with the ethnic and cultural identification of dispersed ethnic groups, actualizing the problems of studying and museification of “movable” and “immovable” cultural heritage, both in the traditional museum space and the virtual one. The result of the author’s research is an art history review of the traditional folk art of the Adygs (Circassians), preserved or lost in the historical events of the XIX–XX centuries. It is established that authentic works of folk art become the reference for the transformation of the artistic space and the emergence of new artistic trends in decorative, applied and fine arts of the Adygs (Circassians).

Keywords: *decorative and applied art of the Adygs, ethno-cultural code, authenticity, artistic heritage, transformation of the artistic space of the Adygs (Circassians).*

РАЗДЕЛ 3

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

С. А. Рагуленко*

Некоторые вопросы атрибуции археологических предметов (на примере золочёных конских упряжей раннеаланского периода предгорий Центрального Кавказа)

Статья посвящена рассмотрению некоторых золочёных конских упряжей раннеаланского периода в предгорьях Центрального Кавказа. Анализируются специфическая традиция размещения сбруйных комплексов в погребальном сооружении и их атрибуция. В ходе исследования выясняется, что трактовка включения упряжей в погребальный комплекс в качестве заклада (тайника) требует определённой корректировки. Атрибуция самих упряжей как парадных также требует уточнения, поскольку не соответствует определённым критериям. В итоге обнаруживается, что упряжь является не просто парадной, а представительской, отражающей статус владельца и его властные полномочия в рамках зарождающейся государственности. Это, в свою очередь, внесло дополнение в форму погребального обряда в виде захоронения подобных конских упряжей.

---

* РАГУЛЕНКО Сергей Анатольевич, научный сотрудник отдела культурного наследия Института истории и археологии РСО — Алания, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, ragus67@mail.ru.

Ключевые слова: упряжь, погребальный обряд, парадный, тайник, комплекс, статусный, государственный, раннеаланский, городище, комплекс, социум, золочёный, звериный стиль.

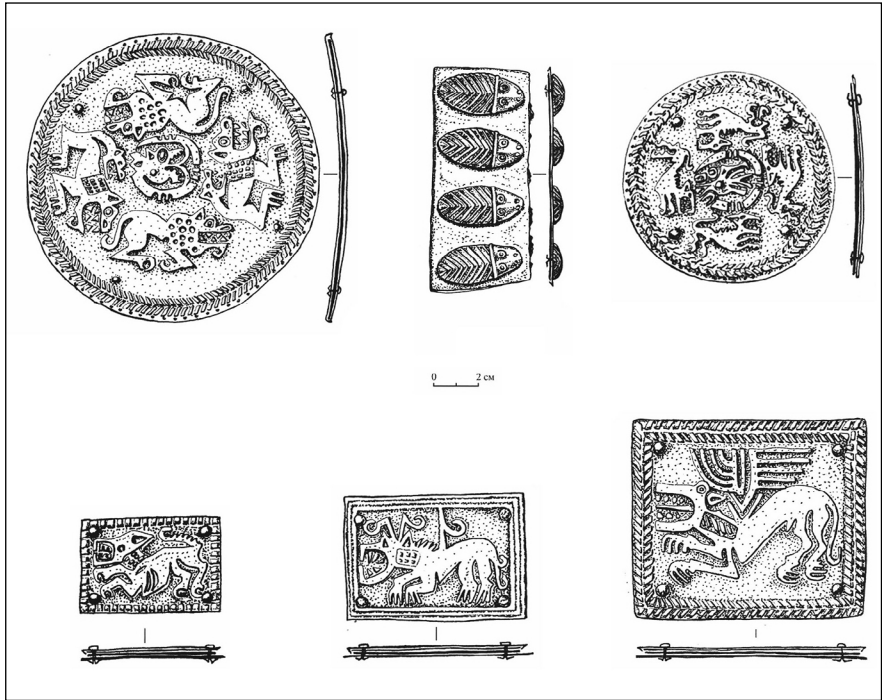
Во II–IV вв. н. э. на территории предгорий и равнин Центрального Кавказа наблюдается культурный феномен: в короткий срок возникают достаточно крупные городские поселения со сложной структурой. В числе наиболее известных можно отметить Зильгинское, Брутское, Киевское, Братское и др. [2, с. 145]. Все эти крупные поселения сопровождаются, соответственно, и крупными некрополями — подкурганными катакомбными могильниками.

На территории некоторых могильников в процессе археологических работ были обнаружены золочёные конские упряжи. Первые две — на Бесланском могильнике, к востоку от Зильгинского городища, к которому он и относится. Первый комплекс был обнаружен в катакомбе № 150, второй — в катакомбе № 186.

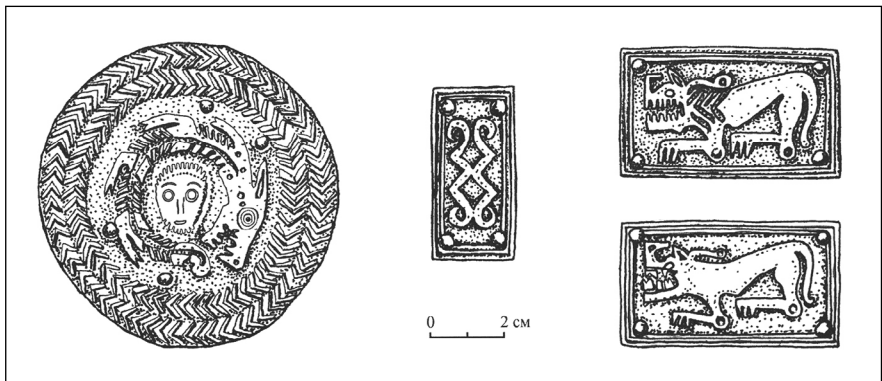
Первые две упряжи были обнаружены в специально вырытых нишах под последней (нижней) ступенькой входной ямы катакомбного погребения [4, с. 160–162]. Основные детали всех комплексов выполнены в единой как технологической, так и художественной стилистике. Декоративные детали наборов украшены рельефным орнаментом в так называемом «аланском зверином стиле» [4, с. 177] (илл. 1–3). Каждый комплекс выполнен в индивидуальной форме и не повторяет другой. В целом конструкция сбруйных наборов Бесланского могильника несёт в себе традиции позднесарматского времени [4, с. 171].

Сами упряжи означены как парадные, а способы их размещения как специфическая черта погребального обряда аланской культуры в захоронениях знати [3, с. 35]. Но при этом отмечается, что далеко не каждое элитарное аланское погребение сопровождается подобными закладами (тайниками) [3, с. 36]. И это примечательно, так как сбруя из кургана 150 находилась не так, чтобы в рядовом, но весьма среднем погребении.

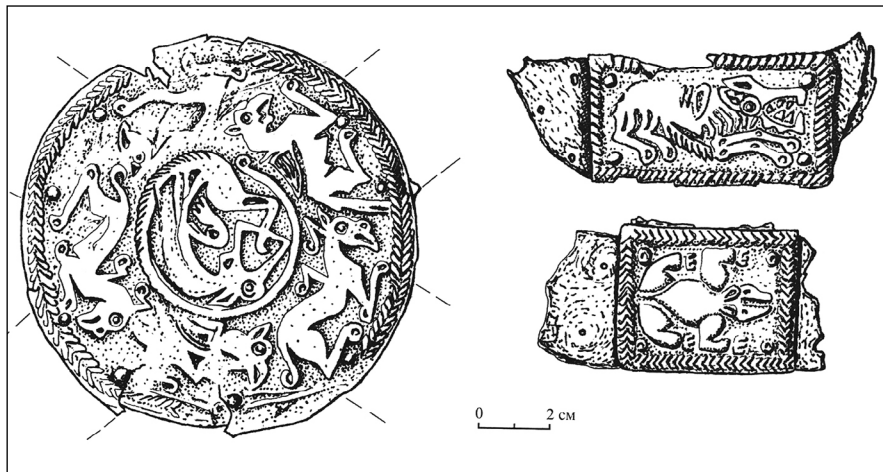
Следует отметить ещё один момент. Датировка всех трёх комплексов рассматривается как середина III в. н. э., притом, что тайники в среде аланской культуры, с сер. III в. н. э. вплоть до сер. V в. н. э., сооружались, как правило, под насыпью кургана, в стороне от погребения. Эта традиция (наличие тайника с конской уздой) имеет свои аналогии в некоторых захоронениях знати у носителей среднесарматской культуры [1, с. 8]. Но

Илл. 1. Фрагменты парадной конской упряжи из Бесланского могильника.
Курган 150 (по Дзуцев, Малашев, 2015)

Илл. 2. Фрагменты парадной конской упряжи из Бесланского могильника.
Курган 186 (по Дзуцев, Малашев, 2015)

Илл. 3. *Фрагменты парадной конской упряжи из Бесланского могильника. Разрушенное карьером погребение (по Дзуцев, Малашев, 2015)*

тайники Бесланского могильника находились в структуре погребального сооружения, и для исследователей данное изменение обрядовых норм осталось неясным, сославшись на некоторую особенность данного некрополя [3, с. 36–37].

В целом, несмотря на некоторые неясности, привязка Бесланских сбруйных комплексов к традиции тайников в погребальном сооружении в рамках одного памятника не вызывала особых вопросов и не требовала корректировок, пока в 2018 г. в результате археологических раскопок могильника близ села Братское Чеченской Республики не был найден ещё один парадный сбруйный комплекс. Сам могильник имеет отношение к аланскому городищу Братское, которое хронологически согласуется с Зильгинским городищем, а погребальный обряд и материалы могильников во многом схожи. Сам сбруйный комплекс обнаружен в придонной части входной ямы катакомбы № 63 в небольшой нише. Само погребение ничем не выделялось (ни конструктивно, ни инвентарно) от среднестатистического захоронения на могильнике. Все детали упряжи выполнены по единым технологическим приёмам, как и комплексы из Бесланского могильника, и украшены рельефным орнаментом в «аланском зверином стиле».

Как отмечалось выше, все комплексы выполнены по единому технологическому принципу: плакировочная основа, покрытая

фольгой из золота или серебра. В каждом из них есть одинаковые декоративные детали, которые могут составлять в разных вариациях от 1 до 4 групп.

Из всего перечисленного можно выделить: захоронение парадной конской упряжи зафиксировано на двух памятниках, находящихся друг от друга на значительном расстоянии; все сбруйные гарнитуры располагались в погребальном сооружении по единому алгоритму; два из трёх погребений, в которых они были обнаружены, относятся к «средним» погребениям; все они выпадают из «классической» традиции расположения тайников в подкурганном погребальном сооружении. Следовательно, в этой традиции может быть заложен иной мотив. В этом контексте обращают внимание два основных момента, а именно: каждый сбруйный комплекс является «парадным» и уникальным в элементах декоративной отделки; все они были захоронены с его владельцем.

В самом начале уже отмечалось, что с появлением ранних государственных форм у населения центральных и восточных районов Северного Кавказа II–IV вв. н. э. усложняется социальная структура, активно развивается спецификация производства, увеличивается плотность населения, которое этнически неоднородно, — всё это требует появления новых форм управленческих структур и номенклатуры.

Таким образом, эти сбруйные комплексы являются не просто парадными, а статусными. Другими словами, подобной упряжью мог владеть человек, облечённый определёнными властными полномочиями, не связанными с уровнем материального положения. Сложно сказать, по каким критериям назначалось должностное лицо и какие функции оно могло выполнять, но, возможно, обязанности могли быть пожизненными и не передавались по наследству. Также возможно, что фон и насыщенность декоративного оформления деталей в зверином стиле мог быть дополнительным семантическим кодом статуса его представителя.

Из всего сказанного следует, что подобную традицию захоронения конской упряжи можно атрибутировать не как форму тайника, а как дополнительный элемент в погребальной традиции, отражающий тенденцию изменения в социальной и государственной структуре. Сама же упряжь может относиться к категории не столько парадной, а представительской, указывающей на определённые властные и управленческие полномочия.

Литература

1. *Беспалый Е. И.* Курган сарматского времени у г. Азова // Советская археология. — 1992. — № 1. — С. 175–191.
2. *Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. — М. : Таус, 2009. — 468 с.
3. *Дзуцев Ф. С., Малашев В. Ю.* Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи. Некоторые итоги исследований 1988–2014 гг. — Владикавказ : Проект-Пресс, 2015. — 112 с.
4. *Малашев В. Ю.* Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в. н. э. / При уч. Ю. Л. Гугуева, А. В. Дедюлькина, Ф. С. Дзуцева, В. А. Меньшиковой, С. Ю. Фризеня. — М. : Ин-т археологии РАН, 2016. — 208 с.

Sergey A. RAGULENKO,

Researcher, Department for Cultural Heritage,
Institute for History and Archeology of the Republic of North Ossetia —
Alania, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania,
ragus67@mail.ru.

Some Questions of Attribution of Archaeological Objects (on the Example of Gilded Horse Harnesses of the Early Alanian Period of the Foothills of the Central Caucasus)

The article is devoted to the consideration of some gilded horse harnesses of the Early Alanian period in the foothills of the Central Caucasus. The specific tradition of placing harness complexes in the burial structure and their attribution are analyzed. It turns out in the course of the study, that the interpretation of the inclusion of harnesses in the burial complex as a bookmark (hiding place) requires a certain adjustment. Attribution of the harnesses themselves as ceremonial also requires clarification, since they do not meet certain criteria. As a result, it turns out that the harness is not just ceremonial, but representative, reflecting the status of the owner and his authority within the nascent statehood. This, in turn, made an addition to the form of the funeral rite in the form of burial of similar horse harnesses.

Keywords: harness, funeral rite, ceremonial, hiding place, complex, status, state, early alanian, settlement, complex, society, gilded, animal style.

Г. В. Бакуменко*

Проблемы коммеморации и коммодификации научно-технического наследия

Коммеморация и коммодификация представляют собой различные стратегии практики сохранения научно-технического наследия. В отдельных случаях наблюдается конфликт этих стратегий, когда коммодификация усложняет и/или исключает памятование.

Наиболее яркие примеры такого рода связаны с исторической наукой. Исторические сведения, как только они становятся товаром, в наибольшей степени подвергаются искажениям. Неоднозначность интерпретации истории порождает множество спекуляций. Перекосы в памятовании связаны с корпоративным влиянием. Ангажированность музея или коммерциативного социокультурного проекта в интересах PR-продвижения имиджа компании усиливает риск подмены задач популяризации научного знания задачами противоположными, вплоть до сокрытия знания или ограничения к нему массового доступа.

Обзор специальной литературы, посвящённой практикам коммеморации и коммодификации, демонстрирует существование проблемы. Конфликт между коммеморацией и коммодификацией научно-технического наследия ведет к инсинуации научного знания, что противоречит принципиальной цели повышения престижа научных знаний.

Ключевые слова: культурное наследие, нематериальное наследие, материальное наследие, научно-техническое наследие, практика сохранения, коммеморация, коммодификация, историческая память, искажение истории, фрагментация научного знания.

В Конвенции ЮНЕСКО о всемирном наследии 1972 г. чётко обозначен основной признак объектов, подлежащих охране: они «представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки» [2, с. 72]. Однако, поскольку объекты науки и техники, как правило, являются результатом интеллектуальной деятельности, инициатива по их сохранению упиралась в международное признание проблемы охраны нематериальной культуры, получившей определение только в 2003 г. в Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, где совокупность объектов, включая «...знания, навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, которые сообщества, группы и, в некоторых случаях, отдельные лица признают как часть их культур-

---

* БАКУМЕНКО Геннадий Владимирович, кандидат культурологии, независимый исследователь, Краснодар, Россия, genn-1@mail.ru.

ного наследия...» [25], и определяют нематериальную культуру. В этом же 2003 г. в рамках Глобальной стратегии сбалансированного, репрезентативного и заслуживающего доверия Списка всемирного наследия в качестве экспериментального мероприятия по выявлению объектов, связанных с астрономией, была создана «Тематическая инициатива по астрономии и всемирному наследию», направленная на установление связи между наукой и культурой в целях признания памятников и мест, связанных с астрономическими наблюдениями, разбросанными по всем географическим регионам, а также не только научных, но и традиционных социальных знаний [6]. На базе этой инициативы после ряда международных совещаний (Дурбан, 2005 г.; Крайстчерч, 2007 г.; Лондон, 2008 г.; Варшава, 2012 г.; Санкт-Петербург, 2012 г.; Манама, 2018 г.), установивших тесную связь между материальным и нематериальным наследием научных и/или технологических объектов, которые могут быть выдающейся универсальной ценностью, сформирована Инициатива 2018 года по наследию астрономии, науки и техники [16], которая на сегодняшний день определяет международную парадигму сохранения научно-технического наследия.

Оценивая в целом инициативы ЮНЕСКО по каталогизации и охране всемирного культурного наследия как гуманитарную технологию, имеющую стратегический характер и направленную на решение долгосрочных задач культурного проектирования, отметим, что помимо международного уровня организации исследований и социокультурной деятельности, этой технологии присущи специфические черты на национальном, региональном, институциональном и даже интерперсональном уровнях. Доктринальная установка на сохранение культурного разнообразия как важного ресурса стабильного развития подразумевает автономию субъектов исследовательской и социокультурной деятельности, которая может реализовываться как на индивидуальном уровне, так и на различных уровнях коллаборации исследовательских, социальных и политических интересов: *интерперсональный* (межличностный), *организационно-институциональный* (уровень социальных институтов и отдельных организаций), *региональный* (включая микро- (внутри региона), мезо- (между регионами) и макро- (между государствами вокруг региона) взаимодействия), *национальный* (государственный) и *международный* (на уровне межгосударственных институций). Не претендуя на исчерпывающий обзор зарубежной научной литературы, посвящённой вопросам коммеморации научно-технического наследия, остановимся

на типологии парадигм сохранения на основе перечисленных выше уровней исследовательских, социальных и политических интересов (*интерперсональный, организационно-институциональный, региональный, национальный, международный*), приведём конкретные примеры, подтверждающие релевантность предложенной типологии.

Актуальность подобной подготовительной работы обусловлена необходимостью учёта различных теоретических подходов к исследованию практик коммеморации научно-технического наследия для дальнейшего совершенствования гуманитарной технологии его сохранения.

Вопросы методологии. Несмотря на то что типологизация относится к утвердившимся общенаучным методам, в сфере гуманитарных исследований всегда остаются дискуссионными вопросы об основаниях и критериях её осуществления. В нашем случае к важнейшим основаниям относится доктрина сохранения культурного разнообразия. На её основе по уровням коллаборации исследовательских, социальных и политических интересов предлагается структурно-функциональная типология (интерперсональный, организационно-институциональный, региональный, национальный и международный уровни). На основе анализа содержательной части тематических научных публикаций в качестве критерия типологизации предлагается рассматривать источник ценностной определённости наследия, возникающий в результате взаимодействия субъектов исследовательской и социокультурной деятельности различного уровня для обеспечения сохранности объектов научно-технического наследия.

В большинстве случаев интерперсональный уровень парадигмы сохранения нуждается в стимулировании просветительской и исследовательской деятельности конкретных людей системой социальных отношений более сложного системного уровня, хотя это не исключает значимость личностных и межличностных инициатив при актуализации проблем конкретных объектов научно-технического наследия. В частности, российские традиции просветительской и социокультурной деятельности указывают на непреходящую ценность деятельности конкретных учёных и просветителей в плане популяризации и коммеморации научных и технических достижений (М. В. Ломоносов, И. И. Шувалов, С. М. Соловьёв и многие другие). Интерперсональный уровень взаимодействия субъектов исследовательской и социокультурной деятельности остаётся базовым и при осуществлении экспертизы объектов научно-технического наследия, хотя ценность каждого отдельного объекта

в большей степени зависит именно от социальной его значимости, от включённости во взаимодействия более сложного системного уровня отношений (Л. Н. Коган, Д. С. Лихачёв, Э. С. Маркарян, Д. В. Пивоваров и др.).

Подчеркнём также условность предлагаемой структурно-функциональной типологии, позволяющей не только разграничить отдельные парадигмы (по уровням), но и указать на их взаимосвязь и взаимодополняемость. Учитывая процессы интеграции и глокализации культур, отдельные парадигмы сохранения объектов научно-технического наследия нельзя рассматривать вне их пересечения либо конфронтации. Отталкиваясь от парадигмального подхода, сложившегося на основе понимания парадигмы развития науки Т. Куна в отечественной истории и практике педагогики (А. А. Жаркова, И. И. Легостаев, Е. А. Слепенкова и др.), под парадигмой сохранения объектов научно-технического наследия мы понимаем генеральное направление конкретной социокультурной деятельности, регламентируемой на международном, национальном и региональном уровнях нормативной базой соответствующего уровня [3] и существующими традициями, а на институциональном и интерперсональном уровнях — традициями и ценностными установками личности (убеждениями, верованиями, принципами). Мы исходим из того, что диалектический конфликт личности и общества является источником динамики ценностей вокруг персоноцентричных и социоцентричных установок [1], поэтому универсалистская доктрина сохранения всемирного наследия не исчерпывает все мотивации исследовательских, социальных и политических интересов субъектов социокультурной деятельности, на каждом из приведённых уровней обязательно будет формироваться собственная, возможно, уникальная специфика.

Результаты. Безусловно, наиболее доступным корпусом исследований является библиотека Тематической инициативы по астрономии и всемирному наследию, которая содержит описание международных встреч экспертного сообщества [16], ссылки на ряд опубликованных материалов (см.: [5] [26] [24] и др.) и два тематических исследования (см.: [14] [15]).

Представленное резюме о проделанной работе на официальных страницах инициативы [16] отражает этапы её развития в Глобальную концепцию сохранения научно-технического наследия.

Помимо актуализации на международном уровне проблемы пробелов в Списке всемирного наследия, касающихся научно-технического

наследия (Лондон, 2008), оказалось необходимо уточнение определений «науки» и «наследия науки и техники».

Рабочей группой экспертов предложено под наукой понимать системы знаний, которые могут быть историческими, традиционными, коренными и/или современными, включая прогностические идеи и способы объяснения, основанные на наблюдениях за природой или дедуктивных открытиях, которые являются логичными и рациональными, могут быть подтверждены и открыты для изменений и опровержений посредством дальнейших наблюдений.

Касательно понятия «наследие науки и техники» сформулировано мнение, что существует тесная связь между материальным и нематериальным наследием научных и/или технологических объектов, которые могут быть выдающейся универсальной ценностью. В Конвенции о всемирном наследии основное внимание признано уделять физическим объектам (материальному наследию), где проявились и сохраняются великие достижения, имеющие универсальную ценность. Материальные доказательства должны присутствовать в виде ландшафтных и природных особенностей, зданий и объектов.

По итогам 36-й сессии (Санкт-Петербург, 2012) Комитет всемирного наследия также призвал к сотрудничеству между Центром всемирного наследия ЮНЕСКО, специализированными учреждениями и соответствующими междисциплинарными научными инициативами в целях разработки Глобального тематического исследования по наследию науки и техники, включая исследования по технологическому наследию, связанному с освоением космоса.

В соответствии с предыдущими рекомендациями и решениями по наследию науки и техники и в целях обеспечения большей наглядности и последовательности в осуществлении соответствующей деятельности государствами-участниками и партнёрскими организациями Комитет всемирного наследия на 42-й сессии (Манама, 2018) переименовал инициативу астрономов в Инициативу по наследию астрономии, науки и техники.

В 2019 г. совместная консультативная миссия Центра всемирного наследия и ИКОМОС посетила Научный город-институт И. П. Павлова, одну из составляющих объекта Всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников», что определило отдельное направление тематических исследований «Научные города-учреждения».

Можно наблюдать, как тематическая инициатива, широко поддержанная экспертным сообществом, стимулирует её расширение до уровня *международной парадигмы* сохранения научно-технического наследия. В результате парадигмальная доктрина ЮНЕСКО складывается из отдельных групп тематических исследований, основанных на интеграции *организационно-институциональных* парадигм отдельных научных школ и институтов. Государства выступают международными донорами, заинтересованными в пропаганде наследия на своих территориях, а ЮНЕСКО — координирующим центром, связующим интересы государств, научных институтов и исследователей. В целом вполне очевидно, что *международная парадигма* сохранения научно-технического наследия, несмотря на большую инерцию нормативных и доктринальных установок, остаётся динамичной сферой пересечения интересов, интегрируя отдельные *организационно-институциональные* и *национальные* (государственные) парадигмы развития.

Безусловно, признание объекта элементом всемирного культурного наследия, фиксирующее его выдающуюся универсальную ценность, является итогом его оценки. Подобная оценка возможна только в результате накопления ценностного потенциала объектом в процессе его коммеморации. Выстраивается своего рода иерархическая лестница от признания объекта на интерперсональном, организационно-институциональном, региональном, национальном и в итоге на международном уровнях.

Британский экономический антрополог Гиса Вескалныс (Gisa Weszkalnys) описывает масштаб празднования в 2009 г. годовщины наблюдений Артуром Эддингтоном отклонений лучей света во время солнечного затмения 29 мая 1919 г. на острове Принсипи в Западной Африке [27]. Она отмечает большое значение для развития туристической индустрии острова практики коммеморации научного достижения. Безусловно, сделанные в 1919 г. А. Эддингтоном наблюдения ценны для становления общей теории относительности. Коммеморация научного события руководством Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи с привлечением широкого круга международных организаций и экспертов — это пример социокультурного брендинга небольшой территории (население около 6 тыс. человек). В историческом контексте жёсткой колониальной политики экономика острова (необитаемого до 1493 г.), построенная на рабском труде невольников вплоть до «Революции гвоздик» 1974 г., крайне нуждается в модернизации. Поэтому

празднование мирового научного события маленьким островным государством (с 1975 г. — Демократическая Республика Сан-Томе и Принсипи, в настоящий момент население составляет всего около 163 тыс. человек) — серьёзный политический шаг общенационального масштаба, в целом соответствующий международной парадигме Инициативы по наследию астрономии, науки и техники.

Таким образом, Г. Вескалныс свидетельствует, что международная парадигма Инициативы по наследию астрономии, науки и техники имеет значительный потенциал влияния на социально-экономическое положение отдельной территории, что она способна проектировать культуру ограниченного социокультурного пространства путём интеграции последнего в международную повестку.

Иной пример коммеморации научных достижений описывает сотрудник британского Института исследований развития (IDS) Лидия Кабрал (Lidia Cabral) [9].

Корпорация Embrapa с момента своего основания 26 апреля 1973 г. нацелена на разработку технологий, знаний и научно-технической информации, предназначенных для бразильского сельского хозяйства. Критикуя историю корпорации, отражённую в библиотеке из семнадцати книг на её официальном сайте [18], Л. Кабрал обращает внимание на подавление в интересах корпоративного бренда альтернативных мнений экспертов в отношении экологических и социальных последствий применяемых технологий. Она сравнивает официальный нарратив успеха государственной корпорации, разрабатывающей и применяющей не только сельскохозяйственные, но и социальные технологии, с блоком проведённых экспертных интервью и приходит к неоднозначным выводам.

С одной стороны, Embrapa в сельскохозяйственной истории Бразилии, создав всемирно узнаваемый бренд, пишет повествование об успехе и накапливает значительное научное наследие, отмеченное историческими вехами, технологиями и героическими личностями. Это наследие бережно сохраняется и распространяется, усиливая среди молодых исследователей репутацию организации. Хотя смысл существования и будущее финансируемых государством сельскохозяйственных исследований ставится под сомнение из-за развития крупных частных транснациональных корпораций, создающих конкурентную среду, к которой Embrapa не приспособлена.

С другой стороны, практики коммеморации научно-технического наследия Embrapa, включая массовые праздники, корпоративную

поддержку фермерских хозяйств, образования, науки и др., неизбежно упрощают сложную траекторию истории организации. В том числе затрудняют критику легендарной «Зелёной революции», усиливая упор на интенсификацию производства и взгляд на фермера как на пассивного потребителя готовых технологий, разработанных экспертами. Проблема в том, что это сокращает пространство для альтернативных взглядов на сельскохозяйственное развитие и подходов к технологическим инновациям. Опыт Embrapa в настоящее время экспортируется на африканский континент и в Юго-Восточную Азию. Агентства международного развития, благотворительные организации и транснациональные корпорации поощряют такие истории успеха, какую рисует «Эмбрапа» в своей корпоративной истории. К примеру, Африканский форум зелёной революции идеализирует результаты «Зелёной революции» и научное наследие, связанное с ней, в политических целях. Опасность состоит в том, по мнению Л. Кабрал, что единообразная и отшлифованная версия истории Embrapa подпитывает упрощённые технократические представления прямолинейной передачи успеха, воспроизводимость которого остаётся под сомнением и, вероятнее всего, обречена на провал [9, p. 806].

Приведённый пример корпоративной «шлифовки» истории успеха путём комплексной коммеморации научно-технических достижений не является исключительным (см.: [23] [8] [11]). В условии усиления внимания корпораций к коммеморативным практикам для обеспечения маркетинговых преимуществ на рынке следует обратить внимание, что этот социальный институт не является безусловным гарантом объективного знания. Его *организационно-институциональная парадигма* коммеморации науки и техники на деле противоречит универсальному принципу объективности научного знания.

В этой связи интересный анализ паратекста виртуального пространства компьютерной игры Portal 2 проводит молодая учёная Калифорнийского университета Мелисса Уилс (Melissa A. Wills), обращая внимание на формирование протестной реакции игрока на безмерность технократической корпоративной власти и бедственное положение её жертв посредством сатирического образа картофеля как биотехнологического продукта [28]. В данном случае мы имеем дело с новейшей формой коммеморации достижений науки и техники в цифровой среде виртуальной игры. Вполне очевидна реализация *интерперсональной* протестной парадигмы коммеморации технологий.

Старший научный сотрудник Британского музея (Лондон) Марта Флеминг (Martha Fleming) обращает внимание, что научно-технические выставки представляют двойной интерес для историков науки: и как эпистемологические агенты, и как методы исследования. Однако, по её мнению, коммеморативная практика выставок эфемерна, как и опыт посетителя. Она подчёркивает, что историки науки обязаны точно интерпретировать контекст выставки, воссоздавая возможные траектории её восприятия посетителями. Выставочная коммеморация научно-технических достижений исключительно даёт исследователю ценную информацию только о том, что искать в архивах, а что может там отсутствовать [13].

Ей возражают французские учёные Андре Бержерон (Andrée Bergeron) и Шарлотта Биг (Charlotte Bigg), на примере анализа выставок XX века указывая, что благодаря многослойной коммуникативной архитектонике (материальные композиции объектов, визуальные эффекты и тексты, призванные придать смысл современному миру) выставки науки и техники внесли огромный вклад в пространственное воплощение науки в ландшафтах века. Выставки, по их мнению, воплощают и упорядочивают видение человеком современности, продвигая, в том числе, образы социального и материального прогресса. Французские учёные последовательно отстаивают мысль, что посредством чувственных, материально-пространственных экспериментальных измерений отображения науки и техники, выставки и музеи XX века стали площадками для продвижения конкретных вариантов будущего [7].

Музейно-выставочная коммеморация достижений науки и техники, таким образом, интегрирует *интерперсональную* и *организационно-институциональную* парадигмы. Убеждения и принципы организаторов выставок суммируясь с впечатлениями посетителей, транслируют организационно-институциональные установки проектирования будущего. Подобный синтез раскрывает потенциал формирования *национальной* и, далее, *международной* парадигмы коммеморации науки и техники, заключающийся в проекции в сферу общественного сознания образов сегодняшнего и завтрашнего дня.

Обращаясь к опыту создания «музея будущего» бельгийского библиографа Поля Отле (1868–1944) и австрийского социолога Отто Нейрата (1882–1945), Лоик Шарль (Loïc Charles) и Жан Жирард (Yann Giraud) раскрывают неограниченный потенциал социального влияния этого проекта благодаря синтезу внутри выставочного пространства

торговли, развлечений, педагогики, выразительных возможностей архитектуры, достижений науки и технологии для создания целостной структуры обращения к аудитории. Авторы приходят к мысли, что П. Отле и О. Нейрат чуть ли не на столетие предвосхитили современные неолиберальные практики проектирования будущего с помощью коммеморации науки и техники [10].

Биографический подход Л. Шарля и Ж. Жирарда позволяет усмотреть значимость *интерперсональной* просветительской парадигмы для развития средств музейно-выставочной коммеморации науки и техники. Эксперимент П. Отле и О. Нейрата был ориентирован на широкий дискурс научной и творческой интеллигенции вокруг идеи построения проектирующего будущее нарратива. Модернизм первой половины XX века как совокупный автор культуры и социальности искал не только способы самовыражения, но и ориентировался на построение более справедливого, раскрывающего человеческий потенциал будущего.

Более критичный взгляд на опыты музейно-выставочной коммеморации науки и техники у научного сотрудника кафедры истории и философии наук Университета Лиссабона Жауме Састре-Жуана (Jaume Sastre-Juan). Он на примере анализа содержательных трансформаций экспозиций Нью-Йоркского музея науки и промышленности в 1927–1936 гг. утверждает, что политическая программа различных покровителей музея не имела ничего общего с популистской риторикой того времени о расширении демократических прав и возможностей благодаря научно-техническому прогрессу, а напротив, транслировала патерналистскую идеологию движения профессионального образования к доминированию корпораций в массовых коммуникациях [22].

На наш взгляд, Ж. Састре-Жуан обращает внимание на пагубность зависимости коммуникации музея как социального института от источника финансирования. Когда источником ценностной определенности наследия, возникающим в результате взаимодействия субъектов исследовательской и социокультурной деятельности различного уровня для обеспечения сохранности объектов научно-технического наследия, становится прагматический интерес сторон, объекты наследия и их совокупное символическое содержание превращаются в товар. Тогда их ценность складывается из *себестоимости*, из которой исключается ценность объективного знания, а также расходы по музеефикации, реставрации, сохранению; и *потенциала капитализации*, возможности извлечения прибыли при минимальных затратах. Вокруг наследия скла-

дывается спекулятивный рынок, основанный не на производстве, а на извлечении прибыли [19]. В результате, объекты, требующие больших расходов по музеефикации, реставрации и сохранению, не выдерживают конкуренции с объектами, экспонирование которых не обременено подобной нагрузкой. В таких условиях музеи теряют в социальной коммуникации свою институциональную субъектность, превращаясь в средство трансляции маркетинговых интересов крупных игроков спекулятивного рынка. Отсюда односторонность коммеморации науки и технологий в таких условиях: она оказывается направлена не на сохранение объективного знания о научно-технических достижениях, а на подчинение реципиента коммуникации воле управляющего центра путём манипуляции ценностью наследия.

В прошлом году журнал *Irrigation and Drainage* (второй по влиятельности после *Journal of Irrigation and Drainage Engineering* — ASCE по замерам Cite Score Scopus по тематике *Agricultural and Biological Sciences: Soil Science*) одного из крупнейших в мире академических издательств Wiley-Blackwell при поддержке Китайского национального комитета по ирригации и дренажу (CNCID) посвятил специальный выпуск (Vol. 69, Is. S2) китайским дренажным системам [20]. Учитывая безусловную историческую и культурную ценность сложной системы технических сооружений, имеющей более чем 2000-летнюю историю, в контексте нашего исследования интересна публикация Юньпэн Ли, Сюмин Тан и Бо Чжоу (Yunpeng Li, Xuming Tan, Bo Zhou), посвящённая философии и ценности китайского ирригационного наследия [17].

Во-первых, ирригационное наследие, как оно формулируется группой китайских учёных, соответствует критериям оценки наследия науки и техники. Оно может рассматриваться важной составной частью всемирного научно-технического наследия. С одной стороны, ирригационные системы тесно переплетены с развитием астрономии в древнейших цивилизационных ойкуменах, то есть их исследование может войти в уже разрабатываемую международными экспертами тематику Инициативы по наследию астрономии, науки и техники. С другой стороны, учитывая место ирригации в развитии цивилизаций, их исследование и оценка достойна самостоятельной инициативы.

Во-вторых, китайские специалисты акцентируют внимание на сложнейшей этической проблеме общедоступности результатов научно-технического прогресса, демонстрируют на примере справедливого

и экологического распределения водных ресурсов ценность не только технологии, но и философии её использования [17, р. 157]. Поэтому, учитывая проективность практик коммеморации научно-технических достижений, их значимость для проектирования социальных представлений о современности и доступной наблюдению перспективе (образов будущего), всемирное признание и коммеморация уникального ирригационного наследия Китая раскрывает значительный потенциал рационального управления сложной совокупностью всемирного научно-технического наследия.

Пример коммеморации научно-технического наследия китайских ирригационных систем демонстрирует, как *региональная* парадигма сохранения наследия, веками непосредственно влиявшая на экологию, качество жизни населения региона и этические принципы социальных отношений, вливается в *национальную* и обогащает уникальным содержанием концепцию сохранения всемирного научно-технического наследия.

Выводы и обсуждения. Наш обзор не преследовал цель осветить все аспекты коммеморации научно-технического наследия, представленные в научной литературе зарубежных авторов. Отталкиваясь от необходимости учёта различных теоретических подходов к исследованию практик коммеморации научно-технического наследия для дальнейшего совершенствования гуманитарной технологии его сохранения, мы осуществили подготовительную работу, оценив эвристический потенциал авторской структурно-функциональной типологии парадигм коммеморации специфического типа наследия, которому в последнее время уделяется большое внимание со стороны научного сообщества.

Теория коммеморации развивается, прежде всего, историками и политологами. На то, что историческая память весьма избирательна, обратил внимание Марк Ферро в своем нашумевшем бестселлере 1981 г. (см.: [4] [12]), а политологическую остроту проблемы наиболее методично обозначил К. Поппер, указав в 1945 г. на две предельно противоположные позиции в трактовке исторического процесса, влияющие на понимание политической действительности [21].

Коммеморация (памятование) и коммодификация (превращение в товар не рассчитанного на коммерческий спрос продукта) представляют собой различные стратегии сохранения научно-технического наследия. Они могут дополнять друг друга: например, популяризация

продукта создаёт или усиливает на него спрос. Но в отдельных случаях можно наблюдать и конфликт, когда коммодификация отдельных артефактов усложняет и/или исключает памятование других. В результате такого конфликта научное знание фрагментируется и теряет свойство универсальности.

Наиболее яркие примеры такого рода связаны, как ни парадоксально, с исторической наукой, как раз призванной обеспечивать научные основания коммерциальных практик. Соответственно, исторические сведения, как только они становятся товаром, в наибольшей степени подвергаются искажениям. Российскую научную общественность, к примеру, возмущают инсинуации по поводу начала Второй мировой войны гитлеровской Германией в сговоре с СССР. Неоднозначность интерпретации исторической фактуры, как известно, порождает множество спекуляций.

Одновременно перекосы в памятовании связаны с корпоративным влиянием на коммерциальные практики. Ангажированность музея или коммерциального социокультурного проекта в интересах PR-продвижения имиджа компании усиливает риск подмены задач, связанных с популяризацией научного знания, задачами противоположными, вплоть до сокрытия знания или ограничения к нему массового доступа.

Обзор специальной литературы, посвящённой практикам коммеморации и коммодификации, демонстрирует существование проблемы. Конфликт между коммеморацией и коммодификацией научно-технического наследия ведёт к инсинуации научного знания, что противоречит принципиальной целевой установке повышения престижа научных знаний.

Литература

1. Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката / Предисл.: В. Б. Храмов. — М. : Сам Полиграфист, 2021. — 276 с.
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия / ЮНЕСКО, 1972–2021 // UNESCO [сайт]. — URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 12.09.2021).
3. Региональная культурная политика: методология, институты, практика (Ценностно-нормативный подход) : колл. монография / И. И. Гор-

- лова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков [и др]. — М. : Институт Наследия, 2019. — 206 с.
4. *Ferro M.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с фр. Е. И. Лебедева. — М. : Высшая школа, 1992. — 351 с.
  5. Archaeo-Astronomical Sites & Observatories: First International Expert Meeting — Elaboration of the implementation strategy of the World Heritage Centre Thematic Programme Project Proposal (Venice, Italy, March 17–19, 2004) // UNESCO [Website]. — URL: http://portal.unesco.org/fr/ev.php-URL_ID=19006&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (accessed: 12.09. 2021).
  6. Astronomy and World Heritage Thematic Initiative // UNESCO [Website]. — URL: <https://whc.unesco.org/en/astronomy/> (accessed: 12 Sept. 2021).
  7. *Bergeron A., Bigg C.* The Spatial Inscription of Science in the Twentieth Century // *History of Science*. — 2021. — Vol. 59. — Is. 2. — Pp. 121–132. — DOI: 10.1177/0073275320988399.
  8. *Bowers T.* The Ethics of Memory: Commemorating Disasters in an Age of Risk // *Southern Communication Journal*. — 2015. — Vol. 80. — Is. 2. — P. 119–136. — DOI: 10.1080/1041794X.2014.1001915.
  9. *Cabral L.* Embrapa and the Construction of Scientific Heritage in Brazilian Agriculture: Sowing Memory // *Development Policy Review*. — 2021. — Vol. 39. — Is. 5. — P. 789–810. — DOI: 10.1111/dpr.12531.
  10. *Charles L., Giraud Y.* Seeking the “Museum of the Future”: Public Exhibitions of Science, Industry, and the Social, 1910–1940 // *History of Science*. — 2021. — Vol. 59. — Is. 2. — P. 133–154. — DOI: 10.1177/0073275317751316.
  11. *Cutcher L., Dale K., Tyler M.* ‘Remembering as Forgetting’: Organizational commemoration as a politics of recognition // *Organization Studies*. — 2019. — Vol. 40. — Is. 2. — P. 267–290. — DOI:10.1177/0170840617727776.
  12. *Ferro M.* Comment on raconte l’histoire aux enfants: À travers le monde entier (Aux origines de notre temps). — Paris : Payot, 1981. — 316 p.
  13. *Fleming M.* Embodied Ephemerality: Methodologies and Historiographies for Investigating the Display and Spatialization of Science and Technology in the Twentieth Century // *History of Science*. — 2021. — Vol. 59. — Is. 2. — P. 197–219. — DOI: 10.1177/0073275319858528.
  14. Heritage Sites of Astronomy and Archaeoastronomy in the context of the UNESCO World Heritage Convention: Thematic Study No 1. — Paris : International Astronomical Union, 2010. — 272 p.
  15. Heritage Sites of Astronomy and Archaeoastronomy in the context of the UNESCO World Heritage Convention: Thematic Study No 2. Other. ICOMOS. — Paris : International Astronomical Union, 2017. — 304 p.

16. Initiative on Heritage of Astronomy, Science and Technology // UNESCO [Website]. — URL: <https://whc.unesco.org/en/astronomy-science-technology/> (accessed: 12/09.2021).
17. *Li Y., Tan X., Zhou B.* Philosophy and value in irrigation heritage in China // *Irrigation and Drainage*. — 2020. — Vol. 69. — Is. S2. — P. 153–160. — DOI: 10.1002/ird.2453.
18. *Livros da Nossa História* // Embrapa [Website]. — URL: <https://www.embrapa.br/memoria-embrapa/livros-da-nossa-historia> (accessed: 12.09.2021).
19. *Mazzucato M.* The Value of Everything, Public Affairs, 2020. — 384 p.
20. *New Developments on Irrigation and Drainage in China* / ed. B. Schultz; guest eds.: D. Kunlun, G. Zhanyi, C. Madramootoo; CNCID // *Irrigation and Drainage*. — 2020. — Vol. 69. — Is. S2. — 209 p. — DOI:10.1002/ird.2548.
21. *Popper K. R.* The Open Society and Its Enemies: New One-Volume Edition / eds.: A. Ryan (Introduction), E. H. Gombrich (Contributor). — Princeton University Press, 2013. — 808 p.
22. *Sastre-Juan J.* “Science in Action”: The Politics of Hands-on Display at the New York Museum of Science and Industry // *History of Science*. — 2021. — Vol. 59. — Is. 2. — P. 155–178. — DOI: 10.1177/0073275317725239.
23. *Schwartz-DuPre R. L., Parmett H. M.* Curious about George: Postcolonial Science and Technology Studies, STEM education policy, and colonial iconicity // *Textual Practice*. — 2018. — Vol. 32. — Is. 4. — P. 707–725. — DOI: 10.1080/0950236X.2016.1267038.
24. *Starlight: A Common Heritage* / eds.: C. Marín, J. Jafari; IAC (Starlight Initiative). La Palma, BR, 2007. — URL: <https://www.yumpu.com/en/document/read/44713544/a-common-heritage-starlight-initiative> (accessed: 12.09.2021).
25. Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage UNESCO [Website]. — URL: <https://ich.unesco.org/en/convention> (accessed: 12.09.2021).
26. *The Role of Astronomy in Society and Culture: Proceedings of the 260th Symposium of the International Astronomical Union (UNESCO Headquarters, Paris, France, January 19–23, 2009)* / eds.: D. Valls-Gabaud, A. Boksenberg; Union Astronomique Internationale. ambridge, UK; New York, N. Y. : Cambridge University Press, 2011. — 793 p.
27. *Weszkalnys G.* Principe eclipsed: Commemorating the confirmation of Einstein’s Theory of General Relativity // *Anthropology Today*. — 2009. — Vol. 25. — Is. 5. — P. 8–12. — DOI: 10.1111/j.1467-8322.2009.00686.x.
28. *Wills M. A.* Corporate Agriculture and the Exploitation of Life in Portal 2 // *Games and Culture*. — 2019. — Vol. 14. — Is. 3. — P. 256–275. — DOI: 10.1177/1555412016679771.

Gennady V. BAKUMENKO,
Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Independent Researcher,
Krasnodar, Russia, genn-1@mail.ru.

Problems of Commemoration and Commodification of Scientific and Technical Heritage

Commemoration and commodification are different strategies for the practice of preserving the scientific and technical heritage. In some cases, there is a conflict between these strategies, when commodification complicates and/or excludes mindfulness.

The most striking examples of this kind are associated with historical science. Historical information, as soon as it becomes a commodity, is most susceptible to distortion. The ambiguity of the interpretation of history gives rise to many speculations. Warps in mindfulness are associated with corporate influence. The engagement of a museum or a commercial socio-cultural project in the interests of PR-promotion of the company's image increases the risk of replacing the tasks of popularizing scientific knowledge with opposite tasks, up to hiding knowledge or restricting mass access to it.

A review of the specialized literature on the practices of commemoration and commodification demonstrates the existence of a problem. The conflict between commemoration and commodification of the scientific and technical heritage leads to the insinuation of scientific knowledge, which contradicts the principal goal of increasing the prestige of scientific knowledge.

Keywords: *cultural heritage, intangible heritage, tangible heritage, scientific and technical heritage, conservation practice, commemoration, commodification, historical memory, distortion of history, fragmentation of scientific knowledge.*

E. М. Багаева*

Г. М. Шубников — выдающийся представитель отечественной военной науки

Одним из крупнейших достижений человеческого гения стало освоение космического пространства. Решающий вклад в изучение данной научной отрасли внесли советские учёные и практики. Поэтому сегодня важно сохранить память о тех людях, которые в непростых условиях, часто рискуя своей жизнью, делали свои великие открытия во

---

* БАГАЕВА Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С. М. Штеменко, Краснодар, Россия, briz1999@mail.ru.

имя прославления своей Родины. Начало освоения космического пространства обычно связывают со строительством первого и крупнейшего в мире космодрома Байконур (в переводе с казахского языка — «богатая долина»), основанного на территории тогда ещё Казахской ССР. Начальником секретной стройки, длившейся с 12 января 1955 г. по 15 мая 1957 г., был назначен генерал-майор инженерно-технической службы Георгий Максимович Шубников. В данной статье его биография реконструируется на основе фонда учёного в Эссенбургском историко-краеведческом музее имени В. П. Шаповского.

Ключевые слова: Г. М. Шубников, космос, космодром Байконур, Ракетные войска стратегического назначения, военный инженер, военный строитель, мемориальная доска, музей, музейная экспозиция.

Глубокие перемены, происходящие на современном этапе развития российского государства, затронули все стороны общественной жизни и вызвали необходимость качественного реформирования всей системы образования. Одним из главных направлений преобразований в данной сфере является разработка новых подходов и методик в преподавании общественных дисциплин, в частности, истории. Это вызвано, прежде всего, развитием мировой исторической науки, накоплением новых исторических знаний, открытием новых исторических источников, а также возросшим общественным интересом к событиям прошлого.

Формирование уважительного отношения к нашей истории, высоких морально-нравственных качеств у молодого поколения важно осуществлять на примере жизни и деятельности выдающихся исторических личностей, чьи труды, в частности, способствовали развитию отечественной науки. Именно обращение к ярким примерам трудовых и воинских подвигов должно стать ориентиром в определении гражданской позиции тех, чья профессия будет непосредственно связана с защитой Родины.

Одним из крупнейших достижений человеческого гения стало освоение космического пространства. Решающий вклад в изучение данной научной отрасли внесли советские учёные и практики. Поэтому сегодня важно сохранить память о тех людях, которые в непростых условиях, часто рискуя своей жизнью, делали свои великие открытия во имя прославления своей Родины.

С именами С. П. Королёва, М. В. Келдыша, В. П. Глушко, В. П. Бармина и М. С. Рязанского связано создание нового рода войск в составе Вооружённых сил СССР — Ракетных войск стратегического назначения СССР (РВСН СССР, сегодня — РВСН РФ).

Отправной точкой в истории РВСН РФ следует считать 13 мая 1946 г., когда вышло постановление Совета Министров СССР о создании научно-исследовательских центров для нужд ракетной техники. Согласно данному законодательному акту, учреждался головной научно-исследовательский институт — НИИ-88, подведомственный Министерству вооружения СССР. 9 августа того года министр обороны Д. Ф. Устинов подписал приказ № 83-К о назначении С. П. Королёва Главным конструктором изделия № 1 «НИИ-88» [4, с. 23–24].

Через 2 года, 10 октября 1948 г., был проведён запуск первой в СССР крупной баллистической ракеты Р-1, созданной под руководством Королёва. 21 сентября 1949 г. на военном полигоне Капустин Яр (Астраханская область) состоялся испытательный пуск экспериментального варианта ракеты Р-2Э. Всего было произведено шесть пусков, из которых только два оказались удачными.

Начало освоения космического пространства обычно связывают со строительством первого и крупнейшего в мире космодрома Байконур (в переводе с казахского языка — «богатая долина»), основанного на территории тогда ещё Казахской ССР. Начальником секретной стройки, длившейся с 12 января 1955 г. по 15 мая 1957 г., был назначен инженер-полковник (со 2 октября 1957 г. генерал-майор инженерно-технической службы) Георгий Максимович Шубников.

За выдающиеся успехи и достижения Г. М. Шубников (1903–1965) удостоен многих правительственных наград: ордена Красной Звезды, дважды: 06.11.1943 г. и 13.06.1952 г. (см.: [6] [10]), ордена Красного Знамени, дважды: 05.12.1944 г. и 30.12.1956 г. (см.: [7] [10]), медали «За оборону Кавказа», 01.05.1944 г. [9], ордена Отечественной войны II степени, 14.04.1945 г. [8], медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 09.05.1945 г. [8], медали «За боевые заслуги», 06.11.1945 г. [8], ордена Ленина, 25.07.1958 г. [8]. За успехи, достигнутые в области военного строительства, Г. М. Шубникову присвоено звание почётного гражданина города Ленинска (ныне Байконур) и почётного гражданина города Эссенуки (решение Совета города от 07.05.2003 г. № 52, посмертно). Его имя носят улицы в этих городах.

В годы Великой Отечественной войны выпускник Ленинградского института гражданского и промышленного строительства (ныне ФГА-ОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого») Шубников возводил оборонительные сооружения на Дону, в Сталинграде. Именно там появился термин «риск Шубникова». Бойцы

Красной Армии нуждались в технике, а для её подвозки необходимы были дороги и мосты. Георгий Максимович руководил прокладкой путей сообщения, невзирая на непогоду и сложную обстановку на фронтах. Чтобы вовремя выполнить поставленную задачу, он проявлял изобретательность, решительность и смелость.

С 1946 по 1949 г. Шубников являлся начальником 23-го УВПС (Управления военно-полевого строительства) 27-го УОС (Управления оборонительного строительства) РГК (Резерва Главного Командования). Воинские части, которыми он командовал, восстанавливали мосты через канал в Берлине, через реки Одер (в городах Франкфурт и Кюстрин), Висла, Шпрее, пролив Штральзунд, строили ряд административных и культурных зданий в городе Берлине (здание театра и советское посольство).

Жизнь сделала ему замечательный подарок: знакомство и дружбу с прекрасным советским скульптором Е. В. Вучетичем. Их совместная работа — Мемориальный ансамбль в Трептов-парке Берлина. Г. М. Шубников возглавил коллектив, создавший по проекту Вучетича памятник «Воин-освободитель» (был открыт 8 мая 1949 г.) [5].

В это же время коллектив Управления оборонительного строительства Резерва Верховного Главного Командования (УОС РВГК) во главе с Г. М. Шубниковым был срочно переброшен в Капустин Яр Астраханской области для строительства там ракетного полигона. Первым руководителем этого секретного объекта стал генерал-полковник артиллерии В. И. Вознюк. Именно здесь 10 октября 1948 г. состоялся запуск первой крупной баллистической ракеты Р-1, созданной в СССР под руководством С. П. Королёва. Так началась история создания советского стратегического ракетного щита.

Потом Г. М. Шубникову была доверена главная стройка его жизни — космодром Байконур. В марте 1955 г. он прибыл на железнодорожную станцию Тюра-Там (ныне Торетам) Казахской ССР, где в режиме абсолютной секретности и началось возведение военного полигона для проведения испытаний межконтинентальных баллистических ракет. Именно сюда доставляли все необходимые стройматериалы, оборудование и другие грузы для строительства космодрома. В «городке», состоящем из семи железнодорожных пассажирских вагонов, разместилось всё руководство строительного управления во главе с Г. М. Шубниковым. Впоследствии Тюра-Там стал северным пригородом Байконура.

Расположение космодрома выбирали тщательно. Специалисты учитывали такие важные факторы, как удалённость от больших трасс,

железнодорожных путей и от границы. С точки зрения климата, этот район был наиболее благоприятен для стартов ракет — более 300 солнечных дней в году, мало осадков, низкая влажность, короткая зима. Место выбирали из трех вариантов — Северокавказского, Дальневосточного и Казахстанского. Размещение космодрома южнее было нежелательным из-за расположения трасс и основных полей падения отработанных ступеней в Китае или густонаселённых районах Средней Азии [1].

Для обеспечения секретности объекта было начато строительство мнимого космодрома. На северных острогах хребта Алатау в Казахстане есть посёлок Бойконыр или, по-русски, Байконур. С большими трудностями туда завезли лесоматериалы и возвели из них макет стартовых устройств космодрома (как было во время войны, когда для отвлечения бомбардировочной авиации противника строили ложные аэродромы с фанерными муляжами самолётов). Ни дорог, ни источников воды и электроснабжения не было [1].

В советской печати во всех сообщениях местом запуска спутника и космических аппаратов указывался Байконур. Постепенно это название стало ассоциироваться с настоящим космодромом. Хотя, «чтоб никто не догадался», этот настоящий космодром и район формирования полигона до 1958 г. имел условное наименование «Заря» (до 1969 г. «Ленинский», до 1995 г. «Ленинск», указом Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева от 20 декабря 1995 г. № 2695 город Ленинск переименован в город Байконур).

4 марта 1957 г. по техническому заданию № 1, утверждённому С. П. Королёвым, космодром был готов к первому пуску ракеты. Спустя ровно семь месяцев, 4 октября, с площадки № 1 космодрома Байконур был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Данное событие послужило началом космической эры в истории человечества.

Г. М. Шубников проделал огромную работу по созданию уникального и крупнейшего в мире комплекса для проведения научной, практической и испытательной деятельности в области ракетно-космической техники с самой мощной инфраструктурой. «Он был снисходителен к людям, если они беспредельно преданы делу. И даже прощал им ошибки. Халтурщиков не то, что не любил, ненавидел и воевал с ними беспощадно. Он знал свое дело с азов, ведь все строительные специальности он перепробовал» [2, с. 14]. Руководство огромной стройкой отнимало у Георгия Максимовича много сил, что отрицательно сказалось на здоровье. На помощь ему пришёл давний приятель С. П. Королёв. Сергей

Павлович быстро договорился с отправкой самолёта, доставившего тяжёлобольного Шубникова в Москву, но доктора оказались бессильны. 31 июля 1965 г. генерал-майор Шубников скончался от кровоизлияния в мозг в московском госпитале имени Н. Н. Бурденко [2, с. 14].

Сегодня в городе Байконуре имя Шубникова присвоено улице, средней школе № 1, Солдатскому парку (ныне парк культуры и отдыха), где в октябре 1960 г. были похоронены жертвы взрыва межконтинентальной баллистической ракеты Р-16, а октябре 1963 г. — погибшие в результате взрыва баллистической ракеты Р-9А. Одна из экспозиций Музея космодрома Байконур посвящена жизни и деятельности генерал-майора инженерно-технической службы Г. М. Шубникова: одному из тех, кто проложил дорогу к звёздам.

По завещанию генерал-майора Шубникова он был похоронен в своём родном городе Ессентуки. 29 апреля 2022 г. здесь прошёл торжественный митинг по случаю открытия на Братском кладбище отреставрированного памятника прославленному ессентучанину, фронтовику, первому начальнику строительства космодрома «Байконур» Г. М. Шубникову [5], приуроченный к 119-й годовщине со дня рождения имени того земляка. На постаменте выбиты слова: «Заслуженный строитель, генерал-майор Шубников Георгий Максимович (01.05.1903 — 31.07.1965). Невольно вспоминается высказывание генерал-майора Шубникова о своей работе: «Строитель — это созидатель, им нужно родиться. Как музыкантом, художником или писателем. В нашем деле, как и любом другом творчестве, без таланта нельзя» [5].

Ессентукский историко-краеведческий музей имени В. П. Шпаковского 8 апреля 2021 г. открыл выставку, посвящённую жизни и деятельности Г. М. Шубникова. В центре экспозиции выставлен его медный бюст, копия его памятника на Братском кладбище. Уникальные фотографии, выставленные на нескольких стендах, а также хранящиеся в музейных фондах, позволяют представить основные этапы строительства первого в мире космодрома. Кроме того, они рассказывают посетителям о ещё одном выдающемся земляке — подполковнике Николае Сергеевиче Вильямском, который в конце 1959 г. поверил в молодого офицера Юрия Алексеевича Гагарина и рекомендовал его специальной комиссии для отбора кандидатов на новую технику как одного из лучших молодых офицеров воинской части. После легендарного полёта 12 апреля 1961 г. Ю. А. Гагарин и Н. С. Вильямский часто встречались и не забывали друг друга, о чём наглядно свидетельствуют фотодокументы. При изучении

музейных фондов особый интерес вызывают книги, содержащие воспоминания современников о генерал-майоре Шубникове: «До первого старта» (1997) генерал-майора И. М. Гуровича, военного строителя, который после смерти Шубникова руководил строительством Байконура; «Отсюда открывают дороги» (1984) спортивного комиссара И. Г. Борисенко и специального корреспондента ТАСС А. П. Романова, в которой впервые в форме живого репортажа-путешествия они рассказали о первом в мире космодроме, его истории и значении, о людях, которые его построили; и другие.

Безусловно, данная тема нашла отражение и в периодической печати, представленной в фондах Эссентукского музея имени В. П. Шпаковского: в газетах «Ставропольская правда», «Эссентукская панорама», журнале «4 звезды КМВ» отдельные статьи посвящены Г. М. Шубникову, советскому человеку, проложившему дорогу к звёздам.

Освоение музейного пространства является неотъемлемой частью педагогического процесса, а также важным способом изучения жизни и деятельности выдающихся представителей отечественной науки, в частности, военного инженера генерал-майора Г. М. Шубникова. Ценные материалы и предметы, представленные в музейных коллекциях и фондах Музея космодрома Байконур, а также в Эссентукском историко-краеведческом музее имени В. П. Шпаковского позволяют нам окунуться в ту эпоху, когда под руководством Шубникова возводился первый в мире космодром, ознаменовавший начало космической эры в истории человечества.

Литература

1. Булатова Е. А. Георгий Максимович // Четыре звезды КМВ: журнал-путеводитель по городам-курортам. — 2017. — № 3 // Эссентукский историко-краеведческий музей им. В. П. Шпаковского. Ф. 554 «Шубников Г. М.».
2. Губарев В. С. Утро космоса. Королёв и Гагарин. — М. : Молодая гвардия, 1984 // Эссентукский историко-краеведческий музей им. В. П. Шпаковского. Ф. 554 «Шубников Г. М.».
3. Эссентукское «Боевое братство» приняло участие в церемонии открытия обновленного памятника генерал-майору Георгию Шубникову // Ставропольское краевое отделение Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое Братство» [сайт]. — URL: <https://bbstav26.ru/> (дата обращения: 22.12. 2022).

4. Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.) : сб. док. / Сост.: В. И. Ивкин, Г. А. Сухина. — М. : РосСПЭН, 2010. — 1207 с.
5. *Одинец В.* Зодчий Байконура // Ставропольская правда. — 1988. — 28 сент. // Эссентукский историко-краеведческий музей им. В. П. Шпаковского. Ф. 554 «Шубников Г. М.».
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1363.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 690115. Д. 2996.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 737.
9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Шкаф 19. Ящик 16.
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Шкаф 99. Ящик 16.

Yelena M. BAGAYEVA,

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Departments of Military-Political Work in the Troops (Forces),
Krasnodar Higher Military School, Krasnodar, Russia, briz1999@mail.ru.

Georgy M. Shubnikov is an Outstanding Representative of Russian Military Science

One of the greatest achievements of human genius was the exploration of outer space. A decisive contribution to the study of this scientific branch was made by Soviet scientists and practitioners. Therefore, today it is important to preserve the memory of those people who, in difficult conditions, often risking their lives, made their Great discoveries in the name of glorifying their Motherland.

The beginning of space exploration is usually associated with the construction of the first and largest Baikonur cosmodrome in the world, based on the territory of the then Kazakh SSR (translated from the Kazakh language as “rich valley”). Georgy Maksimovich Shubnikov was appointed head of the secret construction project, which lasted from January 12, 1955 to May 15, 1957. In this article, his biography is reconstructed on the basis of the fund of a scientist in the Essentuki Museum of Local History.

Keywords: *Georgy M. Shubnikov, space, Baikonur cosmodrome, Strategic Rocket Forces, military engineer, military builder, plaque, museum, museum exposition.*

В. А. Кармалюк*

Трансформация исторического центра станции Раевской: опыт исследования

В статье рассматриваются изменения архитектурного облика исторического центра станции Раевской (город Новороссийск Краснодарского края) за более чем полтора столетия. Эта проблема затрагивалась в исследовательских работах прежде достаточно поверхностно и только в рамках других тем. Актуальность темы исследования обусловлена крайне скудным объёмом информации по данному вопросу, отсутствием точных дат постройки большинства зданий, расположенных в центре поселения. Данное авторское исследование опирается на архивные материалы, краеведческие исследования, мемуары, интервью старожилов, фотографии, карты. Основной проблемой, усложнявшей исследовательский поиск, была сложность идентификации дореволюционных строений в советский период, так как у большинства зданий изменилось назначение. По результатам исследования установлен или уточнён год постройки сохранившихся или утраченных по разным причинам строений. Сделан вывод об исторической и культурной ценности одного не утратившего первоначальный облик здания.

Ключевые слова: станция Раевская, исторический центр, церковная площадь, церковь, здание станичного правления, школа, исторические изменения, объект культурного наследия.

Станица Раевская входит в состав Новороссийского района муниципального образования город Новороссийск Краснодарского края и является административным центром Раевского сельского округа. Была основана казаками охотниками-переселенцами в 1862 г. близ бывшего форта Раевский Черноморской кордонной линии [11, с. 19].

Исторически сложившийся центр станции к 1867 г. включает в себя церковь, церковно-приходскую школу, расположенные на церковной площади. Вместе с тем имеется здание станичного правления, место расположения которого на данный момент точно не определено [11, с. 29].

Центр станции на 1920 г. — это церковная площадь и церковь. С востока от церкви — двухклассное женское и высшее начальное училище, а также квартиры для учителей. С запада — дом священника и дом генерала Стеценко и одноклассное мужское училище. С севера — ре-

---

* КАРМАЛЮК Виктория Александровна, независимый исследователь, член Новороссийского городского исторического общества, Новороссийск, Краснодарский край, Россия, viktoria23@inbox.ru.

месленное училище. С юга — станичное правление с постройками для лошадей и пожарной командой [20, с. 2].

Здание станичного правления расположено в исторически сложившемся общественно-деловом центре станицы Раевской по адресу: улица Красная, дом 57а. Оно представляет собой характерный образец здания общественного назначения периода эклектики [31]. Прямоугольное в плане здание выполнено из природного камня, фасады облицованы кирпичом. Согласно техническому паспорту 1974 г., объект описан как каменное здание с деревянными перекрытиями [1, л. 1–8]. Оно расположено на неровном рельефе, в связи с чем выполнено в 1–2 этажа: со стороны северного и западного фасадов оно имеет один этаж, а со стороны восточного и южного фасадов — два.

Главный фасад симметричен, исполнен в 11 осей, акцентирован входной группой с утраченным кованым надкрыльчником, расположенным по оси симметрии. Оконные проёмы на нём двух типов: в центральной части фасада расположены полуциркульные оконные проёмы, декорированные замковым камнем, в боковых частях фасада — с клинчатými перемычками. В некоторых оконных проёмах сохранились оригинальные заполнения с исторической восьмичастной расстекловкой. Декоративное убранство главного фасада выполнено кирпичной кладкой: тяга между первым этажом и цоколем, венчающим подкровельный карниз с зубцами, и нижняя обвязка окна (фартук).

Боковые и дворовой фасады имеют более скромное оформление. Боковые фасады выполнены в 5 световых осей, часть оконных проёмов заложена; декорированы венчающим карнизом с поясом «сухариков». Со стороны западного бокового фасада расположен прямоугольный дверной проём с поздним металлическим дверным заполнением. Дворовой фасад симметричен и, как и главный фасад, выполнен в 11 световых осей. На дворовом фасаде расположено 4 входа в здание, все дверные заполнения поздние и выполнены из металла и дерева. На дворовом фасаде сохранилась часть исторических оконных заполнений с оригинальной расстекловкой — шестичастной в уровне 1-го этажа и восьмичастной в уровне 2-го этажа. Дворовой фасад увенчан небольшим карнизом, декорированным поясом «сухариков». Главный вход акцентирован арочным проёмом, украшенным плоским рифлёным наличником и вертикальным кирпичным декором. Подлинный металлический зонт с коваными элементами и деревянные филенчатые двери утрачены.

В разные годы исследователи предпринимали попытки установить год постройки здания, но эти попытки не увенчались успехом в силу различных причин. Годом постройки, согласно техническому паспорту от 29.12.1974 г., было принято считать 1903 г. [1, л. 1–8]. Документ, на основании которого он был составлен, не указан. Вероятно, год постройки был поставлен в документе на основании устных свидетельств старожилов станицы на тот момент.

Расходные документы станичного правления станицы Раевской за 1902, 1903, 1904 гг. (и в период 1988–1902 гг.) не подтверждают расходов на такое масштабное строительство, как постройка каменного административного здания в двух уровнях общей площадью более 500 квадратных метров. Площадь верхнего уровня (первого этажа) — 275 квадратных метров [1, л. 1–8]. В документах 1903 г. заложены предстоящие расходы: на ремонт общественных зданий. Самая большая сумма на ремонт станичного правления — 150 рублей, что свидетельствует о более ранней, чем 1903 г., дате строительства [14, л. 9–10]. В числе расходов: выкуп земли на церковной площади у родственников умершей анапской мещанки Бадьяковой [15, л. 22, л. 24 и об.]. На выкупленной земле предполагалось построить женское училище, которое не имело собственного здания [16, л. 151]. Этот факт можно подтвердить документом, в котором упоминаются четыре имеющиеся на тот момент общественные здания [13, л. 4–5]. Из их числа хлебный магазин кирпичный (хлебная ссыпка) находится за пределами станицы [12, л. 47]. На следующий, 1904 г., в числе расходов станичного правления указаны: учебники для женского училища [15, л. 18–20], на устройство парт [15, л. 31–32], жалование для учительницы в женском училище с 10 сентября 1903 г. по 01 января 1904 г. [15, л. 27–28].

Таким образом, подтвердить дату постройки 1903 г. массивом данных периода 1902–1904 гг. не удалось. Чтобы определить точный год строительства, было изучено большое количество документов, относящихся к возможному строительству в станице либо её статистическому описанию за период 1867–1902 гг. «Рапортом о состоянии станицы Раевской Темрюкского отдела Кубанской области», составленном в июне 1906 г., уточнён год строительства здания станичного правления — 1885 г. [14, л. 9–10].

В 1912 г. станица отмечала свой первый юбилей — 50 лет со дня основания. Вероятно, в честь этого события распоряжением директора народных училищ М. И. Поночевного на строительные школьные

нужды выделено по почтовому переводу две тысячи рублей [17, л. 329]. По всей видимости, здание женской гимназии ещё не было достроено, и деньги были нужны на его строительство. В мемуарах В. Д. Окинчи в описании центра станицы Раевской на момент августа 1920 г. указано отдельно стоящее здание женской гимназии [20, с. 2].

Василий Окинча оставил для потомков описание внутренних помещений станичного правления. Например, большой зал слева от главного входа — Судейская палата, в которой проходили заседания малого круга казаков во главе с атаманом [20, с. 5]. Примечательны события, на фоне которых дано описание исторически сложившегося центра станицы. В августе 1918 г. в здании были убиты три красных комиссара при попытке изъять огнестрельное оружие у атамана, который при красных назывался комиссар, Григория Карасюка [20, с. 3]. В центре станицы имеется братская могила времён Гражданской войны. Она находится в Центральном парке станицы, который, в свою очередь, — бывшая церковная площадь. В числе захороненных — П. Медведев, повешенный белыми за борьбу на стороне красных осенью 1918 г. [11, л. 39], и три безымянных тела [19, с. 183]. Что вполне согласуется с повествованием В. Д. Окинчи.

В мае 1920 г. стены станичного правления видели ещё одну трагедию. Заседание ревкома, в котором пока ещё одни казаки, просит отпустить на поруки атамана Захария Ефимовича Махно, который содержится в заключении в Новороссийске по доносу. Подготовлен пространный документ, подписан почти двумя десятками станичников. В документе дана характеристика атаману-защитнику: спас от повешения белыми односельчан. З. Е. Махно, последний атаман станицы Раевская (декабрь 1919 г. — 26 марта 1920 г.) [24], действительно был отпущен на поруки двум казакам из числа станичников, но через несколько дней, 17 мая 1920 г. (по старому стилю), расстрелян в своём подворье (см.: [41, л. 6–19] [8, л. 13]).

В июне 1920 г. внутри здания станичного правления, в судейской палате, происходит стычка между красными и кадетами, которая заканчивается расстрелом части большевиков и победой бело-зелёных партизан, захватом оружия [22, с. 5]. 2 августа 1920 г. (по старому стилю) этот отряд кадетов присоединится к десанту генерала Черепова [10, с. 18] в Лобановой щели, рядом с именем князя Лобанова-Ростовского [22, с. 6]. Десант своей цели не достигнет, до Раевской не дойдёт. Будет эвакуирован из Сукко на барже 9 августа 1920 г. (по старому стилю) [23, с. 2].

24 апреля 1921 г. предпринята первая попытка переименовать станицу Раевскую в Красно-Медведовскую [11, с. 39].

Со временем название станицы Красно-Медведовская забылось. 30 марта 1930 г. была предпринята вторая попытка переименования станицы в Красно-Медведовскую «в связи с десятилетием советизации станицы», хотя предыдущее переименование документально не отменялось. Просто название не прижилось [18, л. 57].

С 1921 г. отдельно стоящее здание женской гимназии занимала школа первой ступени (5 классов) [3, л. 29 и об.]. А в здании станичного правления с 1920 г. располагался ревком (революционный комитет) [41, л. 6–19], с 1921 г. — сельпо (управление сельским поселением) [11, с. 39].

В 1934 г. были проведены выборы в станичный совет. Именно с этого года здание станичного совета было передано под школу № 4 [39, л. 1–11]. Противоречия в этом нет, так как, по воспоминаниям Е. Г. Подлесной (1931–2022), до 1938 г. школа занимала цокольный этаж. Рядом стоящая хата (сейчас на этом месте расположено современное здание почты по адресу: улица Красная, дом 59) тоже была в числе школьных зданий, в ней располагались начальные классы [25].

В 1936 г. была предпринята третья попытка переименовать станицу — в Кировскую, с формулировкой: по просьбе трудящихся [2, л. 13]. Новое название не утвердили, и до начала Великой Отечественной войны станицу называли двояко. Даже на немецких картах 1943 г. указано два названия: Красно-Медведовская и Раевская. После 1946 г. станица во всех документах упоминается как Раевская.

В период оккупации с 1 сентября 1942 г. до середины сентября 1943 г. в здании станичного правления, по воспоминаниям старожилов, располагалось немецкое полицейское управление гестапо [26] [30]. Косвенно это подтверждается актом о зверствах фашистов, составленном в 1944 г. Жительница станицы Раевской О. Е. Тирнецкая (1910 г. р.) свидетельствует, что «15 декабря 1942 г. к станичной управе прибыла немецкая машина-душегубка, в которую насильно сажали советских граждан с детьми и увозили их» [4, л. 16 и об.]. В машину грузили по 35–40 станичников, машина сделала три или четыре рейса, позднее выяснилось, что все увезенные были умерщвлены и захоронены за пределами станицы в одном из бункеров на территории Совхоза № 9. В документе названы виновники: немецкий комендант по имени Генрих и полицейские из числа жителей станицы Раевской [4, л. 16 и об.]. В бывшем доме генерала Стеценко располагалась немецкая комендатура, в здании церкви — склад [26].

После освобождения станицы от оккупантов в сентябре 1943 г. первым был поднят вопрос о школе. Основное здание (здание № 1), по воспоминаниям старожилов, было частично разрушено (см.: [29] [30]). Версий было две: в результате бомбёжки, либо специально подорвано. Отсутствовала большая часть кровли, частично был повреждён лицевой фасад. Утрачен кованый надкрылечник, который так и не был восстановлен. Повреждена внутренняя отделка. Старожилы описывают лепной декор, похожий на растительный, яркую цветную плитку на полу, которая была повреждена, раскрошилась. Ею играли дети, принимая цветные осколки за драгоценности [27]. Тогда же были утрачены оригинальные рамы арочных окон главного фасада с оригинальной 14-частной расстекловкой.

В здании не осталось ни одного целого стекла. Уже к следующему году восстановлением озаботились всерьёз. Заложили часть окон, так как не хватало стёкол. Покрыли полы, починили повреждения на лицевом фасаде. Восстановили и покрыли полностью утраченную крышу. Для этого 28 апреля 1944 г. был организован подворовый обход с целью выявления железа и черепицы, «потасканных немцами или отдельными жителями», и немедленной передачи в распоряжение школы железа, находящегося на крышах индивидуальных строений граждан для скорейшего покрытия крыши здания Раевской НСШ № 1 [5, л. 10 и об.].

О том, что именно станичное правление является школьным зданием № 1, свидетельствует историческая справка В. И. Муругова [39, л. 1–11]. Железо изымали, так как оно снято (попросту украдено) с муниципальных зданий в период оккупации. Восстановили печи, отопление было дровяным. Каждая комната отапливалась отдельно. Окна, заложённые блоком, хорошо просматриваются на фотографиях 1946–1951 гг.

Необходимо отметить, что после освобождения станицы в сентябре 1943 г., многие здания в центре оказались разрушены. В здании бывшего станичного правления отсутствовала крыша и окна, повреждён лицевой фасад. Рядом находившаяся конюшня — также без крыши и с повреждёнными стенами. Бывший дом генерала Стеценко имел повреждённые крышу и фасад. По зданию одноклассного училища сведений не найдено. Бывшее ремесленное училище, до 1942 г. здание школы № 3, было взорвано, восстановлено только к 1948 г. Зданию бывшего двухклассного училища, оно же здание школы № 2, требовался серьёзный ремонт. Лишь здание церкви осталось невредимым [29].

Учительница НСШ Пронь в своём выступлении 1948 г. отмечала, что в 1948 г. были заново остеклены все три здания, принадлежащие школе. Изначальное остекление 1944 г. было некачественным, стекла были собраны из отдельных кусков. Кроме того, к 1948 г. были изготовлены новые парты, окрашены полы [7, л. 14 и об.]. Действительно, на школьных фотографиях 1946, 1947, 1948 гг. оконные стекла имеют странные наслоения, видимо, так стыковались стекла. Просматривается плачевное состояние ступеней, они серьёзно выщерблены и разбиты. Часть окон заложена блоком из-за нехватки стекла.

Это было нелёгкое время для учителей и учеников. Не было бумаги, не хватало перьев и карандашей, учебников и даже парт. При школе была столовая, обеспечивающая учеников горячим питанием бесплатно. Также с середины 1940-х гг. была обустроена мастерская, где учеников из неполных, малообеспеченных и многодетных семей обслуживали бесплатно. Чинили прохудившуюся обувь, латали одежду. Даже изыскивали по станице предметы одежды, если семья ученика не могла обеспечить ребенка. Учителя тех лет — настоящие герои. На их долю выпала огромная работа: научить, обогреть, накормить, обеспечить одеждой и обувью. Поднимались вопросы в колхозах о помощи в продуктах, доставке дров. Озвучивалось требование не брать подростков на работу. Ведь в послевоенные голодные 1946–1949 гг. работать дети шли уже в 10 лет [8, л. 73–74].

Здание школы № 1 стало центром притяжения разных поколений станичников на многие годы. На его фоне с 1946 г. фотографировались школьники и выпускники, учителя, молодожёны, колхозники с семьями и детьми. Ученики на одиночных фото тех лет позируют исключительно на фоне школы.

В 1951 г. в станицу пришло электричество, была построена линия электропередачи от станицы Натухаевской. С этого времени в школе вместо свечей и масляных ламп появились электрические лампочки [6, л. 23–24]. В том же 1951 г. была облагорожена территория бывшей церковной площади. Высажены деревья. Сейчас это Центральный парк станицы Раевской [6, л. 23–24].

В 1969 г. было построено современное здание школы по адресу: улица Красная, дом 40, напротив здания старой школы. С сентября 1969 г. средняя школа № 44 располагалась уже в новом строении [9, л. 1–3]. Соответственно, количество людей, посещавших старое здание, заметно сократилось. Но оно не пустовало. В нём разместилась контора Раевского

*Илл. 1. Казаки на фоне здания станичного правления.
Празднование 50-летия со дня основания станицы, 1912 г. [31]*

винсовхоза — на время постройки нового здания по адресу: ул. Ленина, дом 27 [27].

С 1974 г. здание занимала музыкальная школа [1, л. 1–8]. Основана она была решением Анапского горисполкома как филиал анапской музыкальной школы. В 1979 г. преобразована в самостоятельное учреждение «Районная музыкальная школа города Новороссийска» [38]. С 1974 г. в музыкальной школе функционировал музей, под него была выделена отдельная комната на первом этаже [1, л. 1–8]. С 1985 г. музей занимал две комнаты музыкальной школы, над главным входом появилась вывеска «Комната революционной, боевой и трудовой Славы станицы Раевской».

С 18 сентября 1997 г. распоряжением № 59-РКН-7 Комитета по управлению и контролю за использованием муниципального имущества города Новороссийска «Раевская музыкальная школа № 1» была перемещена по адресу: улица Героев, дом 33, а освободившиеся помещения были переданы Дому быта «Раевский» [33, л. 1].

Постановлением № 981 от 19 июля 1999 г. главы Новороссийска В. Г. Прохоренко было утверждено проведение ремонта исторических зданий станицы Раевской к юбилею — 160-летию со дня основания форта Раевский [34, л. 1].

Решением городской думы II созыва города Новороссийска № 146 от 5 мая 1998 г. был утверждён перечень мероприятий в связи с предстоящим празднованием 160-летия основания Новороссийска и военных фортов Черноморского побережья, в числе которых открытие музея и памятника-бюста Н. Н. Раевского в станице Раевской к 11 сентября 1999 г. [35, л. 1]. В создании экспозиции, в части, посвящённой роду Раевских, участвовали Л. А. Колбасина, на тот момент директор Новороссийского исторического музея-заповедника, и краевед, журналист и депутат И. Г. Гармаш. На торжественном открытии музея присутствовали представители Кубанского казачьего войска, представители рода Раевских, приехавшие из разных уголков Европы по приглашению И. Г. Гармаша, краеведы А. Б. Герасименко, Г. В. Крымпоха, Л. А. Колбасина. Существенная часть экспонатов музея была посвящена роду Раевских и генералу Н. Н. Раевскому-младшему.

С 2006 г. помещения музея в бывшем школьном здании занимает Раевская сельская библиотека. Сам музей частично экспонируется в Доме культуры станицы Раевской.

Илл. 2. Школа, 1969 г. [33]

В 2013 г. была сокращена ставка смотрителя музея, а сам музей практически престал существовать, так как был закрыт для посещений. Экспонаты перемещены в одну из комнат бывшего станичного правления на хранение. 7 июля 2015 г. комната, где находились экспонаты, была осмотрена комиссией в составе сотрудников Новороссийского исторического музея-заповедника и исполняющего обязанности директора Дома культуры станицы Раевской. Сделан вывод о ненадлежащем хранении и утрате части экспонатов [36, л. 1].

С 2021 г. сельская библиотека была перемещена в здание по адресу: улица Ленина, дом 27, а бывшее станичное правление занимают на данный момент совет ветеранов, общество инвалидов, ячейка КПРФ, дом быта, ветеринарная клиника.

На сегодняшний день бывшее здание станичного правления является единственным не утратившим, за исключением отдельных элементов, свой первоначальный облик дореволюционным строением в станице. Дата его постройки, как уже было выше сказано, 1885 г. [14, л. 9–10]. Прочие исторические здания значительно трансформированы. Церковь во имя Вознесения Господня (1867 г. постройки) [11, с. 29] частично разобрана, перестроена и достроена, с 1962 г. это Дом культуры станицы Раевской по адресу: улица Котова, дом 37. Ещё одно историческое здание — дом священника, построенный до 1917 г. (точный год постройки не установлен), было перестроено к 2017 г. с полной утратой первоначального облика, теперь это Церковь Вознесения Господня, православный храм по адресу: улица Котова, дом 38. Рядом стоящее здание администрации сельского совета станицы Раевской по адресу: улица Котова, дом 48 — бывший дом генерал-майора Д. В. Стеценко (точный год постройки также не установлен) — было серьёзно повреждено в 1943 г. и частично перестроено [30] [31]. Довоенных фотографий на данный момент не найдено, реальный исторический облик восстановить не представляется возможным.

Здание одноклассного мужского училища, в советское время так называемая «радиорубка» (телеграф), было снесено в 1970-х гг. [31]. Здания бывшего женского училища и бывшей ремесленной мастерской были снесены при строительстве начальной школы в 2019 г. Новое здание начальной школы открылось для учеников 1 сентября 2020 г. по адресу: улица Красная, дом 40. Все вместе эти строения, расположенные по периметру бывшей церковной площади — нынешнего парка, составляют исторически сложившийся административный и культурный

центр станции Раевской, а сохранившееся подлинное здание бывшего станичного правления, бывшее 137 лет центром притяжения многих поколений, служит материальным свидетельством её истории, является главной достопримечательностью и «визитной карточкой» поселения.

С 2022 г. здание станичного правления признано памятником истории и культуры. Приказом от 08.07.2022 г. № 553-КН внесено в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения [40, л. 1–2].

Литература

1. Архив администрации Раевского поселкового округа. Технический паспорт здания Музыкальной школы от 29.12.1974 г.
2. Архив муниципального образования город Новороссийск. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 548.
3. Архив муниципального образования город Новороссийск. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66.
4. Архив муниципального образования город Новороссийск. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1.
5. Архив муниципального образования город Новороссийск. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 4.
6. Архив муниципального образования город Новороссийск. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 123.
7. Архив муниципального образования город Новороссийск. Ф. Р-823. Оп. 1. Д. 5.
8. Архив муниципального образования город Новороссийск. Ф. Р-823. Оп. 1. Д. 8.
9. Бюро технической инвентаризации города Новороссийска. Инвентарное дело 17343.
10. Вольное казачество. 1938. № 249. (Париж).
11. *Герасименко А. Б., Санеев С. А., Гармаш И. Г.* Мы — раевские. — Новороссийск : Управление образования, 1999.
12. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4140.
13. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4574.
14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4666.
15. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4667.
16. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4.

17. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 472. Оп. 1. Д. 87.
18. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 1408.
19. Закон Краснодарского края «О пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного значения, расположенных на территории Краснодарского края» // Информационный бюллетень Законодательного собрания Краснодарского края. — 2000. — 25 декабря.
20. Кубанец. — 1977. — № 11 (Рэд Бэнк, США).
21. Кубанец. — 1977. — № 11 (Рэд Бэнк, США).
22. Кубанец. — 1978. — № 16 (Рэд Бэнк, США).
23. Кубанец. — 1978. — № 17 (Рэд Бэнк, США).
24. Кубанская генеалогия [сайт]. — URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru> (дата обращения: 12.02.2022).
25. Личный архив Кармалюк В. А. Воспоминания Подлесной Е. Г. (1931–1922), интервью от 05.08.2021 г. (аудиозапись).
26. Личный архив Кармалюк В. А. Интервью Подлесной Е. Г. от 05.08.2021 г.
27. Личный архив Кармалюк В. А. Воспоминания Варивода (Мандрыкиной) Светланы Михайловны (1941 г. р.), интервью от 09.05.2022 г.
28. Личный архив Кармалюк В. А. Воспоминания Гимп Любовь Николаевны (1956 г. р.), интервью от 04 июня 2022 г. (аудиозапись).
29. Личный архив Кармалюк В. А. Воспоминания Марыш (Романюк) Нины Иосифовны (1925 г. р.) от 08.07.2022 г. (аудиозапись).
30. Личный архив Кармалюк В. А. Воспоминания Стогниенко (Вечера) Елены Тимофеевны (1927–2019) от 09.05.2016 г. (аудиозапись).
31. Личный архив Кармалюк В. А. Фотография. Казаки возле здания станичного правления. 1912 г.
32. Личный архив Кармалюк В. А. Фотография школы. 1969 г.
33. Личный архив Гармаш И. Г. Распоряжение Комитета по управлению и контролю за использованием муниципального имущества Администрации города Новороссийска Краснодарского края от 18.09.1997 г. № 59-РКН-7. Копия.
34. Личный архив Гармаш И. Г. Постановление Главы администрации города Новороссийска Краснодарского края В. Г. Прохоренко от 19.07.1999 г. № 981. Архивная копия с синей печатью.
35. Личный архив Гармаш И. Г. Решение Городской думы II созыва города Новороссийска Краснодарского края от 05.05.1998 г. № 146. Копия.
36. Личный архив Гармаш И. Г. Справка о состоянии музейного фонда Общественного музея станицы Раевской от 14.07.2015 г. № 306, подготовленная Новороссийским историческим музеем-заповедником. Копия.

37. Махно Захарий Ефимович (1880) // Открытый список [сайт]. — URL: [https://ru.openlist.wiki/Махно_Захарий_Ефимович_\(1880\)](https://ru.openlist.wiki/Махно_Захарий_Ефимович_(1880)) (дата обращения: 02.05.2022).
38. МБУ ДО «ДШИ станицы Раевской города Новороссийска» // Управление культуры города Новороссийска [сайт]. — URL: <https://www.kultura-novoros.ru/uchrezhdeniya-kultury/uchrezhdeniya-dopolnitelnogo-obrazovaniya/mbu-dmbu-do-dshi-st-raevskaya-o-dshi-st-raevskaya> (дата обращения: 07.05.2022).
39. Музей муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 24 имени генерала Н. Н. Раевского. Историческая справка Раевской СШ № 44, ноябрь 1957 г., составил завуч Федосеенко П. С., заверил директор Муругов В. И.
40. Приказ администрации Краснодарского края от 08.07.2022 г. № 553-КН «О включении выявленного объекта культурного наследия «Казачья управа. Женское трехклассное училище», 1903 г., Краснодарский край, городской округ город Новороссийск, станица Раевская, ул. Красная, 57, в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении его границ и режима использования территории». Копия на 2 листах с двумя приложениями на 4 листах.
41. Управление Федеральной службы безопасности по Краснодарскому краю. Д. 107404.

Victoria A. KARMALUK,

Independent Researcher, Novorossiysk, Novorossiysk,
Krasnodar Region, Russia, viktorija23@inbox.ru.

Transformation of the Historical Center of the Village of Raevskaya: Research Experience

This paper discusses the changes in the architectural appearance of the historical center of the village of Raevskaya for more than a century and a half. This problem has been touched upon in research papers before quite superficially and only within the framework of other topics. The relevance of the research topic is specified by the extremely scarce amount of information on this issue, the lack of exact dates for the construction of the majority of the buildings located in the center of the settlement. The author's research is based on archival materials, local history studies, memoirs, interviews of old-timers, photographs, maps. The main problem that complicated the investigations

was the difficulty of identifying pre-revolutionary buildings in the Soviet period, since most of the buildings had different functions. According to the results of the study, the year of construction of the buildings that have been preserved or lost due to various reasons has been determined or clarified. The conclusion is made about the historical and cultural value of the building that has not lost its original appearance.

Keywords: *village of Raevskaya, historical center, church square, church, village government building, school, historical changes, cultural heritage object.*

А. Н. Еремеева*

История раннесоветской архитектуры в зарубежной историографии 1960-х — 1980-х годов**

В статье рассматривается история изучения раннесоветской архитектуры зарубежными исследователями в 1960–1980-е гг. Показано, что советский архитектурный авангард попал в сферу интереса зарубежных архитекторов и организаторов выставок ещё в 1920-е гг., а десятилетия спустя стал предметом изучения теоретиков и практиков архитектуры, искусствоведов Великобритании и Италии, Франции и США. Они также инициировали переводы на европейские языки трудов классиков советского авангарда и ведущих советских специалистов по истории архитектуры, в частности С. О. Хан-Магомедова. Автор отмечает вклад К. Грей, А. Коппа, В. Де Фео, А. Бирнхольца, В. Квилличи, К. Кук, Д. Боулта в изучение и трансляцию достижений раннесоветской архитектуры. Прослеживается связь между научными исследованиями советского авангарда и организацией выставок, которые являлись важной составляющей культурной дипломатии.

Ключевые слова: советская архитектура, авангард, зарубежная историография, К. Грей, А. Копп, В. Де Фео, А. Бирнхольц, В. Квилличи, К. Кук, Д. Боулт.

Советская архитектура попала в поле зрения западных архитекторов и организаторов выставок ещё в 1920-е гг. Поиски и эксперименты по переустройству пространства, превращению его в среду формиро-

---

* ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, epana@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Архитектурно-градостроительное наследие советской эпохи: историко-культурная ценность, актуализация и сохранение»; номер государственной регистрации: 122020800075-7.

вания «нового» человека были известны благодаря публикациям переехавших в Европу россиян, печатавшихся в эмигрантских и западных средствах массовой информации, отдельным трудам видных представителей авангардных течений (см., например: [17]), визитам в «колыбель социализма», в том числе в рамках взаимных посещений архитекторов и студентов архитектурных школ (ВХУТЕМАС, Баухаус и др.), а также выставкам, которые стали устраиваться после международно-правового признания страны Советов. Обзоры выставок и отдельных экспозиций публиковались в советской и зарубежной прессе.

«Русская художественная выставка, организованная Наркомпросом РСФСР» в Берлине (1922 г.), в галерее Ван Димена, показала публике супрематистские опыты К. Малевича, проун (проект учреждения нового) Л. Лисицкого, «Город на рессорах» А. Лавинского, проект электрической станции работы Н. Габо, образцы праздничного оформления Москвы и Петрограда Г. Клуциса и Н. Альтмана и др. Выставку посетило 15 тыс. человек. После закрытия она некоторое время работала в городском музее Амстердама [1].

Солидная архитектурная экспозиция СССР — свыше 120 проектов — была представлена на престижной Выставке декоративного искусства и художественной промышленности в Париже в 1925 г. Настоящей сенсацией стал сам советский павильон работы К. Мельникова [5].

На выставке проектов, организованной Панамериканским союзом «Конкурса для выбора архитектора монументального маяка в память Христофора Колумба, который народы мира намерены возвести в Доминиканской Республике» в 1929 г. в Мадриде и Риме, работы советских мастеров авангардных направлений, а также мастеров российской классической школы, творивших в стиле ар-деко, получили высокую оценку [4].

На миланской V Триеннале 1933 г. — выставке современного промышленного, архитектурного и декоративно-прикладного искусства — наряду с работами крупнейших архитекторов Европы того времени демонстрировалась экспозиция К. Мельникова. Фото дома культуры имени Русакова работы Мельникова (ныне здание входит в перечень Всемирного фонда памятников архитектуры) стало одной из визитных карточек выставки в прессе [2, с. 255].

Смена стилистических предпочтений в культурной политике СССР привела к доминированию «сталинского ампира» на выставках 1930-х гг. Только после смерти И. В. Сталина авангардные направления в архи-

тектуре были реабилитированы в рамках борьбы с «украшательством» и «излишествами» в архитектурном оформлении зданий. Архитектуру 1920-х гг. начали вторично открывать в СССР. Значительная роль в этом принадлежит известным историкам архитектуры В. Э. Хазановой и С. О. Хан-Магомедову, А. А. Стригалеву, И. А. Казусю и др. Активизировались и зарубежные коллеги. Как вспоминал известный писатель, автор культового романа «Два капитана» В. Каверин, «значение русского искусства двадцатых годов на Западе было оценено в полной мере, должно быть, к середине пятидесятих годов. Вслед за вспыхнувшим и ярко разгоревшимся интересом к живописи и архитектуре (Малевич, Татлин) пришла очередь литературоведения...» [3, с. 46–47].

Источниковой базой зарубежных исследований стали артефакты из музейных и иных собраний (в основном, из западных) — рисунки, чертежи, фотографии, в том числе касающиеся выставок 1920-х — начала 1930-х гг., материалы прессы, труды классиков авангарда, а также интервью с теми, кто был причастен к его производству и трансляции.

«Урожайными» по части публикаций оказались 1960-е гг. Одной из первых стала книга 26-летней англичанки Камиллы Грей «Великий эксперимент: русское искусство 1863–1922» (1962) [15]. Автор не имела даже университетского диплома, правда, выросла она в семье учёных: отец был хранителем отдела Востока в Британском музее, мать — медиевистом. Приехав в СССР, девушка планировала получить хореографическое образование, однако увлеклась искусством авангарда. В качестве консультантов и респондентов выступали сами творцы и коллекционеры. К. Грей работала в фондах советских и зарубежных музеев. Её книга, несмотря на упрощённый, по словам специалистов, подход к анализу авангардных течений, сыграла важную роль в популяризации на Западе советского искусства 1920-х гг., контрастировавшего с социалистическим реализмом. Труд К. Грей неоднократно переиздавался. Кроме того, она предложила Британскому совету по искусству провести выставку «Искусство революции: советское искусство и дизайн с 1917 года», которая состоялась в галерее Хейворд (Hayward Gallery) в Лондоне в феврале — апреле 1971 г.

В 1963 г. вышла в свет монография итальянского практикующего архитектора Витторио Де Фео «Советская архитектура. 1917–1936» [14]. Опираясь в основном на имевшиеся в Западной Европе труды и изобразительную продукцию, автор выделил основные тенденции в развитии архитектуры первых постреволюционных десятилетий, дал характе-

---

ристику школам, конкурсам, дискуссиям, оценил влияние советского конструктивизма на мировую архитектуру [23].

В ряду первых зарубежных исследователей конструктивистской архитектуры и градостроительных практик — рождённый в Российской империи французский архитектор Анатолий Копп. Его книга «Город и революция: советская архитектура и градостроительство. 1917–1935», изданная в 1967 г. на французском языке [16], в течение последующих десяти лет была переведена на английский, итальянский, испанский, греческий языки. Удостоилась переводов на европейские языки и книга итальянского архитектора и исследователя архитектуры XX века Вьери Квиличи «Архитектура конструктивизма» (1969) [18]. Почти две трети книги составляют переводы текстов представителей советского конструктивизма и официальных документов, касающихся раннесоветской архитектуры. Как отмечал рецензент, В. Квиличи, в отличие от А. Коппа, не видевшего истоки архитектуры 1920-х гг. в досоветском прошлом, эти связи чётко прослеживает, причём опираясь не только на предреволюционные годы, но и на русскую национальную традицию [7]. Позже В. Квиличи был редактором итальянских переводов книг С. О. Хан-Магомедова и других российских специалистов по истории авангарда.

Ни одна из вышеуказанных книг зарубежных авторов не была переведена на русский язык. Советский искусствовед А. Михайлов, рассматривая художественную политику 1920-х гг., критиковал труды В. Де Фео и К. Грей, а также автора книг об истории абстрактного искусства М. Сейфора (M. Seuphor), в том числе их вывод о решающей роли государства в фактическом упразднении футуризма (понятие архитектура авангарда тогда по идеологическим основаниям употреблялось не иначе как в кавычках) и курсе на освоение классического наследия. Зарубежная литература об истории изобразительного искусства порицалась за «странное утверждение о том, будто бы художественная политика советского государства в первые годы его революционного становления не исходила из единой общественно-эстетической концепции, но, напротив, представляла ряд противоречивых, взаимоисключающих действий, определяющихся текущей конъюнктурой или же личными вкусами и пристрастиями» [6, с. 38].

Зарубежные выставки второй половины 1960-х гг., посвящённые таким знаковым фигурам, как К. Малевич, В. Татлин, Л. Лисицкий, А. Родченко, стимулировали появление многочисленных журнальных публикаций, переводы трудов и манифестов представителей авангард-

ных течений. А. С. Бирнхольц, защитивший в 1973 г. в Йельском университете диссертацию о творчестве Л. Лисицкого, рассматривал советский авангард как продолжение предреволюционных творческих поисков [8].

В 1975 г. в Кембридже Кэтрин Энн Кук защитила диссертацию «Социалистический город. Истоки и развитие советского градостроительства» (*The Town of Socialism: The Origins and Development of Soviet Town Planning*). Первым (неформальным) наставником автора был А. Копп. Позже британская исследовательница вместе с советскими коллегами изучала образцы авангардной советской архитектуры, обращала внимание на их аварийное состояние и выступала против их сноса. В своих трудах и докладах она подчёркивала не только впечатляющий полёт фантазии конструктивистов, но и их мощную профессиональную архитектурную и инженерную подготовку.

Среди работ К. Кук 1980-х гг. выделим книги «Чернихов: фантазия и строительство» (1984) [10] с биографией забытого к тому времени в СССР выдающегося представителя архитектурного авангарда и переводами на английский язык его работ, в том числе изданной в 1931 г. в Ленинграде книги «Конструкция архитектурных и машинных форм»; и «Русский конструктивизм и Яков Чернихов» (1989) [12]. Тексты К. Кук, иногда в соавторстве с российскими коллегами и соотечественниками (см.: [13] [20] [22]), сопровождали альбомы и каталоги, печатались в специальных номерах британского журнала *Architectural Design*. Именно К. Кук являлась редактором английского издания монографии С. О. Хан-Магомедова «Пионеры советской архитектуры» (1987), автором эссе, приуроченного к открытию первой масштабной зарубежной выставки архитектуры русского авангарда из собрания Музея архитектуры имени А. В. Щусева «Архитектурные рисунки русского авангарда», прошедшей в нью-йоркском Музее современного искусства 21 июня — 4 сентября 1990 г. [10] В эссе представлено разнообразие теоретических и идеологических дебатов как внутри сообщества авангардистов, так и с их оппонентами.

В США раннесоветскую архитектуру исследовал профессор университета Южной Калифорнии Джон Элис Боулт. В разделе «Конструктивизм и промышленные искусства» книги, вышедшей под его редакцией «Русское искусство авангарда. Теория и критика. 1902–1934» (1976) [19], опубликованы переведённые Боултом основополагающие для конструктивизма тексты В. Татлина, братьев Н. Габо и А. Певзнера, А. Гана и др.

Заметим, что об интересе к искусству авангарда, в том числе архитектуре, свидетельствовали такие масштабные выставки 1970–1980-х гг.,

как вышеназванная лондонская «Искусство революции: советское искусство и дизайн с 1917 года», а также «Париж — Москва» (Центр Помпиду, 1979) и «Москва — Париж» (ГМИИ имени А. С. Пушкина, 1981), «Авангард в России. 1910–1930: новые перспективы» (Музей искусства Лос-Анджелеса, 1980; Национальный музей современного искусства Хишкорна в Вашингтоне, 1981), «Архитектура Страны Советов, 1917–1933» (Выставочный дворец в Риме, 1982–1983; Музей Сант-Агостино в Генуе, 1983). Каталоги, как правило, включали в себя, кроме перечня и фотографий экспонатов, добротные предисловия, эссе о видных экспонентах, биографические справки, библиографические приложения.

В постсоветский период архитектура авангарда также привлекала внимание зарубежных исследователей. Из тех, кто продолжал изыскания ещё со времен холодной войны, выделим К. Кук и Д. Боулта. Обобщением исследований К. Кука стала монография «Русский авангард: теории искусства, архитектуры и города» (1995) [11], где автор сосредоточилась на подходах теоретиков и практиков авангарда к искусству и архитектуре с точки зрения их эстетического воздействия на потребителя и социальных функций. Экспонаты из коллекции К. Кука (фотографии, слайды, открытки), переданные после её смерти в библиотеку Кембриджского университета, широко используются в выставочной практике [21]. Д. Боулт принимал участие в ряде российских и международных издательских и музейных проектов, посвящённых авангарду, в частности «Амазонки авангарда», «Космос русского авангарда: Искусство и исследование Вселенной, 1900–1930». В 2009 г. Д. Боулт был награждён российским орденом Дружбы за большой вклад в развитие культурных связей с Российской Федерацией, сохранение и популяризацию русского языка и русской культуры.

Итак, раннесоветские архитектурные эксперименты, о которых изначально писали сами их творцы, лишь через несколько десятилетий стали объектом пристального внимания зарубежных исследователей. Об этом свидетельствуют изданные в Великобритании и Италии, Франции и США монографии, переводы на европейские языки программных работ классиков конструктивизма и советских исследователей истории архитектурного авангарда, прежде всего С. О. Хан-Магомедова. Исследования, выходявшие на Западе с 1960-х гг., оказались востребованными в научном сообществе. Параллельно советский архитектурный авангард осмысливался посредством масштабных выставок, которые в условиях холодной войны были важной составляющей культурной дипломатии.

Литература

1. *Берар Е.* Экспонаты из plombированного вагона: первая выставка русского искусства 1922 года в Берлине. Документальная история // Новое литературное обозрение. — 2021. — № 4. — С. 103–128.
2. *Вяземцева А. Г.* Советская архитектура в Италии и итальянская архитектура в СССР в 1920–1930-е гг: выставки, публикации, совместные проекты // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2019. — № 1. — С. 248–260.
3. *Каверин В.* Эпилог. — М. : Аграф, 1997. — 560 с.
4. *Казусь И. А.* Как советские архитекторы проектировали памятник Христофору Колумбу в Санто-Доминго // Российская история. — 2013. — № 5. — С. 59–76.
5. *Кузнецов П. В.* Павильон в Париже (1925) // Дом Мельникова. Шедевр авангарда, жилой дом, архитектурный музей. — Berlin : Dom Publishers, 2017. — С. 58–63.
6. *Михайлов А.* Ленин и формирование художественной культуры Советского государства // Искусство. — 1970. — № 7. — С. 38–42.
7. *Birnholtz A. C.* Review // Slavic Review. — 1971. — Vol. 30. — № 3. — P. 697–698.
8. *Birnholtz A. C.* The Russian Avant-Garde and the Russian Tradition // Art Journal. — 1972. — Vol. 32. — № 2. — P. 146–149.
9. *Cooke C.* Architectural drawings of the Russian avant-garde. — N. Y. : The Museum of Modern Art, 1990. — 143 p.
10. *Cooke C.* Chernikhov: Fantasy and Construction. — L. : Architectural Design AD Editions, 1984. — 88 p.
11. *Cooke C.* Russian Avant-Garde: Theories of Art, Architecture and the City. — L. : Academy Editions, 1995. — 208 p.
12. *Cooke C.* Russian Constructivism & Iakov Chernikhov. — L. : Academy Group, Ltd., 1989. — 96 p.
13. *Cooke C., Kazus I.* Soviet Architectural Competitions. 1920s–1930s. — L. : Phaidon Press Ltd, 1992. — 117 p.
14. *De Feo Vittorio.* URSS Architettura. 1917–1936. — Roma, Editori Riuniti, 1963. — 186 p.
15. *Gray C.* The Great Experiment: Russian Art 1863–1932. — N. Y. : Abrams, 1962. — 327 p.
16. *Kopp A.* Ville et Révolution. Architecture et Urbanisme Soviétiques des Années Vingt. — Paris : Anthropos, 1967. — 317 p.
17. *Lissitzky El.* Russland. Die Rekonstruktion der Architektur in der Sowjetunion. — Vienna : Anton Schroll, 1930. — 103 p.

18. *Quilici V. L'Architettura Del Costruttivismo*. — Bari : Editori Laterza, 1969. — 582 p.
19. *Russian Art of the Avant-Garde. Theory and Criticism: 1902–1934* / ed. and transl. by John E. Bowlt. — N. Y. : The Viking Press, 1976. — 371 p.
20. *The Avant-Garde: Russian architecture in the Twenties* / Guest ed. by C. Cooke and J. Ageros. — L. : Academy Editions, 1991. — 96 p.
21. *The Catherine Cooke Collection* // Cambridge University Library. — URL: <https://www.lib.cam.ac.uk/collections/departments/slavonic-collections/special-collections/rare-books/catherine-cooke> (accessed: 15.11.2022).
22. *Uses of Tradition in Russian & Soviet Architecture : An album* / ed. by C. Cooke and A. Kudriavtsev. — L. : Acad. group, 1987. — 80 p.
23. *Vyazemtseva A. The Pioneering Study of Vittorio De Feo on Soviet Constructivism* // *Rassegna di architettura e urbanistica*. — URL: <http://www.rassegnadiarchitettura.it/mat/pdf152-e.pdf> (accessed: 14.11.2022).

Anna N. EREMEEVA,

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher,
Department for Complex Problems for Cultural Research,
Southern Branch, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, erana@mail.ru.

The History of Early Soviet Architecture in Foreign Historiography of the 1960s — 1980s

The article examines the history of the study of early Soviet architecture by foreign researchers, mainly in the 1960s–1980s. It is shown that the Soviet architectural avant-garde came into the sphere of interest of foreign architects and exhibition organizers back in the 1920s, and decades later it became the subject of study of architectural theorists and practitioners, and art historians of Great Britain and Italy, France and the USA. They also initiated translations into European languages of the works of classics of the Soviet avant-garde and leading Soviet specialists in the history of architecture, in particular S. O. Khan-Magomedov. The author notes the contribution of C. Gray, A. Kopp V. De Feo, A. Birnholz, V. Quilici, C. Cooke, J. Bowlt to the study and dissemination of the achievements of early Soviet architecture. There is a connection between the scientific research of the Soviet avant-garde and the organization of exhibitions, which were an important component of cultural diplomacy.

Keywords: *Soviet architecture, avant-garde, foreign historiography, C. Gray, A. Kopp, V. De Feo, A. Birnholz, V. Quilici, C. Cooke, J. Bowlt.*

А. М. Суюхова*

Культурная политика Евросоюза в отношении противодействия незаконному обороту культурных ценностей**

В статье представлен анализ законодательной и нормативно-правовой документации Еврокомиссии и ЮНЕСКО по вопросу противодействия незаконному обороту культурных ценностей на внутригосударственном и международном уровнях. Рассматриваются идеологические основы для коннотаций понятий «культурное наследие» и «культурные ценности». Раскрывается вопрос об оценке арсенала мер по охране культурного наследия, предотвращению незаконной торговли культурными ценностями и возвращению культурных ценностей, незаконно вывезенных с территории государств — членов ЕС. Анализируется положение Конвенции ЮНЕСКО 1970 г., направленные на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, а также на защиту культурных ценностей от повреждения, кражи, тайных раскопок, незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности и незаконного оборота. Акцентируется внимание, что онлайн-продажи и совершенствование цифровых методов работы торговцев ценными культурными артефактами способствуют развитию криминальных сетей.

Ключевые слова: культурное наследие, культурная политика, оборот культурных ценностей, Европейский союз, Еврокомиссия, ЮНЕСКО.

Страны Европейского союза обладают богатейшим культурным наследием, которое необходимо сохранять и передавать последующим поколениям. Культурное строительство в регионе определяется культурной политикой, вырабатываемой европейским правительством в учреждениях Европарламента, Еврокомиссии, при которых работает комитет по культуре, возглавляемый комиссаром *Марией Габриель* (на

---

* СИЮХОВА Аминет Магаметовна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, социологии и педагогики Майкопского государственного технологического университета, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, amins@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России», номер государственной регистрации: 121021500262-2.

период 2019–2024 гг.). Комитет вырабатывает общие концепции развития культурного сектора в Европе, определяет условия финансирования проектов по развитию культуры. Конкретизация концепций реализуется в Планах работы по культуре на местах. Государства — члены ЕС определяют собственные приоритеты для формирования культурной политики на определённый временной период. Планы работы проходят экспертизу в Совете ЕС. В приоритетные направления культурной политики Евросоюза входят вопросы экологии, цифровизации, культуры как экономического ресурса благосостояния населения, укрепления Европы как мирового лидера, развития демократии, продвижения за рамки ЕС европейского образа жизни, гендерного равноправия. В качестве постоянной повестки культурной политики выступает вопрос о противодействии незаконного оборота культурных ценностей. Цель настоящей работы состоит в изучении основных законодательных и правовых нормативов в отношении оборота культурных ценностей в ЕС для возможности использовать европейский опыт для оптимизации решения подобных проблем в России.

В нормативно-правовых документах ЕС культурное наследие определяется как один из основных элементов цивилизации, имеющий к тому же символическое значение и являющийся частью культурной памяти и самобытности страны и человечества в целом. Оно обогащает жизнь всех людей и объединяет их общей памятью, знаниями и развитием цивилизации. Термин «культурные ценности» является синонимом термина «национальное достояние», как указано в статье 36 Договора о создании Европейского союза. Однако как товары они подлежат свободному перемещению в пределах Союза за исключением ограничительных мер, которые могут быть приняты государством — членом ЕС для предотвращения их незаконного вывоза с его территории [6].

В настоящее время Европейский союз располагает комплексным арсеналом мер по охране культурного наследия, предотвращению незаконной торговли культурными ценностями и возвращению культурных ценностей, незаконно вывезенных с территории государства — члена ЕС. Таможня ЕС имеет стратегически хорошие возможности для выявления и перехвата украденных культурных ценностей на границе, когда они вывозятся или ввозятся в Союз.

Европейский парламент и Совет ЕС выработал Регламент 2019/880 о ввозе и вывозе культурных ценностей, который направлен на предотвращение незаконной торговли ими, а также на запрет ввоза в тамо-

женную территорию Союза культурных ценностей, которые были незаконно вывезены из третьих стран [5]. По мнению экспертов Совета ЕС, такая торговля может способствовать финансированию террористической деятельности, так как в теневом бизнесе торговли культурными ценностями задействованы огромные неучтённые денежные средства. Следование регламенту, по убеждению его составителей, окажет превентивное воздействие на уклонение от уплаты налогов, отмывание денег и деятельность группировок организованной преступности. Регламент обязывает запретить ввоз и вывоз определённых культурных ценностей, которые считаются «наследием, находящимся под особой угрозой исчезновения». На ввоз других культурных ценностей, которые считаются менее подверженными риску, необходимо выдавать лицензию, согласно заявлениям импортера в случае, если он гарантирует, что ценности подвоятся единообразному контролю при их ввозе в страну ЕС.

На международном уровне борьба с незаконным оборотом культурных ценностей регулируется различными документами, наиболее авторитетным из которых является Конвенция ЮНЕСКО 1970 года о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности [4]. Эта Конвенция имеет среди прочего цель дать возможность международному сообществу защитить культурные ценности от повреждения, кражи, тайных раскопок, незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности и незаконного оборота. В Конвенции говорится, что «защита и оберегание мирового культурного и природного наследия, а также поддержка творчества и динамичных секторов культуры имеют основополагающее значение для решения проблем нашего времени: от изменения климата до бедности, неравенства, цифрового разрыва и всё более сложных чрезвычайных ситуаций и конфликтов. ЮНЕСКО убеждена, что никакое развитие не может быть устойчивым без сильного культурного компонента. Действительно, только ориентированный на человека подход к развитию, основанный на взаимном уважении и открытом диалоге между культурами, может привести к прочному миру» [4].

ЮНЕСКО в партнёрстве с Европейским союзом 14 сентября 2021 г. организовала онлайн-конференцию для укрепления глобального сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей [6]. На этой конференции собрались все заинтересованные стороны в этой области: государства — члены ЕС, а также представители арт-рынка, эксперты, институциональные партнёры и представители гражданского

общества. Обсуждения были сосредоточены на новых проблемах, оценке существующих механизмов и инструментов предотвращения и пресечения незаконного оборота культурных ценностей, на выявлении потребностей и конкретных действий, которые необходимо реализовать. В связи с этим ЮНЕСКО и партнёры объявили о нескольких инициативах, в том числе о принятии плана действий Европейского союза по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей на 2022 г., который будет осуществляться посредством консультаций с ЮНЕСКО, а также обсуждений на нескольких предстоящих встречах с Комиссией Африканского союза по борьбе с незаконным оборотом ценностей.

Маргаритис Схинас, вице-президент Европейской комиссии, отметил, что «незаконный оборот культурных ценностей <...> приводит к обнищанию стран их происхождения и способствует отмыванию денег, уклонению от уплаты налогов и финансированию террористической деятельности. Поскольку Европа является основным рынком назначения и транзита культурных ценностей, Европейская комиссия в тесном сотрудничестве с ЮНЕСКО и участниками арт-рынка представит План действий по повышению прозрачности, отслеживаемости и доверия» [7].

На конференции также были рассмотрены проблемы, связанные с новыми технологиями по отслеживанию перемещения культурных ценностей, особенно в контексте археологического разграбления. На третьем заседании Винсент Мишель, археолог и профессор Университета Пуатье (Франция), подчеркнул необходимость документирования местонахождений и инвентаризации объектов. Участники дискуссии показали, как онлайн-продажи и группы, работающие в социальных сетях, таких как Facebook, способствовали развитию криминальных сетей и совершенствованию цифровых методов работы криминализованных торговцев ценными культурными артефактами. Все эксперты напомнили о важности повышения осведомлённости населения о последствиях их незаконного оборота. Увеличение онлайн-покупок произведений искусства должно давать повод для потенциальных покупателей сомневаться в происхождении предметов и воздерживаться от покупки без серьёзных гарантий.

Ратификация Конвенции 1970 г. имеет дополнительное значение для запросов о возвращении и реституции вывезенных ценностей. Например, в 2006 г. Исламская Республика Иран подала иск против галереи Баракат в Лондоне о реституции коллекции 5000-летних древностей, вывезенной из Ирана после незаконных раскопок. В 2007 г. Апелляцион-

ный суд отметил, что Иран и Великобритания ратифицировали Конвенцию 1970 года и признали, что государства должны помогать друг другу в предотвращении незаконного перемещения культурных ценностей. По решению суда ценности были возвращены. В результате был создан явный прецедент, который позволил использовать положения Конвенции в будущих делах того же характера.

Практика сохранения, коллекционирования и оборота культурных ценностей показывает, что артефакты, представляющие историческую, художественную и иную ценность, со временем многократно вырастают в номинальной цене. Коллекционирование, таким образом, помимо символической функции культурной памяти, сохранения культурных кодов человечества, является выгодной инвестицией в проект, который в дальнейшем может приносить многократную прибыль [1]. Именно это является главным фактором роста криминальных действий вокруг культурных ценностей. Однако существует небольшая группа общественных сил, которые отрицают необходимость сохранять культурные ценности посредством больших ресурсных вложений. Ведь известно, что для того, чтобы обеспечить сохранность экспонатов в музеях и библиотеках, необходимо выполнять множество технологических и климатических условий, требующих огромных затрат материальных средств (электроэнергии, воды и пр.). Экоактивисты считают, что использование энергоносителей и других ресурсов при сохранении музейных ценностей загрязняет окружающую среду, что произведения искусства не стоят будущей жизни их детей, которым нечем будет дышать. Следует вспомнить акции вандализма по отношению к шедеврам живописи в немецких музеях в 2022 г., когда активисты борьбы с причинами изменения климата облили картофельным и томатным пюре картины Клода Моне, Винсента Ван Гога, приклеили себя к позолоченной раме знаменитой картины Рафаэля «Сикстинская мадонна» [2]. Таким образом, при всей позитивности отношения к культурному наследию на уровне политики ЕС, на практике население, особенно молодое, к ценности культурного достояния относится без должного пиетета. При этом сами того не сознавая, эковандалы привлекли внимание не столько к себе и своим идеям, сколько способствовали ещё большему коммерческому интересу криминализированных кругов к произведениям искусства и другим ценным артефактам.

Понимание важности обозначенной проблемы как формы угрозы национальной безопасности свойственно всем государствам, в том числе

и России. Исследователь И. К. Москвина указывает, что интенсивность культурных обменов, развитие антикварного рынка в России, возросший интерес к поисковой работе, рост чёрного рынка антиквариата и перемещение его в пространство интернета — всё это создаёт новые угрозы для сохранности культурных ценностей. Изъятие культурных ценностей из легального оборота, незаконный их вывоз за рубеж приводит к утрате части национального культурного наследия. В свою очередь, утрата национального культурного наследия сопряжена с появлением лакун в исторической памяти нации, с разрушением основ культурной идентичности [3, с. 89]. Поэтому постоянной и значимой проблемой для всех государств остаётся проблема борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей.

Литература

1. Вилков А. И. Международный оборот культурных ценностей и актуальные проблемы музейной практики // Вопросы музеологии. — 2011. — № 1. — С. 126–132.
2. Как немецкие музеи защищаются от эоактивистов // Deutsche Welle [сайт]. — URL: <https://www.dw.com/ru/nemeckie-muzei-pytautsa-zasititsa-ot-protestnyh-akcij-ekoaktivistov/> (дата обращения: 13.04.2023).
3. Москвина И. К. Контроль за перемещением культурных ценностей как проблема национальной безопасности // Научное мнение. — 2014. — № 8. — С. 87–90.
4. Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property // UNESCO [сайт]. — URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-means-prohibiting-and-preventing-illicit-import-export-and-transfer-ownership-cultural> (accessed: 13.04.2023).
5. Council Regulation (EC) No 116/2009 of 18 December 2008 on the export of cultural goods (Codified version) // EUR-Lex.europa.eu [сайт]. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2009.039.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2009%3A039%3ATOC (accessed: 13.04.2023).
6. EU rules for the protection of cultural heritage Import and export of cultural goods // Taxation and Customs Union [сайт]. — URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/customs-4/prohibitions-and-restrictions/cultural-goods_en (accessed: 13.04.2023).
7. Key initiatives announced at UNESCO's international conference to fight against illicit trafficking of cultural property // UNESCO [сайт]. — URL:

<https://www.unesco.org/en/articles/key-initiatives-announced-unescos-international-conference-fight-against-illicit-trafficking> (accessed: 13.04.2023).

Aminet M. SIYUKHOVA,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof., Prof.,
Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy,
Maikop State Technological University, Leading Researcher,
Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities,
Southern Branch, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and
Natural Heritage, Maykop, Republic of Adygea, Russia, aminsi@mail.ru.

The Cultural Policy of the European Union in Relation to Countering the Illicit Trafficking of Cultural Property

The article presents an analysis of the legislative and regulatory documentation of the European Commission and UNESCO on the issue of countering illicit trafficking in cultural property at the domestic and international levels. The ideological foundations for the connotations of the concepts of “cultural heritage” and “cultural values” are considered. The issue of assessing the arsenal of measures for the protection of cultural heritage, the prevention of illegal trade in cultural property and the return of cultural property illegally exported from the territory of the EU member States is revealed. The article analyzes the provisions of the UNESCO Convention of 1970 aimed at prohibiting and preventing the illegal import, export and transfer of ownership of cultural property, as well as the protection of cultural property from damage, theft, secret excavations, illegal import, export and transfer of ownership and illicit trafficking. It is emphasized that online sales and the improvement of digital methods of work of dealers in valuable cultural artifacts contribute to the development of criminal networks.

Keywords: cultural heritage, cultural policy, turnover of cultural values, European Union, European Commission, UNESCO.

РАЗДЕЛ 4

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СТРАНЫ И РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

И. В. Мациевский*

Об актуальных проблемах изучения и развития музыкального искусства этноисторических ареалов и этнокультурных сообществ

Статья посвящена актуальным проблемам современного художественного творчества. Материалом исследования послужили этнорегиональные формы музыкальной культуры и их исторические традиции. Рассматриваются проблемы традиционного искусства с учётом этноисторического опыта и новых стилевых проявлений культуры XX–XXI вв. Расширение форм современной алеаторики и импровизационной стороны музыкально-художественного действия, поиск столь желаемой непосредственной коммуникации между создателем и реципиентом, развитие интерактивности современного слушателя, становление новых форм хэппенинга может стать возможным за счёт всестороннего изучения и внедрения в современную творческую практику опыта создания и восприятия искусств в системе контактной коммуникации, сложившихся в различных сферах этнической музыки разных стран и народов.

---

* МАЦИЕВСКИЙ Игорь Владимирович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий сектором инструментоведения Российского института истории искусств, Санкт-Петербург, Россия, ihormcw@mail.ru.

Ключевые слова: алеаторика, дисперсная и компактная диаспоры, импровизационная сторона, коммуникация, музыкально-художественное действо, таты, юртовские татары, украинцы, белорусы, русские, абхазы, ираноязычные иудеи.

Этнокультурная история и этнорегиональное своеобразие различных регионов Северного Кавказа, как и всей Российской Федерации, обусловлены целым рядом специфических особенностей, которые весьма важно учитывать в современной художественной деятельности, а также в контексте анализа создания, развития и распространения жанров и форм искусства. Выявление и развитие этноисторических и региональных факторов художественного творчества — наиболее *прогрессивный путь* к становлению своеобразия и перспектив *новых художественных явлений* во избежание универсальных стилевых стереотипов и роботизации искусства. Любое этническое искусство важно всегда рассматривать в контексте развития мирового художественного творчества. И обращение к традиционной музыке этнорегиональных групп, чем далее, тем более открывает самые широкие творческие возможности. Важно их понимание и в контексте максимального выявления и развития художественных стимулов этнического искусства.

Говоря о *традиционных формах и носителях* этнического искусства, весьма важно учитывать следующие типологические его проявления.

Во-первых, это проявления художественной деятельности представителей так называемых *этнических маргиналий* — этнических общностей, исторически живущих на своей исторической территории, но находящихся за официальными пределами этнической (в том числе государственной) метрополии: например, адыгов за пределами Адыгеи и Черкесии, казахов, юртовских татар и ногайцев на левобережье нижней Волги (в Астраханской области России) [1], русских и белорусов восточной Латвии, белорусов Смоленщины и Брянщины, армян Карабаха и т. д.

Во-вторых, это исторические (давние и более поздние) переселенцы — *компактная* и *дисперсная* (территориально рассеянная между другими этносами) *диаспоры*: этнические украинцы Кубани и Канады, русские северного Казахстана и юго-восточной Украины, литовцы в польской Сувалькии и т. д., и т. п. И для тех, и для других характерно осознанное или неосознанное сосуществование (порой и противоречивое) двух векторов интеграционного взаимодействия: в сторону государственной или этнической метрополии.

В-третьих, традиционная культура способна сохранять и развивать многие стилевые черты искусства различных *этноисторических эпох* своего становления и развития. Исторические половцы — тюркоязычные *кыпчаки*, по языкам и ряду форм культуры постепенно ослабяившиеся, ставшие этническими украинцами Слобожанщины (Харьковская и западные районы Воронежской и Белгородской областей), но сохранившие инструментарий и ряд форм тюркской культуры. В этом плане к ним примыкают и многие традиции донских и линейных (Кубань) казаков.

Ряд *специфических* исторических и этнорегиональных проявлений традиционной культуры необходимо исследовать и учитывать в современной художественной деятельности ираноязычных иудеев Северного Кавказа — *татов* (одного из народов Дагестана), других групп горских евреев, а также ветхозаветных групп *абхазов*. Древние индоиранские черты находим и в традициях многих тюрко- и адыгоязычных этносов Кавказа.

Широкие и весьма разнообразные возможности не только для науки и просвещения, но и для современного творчества открываются при изучении и воплощении в новом творческом опыте этнического и исторического инструментария, характерных приёмов игры, изобретений и новаций самих этнических музыкантов, в том числе специфических способов артикуляции, применяемых за пределами основной техники звукоизвлечения и ритмоинтонационного выявления. Сюда добавим в связи с развитием техники расширяющиеся возможности применения звуков окружающей природы — так называемой *физической и биологической* музыки. Такой опыт позволит придать новым, в том числе изобретённым композиторами и исполнителями XXI вв. игровым приёмам и структурным (интонационным, контонационным, ритмическим, динамическим, модальным, гармоническим, линарно-полифоническим, сонорным и т. п.) новациям *этническое, региональное и индивидуальное* своеобразие.

Расширение форм современной *алеаторики и импровизационной* стороны музыкально-художественного действия, поиск столь желаемой *непосредственной коммуникации* между создателем и реципиентом, развитие *интерактивности современного слушателя*, становление новых форм *хэппенинга* видится и за счёт более пристального изучения, а также внедрения в современную творческую практику опыта создания и восприятия искусств в системе *контактной коммуникации*, сложив-

шихся в различных сферах этнической музыки разных стран и народов [2]. В этой связи вполне реальными могут стать и попытки становления новых форм *политекстовых* произведений (при множестве реально возможных текстов одной композиции).

Литература

1. Усманова А. Р. Музыкальный фольклор юртовских татар и ногайцев-карагашей Астраханской области как маркер этнокультурной идентичности // Наследие веков. — 2021. — № 3. — С. 76–86. — DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.006.
2. Чернявский В. А. Взаимодействие музыкальных культур в контексте современных проблем образования // Наследие веков. — 2019. — № 3. — С. 106–111. — DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.011.

Igor V. MATSIEVSKY,

Dr. Sci. (Music Art), Prof., Herd,

Department for Instrumentation, Russian Institute for Art History,
St. Petersburg, Russia, ihormcw@mail.ru.

About the Actual Problems of Studying and Developing the Musical Art of Ethnohistorical Areas and Ethnocultural and Communities

The paper is devoted to the actual problems of modern artistic creativity. The research material was ethnoregional forms of musical culture and their historical traditions. The problems of traditional art are considered taking into account the ethnohistorical experience and new stylistic manifestations of culture of the XX–XXI centuries. The expansion of the forms of modern aleatorics and the improvisational side of musical and artistic action, the search for the much-desired direct communication between the creator and the recipient, the development of interactivity of the modern listener, the formation of new forms of happening - all of that can be made possible through a comprehensive study and introduction into modern creative practice of the experience of creating and perceiving the arts in the system of direct contact communication that have developed in various spheres of ethnic music different countries and peoples.

Keywords: *aleatorics, dispersed and compact diasporas, improvisational side, communication, musical and artistic action, Tats, Yurt Tatars, Ukrainians, Belarusians, Russians, Abkhazians, Iranian-speaking Jews.*

Г. В. Тавлай*

Сакральность духовно-эстетических смыслов в традиционном народном творчестве (на примере ансамблевого пения белорусов)

В статье рассматривается специфика ансамблевых форм, некоторые содержательные аспекты обрядового пения белорусов, определяемые сакральностью, магической направленностью древних ритуалов. Ведущими в формировании тех или иных форм многоголосия, о чём свидетельствует устоявшаяся певческая практика, становятся скорее региональные и даже ещё менее масштабные, локальные проявления совместного ансамблевого пения. Отправной точкой исследования является широко известная новаторская концепция, разработанная А. К. Байбуриным, Н. И. Толстым и С. М. Толстой, другими видными представителями отечественной этнологии, о параллелизме действия обрядовых языков-кодов (акционального, вербального, звукового, хореографического и др.). Однако данная концепция всё же не даёт выхода в собственно музыкальный материал, не позволяет конкретизировать, подразделить определённые явления внутри него. Музыка, как и слово, движение, имеет собственную образную сферу. В ней главенствуют чувства, переживания, ассоциативные звуковые образы, порой не осознаваемые, принудительно навязываемые, вызываемые специфической организацией музыкального материала.

Ключевые слова: ансамблевые формы, обрядовое пение, универсальные сакральные смыслы, купальское дерево, тряпичные куклы, респосорное пение, ряженье, чучело-кукла, мировое дерево.

В наше время, возрождая, утверждая в собственном сознании, в глубинах современной общественной мысли необходимость актуализации древних обычаев, сопряжённых с ними обрядовых песен, действий, мы, как и любой из наших современников, пытаемся прочувствовать, осознать национальную идентичность, сделать частью себя неповторимость самых различных компонентов своей национальной культуры, войти в неё хотя бы отчасти.

Традиционная музыка воссоединяет внутренний мир личности с её изначальной почвой, возвращает сознание к истокам естественных символов — первичным элементам опыта, добытого предшествующими поколениями в природной и культурной среде. Это символы-зёрна,

---

* ТАВЛАЙ Галина Валентиновна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора Российского института истории искусств, Санкт-Петербург, Россия, taugal@yandex.ru.

символы-интонации, которые формируются самими условиями данной культуры, звуковыми впечатлениями, течением повседневной жизни.

Звук как первоначальная субстанция мира и жизни. Звук и дыхание. Выдох — волна, таков же контур мелодических фраз-интонаций, обусловленных эмоциональным состоянием поющего. Вдохи образуют паузы, моменты отдыха, естественные цезуры между фразами. Протяжённость фраз определяется словесным текстом, необходимостью соотнесения в нём смыслового и конструктивного синтаксического единства с возможностями, затрачиваемого на произнесение данной вербальной целостности дыхания. Длина соответствующих мелодических построений-волн постоянно меняется. Эти волны поднимаются, колеблются в своих графических повышениях-понижениях, приостанавливаясь на опорном тоне, соотнесённом со словесной, речевой интонацией, акцентуацией, модулируют из одного тона в другой, нащупывая нижний опорный тон как окончательный «пункт назначения».

Сольная заставка и следующий за ней групповой подхват: такова универсальная структурная особенность в певческой обрядовой стилистике, реализуемая часто в форме незаметного и разностного для разных песенных строф *перетеканий* одного такого фрагмента в другой — более того, в условиях, когда песенная композиция целиком строится, по сути, на антифоне как повторе каждой поэтической строфы дважды, трижды — парами, тройками, группами певцов, способствует тому, что звук движется волнами во встречных направлениях, преодолевая границы отчуждённости, разделённости участников каждой такой поющей медитирующей группы и всей интонирующей массы людей. Подключение к процессу звукотворчества своих голосов, партиципация с целью достижения ощущения *полного единения* собравшихся — одно из важных обретений, личных ощущений воздействия такого рода пения на каждого из певцов. Динамическое силовое поле генерируется самими участниками действия, втягивая их в *совместное коллективное таинство*.

Респонсорное пение, при котором группа певцов отвечает корифею или две группы обмениваются музыкальными переключками, репликами (напевами, фразами), известны во множестве традиций Китая, Тибета, Северной и Центральной Африки, арабских стран, Греции. В белорусской традиции респонсорное пение всегда сопряжено с гетерофонией, производящей поистине захватывающее впечатление.

Наряду с оценкой структуры гетерофонии, необходимым представляется учёт её смысловых направленностей, психологических и об-

щекультурных *особенностей восприятия*. Необходимая и естественная среда, в которой музыке этой дано звучать, — *природное пространство*. Слышимый мир, как считает Г. А. Орлов, «дает нам не предметы в пространстве, но голоса во времени, — не множество мест, направлений и дистанций, но все присутствия в сферическом слуховом пространстве, расширяющемся по мере вслушивания в него. Эти голоса звучат одновременно и, наделенные собственной энергией, бомбардируют нас со всех сторон» <...>, бьют по анализаторам нашего слуха. Как «известно, в способности локализовать направление человеческий слух уступает зрению <...>. Но столь несовершенный в пространстве материальных предметов, слух вводит нас в недоступный зрению мир невидимого — динамичный, полный жизни и движения» [2, с. 224, 228].

Ансамблевое звучание приближает наше сознание к проявлениям такого сокрытого мира как части сакрального пространства. Проживание звука в пространстве, включённость в ритуал звучащего пространства изнутри или извне, «священное слияние» голосов в обрядовом действе — свидетельства их принадлежности к разряду священнодействий. Специфическое музыкальное понятие антифона, прямой смысл которого — обмен провозглашениями и ответами на них, особое звуковое взаимодействие между группами участников обрядового действия, предполагает их пространственную разделённость.

Природа гетерофонии обусловлена невероятно *свободным ощущением* себя самого в традиции, своего голоса как творящего начала, часто с непредсказуемым результатом для исследователя, привыкшего и считающего себя обязанным всему давать чёткие и однозначные ярлыки-обозначения. В музыкальной памяти *талантливого певца* пересекается огромное число возможных, в меру импровизируемых, произвольно им самим избираемых версий напева, свободных и неожиданных, но всегда находящихся в границах заданной традицией парадигмы.

Осмысление носителями белорусской традиции такой научной категории как гетерофония весьма своеобразно: «*Купала, вясну, вяселле — як ваўкі — на адзін голас вядзем*». Это определение — образец некоей образно-понятийной диахронии. Одновременно видим в нём проявление метафорического мышления и своеобразный, предполагающий наличие внутри себя некоего логического противоречия, оксиморон. Налицо внутренняя несовместимость, разность происхождения двух составляющих, складывающихся в единое лексическое целое. В приведённом высказывании, конечно же, имеющем своего «автора» и посему вроде

бы субъективном, фиксируется — в значении одного голоса — и чувственное, и одновременно логическое осмысление звучащего. Но тот, кто когда-нибудь слышал волков, знает, что реально они «в один голос» никогда не воют: это всегда предельно сложная звуковая картина с запаздываниями, произвольным включением-выключением голосов волчьего « хора », смещением протяжённости « певческой акции » каждого зверя.

Акцентируя то один момент формы, выявленной в названной понятийной народной паре, то другой, мы фактически попадаем в различные локальные стили гетерофонного пения. Именно эти категории, но отнюдь не столь определённо выраженные, последовательно становятся доминантными в соответствующих категориальных определениях. Гетерофония — совмещение в одном пучке различных версий одного напева. Буквальный смысл — « несколько звуков ». Осознанное стремление к одному голосу разными певцами — полиритмическая монодия с эпизодическими секундово-терцовыми и секундово-квартовыми созвучиями-вспышками. Конкурс на точность формулировок можно было бы продолжить. Но лучше, полнее сказанного народной певицей о сущности самого понятия мы определим вряд ли. Здесь схвачены в одновременности и становление, и результат, и следствия совместной творческой акции.

В белорусской песенной « бороне » имеем ещё большее число совмещения разнопорядковых значений. Борона — это и частый гребень, и фаллический символ, и слом земли. Сплетение зубцов, благодать укола, благодать удара чреваты в этнологическом прочтении новым возрождением.

Имеем в данном народном термине, перенятом и этномузыкологами, *мифосемантическое* определение специфического народного многоголосного остро диссонансного стиля. В него заложены отнюдь не только лексические значения « бороны » как брани, ссоры, ругани, способных отогнать нечистую силу (О. А. Пашина), но и акт образного воспроизведения в музыке самой сущности колющих предметов (борона, гребень, бердо, грабли), предполагающего все их производные смыслы, включая ансамблевое созвучание в одновременном донесении разных местных обрядовых напевов разными группами певцов или индивидуально разными певицами. Традиционное музыкознание трактует подобные формы как контрастно-полифонические, в случае обозначения гармонических вертикалей, или линейно-полифонические, если такие созвучия имеют горизонтально-мелодические сопоставления.

Если один из исходных постулатов монографии Л. М. Ивлевой «Ряженье в русской народной культуре» — зрелищно-игровая форма ряженья создаётся совокупностью всего спектра реализуемых в нём языков [1] — прочитав в ракоходном порядке, получим достаточно продуктивную идею об игровой сущности всего этого языкового комплекса, включающего изобразительный с соответствующими костюмом, маской, гримом, вербальный с необходимыми диалогическими, монологическими формами, приёмами декламационно-речевого этикета, музыкальный в качестве звукового образа ряженья в целом, действенный с подключением хореографического поведения, жестикуляции, мимики, набора основных действий, и, соответственно, игровой функциональной предназначенности каждого из этих языков в отдельности. Поскольку ряженье в белорусской традиции — компонент любого календарного обряда, как и обряда индивидуального жизненного цикла, всю обрядовую музыку можно рассматривать в качестве музыкального игрового языка, включённого в созидание — каждый раз здесь и сейчас — обрядового текста как конкретной реализации целостной мифологической картины мира, невзирая на степень драматичности её возможных реализаций.

Фольклорные явления разной жанровой природы функционируют как многоуровневые, далеко не изолированные внутри себя феномены. Константные наборы ритуальных символов — а обрядовый напев, форма интонирования обладают столь же специфической, «осязаемой» знаковой сущностью, что и явления словесно-мифологического, локативного, темпорального, изобразительного, хореографического рядов [3, с. 15–26], разворачивающихся одновременно в процессе движения ритуала во времени и лишь в своей нераздельности создающих тот или иной значимый обрядово-ритуальный текст. Целостность подобного комплекса реликтовых явлений, разных по своей природе, своей принадлежности к тому или иному «разряду» ритуальных предметов (О. В. Лысенко), длительность их сосуществования — даже с утратой прежней магически-сакральной сущности — определяет ареальные границы культур, этнических или полиэтнических.

Каждый ритуал можно представить в виде структурно значимых блоков с определённым набором составляющих, существующих как самостоятельная форма и одновременно как компонент структуры высшего, системного порядка. Причём вне целостного обзора, функции ритуальных единиц определить подчас затруднительно.

Изучая любую традицию, приходится сталкиваться не с мировоззрением какой-то одной определённой эпохи, но со сконцентрированной общностью разных пластов (стратов) истории культуры. Существенной начальной исследовательской задачей становится расслоение этого «многообразия» на однородные в стилевом отношении группы. Сам ритуал, как и его компоненты, проходят длительный путь превращений. Абсолютно аналогичным образом постепенно трансформируются содержательные и структурные уровни каждого из соответствующих обрядовых рядов и, соответственно, весь представляющий их языковой обрядовый комплекс.

В первичных мировоззренческих системах, в генезисе языческой обрядности народов мира главенствующую роль играл и продолжает играть культ обожествлённых предков в различных стадийных его формах, покровительством которых предопределялись общественное, семейное, личное благополучие, предотвращались различные бедствия, прежде всего, голод. Потому одна из основополагающих функций календарной обрядности, обрядов индивидуального жизненного цикла — заклятие благополучия, в значительной мере определяемого благотворным воздействием предков. Отсюда центральное положение, особое предназначение для культур мира, отнюдь не ограничивающееся археологией, погребального (заупокойного) ритуала и разных его форм для обрядовой культуры. Корни его уходят в языческие метапредставления об извечном кругообороте жизнь — смерть — жизнь. Структура же в условиях земледельческих цивилизаций определяется взаимосвязями с аграрными культами и соответствующими аграрно-магическими действиями.

Наиболее наглядны связи культа предков с календарными, а частично и с обрядами индивидуального жизненного цикла в ритуалах, а также драматизированных играх с рудиментами языческих проводов на «тот свет», знаком его — чучелом-куклой (в отдельных локальных вариантах свадьбы белорусов такова кукла-наблюдатель, «встречающая» молодых при въезде в дом молодого, подвешенная на самой высокой точке ворот — одном из предметных воплощений границы миров), а впоследствии знаками этого символа, ритуальными предметами: колесом, деревом, рогулькой, колосом, веткой, венком, пучком соломы, печеньем в виде совы, снопом и т. д., а также формами «живого» воплощения в традициях ряженья. Явственен мотив связей посмертных судеб с Солнцем. Отсюда обычай хоронить умершего на

заходе солнца, чтобы оно могло довести умершего до обители мёртвых. Сходными представлениями объясним, в частности, известный в белорусском Поднепровье обычай приводит невесту, находящуюся в апогее обрядового перехода, утром в день свадьбы — для ожидания приезда молодого — в дом, даже чужой, но обязательно расположенный на той стороне улицы и в том месте, где забрезжат первые лучи восходящего солнца. Жизненная нить, связующая человека с Солнцем, отождествлялась с солнечным лучом и дыханием (у земледельцев). Для народов с присваивающим типом хозяйства в момент смерти нить жизни от сердца человека отрывает Луна (так обстоит дело, к примеру, у нганасан). Сходными представлениями объяснимо использование близких семантически моделей напевов, как и иных ритуальных предметов, скажем, в свадьбе и обрядах летнего, зимнего солнцестояния у белорусов.

В представлениях об извечном переходе от жизни к смерти и снова от смерти к жизни, в нескончаемой цепи метаморфоз духа умершего на фоне бессмертия жизненного начала как такового, существенна роль концептуальной — в том числе общеэвразийской — идеи мирового древа.

В поле её действия находится, к примеру, обнаруженный нами на съёмках вместе с Центральным телевидением в Ганцевичском районе Брестской области вариант купальского обычая, когда на дерево — грушу — подвешивались тряпичные небольшие куклы обоего пола. Вокруг этого купальского древа водят хороводы с распеванием напева драматизированной плачевой интонационной семантики. Ранее нами были зафиксированы обычаи поднимать на большое раскидистое дерево в поле, обычно дуб, борону (Барановичский район Брестской области), забрасывать на купальское древо венки (Горецкий район Могилёвской области) в сопровождении того же песенного горестно-мелодического «кода» — типового купальского напева — как компонента системы средств, предназначенных для выражения определённого содержания (С. А. Толстая). Всё это — равнозначные, взаимодополняемые контексты, связанные с культурным знаком «дерево». Предметы, помещаемые на дерево, предопределяются задачей удаления их из этого земного мира и «отправления» на тот свет. Той же знаковой функцией наделяются напевы плачeveго типа, дублирующие, углубляющие сущность происходящего в обряде, совмещающая смыслы, данные в предметном, акциональном планах, и язык музыки, пения.

Сакральное, магическое неизбежно утрачивается, если оно не возобновляется в дословно точно воспроизводимых обрядах. Цель древних мистерий — обеспечить нормальный ход вещей, положительно воздействовать на космические и обусловленные ими земные события. Шумные, наполненные играми, ритуальным смехом обычаи масленицы, коляды, купалья, а равно свадьбы, крестин, — по сути, активное вмешательство в природные процессы, стремление магическими способами, первостепенная роль в которых отводится и музыкальной составляющей, ускорить действие природных сил. Главный принцип праздничных игр — движение, магически направленное, громкое уличное пение, крик, шум как знаки жизни в противовес осенне-зимней обрядовой тишине, кружение, хождение по кругу как воплощение идеи симпатической магии роста и вхождения в поле воздействия солнечной жизнеобеспечивающей энергии. Включённой оказывается и идея приподнятости над землёй, временное бытие в ином мире (ритуальные танцы свих на свадьбе, бабки-повитухи на крестинах, жнеи в поле по окончании жатвы — последние два, сопряжённые с прыжками «на одной ноге»; прыжки — один из способов «перешагивания», «перепрыгивания» из одного мира в другой, «одноноготь» как знак лиминального существа). Темпорально-ритмические свойства обрядовых мелодий задавали знаковую очерченность самому ритуальному движению. Пение наделялось способностью прямого физического воздействия: запредельно громкое звукоизвлечение разного типа призвано было достигать границы миров с последующей реализацией просимого, требуемого.

На протяжении истории культура претерпевает глубокие внутренние изменения. В каждый крупный период она рождает новые символы частично совпадающих, частично враждующих «субкультур», имеющих некий общий фундамент.

Литература

1. *Ивлева Л. М.* Ряженье в русской традиционной культуре. — СПб. : Российский институт истории искусств, 1994. — 232 с.
2. *Орлов Г. А.* Дерево музыки. — Вашингтон ; СПб. : Н. А. Frager & Co; Советский композитор, 1992. — 408 с.
3. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура : Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — Изд. 2-е, исправл. — М. : ИНДРИК, 1995. — 512 с.

Galina V. TAVLAI,

Cand. Sci. (Music Art), Senior Researcher, Department of Folklore,
Russian Institute for Art History, St. Petersburg, Russia, taugal@yandex.ru.

**The Sacredness of Spiritual
and Aesthetic Meanings in Traditional Folk Art
(on the Example of the Ensemble Singing of Belarusians)**

The article discusses the specifics of ensemble forms, some substantive aspects of the ritual singing of Belarusians, determined by the sacredness, magical orientation of ancient rituals. Leading in the formation of certain forms of polyphony, as evidenced by the established singing practice, are rather regional and even smaller – local manifestations of joint ensemble singing. The starting point of the research is the well-known innovative concept developed by Albert K. Bayburin, Nikita I. Tolsoy and Svetlana M. Tolstaya, and by other prominent representatives of Russian ethnology, about the parallelism of the action of ritual language codes (action, verbal, sound, choreographic, etc.). However, this concept still does not provide access to the musical material itself, does not allow us to specify or subdivide certain phenomena within its. Music, like the word, movement, has its own figurative sphere. It is dominated by feelings, experiences, associative sound images, sometimes not realized, forcibly imposed, caused by the specific organization of musical material.

Keywords: Ensemble forms, ritual singing, universal sacred meanings, Kupala tree, rag dolls, responsory singing, mummers, stuffed doll, world tree.

Л. В. Мадикова*

**Корабельные мотивы в русской средневековой
живописи: особенности изображения
и судостроительные традиции**

Статья посвящена исследованию корабельных мотивов, представленных в русской средневековой живописи. На примере икон новгородской и московской иконописных школ проанализировано влияние распространённых в XV–XVII вв. иконописных тенденций на изображение судов. При анализе кораблей и лодок, запечатлённых на

---

* МАДИКОВА Лидия Владимировна, научный сотрудник центра подводного культурного наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, Россия, madikova.lida@yandex.ru.

отдельных иконах, фресках и миниатюрах, установлено, что на изображения судов косвенное влияние также оказали различные историко-культурные, социально-экономические и территориальные факторы.

Особое внимание в данной статье уделено анализу конструктивных особенностей судов различных типов, написанных на ряде икон, фресок и миниатюр. Установлено, что данные изобразительные источники позволяют расширить представления о плавсредствах, о технических и конструктивных особенностях судов различных типов и могут быть включены в контекст изучения судостроительной традиции и судоходства на Руси.

Ключевые слова: корабельные мотивы, средневековая живопись, новгородская иконописная школа, московская иконописная школа, иконы, фрески, миниатюры, судостроение, судно.

С самых древних времён корабли и лодки играли важную роль в жизни людей. Благодаря судам различного типа люди осваивали новые территории, добывали себе пропитание, устанавливали хозяйственные и культурные связи. Корабли и лодки прочно вошли в жизнь многих народов, что нашло отражение и в культуре этих народов, так, например, множество различных преданий, художественных произведений повествуют о путешествиях по различным водным акваториям, морских сражениях, рыбацком промысле. Корабельные мотивы стали центральным образом множества выдающихся произведений изобразительного искусства, литературы и музыки.

Под корабельными мотивами мы понимаем изображения и описания судов разных типов и их конструктивных элементов (якорь, флаг, весло, паруса и т. д.), представленные как в русской, так и в целом в мировой культуре.

Корабельные мотивы часто можно встретить и в русской средневековой живописи: на средневековых памятниках иконописи, храмовых фресках, миниатюрах. Весьма широкое распространение корабельные мотивы получили на иконах, что, прежде всего, связано с религиозным характером русской средневековой культуры и её нацеленностью на богопознание. В христианстве образ корабля трактовался как символ человеческой жизни и церкви, что нашло своё отражение на иконах. Чаще всего корабельные мотивы встречаются на житийных иконах. Например, на житийных иконах святых Николая Чудотворца, Иоанна Богослова, Петра и Павла, Иоанна Златоуста, Бориса и Глеба, Зосимы и Савватия Соловецких, Варлаама Хутынского, Марии Египетской и др. Распространение житийных икон позволило обогатить иконопись новыми сюжетами, в икону начали вводить предметы и детали, непосред-

ственно взятые из жизни, к таковым, например, относятся разные суда на клеймах. В меньшем количестве изображение корабля присутствует на одно- и двухчастных иконах, например, на иконах «Видение пономаря Тарасия», «Троица Ветхозаветная с деяниями», «Воскресение Христова — Сошествие во ад» и др.

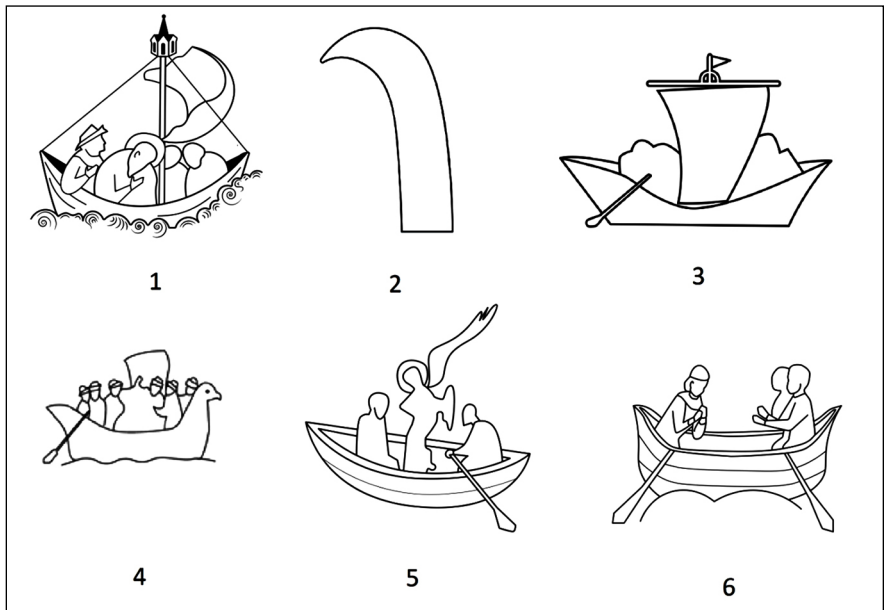
Исследование корабельных мотивов на иконах показало хорошо прослеживаемую зависимость изображения судов от иконописных тенденций, присущих той или иной школе в определённый период времени, а также зависимость от реальных судов, получивших свое распространение на местности, где писалась икона.

Данную зависимость мы можем проследить на примере новгородской иконописной школы. Например, тенденция на упрощённые формы, простые, лаконичные и статические композиционные схемы, сдержанность при работе над сюжетом, а также символизм, присущие новгородской школе XV века [13, с. 208], наблюдается и в отношении лодок, представленных на иконах. Например, достаточно упрощённо изображены суда на клеймах иконы первой половины XV века «Святой Николай Чудотворец, с житием в 18 клеймах» из собрания Русского музея (Инв. ДРЖ-2091) [15, с. 49–51]. Судно, изображённое на клейме № 9 «Спасение корабля от потопа» (*илл. 1.1*), имеет глубокую седловатость, высокие штевни и прямоугольный парус в центральной части лодки. В руке гребца — весло с длинной Т-образной ручкой и вытянутой лопастью. На клейме № 10 «Спасение Димитрия со дна моря» (*илл. 1.2*) — перевёрнутая лодка с углублённой седловатостью, в поле зрения только один мощный и закруглённый штевень. Несмотря на довольно простое изображение, мы можем предположить, что иконописец написал реальное судно с Ладожского озера. В пользу этого свидетельствует, во-первых, место происхождения иконы — Георгиевская церковь Теребушского погоста близ Старой Ладogi, а во-вторых — пригодная для больших озёр форма корпуса. От особенностей акватории и условий, в которых эксплуатируется судно, напрямую зависит форма корпуса, его размеры и другие конструктивные характеристики. За многолетнюю историю судостроения в разных водных бассейнах выработались свои оптимальные формы корпусов судов и их конструкций. Так, на крупных озёрах распространены килевые лодки, имеющие высокие борта с высоким носом и кормой, способные с лёгкостью подняться на волну. Такое судно и изображено на клеймах иконы.

Тенденция на усложнение композиций, усложнение архитектурных фонов и одеяний, характерная для новгородской иконописи

XVI века, сказывается и на изображениях судов. Появляется более детальная прорисовка конструктивных элементов: рангоута и такелажа, рулевых и гребных вёсел, обшивки судна, вплоть до шляпок гвоздей и заклёпок. В некоторых случаях мы можем определить метод крепления обшивки, а также сделать предположение о типе судна. Так, например, на клеймах иконы второй пол. XVI века «Святой Николай Зарайский, с житием» (Новгородский гос. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Инв. КП 2823, ДРЖ 929) [11, с. 328] иконописцем запечатлены суда, схожие с ушкуями и ладьями. Ладьи с глубокой седловатостью, мощными ахтерштевнем и форштевнем, оканчивающимся носовой фигурой в виде головы птицы, с мачтой в центре судна и прямоугольным парусом на рее, изображены на клеймах № 20 «Чудо о трех друзьях. Избавление от потопления» (илл. 1.4), № 23 «Перенесение мощей св. Николая из Мир Ликийских в Бари», № 24 «Встреча мощей св. Николая жителями города Бари». На клейме № 19 «Чудо о киевском детище» (илл. 1.3) иконописцем написано судно, по внешним признакам похожее на ушкуй. Лодка имеет невысокие штевни с небольшим уклоном, кормовое весло и мачту с прямоугольным парусом по центру.

Илл. 1. Прорисы судов, представленных на иконах новгородской школы

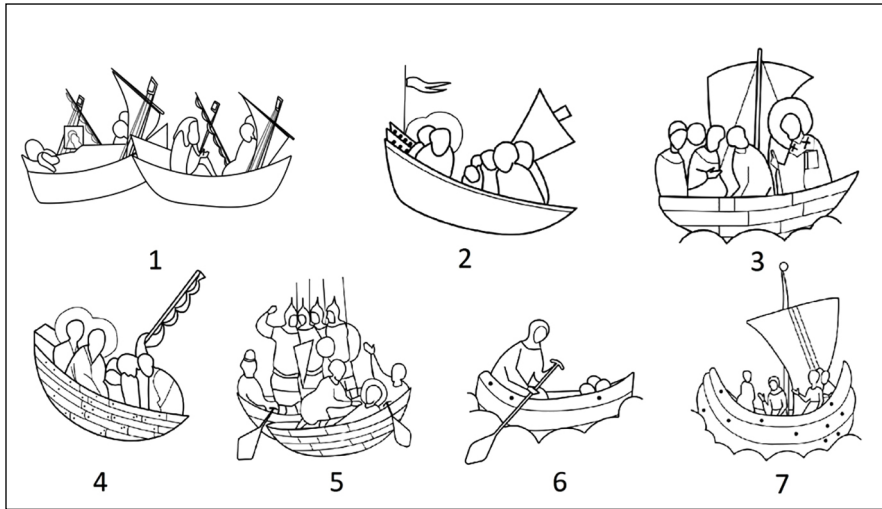

Процесс упадка новгородской иконописной школы, начавшийся в XVI веке после перевода Иваном III наиболее способных художников в Москву, также оказал своё косвенное влияние на изображение судов на иконах: количество икон с изображением судов в XVII веке значительно сократилось, а на рассмотренных нами образцах представлены лодки, имеющие несложную конструкцию. Например, на иконе конца XVI — начала XVII вв. «Видение пономаря Тарасия», происходящей из Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря под Новгородом (хранится в Новгородском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Инв. 7632) [11, с. 334], представлены несколько речных лодок (илл. 1.5, 1.6). Корпуса трёх судов имеют небольшую седловатость и планширь по краю борта (две из них — рыбацкие, имеется сеть). Ещё две лодки имеют глубокую седловатость, планширь по краю борта и высокие штевни. Все лодки оснащены вёслами.

Влияние иконописных тенденций на изображения судов можно отследить и в других иконописных школах, например, в московской школе.

Иконописцы московской школы в XV веке были, как и новгородские мастера, сдержанны при написании судов на иконах, ограничиваясь только необходимыми элементами судовых конструкций. Так, например, на клейме № 9 «Путешествие Петра и его соперника Геронтия в Константинополь на поставление в митрополиты и явление Геронтию Богоматери» иконы «Митрополит Петр с житием» (написана в 1480-е гг. в мастерской Дионисия, находится в Успенском соборе Московского Кремля, инв. 3228 соб/ж-258) [5, с. 96–107] (илл. 2.1) представлено довольно схематичное изображение двух одномачтовых судов с треугольным парусом на рее. Суда имеют плоское дно, невысокие борта, невысокие штевни, есть небольшие свесы. В кормовой части присутствует надстройка. Такой тип корпусов характерен для речных судов, распространённых на Волге, её притоках и других реках центральной части России. Речные суда традиционно изготавливаются с плоским дном во избежание посадки на мель или увязания в песке и иле. Невысокие борта подходят для спокойных речных вод, а невысокие штевни — для стыковки с пологим берегом.

Появление в XVI веке в московской иконографии строгой регламентации, распространение обязательных иконописных подлинников, вызванные реформами Ивана Грозного, отразились и на том, как мастера XVI века начали изображать корабли и лодки. Так, суда, представленные

Илл. 2. Прориси судов, представленных на иконах московской школы

ные на клеймах житийных икон начала XVI века «Иоанн Богослов на острове Патмосе, с житием» (из собрания ГТГ, Инв. 12027) [1, с. 353–354] (илл. 2.2), «Никола Зарайский с житием» (из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва, Инв. КП 827) [4, с. 294–299] (илл. 2.3), «Иоанн Богослов на острове Патмос, с житием» (из собрания ГТГ, Инв. 20874) [8, с. 122, 145] (илл. 2.4), «Святые Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба» (из собрания ГТГ, Инв. 14247) [2, с. 60–61] (илл. 2.5) имеют весьма скромную прорисовку деталей и схожую форму корпусов, характерную для речных судов (плоское дно, невысокие, наклонённые штевни, небольшие свесы), что говорит о следовании тенденциям на усиление каноничности художественного мышления и стандартизации живописных приемов.

Тенденция на усложнение композиций и на увеличение бытовых реалий не только в архитектурных фонах, но и в самом изображении деяний, переход художника от традиционной системы иконописания к «живоподобию», присущие московской иконописи XVII века, также отразились и на кораблях и лодках, написанных на иконах. Так, например, появляется объёмность, достигнутая за счёт умелого сочетания света и тени, суда больше не кажутся плоскими. Явно выраженным объёмом обладают лодки, представленные на иконах «Святая Мария Египетская, с житием» (из собрания ГТГ, инв. 29551) [6, с. 238–239]. На клейме

№ 6 «Св. Мария переправляется через Иордан» (илл. 2.6) изображена небольшая речная лодка с умеренной седловатостью, низкими бортами и двумя поясами обшивки. На бортовых досках показаны тёмные точки — шляпки гвоздей или клёпки, при помощи которых крепится обшивка. На клейме № 3 «Путешествие на корабле в Иерусалим» (илл. 2.7) представлено судно с дугообразным корпусом, глубокой седловатостью и тремя поясами обшивки. Бортовые доски скреплены гвоздями или клёпками, о чём также свидетельствуют тёмные точки. В центре судна размещена мачта с парусом на рее. Судно подобной конструкции могло совершать плавание на морях и больших озерах.

В иконографии XVII века почти во всех школах наблюдается усиление западноевропейского художественного влияния, которое уже с середины XVI века неуклонно воздействовало на эстетическое сознание Руси. Во многом данному процессу способствовала Никоновская церковная реформа, которая на государственном уровне утвердила возможность привнесения изменений в веками складывавшийся церковный культ, тем самым дав предпосылки для распространения западных влияний в культуре. Культура приобретает всё более светский характер и к концу XVII века укрепляется тенденция «документально-исторического» понимания иконописи. На иконах XVII века появляются богато украшенные западноевропейские суда, что нехарактерно для более ранних работ. Например, различные типы западноевропейских судов изображены на иконе знаменитого ярославского иконописца XVII века Семёна Спиридонова «Николай Чудотворец с житием» (1685 г., из собрания в Ярославском художественном музее, инв. И-432, КП-53403/377) [3, цв. илл. 77]. Считается, что прототипами судов выступили корабли фряжских и русских купцов, которые художник мог наблюдать на родине в Холмогорах и в Ярославле. Он тщательно изучил их непростые конструкции, а затем с большой точностью воссоздавал их на иконных клеймах [10, с. 36–37]. Например, на клейме «Приведение корабля итальянского купца в Мир (Чудо о купце)» (илл. 3) он изобразил западноевропейские корабли с высокой резной кормой, точёной балюстрадой и сложной системой парусов на высоких мачтах.

Исследование судов на иконах новгородской, московской и ярославской школ показало, что иконописные тенденции, сложившиеся в силу различных историко-культурных, социально-экономических и территориальных факторов, оказали значительное влияние на изображение кораблей и лодок. Так, простота и лаконичность, сдержанность

*Илл. 3. Клеймо № 12 «Приведение корабля итальянского купца в Мир (Чудо о купце)»
иконы «Николай Чудотворец с житием»*

в написании архитектурных фонов и бытовых предметов, символизм в иконографии XV века нашли своё отражение в судах с простейшей конструкцией в иконах обеих школ. Тенденция на усиление каноничности художественного мышления и стандартизации живописных приёмов, присущая московской школе в конце XV — начале XVI века привела к появлению на московских иконах судов со схожими конструкциями корпусов. Усложнение архитектурных фонов в XVI веке, характерное для

многих школ, привело к более детальной прорисовке конструктивных элементов судов. Усложнение композиций в русле «приточной иллюстрации», переход к иконографии «живоподобия», свойственные иконам XVII века, привели к появлению объёмности и реалистичности при написании лодок и кораблей. Художник ещё более детально прорисовывает не только основные конструктивные элементы, но и небольшие детали (рангоут, такелаж, декоративные элементы). Вторичным результатом эволюции изображения корабля в контексте становления иконографии «живоподобия» является возможность его использования в качестве источника реконструкции практики кораблестроения.

Помимо икон корабельные мотивы можно встретить на фресках и миниатюрах. Настенные росписи храмов имели существенное отличие от иконописи, они не являлись предметом молитвенного поклонения, а обладали назидательным значением для священнослужителей и мирян и предназначались для рассматривания людьми, находящимися в церкви. Корабли и лодки, представленные на них, являлись частью композиции, иллюстрирующей сюжеты Священного Писания.

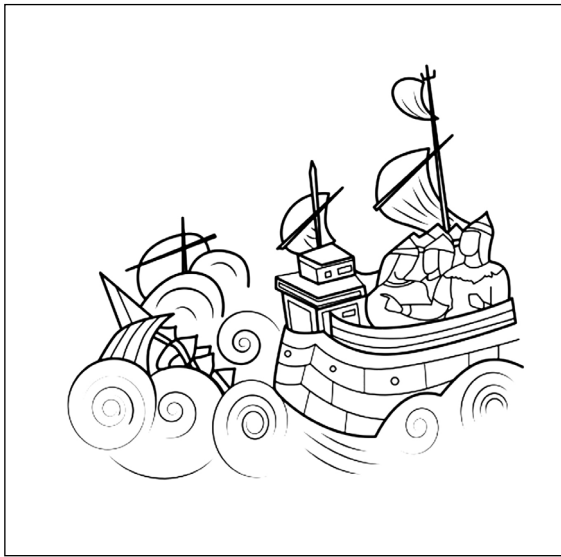
Иконографические схемы храмовых росписей, так же, как и икон, сложились ещё в Византии. В XVI–XVII вв. они претерпели значительные изменения, вызванные увеличением числа храмов и их размеров, расширением социального состава заказчиков стенописи и региональной принадлежности художников, а также появлением новых художественных образцов, большая часть которых обладала европейским происхождением. Своего расцвета фреска достигла в середине — второй половине XVII века. Этому поспособствовал экономический рост в стране. Расцвет фресковой живописи характеризовался расширением круга сюжетов и тенденцией на личностную интерпретацию заказчиками и художниками отдельных сюжетов. Иными словами, архитектура и программа храмовых росписей утверждалась местными архиереями или патриархом в соответствии с установленным Стоглавым собором порядком, но иконография отдельных сюжетов и стилистические детали росписей оставались в ведении заказчика и художников, что способствовало значительному своеобразию росписи храмов XVII века.

Процесс «индивидуализации» отразился и на представленных на фресках корабельных сюжетах в виде определённой творческой свободы при изображении судов. Исходя из собственного видения, художники наделяли суда чертами, близкими к реально бытовавшим в те времена судам. Подобное судно, например, представлено на фреске Успенского

собора Кирилло-Белозерского монастыря. Монастырь построен в конце XV века, расписан в 1641 г. художниками под руководством Любима Агеева. Судно изображено на южной стене (в люнете), где проиллюстрированы начальные сцены Акафиста Богоматери. На фреске «Взбранной Воеводе победительная», рассказывающей о спасении осаждённого Константинополя, изображены два судна (илл. 4). Первый — военный корабль с прямым форштевнем и четырьмя поясами обшивки, состоящими из отдельных планок. На некоторых планках изображены клёпки, которыми крепится обшивка судна. Корабль имеет носовую надстройку, фальшборт, две мачты с парусами на рее. Второе судно изображено частично, показан нос корабля и часть паруса, остальное оказалось под волнами.

Илл. 4. Прорись судна с фрески «Взбранной Воеводе победительная» из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря

Фрески второй половины XVI–XVII вв. обладают ценностью для изучения судостроительной традиции Руси, так как содержат ряд подробностей и деталей в изображениях кораблей и лодок, о наличии которых мог знать только художник, знакомый с реальными судами. Полученные в ходе исследования фресок данные могут быть применимы для изучения и реконструкции древнерусских судов. В мировой прак-

тике есть успешные примеры, когда учёные использовали изображения судов с фресок в качестве источника для реконструкции. Наиболее яркий пример — фрески бронзового века из Акротири (Санторини), изображающие флотилию из 14 морских судов. На основе этих фресок исследователями было сделано множество реконструкций и моделей. Так, в 2003 г. Морской музей Крита, взяв за основу изображения с этих фресок, построил и спустил на воду реплику судна минойской эпохи «Миноа». Испытания показали, что корабль обладает хорошими мореходными качествами.

Ещё один вид средневековой живописи, в которой часто встречаются корабельные мотивы — миниатюра. Миниатюры, в отличие от подчинённых канонам икон, обладают более разнообразным сюжетом, богатым содержанием и большей свободой живописных средств. Однако следует оговориться, что свобода в живописном толковании текста не распространялась на иллюстрации рукописей религиозного характера. Иллюстратор, работавший над библейскими и другими церковными книгами, так же, как и любой средневековый художник, работавший в сфере церковного искусства, подчинялся канону, утверждённому соборными установлениями, царскими и патриаршими грамотами. Данное требование не относилось к миниатюрам, представленным в рукописях светского содержания, например, в летописных миниатюрах.

При работе над летописными миниатюрами художники в большинстве стремились передать историческую достоверность описываемых событий. Летопись как важный исторический и дипломатический документ требовала воплощения сложного исторического повествования с предельной обстоятельностью, конкретностью и достоверностью. Миниатюристу полагалось максимально наглядно и точно отобразить все события, о которых ведётся повествование в летописном тексте [14]. Данное требование относилось и к изображению различных судов.

На миниатюрах рукописей художниками писались суда разного типа, и на некоторых из них мы можем наблюдать детали, известные только специалистам. Вероятно, в качестве образцов использовались корабли и лодки, которые мастера могли видеть своими глазами и в результате чего могли привнести в свои миниатюры характерные для этих судов детали и особенности. Так, на некоторых миниатюрах Лицевого летописного свода, созданного в 1568–1576 гг. в Александровской слободе по распоряжению царя Иоанна IV Васильевича Грозного [9], встречаются корабли, обшивка которых была соединена шитьём гибкими

связями. На листе 355 об. Царственной книги изображено килевое судно с тремя поясами обшивки, состоящих из отдельных планок, на которых нарисованы тонкие, похожие на стежки линии, что говорит нам о способе крепления обшивки методом шитья (илл. 5). Практика крепления обшивки с помощью шитья вицей характерна для северного судостроения в XVI–XVII вв. В пользу этого свидетельствуют и останки шитых судов, обнаруженные в разное время археологами: шитое судно в урочище Пыраниха (Параниха) на берегу Никольского залива (Никольский рукав Северной Двины) в г. Северодвинске; более 20 находок со следами шитья гибкими связями, открытые в Новгороде; шитое гибкими связями, обнаруженное в октябре 2018 года на берегу Онежского озера в Вытегорском районе [12, с. 133–202]. Сопоставление археологического материала и изображения судна с миниатюры позволяет нам полагать, что художник изобразил реальное судно, и миниатюра может быть привлечена в качестве источника для изучения судостроительных традиций и реконструкции практики кораблестроения.

Особый интерес для изучения практики судостроения и судоходства представляют суда, изображённые на миниатюре на стр. 8 (статья 11) Кунгурской летописи («Тобольский летописец», «История Сибирская», «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская») [7, с. 8] (илл. 6.). Здесь изображены однотипные парусно-гребные суда, названные автором стругами. Суда имеют высокие мощные форштевни, оканчивающиеся носовой фигурой в виде головы птицы или животного, фальшборт и кормовую надстройку (чердак). Художник также изобразил уключины для вёсел в виде вырезов в бортах (полупортики) и гребные вёсла. Корабли оснащены одной мачтой, паруса убраны. Интерес для нас представляют не только корабли, но и изображённый здесь процесс перетаскивания судна по суши «волоком». На Руси, на водоразделах, суда перетаскивали разными способами: волочили по мелководью, несли на руках, катили на брёвнах, часто в качестве тягловой силы использовали лошади и оленя. Данная миниатюра является одним из свидетельств этого процесса. На миниатюре судно катят по Тагильскому волоку при помощи брёвен, а в качестве тягловой силы выступают люди: одни тянут судно, другие толкают.

В целом суда, представленные на миниатюрах, так же, как и корабли, и лодки с икон и фресок, обладают конструктивными особенностями, характерными для реальных судов и могут быть привлечены в качестве исторического источника для исследования судостроительной традиции.

Илл. 5. ГИМ, Син. № 149; Царственная книга, л. 355 об.

Илл. 6. Миниатюра на стр. 8 Кунгурской летописи.
Статья 11. «Ермак побеге вверхъ по Волге и по Каме...»

Анализ корабельных мотивов, представленных в русской средневековой живописи, также показал, что на изображения судов влияет не только уровень мастерства художника, но и различные историко-культурные, социально-экономические, территориальные факторы и тенденции, распространённые в то или иное время. А сами корабельные мотивы, представленные на иконах, фресках и книжной миниатюре различаются с точки зрения их роли в русской средневековой культуре: корабли и лодки на иконах носят сакральный, символический, на фресках — изобразительно-декоративный, а на миниатюрах — документально-исторический и иллюстративный характеры.

Литература

1. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации : В 2-х т. — Т. 1 : XI — начало XVI века. — М. : Искусство, 1963. — 394 с.
2. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации : В 2-х т. — Т. 2 : XVI — начало XVIII века. — М. : Искусство, 1963. — 570 с.
3. Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. — М. : Искусство, 1984. — 338 с.
4. Иконы XIII–XVI вв. в собрании Музея им. Андрея Рублева / Под ред. Г. В. Попова. — М. : Северный Паломник, 2007. — 620 с.
5. Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV–XVI в. : каталог / Ред.-сост. Т. В. Толстая. — М. : Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2016. — 328 с.
6. Комашко Н., Саенкова Е. Русская житийная икона. — М. : Книги WAM, 2007. — 351 с.
7. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) / Авт. предисл. кор. Археогр. комис. А. Зост. — СПб. : тип. Ф. Г. Елконского, 1880. [2], II с., 39 л., 48 стб.
8. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. — М. : Искусство, 2000. — 540 с.
9. Лицевой летописный свод Ивана Грозного // Руниверс [сайт]. — URL: <https://runivers.ru/lib/book6958/> (дата обращения: 10.02.2022).
10. Масленицын С. И. Ярославская иконопись. — М. : Искусство, 1973. — 45 с.
11. Новгородская икона XII–XVII вв. / Вводн. ст. Д. С. Лихачёва, сост. В. К. Лаурина, В. А. Пушкирев. — Л. : Аврора, 1983. — 344 с.

12. Окороков А. В. Исследование шитого деревянного судна XVII в., затонувшего в Онежском озере // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. — Т. 1. — М. : Институт Наследия, 2021. — С. 133–202.
13. Очерки истории русской иконы от Крещения Руси до наших дней / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2011. — 592 с.
14. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания // Книги за Македония [сайт]. — URL: http://macedonia.kroraina.com/tschilingirov/rus/podobedova_1965.htm (дата обращения: 07.03.2022).
15. Розанов Н. В. Ростово-суздальская живопись XII–XVI вв. : альбом. — М. : Изобразительное искусство, 1970. — 183 с.

Lidiiia V. MADIKOVA,

Researcher, Underwater Cultural Heritage Center,
Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russia, madikova.lida@yandex.ru.

Ship Motifs in Russian Medieval Painting: Features of the Image and Shipbuilding Traditions

The article is devoted to the study of ship motifs presented in Russian medieval painting. The influence of the common in the 15th–17th centuries icon-painting trends on the image of ships is analyzed on the example of the icons of the Novgorod and Moscow icon-painting schools. It was found when analyzing ships and boats depicted on individual icons, frescoes and miniatures, that various historical, cultural, socio-economic and territorial factors also indirectly influenced the images of ships.

Particular attention in this article is paid to the analysis of the design features of ships of various types, painted on a number of icons, frescoes and miniatures. It has been established that these graphic sources make it possible to expand ideas about watercraft, about the technical and design features of ships of various types and can be included in the context of studying the shipbuilding tradition and navigation in Rus'.

Keywords: *ship motifs, medieval painting, Novgorod icon painting school, Moscow icon painting school, icons, fresco, miniatures, shipbuilding, ship.*

Т. В. Коваленко*

Д. Ф. Чижевский у истоков колхозно-совхозного театрального движения (Страницы забытой биографии)**

В статье рассмотрена биография и творческая деятельность драматурга Дмитрия Федотовича Чижевского (1885–1951) в контексте истории художественной жизни конца 1920-х — начала 1930-х гг. и формирования концептуальных организационно-творческих принципов колхозно-совхозного театрального движения. Приведены основные сведения о постановках некоторых пьес Чижевского на сцене московских театров и впервые раскрыта его роль в дискуссии о методах, формах и средствах модернизации художественной работы в советской деревне, результатом которой стало появление колхозно-совхозного театра.

Ключевые слова: культурная политика, художественная жизнь, колхозно-совхозный театр, Д. Ф. Чижевский, художественная работа в деревне, репертуар, колхозная драматургия, организационно-творческие принципы, Центральный опытно-показательный колхозно-совхозный театр.

В истории советской художественной жизни деятельность колхозно-совхозных театров относится к числу наименее исследованных сюжетов. Между тем колхозно-совхозное театральное движение как целостная система концептуально оформленных и функционально определённых институтов художественной жизни представляет собой довольно интересный феномен, который с полным основанием можно называть мегапроектом советской культурной политики.

Колхозно-совхозные театры — государственные профессиональные передвижные коллективы, призванные в равной мере осуществлять идейно-пропагандистские и художественно-просветительские функции, стали массово создаваться на территории СССР во второй половине

---

* КОВАЛЕНКО Тимофей Викторович, кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, timofey.kovalenko@gmail.com.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России», номер государственной регистрации: 121021500262-2.

1930-х гг. Формальным основанием их работы, определившим контуры формируемой системы, стал приказ Народного комиссариата просвещения РСФСР «О развертывании сети колхозно-совхозных театров» [18] и последовавшее за ним постановление Совета народных комиссаров РСФСР [17]. Однако эти документы стали итогом достаточно продолжительной дискуссии о формах, методах и направлениях модернизации художественной работы в деревне в связи с задачами пропаганды коллективизации и советской идеологии в целом, развернувшейся на рубеже 1920–1930-х гг.

Основные принципы художественно-идеологической работы в деревне были сформулированы ещё в начале 1920-х гг. в рамках деятельности комиссии по проведению театральной продовольственной агитации при театральном отделе Наркомпроса РСФСР [19, л. 5]. В регионах формировалась сеть деревенских театров, по сути дела, самодеятельных драмкружков, где на основе принципов театрализованной агитации силами местных активистов актуализировались вопросы текущей политической повестки. Организационным центром был Поленовский дом¹, методическим центром — журнал «Деревенский театр» (главный редактор Р. А. Пельше), вокруг которого была сконцентрирована целая группа так называемых деревенских драматургов и пропагандистов-методистов: А. А. Ширямов, Л. А. Субботин, В. В. Игнатов, А. Г. Глебов и др. Постоянно проводились масштабные инструктивные и обучающие мероприятия: Первое всероссийское совещание по вопросам художественной работы (1925), Всесоюзное совещание по культпросветработе среди деревенской молодёжи (1926), Первый всероссийский съезд избачей (1927), Всесоюзное совещание по художественной работе среди молодёжи (1929). Несмотря на довольно динамично растущую сеть деревенского театра (19 апреля 1927 г., выступая на заседании театральной секции Государственной академии художественных наук, Л. А. Субботин утверждал, что «по РСФСР — 16–20 тыс. драмкружков, по СССР — 25–30 тыс.; общий годовой бюджет по самому скромному

---

¹ Дом театрального просвещения имени В. Д. Поленова организован в 1921 г. на базе подотдела рабоче-крестьянского театра театрального отдела Наркомпроса РСФСР, в 1925–1930 гг. — Центральный дом искусства в деревне имени В. Д. Поленова, в 1930–1936 — Центральный дом самодеятельного искусства в городе и деревне имени Н. К. Крупской, в 1936–1958 — Всесоюзный дом народного творчества имени Н. К. Крупской.

подсчету — миллион рублей» [4, с. 262]), результаты его деятельности были неудовлетворительными. Это стало очевидно на фоне невыполнения первого пятилетнего плана и провала начального этапа коллективизации.

Состоявшееся в мае 1927 г. театральное совещание при агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП(б) положило начало формированию новой вертикально организованной модели театральной политики. Был взят курс на борьбу со всякого рода «многоукладностью» в искусстве как в стилевом, так и в экономическом отношении. Одним из результатов этого совещания стала установка на первичную профессионализацию системы деревенского театра — профессиональные коллективы обязали проводить учебно-методические инструктажи самодеятельных. Успехов это не принесло, и в январе 1929 г. на коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР художественная работа в деревне была признана неэффективной [2, с. 32].

Началась широкая дискуссия, результатом которой и стало создание концептуальных основ развития колхозно-совхозного театрального движения как мегапроекта культурной политики. Свой вклад в этот процесс внесли множество партийных и советских чиновников, представителей корпоративных организаций творческой интеллигенции, драматургов и театральных деятелей. Ключевая роль в организационно-экономическом оформлении системы и выстраивании государственной сети, очевидно, принадлежала начальнику Управления театрально-зрелищными предприятиями Наркомпроса РСФСР М. П. Аркадьеву (1896–1937) и заведующему орготделом — заместителю председателя ЦК Рабис А. А. Гольдману (1902–1963). Но сочетание слов «колхозно-совхозный театр» впервые было употреблено Д. Ф. Чижевским.

Дмитрий Федотович Чижевский (1885–1951) — весьма яркая фигура раннего советского культурного ландшафта, ныне почти забытая. В собрании Российского государственного архива литературы и искусства представлен его личный фонд, включающий 112 единиц хранения [20], в современной театроведческой литературе его творчество было актуализировано В. В. Гудковой [3], подготовившей к печати пьесу «Сусанна Борисовна» и реконструировавшей основные вехи его биографии [5].

Д. Ф. Чижевский родился 24 октября 1885 г. в селе Максимовка Гадячского уезда Полтавской губернии. Систематического образования он не получил, хотя обучался на коммерческих курсах в Москве, а в 1915 г. сдал экстерном экзамены за 4 класса гимназии. Но это не помещало ему

сделать достаточно успешную и политическую, и литературную карьеру. Весьма интересным и малоизученным является факт его работы в газете «Кубанский курьер» в Екатеринодаре в 1910–1915 гг. Мобилизованный в войска в 1915 г. Февральскую революцию он встречает, уже командуя ротой, и избирается в Первый Батумский Совет рабочих и солдатских депутатов. В конце 1917 г. Чижевский возвращается в Екатеринодар и после провозглашения 13 марта 1918 г. Кубанской советской республики вступает в РКП(б), становится сначала комиссаром милиции, затем — интендантом вооружённых сил республики. События, связанные с установлением советской власти на Кубани, скорее всего, стали предметом его художественной рефлексии в романе «Екатеринодар», рукопись которого не сохранилась [26, л. 1]. К 1921 г. Д. Ф. Чижевский руководит уже административно-хозяйственным отделом ЦК РКП(б).

После окончания Гражданской войны Чижевский окончательно переходит в сферу культурной политики и литературно-театральной деятельности, которые, по собственному признанию, интересовали его больше всего. Недолго работает заведующим театральным отделом Главполитпросвета, участвует в деятельности многочисленных творческих объединений: Всероссийского литературного общества «Кузница», Союза революционных драматургов, Всероссийского объединения крестьянских писателей и активно пишет пьесы.

Интерес к драматургии сформировался в годы ранней юности, тогда он начал писать трагедию «Восставший раб». Первые литературные опыты, впрочем, не только они, были «некритическим усвоением, даже копированием приема того или иного писателя — Андреева, Горького, Метерлинка, Чехова, Гольдони и др.» [39, с. 3]. Но, очевидно, весьма скромные литературные способности компенсировались парадоксальной энергичностью и настойчивостью. В. П. Полонский в дневниковых записях 1925 г. отмечает: «Жарит пьесу за пьесой — и хотя его не хвалят, но он в упоении. Час доказывал мне, что он не может исполнять партийные обязанности. <...> Он вообразил себя драматургом и полагает, что проживет и без партии» (Цит. по: [5, Чижевский]). Среди опубликованных пьес Чижевского: «Его величество Трифон» [29], «Обладли» [31], «Благополучие» [30], «Сиволапинская комедия» [32], «Голгофа» [33], «Федор Кузьмич» [34], «Сусанна Борисовна» [36], «Честь» [38]; неопубликованные рукописи хранятся в фондах РГАЛИ: «Разложение (Миражи)» (1923) [21], «Любовь (Сильнее нас)» (1927–1929) [22], «Колхоз (Село)» (1932) [23], «Грозный час» (1942) [24]. Среди основных тем,

разрабатываемых драматургом, — борьба старого быта с новым, вполне вписывающаяся в критерии социального заказа времени и делавшего его заметным в критико-пропагандистском дискурсе начала 1930-х гг. [7, с. 2], а также художественная рефлексия Гражданской войны, удававшаяся в меньшей степени.

Сценическая же история драматургии Д. Ф. Чижевского менее богата и порой весьма курьёзна. Первые успехи были связаны с постановкой Малым театром пьесы «Его величество Трифон», над которой он начал работать ещё в 1919 г. Премьера спектакля состоялась на площадке филиала в Замоскворечье в 1923 г. (реж.-пост. В. А. Ермолов-Бороздин, худ.-пост. М. А. Михайлов). Вскоре в Театре имени МГСП¹ появляется спектакль по пьесе «Сиволапинская комедия» (реж.-пост. А. В. Карцев, худ.-пост. Д. Д. Богомолов; премьера 1 октября 1923 г.), положивший начало серии постановок на провинциальной сцене в 1925–1926 гг. (см., напр.: [13]). Кроме того, в сезон 1926–1927 гг. Московский драматический театр быв. Корша² заканчивает работу над спектаклем «Александр I» по пьесе «Федор Кузьмич», где «ставя перед собой психологическую задачу вскрытия двуличной натуры Александра I, автор даёт широкую картину эпохи, охватывающую восстание декабристов, аракеевщину, придворную мистику и крепостничество» [27, с. 120]. Достоверных сведений о времени и обстоятельствах постановки Театром сатиры спектакля по пьесе «Сусанна Борисовна» автору найти не удалось.

Профессиональная оценка творчества Д. Ф. Чижевского была достаточно жёсткой. Особенно показателен в этом смысле казус «Сиволапинской комедии», написанной на материале крестьянской жизни периода НЭПа. Ориентированная на массового зрителя пьеса была посвящена утверждению новой системы социалистических ценностей в быту. Видимо, вдохновленный призывом А. С. Луначарского — «назад к Островскому» — драматург настолько творчески подошёл к использованию приема реминисценции, что просто «переписал» комедию А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся», придав персонажам современные социальные характеристики (так, купец стал нэпманом, а дворянин, почему-то, коммунистом!) и вложив в их устах лексику советского новояза. С. В. Обручев, учёный геолог, часто выступавший как литературный критик, провёл формальное сравнение двух текстов и доказал,

¹ В настоящее время Государственный академический театр имени Моссовета.

² Театр был ликвидирован в 1933 г.

что «и сюжет, и фабула комедии — одни и те же, и даже сохранены почти все детали оригинала, вплоть до порядка выходов... Чижевский заимствовал и язык, и фабулу, и фактуру пьесы у Островского» [16, с. 135].

Плагиат, правда, уже с другой стороны, стал самой запоминающейся приметой и следующей пьесы Чижевского — «большого полотна из эпохи Гражданской войны», на которое он возлагал особые надежды. Трагедия «Голгофа (Лобное место)» была написана в 1923 г. и с тех пор драматург добивался её постановки. В 1924 г. материалом заинтересовался даже В. Э. Мейерхольд, правда, ненадолго [5, Чижевский]. Критический, но в целом положительный отзыв о пьесе публично дал нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский, отмечая в качестве важных достижений автора масштаб изображаемых событий, драматургические перипетии сюжета и цельность внутренней структуры текста, связывающей «в один узел различные элементы: белогвардейщину, революционных комиссаров и рабочих, зеленых в лесах вокруг деревни, кулаков, середняков, бедняков, женщин разного типа». О постановочных перспективах рецензент прямо не заявляет, подчёркивая лишь то обстоятельство, что язык Чижевского, хотя «жизненен» и «полнокровен», но всё же выявляет некую «сумбурность речи», переходящую в такую запутанность, где реплики отдельных действующих лиц представлены «каким-то бормотанием, до смысла которого будет трудно добраться не читателю, а театральному зрителю» [11, с. 6]. В статье 1927 г. «партийный критик» В. Ф. Ашмарин (Ахрамович) настаивает на необходимости постановки «Голгофы», определяя её как «большую социальную трагедию», развивающую драматургические достижения Э. Верхарна (см.: [1, с. 7]).

Наконец, пьесу принимает к постановке Театр Революции¹, намереваясь посвятить её 10-летнему юбилею советской власти и октябрьских событий. Но тут с обвинениями в плагиате выступает уже сам Д. Ф. Чижевский, обращаясь с официальным письмом в редакции ряда корпоративных журналов, где «обличает» драматурга К. А. Тренёва и его пьесу «Любовь Яровая», впервые поставленную Малым театром 22 декабря 1926 г. (реж.-пост. И. С. Платон и Л. М. Прозоровский, худ.-пост. Н. А. Меньшутин, муз. П. А. Ипполитов). Имеет смысл привести этот текст полностью:

---

¹ В настоящее время Московский академический театр имени В. В. Маяковского.

Почти все видевшие в Малом театре «Любовь Яровую» и знающие «Голгофу» находят в этих пьесах схожести. Но «Любовь Яровая» идет, а «Голгофа» только готовится к октябрьским торжествам в «Театре Революции». Широкий же массовый зритель и читатель, особенно в провинции, не разбирается, да и не имеет возможности разобраться, как и когда что писалось, а определяет попросту: раз «Любовь Яровая» уже идет, а «Голгофа» будет идти, то значит в «Голгофе» заимствования из «Любви Яровой». Поэтому я вынужден заявить:

Действительно со стороны текста имеются большие схожести в фабуле, а также и в типах. Например, машинистка Панова и контрразведчик Яровой со всеми характеристиками схожи с Тамарой Алексеевной и фон Бригом в «Голгофе».

Большую схожесть имеет с «Голгофой» также и режиссерское оформление «Любви Яровой» в Малом театре. Например, текст «Голгофы» и действие построены органически в трех плоскостях. Текст же «Любви Яровой» органически в одной плоскости. Однако «Любовь Яровая» поставлена в трех плоскостях. Очень похожи так же и массовые сцены, драматургически проработанные в «Голгофе» по новому принципу впервые.

Однако экземпляр «Голгофы» обсуждался в художественном совете Малого театра и был хорошо известен постановщикам этого театра еще в сезон 1923–1924 гг. А из печати вышла «Голгофа» в начале 1926 г., когда «Любовь Яровая» только делалась.

В целях ограждения от возможных подозрений меня в плагиате я и передаю эти факты на суд советской общественности [27, с. 120].

Однако претензии драматурга вызывают в профессиональном сообществе скорее иронию — «Любовь Яровая» на долгие годы войдет в советский театр в качестве репертуарного хита, сохраняя по сей день статус «первой революционной трагедии». Несмотря на то что вскоре редакция журнала «Современный театр» сообщила, что «инцидент с Трениным ликвидирован» [28, с. 519], Д. Ф. Чижевскому достаются только усмешки и эпиграммы:

*Вот это ново:
Машинистка Панова —
Говорит Чижевский весьма гневно —
Моя «Тамара Алексеевна».
А сам Яровой —
Из «Голгофы» фон Бриг.*

О, плагиат, о жуткий миг

О авторская дррр...ама!..

Или просто ловкая рек...омендация своей пьесы [15, с. 30].

Медиаэффекта, на которой, очевидно, рассчитывал Д. Ф. Чижевский, не получилось, спектакль «Голгофа» (реж.-пост. М. А. Терешкович, худ.-пост. А. К. Буров, муз. Н. Н. Попов) не прошёл незамеченным в связи с политическим характером постановки, но «то, что должно было явиться художественной скупостью, стало голой схемой, <...> что должно было быть типическим, стало одноцветным и однотонным», — заявляла критика [9, с. 213]. П. А. Марков в дневнике театрального критика отмечал: «Вполне похвальные намерения автора «Голгофы» изобразить “крестный путь” страны не нашли драматургического и художественного выхода. <...> Автор мечтал в отдельных образах создать классовые обобщения; на самом деле он создает психологически неправдивые маски» [12, т. 3, с. 411]. Чижевский, конечно, остался недовольным работой театра, что породило новую порцию ироничных эпиграмм.

Таковы, пожалуй, самые курьёзные и оставшиеся в истории театральной жизни вехи сценической интерпретации его пьес. Вклад Д. Ф. Чижевского в советскую драматургию весьма своеобразно был обобщён литературоведом А. И. Ревякиным в статье «Крестьянская литература», написанной для «Литературной энциклопедии»: «Д. Чижевский (пьеса «Сиволапинская комедия») переделывает комедию «Свои люди — сочтемся» Островского, причем эта переделка отчасти использует приемы итальянской буффонады. Из драматических произведений Чижевского сильно отзывается Метерлинком «Благополучие»; пьеса «Его величество Трифон» написана под сильным влиянием Шекспира, а «Лобное место» воспроизводит некоторые приемы верхарновских «Зорь» [10, т. 5, ст. 580–581].

При этом позитивная энергичность Д. Ф. Чижевского была столь велика, что даже зачисленный критиками в разряд «драматургов, выпавших из “обоймы”» [40, с. 4], он не утратил активности и способности встраиваться в актуальную повестку культурной политики. Когда на рубеже 1920–1930-х гг. началась дискуссия о путях модернизации художественной работы в деревне, завершившаяся концептуальным оформлением колхозно-совхозного театра как типа профессионального учреждения искусства, самое активное участие в ней принял Чижевский. Давно волновавшая его проблема распространения драматургии

по театральным площадкам большой страны (ещё в 1924 г., выступая на диспуте о задачах драматургии, он говорил о невозможности постановки пьесы в провинции, если она не идёт в столице) получает новое теоретическое оформление.

Для Чижевского эта была попытка не только найти собственное место в изменяющихся художественных процессах, но и вернуться на сцену в качестве актуального автора. Представляя на Первом всесоюзном совещании работников деревенского театра, состоявшемся 25–30 мая 1931 г., Всероссийское объединение пролетарско-колхозных писателей, он заявлял о необходимости создания государственного совхозно-колхозного показательного театра [14, с. 1]. По мысли Чижевского, такой театр мог бы служить экспериментальной лабораторией, создавая как бы «эталонные» модельные спектакли для их последующего полного перенесения на провинциальные театральные площадки в разных регионах страны. Так, колхозно-совхозный театр как организованный горизонтально специализированный тип учреждения искусства, совмещающий функции просвещения и пропаганды, входит в дискурс культурной политики. Работа по проектированию институтов театральной жизни и определению теоретических принципов их функционирования была для Чижевского не новой, ещё в начале 1920-х гг. он предлагал организовать Пролетарский показательный театр, для которого разработал учебно-производственный план и творческую программу [25].

Активно участвуя и способствуя трансформации системы деревенского театра, Чижевский на всех площадках продвигает свою идею. В начале 1933 г. в разгар дискуссии о необходимости создания колхозной драматургии на страницах «Советского искусства» он выступает с программной статьей «О плакатном примитиве. Проблемы совхозно-колхозной пьесы», где подвергает резкой критике её художественный уровень [37, с. 4]. Сам же он работает над пьесой под рабочим названием «Колхоз» (варианты — «Село», «Строители»), не увидевшей в итоге ни света, ни сцены [23].

В том же 1933 г. было объявлено, что в системе Наркомпроса РСФСР по проекту Д. Ф. Чижевского будет создан Центральный опытно-показательный колхозно-совхозный театр. Театр планировался к размещению на базе Московского дома крестьянина, его работа — параллельной существующему в составе Центрального дома самодеятельного искусства в городе и деревне Передвижного деревенского театра, который вёл свою историю с ноября 1927 г.

Проект первого колхозного театра предусматривал организацию по принципу комбината, объединяя театр больших форм, оперно-музыкальный, и театр малых форм с группами: драматической, эстрадной и кукольной. Помимо своей основной работы в Москве, в задачи учреждения входила демонстрация спектаклей в крупнейших совхозах и колхозах и методическая деятельность по выпуску спектаклей к прокату на местах и подготовке новых кадров театральных работников. Сектор искусств Наркомпроса предполагал привлечь к работе лучшие творческие силы: директором театра должен был стать Д. Ф. Чижевский, заведующим методическим сектором — Р. А. Пельше, репертуарной частью — Л. Ф. Макарьев. Для работы в новом театре должны были быть задействованы драматурги С. М. Третьяков, А. Г. Глебов, Ф. И. Панфёров, П. И. Замойский, Артём Весёлый, Ф. В. Гладков и, конечно, сам Чижевский [8, с. 1].

Получив наконец собственный проект, Д. Ф. Чижевский с присущей ему энергичностью взялся за работу. «Театр должен стать показательным, он должен привлечь самых лучших режиссеров и актеров. Этот театр должен стать центром борьбы за повышение качества нашей совхозно-колхозной драматургии. <...> И таким образом, наша крестьянская драматургия выйдет из тяжелого положения и займет боевую позицию», — провозглашал он со страниц «Советского искусства» [37, с. 4]. 28 февраля 1933 г. совместно с научно-исследовательским институтом ЦДИСК драматург организовал творческое совещание по вопросам художественного обслуживания совхозов, колхозов и МТС [6, с. 4]. Его основная цель состояла в определении путей и форм работы организуемого театра. С докладами выступали секретарь Центрального совета ТРАМа Д. Н. Плытник и сам Чижевский, затронувший вопросы формирования репертуарной политики. В конце февраля 1928 г. был объявлен набор труппы, а открытие театра планировалась приурочить к уборочной кампании — к июлю — августу 1933 г.

Однако этот проект так и не был реализован — горизонтальный принцип организации творческой работы (спектакль, создающийся в центре и полностью повторяемый в провинции одновременно в разных регионах) остался невостребованным. В середине 1933 г. колхозно-совхозный театр стал масштабироваться рамках всей страны как наиболее массовой сегмент формирующейся и управляемой вертикально государственной сети. От идеи Д. Ф. Чижевского осталось лишь название.

К середине 1930-х гг. Дмитрий Федотович Чижевский окончательно покидает поле художественной жизни, изредка напоминая о себе письмами руководителям «партии и правительства» — Б. З. Шумяцкому (1937), К. Е. Ворошилову (1938), Н. Н. Беспалову (1938), П. Н. Поспелову (1940), Л. П. Берии (1941), — черновики которых хранятся в личном фонде драматурга в РГАЛИ. Биография Чижевского интересна, прежде всего, свойственной ему настойчивостью, энергичностью и упрямым движением к достижению намеченных целей. Забытое сегодня его творческое наследие, несомненно, требует подробного изучения. Примечательно, наверное, и то, что в историю колхозно-совхозного театрального движения Д. Ф. Чижевский вошёл не как драматург, а как автор, пусть и не самой системы, но её названия.

Литература

1. *Ашмарин В. Ф.* «Советские зори» // Новый зритель. — 1927. — № 16. — С. 7.
2. В Главискусстве // Современный театр. — 1929. — № 2. — С. 32.
3. *Гудкова В. В.* Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х — начала 1930-х гг. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 453 с.
4. *Гудкова В. В.* Театральная секция ГАХН. История идей и людей. 1921–1930. — М. : Новое литературное обозрение, 2019. — 648 с
5. Забытые пьесы 1920–1930-х гг. / Сост. В. В. Гудкова. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — 992 с.
6. Каким должен быть колхозно-совхозный театр // Советское искусство. — 1932. — № 10. — 26 февр. — С. 4.
7. *Клейнер И. М. Д.* Чижевский. К 20-летию литературной деятельности // Новый зритель. — 1929. — № 19. — С. 2.
8. Колхозно-совхозный театр // Советское искусство. — 1933. — № 5. — 26 янв. — С. 1.
9. *Крути И. А.* «Голгофа» (Театр революции) // Современный театр. — 1927. — № 14. — С. 213.
10. Литературная энциклопедия : В 11-ти т. / Гл. ред. А. В. Луначарский. [М.] : Изд-во Ком. Акад., 1929–1939.
11. *Луначарский А. В.* «Голгофа» // Известия. — 1926. — № 111. — 16 мая. — С. 6.
12. *Марков П. А.* О театре : В 4-х т. — М. : Искусство, 1974–1977.

13. Местная жизнь // Красный Север. — 1925. — № 73. — 31 марта. — С. 7.
14. На Первом всесоюзном совещании по деревенскому театру // Советское искусство. — 1931. — № 28. — С. 1.
15. Незнакомец. Театральный разъезд // Современный театр. — 1927. — № 2. — С. 30.
16. *Обручев С. В.* Островский и Чижевский // Печать и революция. — 1924. — № 3. — С. 131–135.
17. Постановление СНК РСФСР от 05.12.1934 г. № 1165 «О колхозных театрах» // Колхозный театр. — 1935. — № 1. — С. 43.
18. Приказ Народного комиссариата просвещения РСФСР от 15.03.1934 г. № 219 «О развертывании сети колхозно-совхозных театров» // Советское искусство. — 1934. — № 14. — 23 марта. — С. 1.
19. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 962. Оп. 7. Д. 16.
20. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2599. Оп. 1. 112 ед. хр.
21. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 1.
22. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 5.
23. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 6.
24. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 8.
25. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 68.
26. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 87.
27. Театральная жизнь // Современный театр. — 1927. — № 8. — С. 120.
28. Театральная жизнь // Современный театр. — 1928. — № 30–31. — С. 519.
29. *Чижевский Д. Ф.* Его величество Трифон: народная драма в 5-ти действ. — М. : Гос из-во, 1920. — 32 с.
30. *Чижевский Д. Ф.* Благополучие: представление в 1-м действ. с прологом и эпилогом. — М. : [Русск. театр. об-во]. 1924. — 42 с.
31. *Чижевский Д. Ф.* Обладили (Молодняк): сцена в 1-м акт. — М. : Русск. театр. об-во. 1924. — 15 с.
32. *Чижевский Д. Ф.* Сиволапинская комедия: буффонада в 3-х акт. [М]. : Моск. театр, об-во, [1924]. — 48 с.

33. Чижевский Д. Ф. Голгофа (Лобное место): трагедия в 5-ти акт. — М. : Моск. театр. об-во, 1926. — 96 с.
34. Чижевский Д. Ф. Федор Кузьмич // Клуб. — 1926. — № 9–10.
35. Чижевский Д. Ф. [О пьесах «Любовь Яровая» и «Голгофа»] // Современный театр. — 1927. — № 2. — С. 30.
36. Чижевский Д. Ф. Сусанна Борисовна: пьеса в 3-х акт. [М]. : Театринопечать, 1930. — 88 с.
37. Чижевский Д. Ф. О плакатном примитиве. Проблемы совхозно-колхозной пьесы // Советское искусство. — 1933. — № 7. — 08 февр. — С. 4.
38. Чижевский Д. Ф. Честь: комедия в 3 действ. — М. : Цедрам, 1935. — 40 с.
39. Эй-н Я. Дневник чистки // Литературная газета. — 1933. — № 44. — 23 сент. — С. 3.
40. Я. Э. Путь драматурга. На творческом вечере Дм. Чижевского // Литературная газета. — 1933. — № 49. — 23 окт. — С. 4.

Timofey V. KOVALENKO,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),

Deputy Director, Southern Branch of the Likhatchev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia,
timofey.kovalenko@gmail.com.

**Dmitriy F. Chizhevsky at the Origins
of the Kolkhoz and Sovkhoz Theatrical Movement
(Pages of a Forgotten Biography)**

The article examines the biography and creative activity of playwright Dmitry F. Chizhevsky (1885–1951) in the context of the history of artistic life of the late 1920s – early 1930s. and the formation of conceptual organizational and creative principles of the kolkhoz and sovkhoz theatrical movement. Basic information is provided about the productions of some of Chizhevsky's plays on the stage of Moscow theaters and for the first time his role in the discussion about the methods, forms and means of modernizing artistic work in the Soviet countryside, which resulted in the emergence of the kolkhoz and sovkhoz theater, is revealed.

Keywords: cultural policy, artistic life, kolkhoz and sovkhoz theaters, Dmitriy F. Chizhevsky, artistic work in the village, repertoire, kolkhoz drama, organizational and creative principles, Central experimental kolkhoz and sovkhoz theater.

Е. Б. Долинская*

1941 год. Московские композиторы в Нальчике (Фольклорные мотивы в классических жанрах)

Статья посвящена жизнедеятельности Н. Я. Мясковского, С. С. Прокофьева, Ан. Н. Александрова в их эвакуации на Северном Кавказе. Из рук Хату Сагидовича Темирканова они получили тетради с записями вокальных мелодий и инструментальных наигрышей кабардино-балкарского фольклора. Собирать их начал ещё С. И. Танеев. Вдохновлённые первозданной красотой в то время неисследованного фольклора московские композиторы воплотили его в таких классических жанрах, как струнный квартет, симфония и опера. Неповторимость творческих подходов к фольклору Северного Кавказа стимулирует новаторские решения. Автором констатируется преемственность обработки народных источников композиторами XX века и кучкистами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Н. Я. Мясковский, С. С. Прокофьев, Ан. Н. Александров, С. И. Танеев, С. А. Кусевицкий, Б. В. Асафьев, Р. М. Глиер, квартет, симфония, опера, кабардино-балкарский фольклор.

Накануне войны, 21 июня 1941 г., Высшая аттестационная комиссия (ВАК) присвоила Ан. Н. Александрову, Н. Я. Мясковскому, А. Б. Гольденвейзеру, С. Е. Фейнбергу, Г. Г. Нейгаузу и другим выдающимся музыкантам Московской консерватории учёную степень доктора искусствоведения. Это была абсолютно справедливо и без защиты ими кандидатской и докторской диссертаций.

В самом начале июля 1941 г. большая группа профессоров, а также студентов и аспирантов Московской консерватории явилась в военкомат с просьбой отправить их на фронт. Некоторым композиторам было отказано в связи с возрастом: военкомат, например, отклонил просьбу Ан. Н. Александрова. Через два месяца после начала войны, в августе 1941 г., советское правительство приняло решение об эвакуации ведущих деятелей искусства на Северный Кавказ. 11 августа спецпоезд с музыкантами и артистами (МХАТ, Малый театр, консерватория) прибыл в Нальчик, столицу Кабарды. Среди музыкантов уехали на Кавказ с семьями Ан. Н. Александров, К. Н. Игумнов, С. С. Прокофьев, С. Е. Фейнберг, Н. Я. Мясковский.

---

* ДОЛИНСКАЯ Елена Борисовна, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, профессор кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, Москва, Россия, se.dolinskiy@gmail.com.

В распоряжении композиторов были записи кабардино-балкарских песен и плясок, никому тогда не известные. Александров, Мясковский, Фейнберг и Прокофьев были в числе тех, кто тотчас начал работу над удивительным по яркости фольклором. Прокофьев ввёл его в тематику 2-го струнного квартета. Мясковский обратился к предложенным записям дважды — в 7-м квартете и 23-й симфонии. Фейнберг написал Рапсодию на балкарские темы. Александров начинает сам записывать и обрабатывать кабардино-балкарские мелодии. Это ему пригодилось в его работе над оперой «Бэла» (завершена уже в эвакуации во Фрунзе).

Среди четырёх опер Ан. Н. Александрова «Бэла» выделилась своими свежими музыкальными образами и после окончания войны была поставлена Большим театром.

Фольклор и композиторы. В бытность СССР неизмеримо расширилось собирание и изучение фольклора разных народов. В минувшем столетии имело место постепенное подключение к музыкально-художественному процессу многонационального Советского Союза творчества народов древних цивилизаций.

Среди народов, вошедших в состав СССР, были большие, обладавшие многовековыми традициями по созданию собственных композиторских школ, и малые, с музыкальной культурой, долго не становившейся объектом всестороннего изучения.

Творчество европейских (и в том числе русских) композиторов мирового уровня на практике демонстрировало позитивность взаимодействия художественных традиций Востока и Запада — разных систем музыкального мышления и разной эстетической ориентации. Общеизвестно, что самобытность русской музыки во многом определялась как глубиной её связи с национальным фольклором, так и блистательным «диалогом» с восточными культурами. В. Стасов писал: «Восточный элемент — ее характерное отличие, ибо масса всего восточного всегда входила в состав русской жизни и всех ее форм и давала ей такую особую характерную окраску»¹ [14, с. 150].

Новая действительность рождала и новые формы общения композиторов с искусством разных народов, вошедших в состав Советского Союза. Процесс массового культурного просветительства ещё в 1920-е гг. захватил не только столичные города СССР, но и бывшие

---

¹ Индивидуальность творчества в воплощении самого широкого спектра художественных миров одним из первых ощутил Б. Асафьев.

окраины царской России. Особенно продуктивными оказались 1930-е гг., когда, например, в республики Средней Азии были командированы профессора из консерваторий Москвы и Ленинграда, которые на практике демонстрировали высокую результативность взаимодействия культур Запада и Востока.

Напомним о творческой и педагогической деятельности Е. Брусиловского в Казахстане, С. Баласаняна в Таджикистане, А. Козловского в Узбекистане, Р. Глиэра в Азербайджане. Их увлечённая работа давала очевидные результаты, в отличие от искусственно придуманного «сдружества» высокого профессионала из столицы с молодым национальным кадром¹, только начинающим свое европейское обучение. Народные мелодисты поставляли профессорам образцы родного фольклора, которые композиторами свободно вводились в систему русского ориентализма. Примеры здесь многочисленны, назовём, в частности, оперы «Гюльсара» Р. Глиэра, Г. Джалилова и Т. Садыкова, «Лейли и Меджнун» Р. Глиэра в соавторстве с Т. Садыковым.

Начавшаяся в Европе в конце 1930-х гг. Вторая мировая война привнесла, естественно, новые обстоятельства. В первые месяцы 1941 г. на Северный Кавказ и в Среднюю Азию были эвакуированы представители золотого фонда культуры СССР. В числе композиторов, вывезенных в Нальчик, столицу Кабардино-Балкарской АССР, оказались москвичи С. С. Прокофьев, Н. Я. Мясковский, Ан. Н. Александров, С. Е. Фейнберг.

Ещё на заре творческой деятельности Прокофьева, Мясковского и Стравинского Асафьев причислял их к когорте композиторов, обладающих самобытно-характерным стилем и индивидуальным кругом выразительных средств. Например, в связи с концертом 14 января 1917 г., на котором прозвучали «Петрушка» Стравинского, Первый фортепианный концерт Прокофьева и Вторая симфония Мясковского, критик пророчески писал: «Теперь все трое определившиеся величины: каждый направляется по руслу, ему присвоенному, каждого можно узнать по стилю, даже без детального анализа форм и средств, какими каждый пользуется: настолько это отчетливые индивидуальности. Можно их любить или не любить, признавать или нет, но не учесть их творчества нельзя. Последнее значило бы отвернуться от современной жизни, от тех форм, в которые она вылилась» [8, с. 42].

---

¹ Обычно исполнителем на народном инструменте.

А формы эти оказались интересны многим композиторам, проявившим склонность к фольклору. Ещё в XIX веке Танеев своими записями как бы включился в диалог о роли фольклора в композиторском творчестве. В дневниковых строках 1896 г. он отметил важное: «Не народная музыка мешает музыке профессиональной, а, наоборот, последняя мешает народной, что соотношение между ними подобно соотношению между языком народным и литературным, что в средние века Франция и Германия были богаты народными песнями и песни эти служили формированию музыкального языка композиторов-контрапунктистов... Бах же написал много хоралов, темы которых большей частью были народными песнями. А так как наша музыка *молода*, наши композиторы должны много работать над русскими песнями, чтобы выработать оригинальный стиль» (курсив мой. — Е. Д.) [14, с. 77]. Этим, в частности, стремился заниматься и Мясковский, находясь даже на фронте Первой мировой войны.

Мясковский. Удивительные стечения обстоятельств обернулись непреложным фактом истории русской культуры: многие из крупнейших композиторов России были выходцами из семей военнотружущих, которые складывались в целые династии. Напомним, для примера, представителей «Могучей кучки»: Римский-Корсаков — морской офицер, М. П. Мусоргский — гвардейский подпрапорщик, Ц. А. Кюи — инженер по фортификации. О своей семье Н. Я. Мясковский вспоминал: «Отец мой был военным инженером и по роду своей службы нередко менял местопребывание. Большая семья и скромное жалование заставляли отца пристраивать нас (пятерых детей. — Е. Д.) в закрытые учебные заведения (интернаты) на казенный счет. Вслед за братом меня отдали в нижегородский *кадетский корпус*», где музыке уделялось значительное внимание. Там Мясковский начал осваивать игру на фортепиано и скрипке. Начал он и сочинять, говоря, что «попытки создавать музыку имели печать никогда не бывшего мне близким Шопена» [5, с. 19].

Окончив инженерское училище, будущий композитор начал приватные занятия с С. И. Танеевым и Р. М. Глиэром. Поступление в консерваторию было успешным (разрешение военного начальства никто не спросил). С молодости Мясковскому приходилось проявлять феноменальную изворотливость, чтобы всегда успевать на службу, не пропускать занятия в консерватории и притом много сочинять...

«В 1907 году я, наконец, к огорчению отца, который все еще не терял надежды на мое возвращение в лоно инженерного дела, попросился

в отставку (запас). На войну 1914–1918 года я был мобилизован в первый же месяц и после небольшой проволочки попал на австрийский фронт — на осаду крепости Перемышль. Позже все время — на передовых линиях, и только последний год войны — на постройке морской крепости — Ревель. Пребывание на войне и некоторые встречи в значительной мере укрепили мои демократические склонности, оформившиеся в консерватории. Война сильно обогатила запас моих внутренних и внешних впечатлений и, вместе с тем, почему-то повлияла на некоторое просветление моих музыкальных мыслей. Большинство моих музыкальных записей на фронте имело если не светлый, то, все же, уже гораздо более «объективный» характер (многие темы потом вошли в 5-ю симфонию, причем одна — запись русинской «колядки подо Львовом» [6, с. 5–18].

За пятой симфонией, написанной уже в мирном 1923 г., последовало рождение трагической шестой симфонии, в которой Мясковский как бы обобщил драматическую экспрессию своих первых четырёх симфоний.

Подчеркнём удивительное совпадение структуры содержания и образной наполненности 5-х и 6-х симфоний не только у названных композиторов, но и много шире — в симфонической летописи русской музыки. Здесь многое было как бы задано наследием Чайковского: первая в этой дилогии искрится светлым восприятием жизни, вторая до краёв наполняется трагическим содержанием, обусловленным ролью идеи *in memoriam* (Глазунов, Шостакович, Мясковский, Прокофьев).

Последние два, самые близкие по жизни музыканты, писали свои пятые симфонии в самом пекле Первой и Второй мировых войн, наполняя их музыку Светом Надежды. Шестые же симфонии создавались в мирные годы как психологическое осмысление трагических событий и героического сопротивления.

Будучи в Нальчике, Мясковский облакал подлинные кабардино-балкарские напевы в разные жанровые формы: квартетов (№ 7) и симфонии-сюиты (№ 23). Хронологически эти сочинения идут друг за другом: Струнный квартет ор. 55 был написан в сентябре — октябре 1941 г. (впервые исполнен 12 мая 1942 г. в Москве, квартет им. Бетховена). Над 23-й симфонией-сюитой композитор работал с октября по ноябрь 1941 г. Премьера состоялась в Москве 11 июня 1942 г. (оркестр Радиокomiteта, дирижёр Н. С. Голованов).

Напомним, что творческое наследие Николая Яковлевича Мясковского — офицера царской армии, выдающегося композитора и пе-

---

дагога, общественного деятеля — «полно мысли и будит метель, что оно — выражение интеллектуальной чистоты, этической неподкупности и целостности. А эти качества — прочные качества, куда прочнее многих соблазнов и обобщений», — писал Генрих Нейгауз [7, с. 40–41].

Среди сочинений Мясковского есть те, слушая которые, кажется, что они создавались в едином творческом порыве, как бы на одном дыхании. С полным основанием это можно отнести к военным произведениям композитора, написанным в разных сферах музыки: популярной — марши, песни¹ и академической — 7-й квартет и 23-я симфония. В двух последних господствует поэтика народного творчества, и в этом их особое содержание. Неповторимость кабардино-балкарских напевов и танцев присутствует в каждом такте: национальные черты свойственны не только мелодике, ритмике, но и ладово-гармонической структуре.

Во взаимном проникновении песенности и инструментализма кроется, как известно, основа самого жанра квартета. Именно отсюда, от распевного характера всех кабардино-балкарских тем (даже быстрых) идёт обаяние того национального колорита, которым проникнут дух квартета № 7. Здесь композитором воплощается сама певческая душа народов Северного Кавказа, что стала основой этого музыкального этноса.

Для квартета № 7 Мясковский создаёт как бы собственную художественную «антологию» кабардинских, нартских и североосетинских песен. Однако открывается он темой чисто русского склада.

Определяет своеобразие этого камерного ансамбля отчётливое стремление композитора не только пронизать всю его ткань песенностью, но и ею же окрасить танцевальность.

Партитура квартета внешне кажется прозрачной (как и Симфонии № 23), но какой необычностью красок она обладает в живом исполнении! Чувствуется, что обе кабардинские партитуры написаны рукой огромного мастера, наделившего их глубиной мысли и полнотой чувств.

В партитуру симфонии-сюиты ор. 56 включено десять народных тем. Мясковский поставил своей целью дать им симфоническое развитие, то есть работать с ними как с собственным тематическим материалом. Привлечённые темы многообразны: полинациональны и разножанровы. Среди них есть трагические и героические, лириче-

---

¹ В начале июля 1941 г. Мясковский сочинил две боевые песни («Боец молодой», слова Светлова и «Боевой приказ», слова Винникова) и два марша для духового оркестра (ор. 53, «Героический» и «Веселый»).

ские и шуточные. Метод их разработки восходил к кучкистским традициям. Например, основной темой зажигательного стремительного финала в форме рондо стала кабардинская лезгинка «Исламбей», ранее блистательно разработанная в знаменитом фортепианном «Исламее» Балакирева. Как и Глинка, он проявлял огромный интерес к национальным культурам и трижды (в 1862, 1863 и 1868 гг.) знакомился на Кавказе не только с величественной природой, но и внимательно вслушивался в песни и инструментальные наигрыши многочисленных народов. Генерально разработанная Глинкой в испанских партитурах линия «русской музыки Востока» получила индивидуальное развитие у всех представителей «Могучей кучки»¹.

Сохранились записи Балакирева тридцати двух кавказских народных напевов, собранных во время его поездок. Многие из услышанного Балакирев держал в памяти и, будучи не только учителем «Могучей кучки», но и великим пианистом, иногда играл собранные мелодии своим подопечным. Римский-Корсаков вспоминал: «Какое громадное важное значение для нас всех имел энергичный юный Балакирев, только что вернувшийся с Кавказа и игравший нам слышанные им там восточные песенки... Эти новые звуки для нас в то время являлись своего рода открытием» [11, с. 113]. Одну из услышанных тогда кавказских мелодий в исполнении Балакирева Римский-Корсаков введёт в оперу-балет «Млада».

Симфония № 23 уникальна тем, что целиком построена на народных темах, к которым Мясковский относился бережно, как к бесценному первоисточнику — *он не сочинил в этой партитуре ни одной собственной темы*, о чём писал: «У меня был такой прием: песни подбирались одна к другой, независимо от национальности, лишь бы характер подходил, поэтому в 1-ой части, хотя все темы кабардинские, но разных времен — первая и четвертая старинные, вторая и третья средних лет;

---

¹ С мелодией «Исламея» Балакирева познакомил князь, часто навещавший его во время визита русского музыканта на Кавказ в 1868 г. Князь играл на своём инструменте, отчасти похожем на скрипку. Обработывая кабардинскую лезгинку в токкатной фактуре, Балакирев внёс в неё острые ритмические акценты на опорных звуках, чем придал ей особую упругость, дополняя её терпкостью колорита. В качестве лирической темы была привлечена популярная песня крымских татар. Сочиняя свою «Восточную фантазию», Балакирев ориентировался на виртуозный пианизм Н. Г. Рубинштейна, с которым дружил и ему посвятил свою пьесу. Высокую оценку «Исламбей» получил у Ф. Листа, новые приёмы фортепианной выразительности которого Балакирев осуществил в «Исламее».

во второй части (лирика) все темы балкарские, кроме средней, которую поют и кабардинцы; в финале основа кабардинская, эпизоды балкарские. Метод обработки (разработкой я почти не пользовался, если не считать кое-каких переходных кусков) был такой: первое изложение всех тем я давал или вполне фольклорное, когда в теме бывал подголосок, т. е. намек на гармонию, или такое, которое подчеркивало интонационно-ладовый склад песен, если они бывали одноголосными. Все, кто слышал, в том числе кабардинцы, утверждали, что мне очень удалось схватить лады и нигде не исказить интонацию»¹.

Приведём названия и жанры песен и инструментальных наигрышей, введённых в тематический корпус симфонии № 23. В первой части в качестве её открывающего запева (вступления) введена старинная нартская трагическая песня «Сосруко и Сатаней». Привлечены также кабардинские: танцевально-маршевая тема «Гетигежев Огурби» и старинная «Салтан Хамид». Вторая часть опирается на осетинский фольклор, используя два напева: лирической и старинной скорбной песен. Финальную третью часть открывает кабардинская лезгинка «Исламбей», легко и грациозно переходящая в старинную осетинскую шуточную песню «Халимат». Завершает симфонию в виде коды старинная песня задорного характера «Араку Батай ак Батай».

Партитура симфонии демонстрирует новый опыт Мясковского по исключительно бережному отношению к инонациональному фольклору. На наш взгляд, это сочинение стало своеобразным *актом художественного проявления дружбы между народами СССР*, что было особенно ценно в годы Великой Отечественной войны².

Александров. Анатолий Николаевич Александров (1888–1982), современник Танеева и Скрябина, Метнера и Рахманинова, Мясковского и Прокофьева, ныне, к сожалению, почти забыт, хотя сделал он для отечественной культуры очень многое.

Композитор-пианист, профессор Московской консерватории, он был автором музыки к первому спектаклю Детского театра марионеток (1918), позже ставшего Музыкальным театром для детей имени Ната-

¹ Письмо Н. Я. Мясковского А. А. Иконникову, 7 апреля 1942 г.

² Кроме триады симфоний, №№ 22–24, где начальная из них симфония-баллада о Великой Отечественной войне была хронологически первым откликом отечественного композитора на начавшуюся Вторую мировую войну, Мясковский создаёт и три квартета: №№ 7, 8, 9 (1941, 1942, 1943 гг.).

лии Сац. У Александра девиз жизни: «Ни единого дня без музыки» [1, с. 3], — обусловил работу в разных жанрах. Его перу принадлежат оперы («Два мира», «Бэла», «Дикая Бара», «Левша»), две симфонии, симфоническая повесть «Память сердца». Особое место занимает камерная фортепианная музыка (четырнацать сонат, концерт для фортепиано с оркестром, большая серия пьес для детей и очень много вокальных циклов)¹.

Характеристика главных героев оперы, например Бэлы, Духанщицы и Азамата строится на активном применении закавказского фольклора, прежде всего, кабардино-балкарского, адыгейского и других народов Северного Кавказа. Особо показательны песни Бэлы, особенно первая, основанная на балкарской песне «Нанук» в записи композитора Б. Шехтера. В симфонической картине оперы «Восход солнца» мастерски переплетены кабардинская и авторская мелодика. Инструментальные наигрыши с песенным тематизмом применены, например, в комической песне Духанщицы. Здесь Александров соединил горскую трудовую песню «Онай» с нартским инструментальным наигрышем «Урузмак».

Мелодию карачаевской песни «Карачай еменаджир» композитор использует в дуэте Азамата и Князя, а также в квартете Бэлы, Азамата, Князя и Казбича.

Красочно звучит двойной канон, созданный композитором на основе обработки горской песни «Ханшауби», которая стала основой песни «Погонщики» из Пролога оперы.

В тонко разработанную оркестровую партию оперы Александров вводит кабардинские и ингушские напевы из сборника Н. Речменского «Чечено-ингушские народные мелодии». Композитор свободно работает с привлечённым материалом, чаще всего ограничивается гармонизацией, подсказанной народным тематизмом.

---

¹ Ан. Н. Александров окончил Московскую консерваторию по двум специальностям — фортепианное (1915, класс Игумнова) и композиторское отделения (1916). Его дипломная работа — опера «Два мира». Всю дальнейшую жизнь композитор-пианист целиком связал с Московской консерваторией. Его супруга — Гейман-Александрова Нина Георгиевна (1885–1964) окончила Московскую консерваторию по классу фортепиано. Параллельно она занимались ритмической гимнастикой под руководством Эмиля Жак-Далькроза. С 1917–1924 гг. по 1960-е гг. Александров преподавал ритмику и сценическую гимнастику в Московской консерватории. В классе профессора Ан. Александрова учились К. Молчанов, В. Блок, Кара Караев, Б. Мокроусов, Тен Чу, Ю. Фортунатов, Д. Гаджиев (всего более 50 композиторов).

В массовых сценах оперы жанрово-бытовой фон создаётся в контексте идущих событий: например, как усиление внутренней напряжённости (ссора Казбича с Азаматом, похищение Бэлы Казбичем), или как характеристика героя (Максим Максимович, солдаты). В последнем случае использована русская солдатская песня «Ночи темны, тучи грозны».

Александров, продолжая традиции композиторов-кучкистов в работе с разнонациональным фольклором, создаёт после войны сборник «Восемь пьес на мотивы песен народов СССР». Композитор не только обращался с народными мелодиями как со своим тематизмом, но и самобытно преломлял отдельные средства его музыкального словаря: прежде всего мелодическое ядро, ритмические и ладовые особенности.

Прокофьев. В военной статье 1944 г. «О чужих странах и людях» Б. Асафьев замечает в связи с квинтетом № 2 Прокофьева, что его автор находится в фарватере давних традиций восточности, установленных классиками русской музыки. В них, по наблюдению критика, нет «обособленности и противопоставления Запада и Востока, а чувствуется многообразие развитий и выявлений в музыке великого человечнейшего искусства общения» [8, с. 142–143]. Как это актуально звучит в наши дни, когда вместо столь необходимых всем общений через наследие мировых гениев разных стран и народов, вдруг под запрет санкций попадают даже Чайковский и Рахманинов (!).

Премьера квинтета № 2 ор. 92 (Кабардинского) Прокофьева состоялась в Москве 5 сентября 1942 г. в исполнении Квинтета имени Бетховена. Она прошла с огромным успехом. Через несколько лет камерный ансамбль Прокофьева прозвучал в США. Давний друг Прокофьева Кусевицкий писал ему из США 27 мая 1947 г.: «Твой Второй квинтет также имеет огромный успех» [11, с. 85]. Почему также? Да потому что в Америке и по всему миру великий дирижёр-контрабасист исполнял многое из сочинений Прокофьева, в том числе осуществил премьеру Пятой симфонии, которую называл однозначно гениальной. Озвучил он также сюиты из «Золушки» и «Ромео», Еврейскую увертюру и многое другое.

Начавшаяся Великая Отечественная война сделала контакты двух друзей-единомышленников еще более затруднительными. Кусевицкий, например, приглашал Прокофьева отметить свое 50-летие не только на родине, но и в США. Тогда, в феврале 1941 г., в связи с юбилейной датой Прокофьева два американских университета удостоили композитора почетных степеней. Согласно условиям, получать почетные дипломы надо

было лично. Кусевицкий планировал возглавить юбилейный комитет, но опасался, что в контексте очередных сложных политических ситуаций ждать получения почётных степеней другу придется до своего 60-летия. И не ошибся. 8 ноября 1941 г. А. А. Громыко¹ послал из Вашингтона С. А. Кусевицкому телеграмму со следующим текстом: «Из-за военной ситуации ехать Сергею Прокофьеву в Соединенные Штаты Америки было бы, к сожалению, небезопасно [11, с. 399].

В годы Великой Отечественной войны С. А. Кусевицкий трудился, как говорится, не покладая рук. Для него было важным принципиально занять антивоенную позицию, что являлось открытой конфронтацией с политикой нейтралитета Америки. Кусевицкий принял участие в организации Ассоциации помощи семьям мобилизованных на фронт музыкантов Франции. С 1941 г. начала действовать созданная им компания сбора средств в помощь воюющей Великобритании. Невероятно много, как и С. Рахманинов в Нью-Йорке, Николай Малько в Чикаго, дирижёр в Бостоне способствовал сбору средств для помощи СССР в его борьбе с фашистским гитлеризмом. Кусевицкий выделял средства из своего фонда для поддержки американо-русского комитета медицинской помощи СССР, среди членов которого были скрипач Ефрем Цимбалист, скульптор Сергей Конёнков и другие.

Война изменила многие творческие планы Прокофьева, но не изменила (скорее, даже усилила) интенсивность творчества, присущую композитору. Первыми его творческими откликами на войну стали: Симфонический марш (для большого оркестра, ор. 88, 1941), Семь масовых песен для голоса и фортепиано (ор. 89, 1941–1942), Симфоническая сюита «1941 год» (ор. 90, 1941), музыка к кинофильму И. Савченко «Партизаны в степях Украины» и струнный квартет № 2 (ор. 92, 1941). В своей статье «Художник и война» Прокофьев вспоминает, что управление по делам искусств города Нальчика «было чрезвычайно заинтересовано приездом группы композиторов из Москвы в столицу Кабарды. Председателем управления искусств был герой-партизан Хату Сагидович Темирканов»² [10, с. 244].

Кратко обозначим жанровый контекст, связанный с рождением квартета № 2. Самым ранним опытом обращения Прокофьева к струн-

---

¹ Андрей Громыко — поверенный в делах СССР в США.

² Отец Юрия Хатуевича Темирканова, выдающегося дирижёра современности. Герой СССР, погиб в 1942 г. в районе селения Саратова.

ному квартету стала задумка создать его ещё в 1910-х гг. Был набросан тематический материал, как всегда у Прокофьева, очень яркий. Однако работа над неоконченной пьесой для 4-х струнных, которую возможно обозначить только как квартет № 0, не была композитором доведена до окончания. Однако, как обычно, у Прокофьева ничего не должно пропадать. Яркие мелодические идеи он вводил в корпус разных произведений: фортепианного концерта № 3 (исходный запев), оперы «Огненный ангел» (начало финального акта, где в оркестре полностью сохранена квартетная фактура).

Квартет № 1, как и первую симфонию, «Классическую», Прокофьев пишет со своим индивидуальным отражением классицистской манеры. Его прозрачный стиль можно определить словами Шостаковича, как упражнение в квартетном стиле.

Квартет № 1 Прокофьева особого интереса у ансамблистов не вызвал, в отличие от квартета № 2 Шостаковича, успех которого предопределил, что в этом жанре он будет постоянно высказываться. Огромный же успех, выпавший на долю квартета № 2 Прокофьева, был обусловлен особенностями его индивидуального проекта. Центральными элементами стилевой системы выступает исключительная свежесть и яркость фольклорного тематизма: как сугубо диатонического, так и остро-хроматизированного. Последний обострён прихотливым ритмом. Это позволило Прокофьеву трактовать мелодические линии ансамбля и как основу движущейся вертикали.

При этом имеет место широко вводимая Прокофьевым пряная восточная лирика, в контрасте с буйными токкатными ритмами. Кроме того, Прокофьевым, гениальным пианистом, технические находки «Исламея» Балакирева были блистательно преломлены в подражании многообразию звучания восточных инструментов.

Заключим наши наблюдения возвращением к ситуации, описанной в начале: просьбу о работе над предложенными фольклорными источниками Х. С. Темирканов завершил таким комментарием: «Если вы во время пребывания в Нальчике поработаете над этим материалом, вы положите начало кабардинской музыке» [10, с. 244–245].

Прошло ровно 80 лет и ныне Кабардино-Балкария обладает активно развитой музыкальной культурой в сфере творчества и педагогики. Отраднo, что в её фундамент заложили пусть небольшие, но свои строительные блоки выдающиеся композиторы России. Услышав написанные Мясковским, Прокофьевым и Александровым квартеты, симфо-

нию и оперу, жители Кабардино-Балкарской АССР с радостью узнавали родной музыкальный материал, который получил новое, очень убедительное звучание. По признанию Прокофьева, соединение классических форм с ещё нетронутым восточным фольклором привело к интересным, порой и неожиданным результатам.

Попытка кратко коснуться роли кабардино-балкарского фольклора в творчестве московских композиторов в первые месяцы Великой Отечественной войны подтверждает справедливость афоризма Аристотеля: «Чтобы понять явление, наблюдай его начало и развитие».

Литература

1. Александров А. Н. Воспоминания, статьи, письма / Ред.-сост. В. Блок, — М. : Советский композитор, 1979. — 360 с.
2. Асафьев Б. В. Избранные труды. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1954. — Т. II. — 393 с.
3. Долинская Е. Б. Мясковский // Музыка XX века : очерки в двух частях. — М. : Музыка, 1984. — Ч. 2. — Кн. 4. — С. 157–199.
4. Иконников А. А. Художник наших дней Н. Я. Мясковский. — М. : Советский композитор, 1982. — 416 с.
5. Кокушкин В. Д. Анатолий Александров. — М. : Советский композитор, 1987. — 284 с.
6. Мясковский Н. Я. Автобиографические заметки о творческом пути // Статьи, письма, воспоминания : В 2-х т. — М. : Советский композитор, 1960. — Т. 2. — С. 5–18.
7. Нейгауз Г. Г. Мысли о Мясковском // Мясковский Н. Я. Статьи, письма, воспоминания : В 2-х т. — М. : Советский композитор, 1959. — Т. 1. — С. 36–41.
8. Орлова Е. М. Б. В. Асафьев: Путь исследователя и публициста. — Л. : Музыка, 1964. — 461 с.
9. Памяти Сергея Ивановича Танеева: 1856–1946 : Сборник статей и материалов к 90-летию со дня рождения / Под ред. В. Протопопова. — М. : Искра революции ; Л. : Издательство и типолитография Музгиза, 1947. — 276 с.
10. Прокофьев С. С. Материалы, документы, воспоминания / Сост., ред., примеч. и вступ. статья С. И. Шлифштейна. — М. : Музгиз, 1961. — 707 с.
11. Сергей Прокофьев — Сергей Кусевицкий. Переписка 1910–1953 / Ред.-сост. В. А. Юзефович. — М. : ДЕКА-ВС, 2011. — 536 с.

12. *Сорокер Я. Л.* Камерно-инструментальные ансамбли С. Прокофьева. — М. : Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1973. — 104 с.
13. *Стасов В. В.* Статьи о музыке : В пяти выпусках. — Вып. 3. 1880–1886. — М. : Музыка, 1977. — 354 с.
14. *Танеев С. И.* Дневники в 3-х томах : Книга первая (1894–1898). — М. : Музыка, 1981. — 198 с.
15. *Ястребцев В. В.* Римский-Корсаков Н. А. Воспоминания : В 2-х т. — Т. 1. 1886–1908 / Под ред. А. В. Оссовского. — Л. : Государственное музыкальное издательство, 1959. — 529 с.

Elena B. DOLINSKAYA,
Dr. Sci. (Music Art), Prof.,
Department of the History of Russian Music,
Tchaikovsky Moscow State Conservatory, Moscow, Russia,
elena.b.dolinskay@gmail.com.

The 1941. Moscow Composers in Nalchik (Folklore Motifs in Classical Genres)

The paper is devoted to the vital creative activity of Moscow composers Nikolay Ya. Myaskovsky, Sergey S. Prokofiev, and Anatoly N. Alexandrov in the time of their evacuation in the North Caucasus. They received notebooks with recordings of vocal melodies and instrumental tunes of Kabardino-Balkarian folklore from Khatu Sagidovich Temirkanov. S. Taneyev started collecting them. Inspired by the pristine beauty of the then unexplored folklore, Moscow composers embodied it in such classical genres as string quartet, symphony and opera. The uniqueness of creative approaches to the folklore of the North Caucasus stimulates innovative solutions. The author states the continuity of the processing of folk sources by composers of the XIX (“Mighty Bunch”) and XX centuries.

Keywords: *The Great Patriotic War, Nikolay Ya. Myaskovsky, Sergey S. Prokofiev, Anatoly N. Alexandrov, Sergey I. Tанееv, Sergey A. Koussevitsky, Boris V. Asafyev, Reingold M. Glier, quartet, symphony, opera, Kabardino-Balkarian folklore.*

Е. Ю. Третьякова*

Беседы с Николаем Санджиевым как глубинное интервью о задачах и возможностях художественных переводов

Статья обобщает материал публичных выступлений, статей Н. Д. Санджиева и личных бесед с этим выдающимся деятелем калмыцкой культуры, состоявшихся на площадке форума «Культурное наследие народов Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» в 2015–2019 гг. Предложенные автором статьи выводы о подходе Н. Д. Санджиева к феномену кросс-культурных взаимодействий между народами нашей страны выверены анализом группы мотивов его лирики, характеризующих чувство Родины.

Ключевые слова: формирование российского гражданского самосознания, этнонациональный менталитет, калмыцкая поэзия, Н. Д. Санджиев, Д. Н. Кугультинов, переводы произведений русской литературы на калмыцкий язык, кросс-культурный диалог.

Николай Джамбулович Санджиев (1956–2020) был не только почетным гостем, но одним из самых активных участников — инициатором культурных программ и дискуссий, имевших место на площадке форума «Культурное наследие народов Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» с момента его создания (2015). В октябре 2018 г. он был куратором масштабного мероприятия в рамках просветительской программы форума, организовал творческую встречу с деятелями культуры и искусства Республики Калмыкия. Помимо знакомства с традиционной танцевальной и песенной культурой (государственный академический ансамбль песни и танца «Тюльпан», ведущие артисты Национального драматического театра имени Баатра Басангова, солисты Государственной филармонии), состоялся показ образцов национального костюма, продукции народных ремёсел, видеофильма о природе и современной жизни Калмыкии.

Член оргкомитета форума Николай Джамбулович неоднократно выступал с приветственным словом к участникам от имени своей республики; его точка зрения веско звучала на пленарных заседаниях, в дискуссиях по наиболее острым и сложным вопросам гражданской

---

* Елена Юрьевна Третьякова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, drevo_rechi@mail.ru.

политики и диалога культур. При встречах с ним в равнодушном, открытом и конструктивном обмене мнениями о текущем состоянии и перспективах дальнейшего развития национальных литератур важнейшие вопросы озвучивались ярко и значительно, в совокупности являя собою настоящее глубинное интервью на тему чувства большой и малой Родины. Наш уважаемый собеседник делился своей тревогой за то, что навязанная согражданам на перевале XX–XXI столетий «ломка основ» в значительной мере запутала понимание истинных пружин культурного развития. Последний раз он побывал на ежегодном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» в курортном посёлке Кабардинка под Геленджиком в 2019 г.

Завязавшиеся в 2015–2019 гг. контакты не ослабли и после безвременной кончины Николая Джамбуловича (июнь 2020 г.). Привлечённые им представители науки и культуры Республики Калмыкия с 2015 г. регулярно публикуют в сборниках форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» свои статьи по проблемам изучения этнической картины мира [1], её проекций в современную действительность [2], в содержании докладов всё более заметен интерес к вопросам этнокультурной толерантности [5], проблемам адекватного перевода [6].

Наиболее влиятельный и компетентный участник круглого стола по вопросам художественной жизни и культурно-языкового развития федеративных субъектов Юга России и Северокавказского региона Николай Джамбулович Санджиев подчёркивал особую значимость воспитания переводческих кадров. Как организовать и поставить эту сферу культурного взаимодействия на должный уровень? Как вернуть то высокое мастерство поэтического перевода, которое было достигнуто в своё время в рамках дореволюционной русской (и затем советской) культурной традиции? Эти вопросы доминировали в его выступлениях, хотя говорил он о многом, щедро делясь богатым жизненным опытом и чувствами, которые питают сердце поэта.

Тем, что я как модератор круглого стола форума слышала от него в 2018–2019 гг. и поняла из статьи, присланной им для публикации в сборнике VI форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», хочется поделиться более подробно. Предмет нашего рассмотрения — взгляды Н. Д. Санджиева на задачи переводческой деятельности в области поэзии и классической литературы. При этом мы сосредоточим внимание на одном из наиболее продуктивных каналов межкультурного взаимодействия (Николай Джамбулович считал

таким каналом переводческую деятельность) как инструменте и факторе соотношения представлений о большой и малой Родине.

Статью Н. Д. Санджиева под названием «Культурологический аспект художественного перевода в структуре межкультурной коммуникации» [7] можно прочесть в сборнике материалов VI форума, увидевшем свет в сентябре 2021 г., практически к его 65-летию, которое безмерно уважавшие и любившие его люди отметили как день памяти. Летом 2020 г. ковид прервал путь бесстрашного человека, исполнявшего свой профессиональный долг, не прячась от опасности заразиться. 25 июня 2020 г. пришла скорбная весть: ушёл из жизни выдающийся общественный деятель, учёный-культуролог, педагог, поэт, несколько десятилетий бывший фигурой чрезвычайно значимой для калмыцкой культуры...

Его знали как главного редактора детского журнала «Байр» (1988–2005), автора почти десятка книг прозы и поэзии, лауреата солидных литературных премий. Народность его поэзии подтверждало песенное творчество (более 30 песен на его стихи). С 2003 г. возглавив Союз писателей (СП) Калмыкии «Шинрлт», в 2009 г. Н. Д. Санджиев стал председателем правления Калмыцкого регионального отделения СП России, членом исполкома Международного сообщества писательских союзов. Среди его почётных званий — заслуженный деятель искусств Республики Калмыкия, заслуженный работник культуры Монголии, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Среди наград — юбилейная медаль М. Ю. Лермонтова (2004), орден В. В. Маяковского (2009). И вехи на государственно-общественном поприще также очень значительны: министр культуры и национальной политики (1993–2002), министр печати и средств массовых коммуникаций (2003–2004), в последующем заместитель министра культуры и туризма Республики Калмыкия.

Как педагог и учёный он исповедовал вполне определённый подход к культуре, требующий учитывать сумму векторов, которые влияют на все сферы человеческой активности. Он был убеждён, что образ жизни нации и каждого отдельного народа кристаллизуется из верований, обычаев, традиций, идей. Вне глубокого понимания этих моментов не происходит развитие литератора-переводчика как личности. Профессиональная состоятельность на этом отнюдь не лёгком поприще — дело очень сложное.

Николай Джамбулович целостно и зрело осмысливал единство отношения к малой родине с признательностью к Родине большой. Сегодня вопрос о региональном культурном самосознании как части общероссий-

ского национального самосознания приобретает такую весомость и масштаб, что полезно прислушаться к голосу истинных подвижников культуры. Таким подвижникам свойственно жить для своего времени, служа не только ему: приобщая к вечности года и минуты быстротечной жизни.

Календарно события личной биографии Николая Санджиева совпали со второй половиной двадцатого и двумя десятилетиями двадцать первого века. Лирика Н. Д. Санджиева публиковалась в 1990-х гг. на калмыцком, бурятском, монгольском, русском языках (сборники «Тенгрин саадг», «Хатхмр зег», «Крылья жизни моей», «Гижи тэй того», «Бэлэг», «Эцкин байр», «Темсн-джимсн», «Цецгуд», «Дождь-озорник», «Подарок»). И он, конечно, думал о преходящем и вечном в литературе как таковой и в творческом наследии, в частности.

У классика калмыцкой литературы Давида Кугультинова есть строки:

*Мне говорят века и годы:
«Сынок, тебе понять пора,
Что время с нами заодно;
Назад не движется оно!»* (пер. С. Липкина) [3]

О том же напоминал собратьям по перу Леонид Максимович Леонов, сказав с трибуны Всероссийского писательского съезда, что произведения для правильной оценки их значимости «должны отлежаться не менее 100 лет»: время отбросит преходящее и оставит главное. Стихотворение Д. Н. Кугультинова также содержит разговор о верном масштабе («века и годы»), помогающем вопреки круговерти мелочей сберечь жизненные ориентиры настоящего, неподдельного искусства.

Известно, что 13 марта — день рождения Давида Никитича Кугультинова — в республике отмечают как День калмыцкой поэзии. Это существенное в плане культурного строительства решение, закреплённое в 2012 г. на официальном уровне, задало правильный масштаб: ориентир на наследие, созданное когортой классиков отечественной литературы, в которой Давид Кугультинов стоит рядом с Леонидом Леоновым, Александром Твардовским, Чингизом Айтматовым, Расулом Гамзатовым, Кайсыном Кулиевым. Это наследие будет жить вместе с народами страны из века в век, приобщая новые поколения к той истине, что «закон движения природы — всегда движение к добру». Так именно и сказано в стихотворении Давида Кугультинова «Закон движения», цитату из которого мы привели.

Лирика калмыцкого классика звучит на русском языке в переводах Семёна Липкина, Юлии Нейман, Новеллы Матвеевой и многих других стихотворцев. Она значима для всех уголков большой страны и неизменно трогает сердца своей философской и гражданской позицией, проникновенным обращением к большой родине России. Слова эти кристально искренни и не менее важны, чем признание в сыновней любви к малой родине.

*Россия, Россия, певучее слово,
В нем — скромность величья, и счастья основа,
И нежность, и столько любви накаленной...
Промолвишь — «Россия», — встают миллионы*

.....

*Россия, твой подвиг вовек бескорыстен.
Не ты ль привлекла высочайшей из истин
Меньших своих братьев и, став им опорой,
Спасла от бесправья, от зла и разора,
Пред ними являя отваги примеры,
У них пробуждая в грядущее веру.
Россия, певучее имя — Россия,
Ты в душу вливаешь мне силы живые! (пер. Ю. Нейман) [3]*

Когда на форуме «Культурное наследие народов Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» заходила речь о переводах поэзии многочисленных народов страны, Николай Джамбулович увлечённо доказывал, что эффективная работа с инокультурными художественными текстами требует от писателя очень высокого уровня кросс-культурной грамотности. Произнося слово *кросс-культурный*, он как бы извинялся за отсутствие более приемлемых терминов. Сокрушался, что в науке более точного термина не придумали, напротив, повсеместно распространили и «заездили» безликое понятие *толерантность*, нисколько не соответствующее настоящему глубокому проникновению в суть других культур — пониманию природы их различий в «идеях», обычаях, традиционном наследии. Николай Джамбулович погружал нас в эту проблему, цитируя и щедро приводя примеры удачных или неудачных переводов калмыцкой поэзии. Тем самым подводил нас, своих слушателей и собеседников, к безоговорочному признанию того, что необходимую высокую степень культурной эквивалентности перево-

---

да обеспечивают в сумме своей такие слагаемые, как знание истории, полноценный учёт менталитета, органичное владение языком.

Не менее важный аспект его выступлений на круглом столе по вопросам культурной жизни составляла констатация того печального факта, что за 30–40 лет мы «умудрились» растерять копившийся полтора века (условно говоря, от второй трети девятнадцатого до последней трети двадцатого столетия) потенциал подпитки малых национальных литератур от русской классической традиции. И нельзя было не согласиться с его мыслью о том, что те, кому ранее посчастливилось пройти школу русской классики, давали «высокий старт» малым национальным литературам — возможность совершенствовать родной язык, как совершенствовали его Пушкин и его последователи.

Аналогичное утверждение я прочла в другой публикации Николая Джамбуловича («Слово о поэте», 2014), посвящённой Хасыру Сян-Белгину, народному поэту, который занимался переводами произведений Пушкина и Лермонтова на калмыцкий язык: «Пушкинские сказки в его переводе надо читать не только для того, чтобы знать Пушкина, сколько для того, чтобы знать калмыцкий язык», — подчеркнул Санджиев в своей речи перед читателями Национальной библиотеки имени Амур-Санана [8].

Поэт — понятие, напрямую касающееся типа личности, воплощённого лучшими представителями национальных литератур, создателями непреходящего культурного наследия, о которых мы ведём речь в своей статье. Впрочем, круг имён легко расширить, упомянув не только литераторов, но и таких художников, как блистательный исполнитель танцев разных народов мира Махмуд Алисултанович Эсамбаев или модельер Юрий Махмудович Сташ, день рождения которого (28 сентября) отмечают в Республике Адыгея как День адыгейского народного костюма [11].

По общему впечатлению от бесед с Н. Д. Санджиевым скажу: в его человеческом облике проступала и самобытно главенствовала вполне ясная доминанта — сознание и взгляд на мир, присущий поэтам-философам. Так «Слиты и друг в друга впеты / Стихи поэта и судьба поэта», — сформулировал подобную черту зрелых творческих личностей Давид Кугультинов в стихотворении «Пушкин».

Последняя прижизненная книга переводов лирики Николая Санджиева называлась «В меня Калмыкия выросла». Из этой книги переводов, подготовленной Иваном Голубничим, как-то особенно заметно, что

доминирующим цветовым лейтмотивом поэзии Николая Санджиева всегда был белый.

Это цвет ковылей, издавлекa машущих степному путнику.

*Ковыль цветет... Столь теплый он и нежный,
Как будто солнцем летним напоён,
И белый, словно бы порою снежной
Весь белый цвет впитал собою он.*

*Ковыль белеет... Чист, как будто росы,
Те, что на нем ночуют до утра,
Чист, как любимой искренние слезы,
Что ждет меня из странствий у костра.
(пер. И. Голубничего) [10]*

Он ширится ввысь и вдаль, цвет бескрайнего степного рая: «До горизонта белым все покрыто — / Ковыль и степь, земля и небеса. / И облака, что молоком облиты, / Плывут над миром в дальние места» (пер. И. Голубничего) [10]. Предстает как драгоценный символ естественного изобилия родных мест и как отличительный признак чая джомба, который калмыки почитают как «праматерь белой праздничной еды»:

*Всегда есть у народа про запас
Живительная белая вода.
И пьют ее в степи малец и дед.
Соединяя меж собой века,
Она — любовь, она — добро и свет,
Она — тепло родного очага.
Лекарство от зазнайства и обид,
От грусти, злобы, зависти, вражды.
Она от всех напастей нас хранит —
Праматерь белой праздничной еды.
В ней добрым волшебством растворена
Судьба народа и моя судьба.
Ты — жизни суть, надежда и цена —
Калмыцкий чай, заветная джомба!
(пер. Ю. Щербакова) [9]*

Не столько благостью, сколько горечью отдает мысль о белом соляном покрове степи в стихотворении «Высохший пот», где измученная зноем почва говорит:

---

*Скоро вся побелею я — от
бесконечного солончака.
Это попросту высохший пот
той работы, что стала горька.* (пер. В. Куллэ) [12]

Но и эта грань лейтмотива «белый» естественна для философского образа соль земли, подтверждающего, что мудрость в терпении и труде — в том, что из века в век противостоит жестокости, расточительности, жажде наживы. Мудрость в сердцах, которыми Родина жива, жива чувствами и судьбой каждого своего верного сына.

*В небесах — орел,
а в степи — калмык
Родину обрел,
жизни смысл постиг.
Трав ковыльных смесь,
синий небосвод.
Вдруг Россия здесь
свой разбег берет?* (пер. В. Куллэ) [12]

Прижизненное достоинство человека итожит совокупность свершённых им дел. Николай Джамбулович Санджиев немало успел сделать за те неполные 64 года, которые были отпущены ему судьбой. Надеемся, он обретёт достойных продолжателей на почве культурного строительства. И написанное, прочувствованное им как поэтом живо откликнется в сердцах потомков, для которых дороги сыновние чувства к малой родине и граждански зрелая связь с Родиной большой.

Залогом этому нам видится то обстоятельство, что творцам суждено жить дольше обычных смертных и что судьбы поэтов (судьба их лирики на родных языках и в переложении на языки братских народов) по большому счёту определяется мерой мудрости и добра, которую удалось передать в стихах и донести до всех народов нашей страны, минуя языковые барьеры.

Литература

1. Батырева К. П., Батырева С. Г. Этническая картина мира как культурное наследие калмыков // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. — М. ; Краснодар : Принт сервис групп, 2015. — С. 345–356.

2. *Горяева Т. Н., Манхадькова Е. Н.* Влияние социально-культурной среды на формирование этнокультурных ценностей молодежи Республики Калмыкия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. — М. ; Краснодар : Принт сервис групп, 2015. — С. 410–418.
3. *Кугультинов Д.* Все стихотворения Давида Кугультинова. Lit-ra.ru [сайт]. — URL: <https://lit-ra.ru/david-kugultinov/> (дата обращения: 20.05.22).
4. *Намруева Л. В.* Особенности развития современной этнической культуры (на примере Республики Калмыкия) // Диалог культур народов России: отечественный опыт и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Волгоград, 15–16 октября 2012 г.). — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. — С. 166–169.
5. *Немгирова С. Н.* Республика Калмыкия — зона этнокультурной толерантности // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VI междунар. науч. форума. — М. : Институт Наследия, 2021. — С. 266–272.
6. *Омакаева Э. У.* Проблемы перевода на русский язык материалов о языке и фольклоре калмыков в записи венгерского востоковеда Габора Балинта (XIX век) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : програм. VI междунар. науч. форума (Кабардинка, Геленджик, 1–4 октября 2020 г.). — Краснодар : 2000. — С. 14.
7. *Санджиев Н. Д.* Культурологический аспект художественного перевода в структуре межкультурной коммуникации // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VI междунар. науч. форума. — М. : Институт Наследия, 2021. — С. 270–276.
8. *Санджиев Н. Д.* Слово о поэте // Хальмг Унн. — 2014. — 25 сент.
9. *Санджиев Николай* / Пер. с калмыцкого Юрия Щербакова // Rospisatel.ru [сайт]. — URL: <https://rospisatel.ru/sandzhiev-stihi.htm> (дата обращения: 20.05.22).
10. *Санджиев Николай.* Поэтическая страница / Пер. с калмыцкого Ивана Голубничего // Великороссъ : сетевой литературно-исторический журнал [сайт]. — URL: <http://www.velykoross.ru/1688/> (дата обращения: 20.05.22).
11. *Третьякова Е. Ю., Гуцалов А. А.* Гражданственность и зрелость: к специфике творческого метода художника-модельера Ю. М. Сташа // Мир глазами художников. — Вып. 2. — Майкоп : Элит, 2021. — С. 31–47.
12. Три стихотворения Николая Санджиева в переводе Виктора Куллэ // Россия для всех : портал национальных литератур [сайт]. — URL: <https://rus4all.ru/xal/20190521/5032/Vysokhshiy-pot.html> (дата обращения: 20.05.22).

Elena Yu. TRETAKOVA,
Dr. Sci. (Journalism), Leading Researcher,
Department of Complex Problems of Cultural Studies,
Southern Branch, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, drevo_rechi@mail.ru.

Conversations with Nikolai Sanjiev as an In-depth Interview about the Tasks and Possibilities of Literary Translations

The paper summarizes the material of public speeches, articles by N. D. Sanjiev and personal conversations with this outstanding figure of Kalmyk culture, held at the forum “Cultural Heritage of the peoples of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony” in the 2015th–2019th. The conclusions proposed by the author of the article about N. D. Sanjiev’s approach to the phenomenon of cross-cultural interactions between the peoples of our country are verified by analyzing a group of motives of his lyrics that characterize the sense of homeland.

Keywords: formation of Russian civic consciousness, ethno-national mentality, Kalmyk poetry, Nikolay D. Sanjiev, David N. Kugultinov, translations of works of Russian literature into the Kalmyk language, cross-cultural dialogue.

Б. П. Борисов*

Город будущего как материализованный «художественный образ»

Современное человечество переживает бурные, остро и противоречиво протекающие процессы глобализации. Мир быстро трансформируется. Уходит в историческое прошлое духовно изолированное существование народов.

Вместе с тем экономическая и этнокультурная глобализация наряду с принципиальными «плюсами» связанных с нею процессов обнаруживает не менее значимые «минусы». Существенно экономически обусловленное перемещение больших масс населения по планете, порождающее явление «перемешивания народов» и непрерывного расширения явлений полиэтничности и мультикультурности, сопровождается

---

* БОРИСОВ Борис Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории музыки Волгоградского государственного института искусств и культуры, профессор кафедры музыкального воспитания и образования института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Краснодар, Россия, borisb50@mail.ru.

постепенным угасанием активности процессов формирования национальной идентичности, появлением и непрерывно нарастающим проявлением черт духовно обезличенной массовой культуры. Историческое время многоликости этнотерриториальной и языково-культурной картины глобального мира уходит. На место былого многообразия необходимо приходит универсализация. В результате уже сегодня обнаруживает себя разрыв между «запечатленной в камне городов его исторической культуры» и реальной культурой популяции людей эти города населяющей. Города, всё более и более обнаруживающиеся «проходным двором» планетарных миграционных потоков, теряют импульс иного, кроме эклектически-обезличенного развития.

Обнаружившаяся в условиях глобализации неспособность естественного (стихийного) формирования этнокультурной идентичности городов не отменяет таковую потребность в качестве социальной необходимости, социально-детерминированного интереса в обеспечении гармонии между духовностью человека и средой его жизнедеятельности. Осознание этого противоречия инициирует импульс искусственной гармонизации, особой идеологически-воспитательной деятельности с целью формирования у жителей города уважения к месту, в котором они проживают. Обеспечить названный эффект отчасти способно превращение города в носитель «художественного образа его собственной идентичности».

Ключевые слова: глобализация, идентичность, Северный Кавказ, Кабардинка, Краснодарский край, СССР, постмодерн, симулякр, полиэтничность, мультикультурность.

Нет ничего прекраснее восхитительных иллюзий идеала. Тем более, когда реальность безжалостно этот идеал срамит.

(Неизвестный автор)

I

Судьба забросила меня по делам науки [4] в небольшое курортное местечко — Кабардинку, посёлок, расположенный на черноморском побережье Краснодарского края. Был конец сентября, «бархатный сезон», когда море ещё гостеприимно-тёплое, небо голубое, но отдыхающие массой разъехались, оставив посёлок один на один с его жителями. Я бродил по улицам, по курортной набережной и размышлял о том, что представляет он собою, если бы решился переселиться в него жить и работать.

Опустевшие улицы предстали передо мною образом «пёстрой красочной клоунады культуры глобальной подделки». Здесь обнаруживало себя всё — от искусственных пальм и претендующего на изящество эпохи рококо мостового перехода через ручей сточных вод; от ресторанов и иных заведений в формах построек, претендующих на псевдоантич-

---

ность; от напоминающего то ли Рим, то ли Версаль или Петергоф красивого фонтана в центре посёлка, до самых заурядных образцов типовой массовой жилой застройки времён СССР и постсоветского исторического времени. Я ясно осознавал, что принять решение начать жить в такой пестроте глобально-фрагментарной культуры мне просто не хочется, ибо в лице посёлка Кабардинка нет ничего своего, кроме отчётливой ясности «проходного двора» курорта.

В принципе, эклектикой архитектурного стиля сегодня страдает не только Кабардинка. Практически любой курортный посёлок черноморского побережья России отличается этой же самой чертой «пёстрой этнически безадресной одноликости». Немного поколесив по свету и поймав не только российские курорты, я вовсе не удивляюсь, на первый взгляд, кажущейся странной картинке «яркой в своих эклектических красках одноликости» не только приморских курортов по России, но и по миру. Действительно, ведь трудно определить то, чем принципиально отличается Эйлат от Анталии, от курортных пригородов Барселоны или от Бали, кроме географического расположения на планете. Да, места вроде разные, но чувство, что просто переезжаешь из одного района одного и того же условного «города с отелями и пляжами» в другой, совершенно очевидно.

В отношении больших городов, исторически сформировавших свой особый архитектурный и культурный лик, эта ситуация кажется менее очевидной. Безусловно, такие мегаполисы, как Москва, Петербург, Париж, Рим, Прага, Лондон, имеют особенное лицо, несут в архитектурной застройке память о столетиях и тысячелетиях пережитой истории. Однако давайте только «слегка отойдём» от исторического центра туда, где имеет место новая современная застройка. И, о чудо, все различные в масштабе «историко-культурных центров» города также вдруг оказываются удивительно похожими друг на друга. Такими же похожими, как близки друг другу однотипные городские центры азиатских городов-миллионников, застроенных планетарно похожими один на другого «небоскрёбами».

Да что уж там говорить про архитектуру современных городов. Давайте просто взглянем на популяцию населения, которой заполнены эти города в условиях нашей современности. Например, город Москва. Исторически многими столетиями Москва формировалась как центр православной духовности и культуры. И таковой она действительно была вплоть до начала XX столетия. Но наступили XX–XXI столетия,

и в город потянулись тысячи и тысячи тысяч новых жителей, для которых православное духовно-нравственное начало очень часто уже не являлось не только родным, но подчас даже духовно-близким. Это не могло не отразиться на облике города, в котором духовность, заключённая в «камне», и реальная духовность его жителей оказались далёкими друг от друга.

То же самое, кстати говоря, касается и Парижа, Лондона, многих других городов, втянутых в вихрь планетарной глобализации и инициированных последней массовых миграционных потоков населения.

И вот результат: жить и находиться в похожих один на другой городских анклавах становится всё менее и менее интересно. Уменьшается чувство «ландшафтного патриотизма». Да и о какой «стихии патриотических порывов» всерьёз можно говорить, если в быстро формирующемся духовно-декадентском космополитическом сознании, стирающего различия между этносами и культурами, все народы — безразлично переживающие самость друг друга — «братья». Соответственно, собственная этнокультурная идентичность существенно становится здесь малоинтересной и не возбуждает активность «этноместнических чувств». «Кому платить налоги» (иначе говоря, в каком государстве жить) как проблема перестаёт быть острой. Нормальным для восприятия, не вызывающим у массового человека чувств открытого отторжения, вдруг оказывается ситуация, когда личность получает двойное, тройное и более гражданство, оказываясь подчас «патриотом» противоборствующих, конфликтующих сторон (например, будучи одновременно гражданином США, Великобритании и, допустим, России — «патриотическим защитником интересов» всех, кто столкнулся сегодня, например, на Украине). Даже проблема политэкономических связей с обществом, например, в форме уплаты различного рода налогов и пошлин в современном мире всё чаще переживается как чисто формальное отношение, в котором, если налоги уж необходимо платить, то какая разница кому, ибо уплата налогов — это проблема не налогоплательщика, а собирателя налогов.

Такое проявление «условно народного патриотизма» — это уже совершенно иная категория, далёкая своим содержанием от интереса той социальной силы, которая находится во главе социально-исторического процесса. И хочется верить, что господствующая в прогрессе социума сила капитала вряд ли действительно заинтересована в том, чтобы вместе с процессами распада культуры так или иначе произошёл распад и популяции человечества, его капитала и его воспроизводства.

II

Претендующая на глобализм картинка, обрисовавшаяся в созерцании маленького курортного поселения Кабардинка, увы, вовсе не плод «плохого настроения» или пессимистически ориентированной художественной фантазии. У неё есть определённые предпосылки. Они обрисовываются следствиями того этнокультурного деструктивного процесса, который заявил о себе в условиях процессов российской перестройки.

Посмотрим на проблему аналитическим взглядом.

Процессы подъёма национального этнокультурного сознания, стихийным порядком, как известно, характеризующие ступень образования внутреннего рынка и формирования капиталистически-национальной государственности, оказались адекватными духу так называемой исторической эпохи Просвещения, в поток которой в условиях XIX столетия оказалась втянутой и Россия.

Вместе с тем, начавшись вполне естественным образом, российское просвещенческое движение не оказалось достаточным образом завершённым. Свершившись в масштабе относительно капиталистически-экономически развитых регионов империи, к началу XX столетия оно только начало зарождаться на её «окраинах», угрожая проблемами, опасными для сохранения целостности государства. По крайней мере, ещё до свершения революции Октября 1917 г. на многих территориях Российской империи (Закавказье, Украина) уже начали откровенно проявляться сепаратистские настроения, в своём нарастании грозившие распадом единого государства. Предотвратить развитие сепаратистски-ориентированного национально-культурного процесса лишь акцией полной ликвидации частной собственности на средства производства виделось недостаточным, и тогда пришедшая к политической власти партийно-политическая сила становится на путь регулируемого и направляемого центральной властью развития этнонациональных культур в масштабе единого процесса формирования социалистической культуры. Названный путь развития, оформленный В. И. Лениным в виде концепции «социалистической национально-культурной политики», становится определяющим в СССР на протяжении всей его истории.

Предложенная В. И. Лениным концепция развития национальных культур в условиях социализма предполагала (как минимум) две фазы её осуществления при преодолении фактора стихийности процесса и сопутствующих стихии социально-деструктивных проявлений последнего. На

первой фазе такого развития национальные культуры всех входящих в состав СССР народов, будучи курируемыми из союзного центра, получали импульс и всемерную поддержку в своём становлении: государство обеспечивало обязательную школьную грамотность всего населения, в том числе и на национальных языках. Реализация названной цели стимулировала разработку письменности для народов, исторически не обретших последнюю, развитие печати на национальных языках народов СССР, осуществление исторических и культурологических исследований населяющих территорию СССР этносов, стимулирование развития национальных литературы и искусств, художественных ремёсел и проч. Осуществление развития самобытности этнонациональных культур происходило при экономической и кадровой поддержке представителей русской советской культуры, именно благодаря деятельности которых уже в первые десятилетия существования СССР в регионах бывших «национальных окраин» появились собственные национальные литература, музыка, живопись, драматический, музыкальный театр и проч.

Предполагалось, что получившие импульс к своему национальному этнокультурному развитию народы СССР первоначально обретут импульс к своему относительно различающемуся по формам (при обязательном единстве в аспекте «социалистического духовного содержания») многообразию. Затем, на второй ступени развития, когда будет достигнут исходный подъём национально-многообразных социалистических культур, предполагалось, что наступит этап расцвета целостной культуры СССР уже в форме содружества равных по уровню своего духовного развития этносов, после чего процесс перейдёт в свою третью фазу, предполагавшую интеграцию многообразия культур в форму подлинного единства духовности советского народа, одновременно предполагавшего также окончательное вызревание нового этносоциального вида — «советского человека».

Вполне логичная и, как кажется, вполне реализуемая в рамках социалистического государства концепция культурной политики, однако, в практике своей реализации оказалась вовсе не такой гладкой, как это предполагалось. По своему существу, вполне успешно удалось реализовать только первую часть грандиозного плана.

Так называемая «ленинская этнокультурная политика» действительно успешно осуществлялась в масштабе пробуждения и исходного подъёма этнонациональных культур народов, проживавших на территории СССР. Родившееся в этом процессе сознание межэтнического един-

---

ства сыграло свою очень значимую роль в том действительно братском единении народов, которое продемонстрировали события Великой Отечественной войны. Однако далее «дети» выросли, захотели стать самостоятельными, и исходное единство безнациональной социалистической экономики из исходно необходимого основания сплочения и духовного развития народов-братьев постепенно начало обнаруживать себя всё более и более существенным тормозом в дальнейшем прогрессе суверенизации, в развитии тех, кто уже обрёл «взрослость». Начали возникать и нарастать тенденции децентрализации культуры и, производно от этих процессов, также в области экономического базиса.

Как результат, когда в процессе однажды пришедшей в действительность Перестройки начали разрушаться былые, сложившиеся в период существования СССР экономические связи между территориями, оказалось, что этот процесс уже некому остановить. Из ресурса культуры, созревшего национального самосознания народов, увы, слабо исходил импульс к сохранению оснований былого «общего дела».

Если бы процессы «национализации» происходили так, как они имели место 150–200 лет тому назад, то у обретших зрелое этнокультурное самосознание народов ещё было бы время к тому, чтобы реализовывать его не только «культурно», но ещё и «экономически». Однако обстоятельства XXI века, увы, уже не те. Родившиеся планетарного охвата экономика и культура сразу же пришли туда, где ослабели «узы тесной сплочённости союзной дружбы». Народы бывшего СССР вступили в процессы глобальной миграции капитала и народонаселения, обнаружив разрушение той самой экономической и этнокультурной основы, на которой покоился исходный расцвет их культур.

И вот здесь уместно вспомнить о том «жале», которое оставило в каждой социалистической национальной культуре то, что наиболее существенное становление последней происходило в условиях СССР. Ведь социалистическая культура понималась как «единая по своему социалистическому содержанию», но многонациональная по формам воплощения. Но из сего следует, что когда социалистическая основа совместного бытия народов в результатах Перестройки ушла, когда «социалистическая духовность» перестала быть действительно единящим фактором, культуры бывших социалистических народов существенно выхолостились, открыв ниши как для давящего на этнос извне инокультурного влияния, так и для столь же открытого подавления оснований национальной культуры культурой глобального космополитического уровня.

В итоге на территории бывшего СССР повсеместно возникает новое положение, в котором, с одной стороны, этническое самосознание теряет свою укоренённость в основаниях сугубо этнической экономической жизни, но, с другой стороны, обретает импульс планетарной миграции, размывая ту самую этнически-компактную основу, которая была необходимым основанием (за пределами собственно-экономического единения) развития национальных культур в условиях СССР.

В условиях XXI века обычным в этнокультурных характеристиках популяции, проживающей на той или иной территории, становится явление, которое можно обозначить, как «слоёный этнопирог», что означает относительное равное присутствие в этническом составе населения территорий представителей самых различных народов с объединяющим их экономическим основанием, не имеющим прямой связи с их этнической спецификой, делающим такую связь временной, легко разрушающейся.

Образ того положения, которое возникло практически повсеместно на территории бывшего СССР и в том числе на Северном Кавказе, вполне наглядно иллюстрирует картинка, срисованная нами с курортного местечка Кабардинка Краснодарского края. Конфликт между «городом» и «его жителями» принял откровенно выраженный вид. В городах начали жить уже не те люди, которые воплотили свою духовность в исторически-архитектурном облике города. Те же люди, которые образуют популяцию городского населения сегодня, представляют собою пёстрый этнокультурный поток, в котором каждый реализует уже не общую, а свою частную этнокультурную специфическую духовность. Население города быстро обновляется, и стихия городской застройки теряет способность не быть калейдоскопической. Итог: города быстро начинают быть похожими друг на друга, теряя эффект оригинальности и, самое главное, особо уважительного отношения к ним со стороны населения их населяющего. ...Кризис, выхода из которого на путях дальнейшей стихии развития, как кажется, не видно.

III

Распад СССР обнаружил на своей стороне не только отрицание территориального единства бывшего большого многонационального социалистического государства, однако, и такие следствия, как распад

экономических связей бывшего единого экономического пространства и фактическая невозможность продолжения политики искусственной поддержки (из ресурса союзного государства) развития национальных культур и укрепления национальной идентичности.

Более того, войдя в глобальный мир в качестве самостоятельных субъектов экономики и культуры, родившиеся в распаде СССР новые суверенные государственные образования обнаружили себя в ситуации не заботы о своей этнической и этнокультурной идентичности со стороны социально-политической системы более высокого уровня, как это имело место в условиях СССР, а жёсткого давления в масштабе глобального мира, в состав которого новые государственные образования вошли «равными участниками естественного отбора».

Такое положение ударило не только по экономике вновь возникших государств, которая, обретя распад в отношении своей роли в масштабе экономического организма СССР, обнаружила необходимость возникать заново, причём в жёсткой конкуренции с мировыми производителями товаров и услуг. В результате этого все новые государственно-политические образования, возникшие в результате распада СССР, обрели (по крайней мере, первоначально) кризис и распад собственной экономики, а также «оккупацию» рынка товаров и услуг продукцией иностранных производителей.

Аналогичный процесс обнаружился и в сфере этнических отношений и в культуре. С одной стороны, ситуация суверенизации новых (ранее входивших в состав СССР) государственных образований привела к превращению национальной идеологии в форму официального национального сознания. Возникли проблемы межнациональных отношений, политика, ориентированная на вытеснение «титულным этносом» всех иных («нетитულных») этнических групп. Такая политика, затронувшая большинство новых национальных государств, привела в своём итоге не только к возникновению межнациональной напряжённости, эмиграционному отливу массы населения (в основном, русскоязычного, хотя и не только) из мест своего постоянного проживания в национальных республиках — на историческую родину, в Россию или «на заработки» — по миру. В особых случаях на почве межнациональных отношений (особенно откровенно на Украине) даже возникла гражданская война, предметом которой стало право граждан государства нетитулной национальности свободно говорить, общаться, получать образование на родном языке, развивать собственную этноязыковую культуру.

Особые условия, в которых оказываются эмигранты, решающиеся выехать (на заработки, либо — на постоянное место проживания) на территории, не являющиеся для этих людей «исторической этнической родиной», проявились в том, что продолжение их собственной этнокультурной идентичности отныне превратилось в их личное дело, полностью потеряв поддержку со стороны родных моноэтнических и моноэтнокультурных государственных образований. Результатом сего положения стал импульс быстро прогрессирующего распада собственной культурной идентичности. Обнаружились быстро набирающие силу процессы этнокультурной маргинализации больших масс населения, оторвавшихся от почвы родной культуры (когда многие из эмигрантов, особенно их дети и внуки, даже забывают родной язык в условиях невостребованности такового) и не прирастающих к языку и культуре народа своего переселения. В названных условиях быстро набирают силу процессы рождения новой культуры, основанием своим уже меньше всего имеющей сохранение и упрочение традиций национальной идентичности, ставшей глобалистской по своему существу.

Молодёжь обнаруживает всё меньшую привязанность к традиционным этнокультурным ценностям. Этот процесс *имеет вид менее всего* постепенного перехода, *фактически* — слома парадигмы традиционной этнической идентичности, *более всего* — идентичности глобальному миру, в котором действительны ценности иного порядка, нежели традиционной этнической и даже религиозно-конфессиональной идентичности. Таковы, в частности, популярные в определённой социальной среде Гар-идеи разрыва связи поколений, пропаганды самого крайнего индивидуализма, идеи «хиппи-социальности» и «гендерного братства». Названные идеи проникают в сознание населения планеты повсеместно и агрессивно тиражируются по каналам так называемой «массовой культуры». Но там, где сохраняется всё ещё живая традиция былой этнической и этнокультурной идентичности, маргинальная культура имеет затруднения в проникновении в массовое сознание. Людям, вынужденным по социальным причинам эмигрировать и обретать натурализацию в новой этносоциальной среде, в высокой степени вероятности судьбой уготован удел этнических маргиналов.

Процессы распада этнокультурной идентичности касаются не только государств, в которых утверждается этнокультурная идентичность только титульного этноса, но и других (например, России) с относительно стабильной традицией культуры межнационального уважения

и сотрудничества. Не только в странах Прибалтики, Закавказья, на Украине, но и в России обнаруживают себя тенденции, прямо откликающиеся на запросы глобализации, и неспособность действительно эффективно отстаивать и стимулировать сохранение традиционной культуры. Особенно открыто названные процессы обнаруживают себя, например, на Кубани, территории с традиционно высоким уровнем этнической миграции, краем «тысячи народов».

Ситуация на Кубани сегодня такова, что быстро обновляющееся население не обнаруживает на своей стороне эффективного стремления самостоятельно продолжать этнические традиции и культуру тех базовых народов, из которых формируются переселенческие потоки. Как результат, сохранение и продолжение различающихся этнических традиций здесь зачастую имеет, так сказать, «домашний вид», и это касается не только численно малых этнических диаспор, но, не менее того, также диаспор достаточно многочисленных, имеющих на Кубани устойчивые и исторически продолжительные этнические корни: кубанского казачества, русского и украинского, адыгского, татарского, армянского, греческого населения и др.

Сохранившиеся со времён ещё советского времени учреждения клубного типа, курирующие межнациональные отношения, такие как «Центр национальных культур», «Кубанский казачий хор», многочисленные центры народного творчества и др., сегодня безусловно действуют и вносят свой определённый вклад в сохранение и развитие культурной самобытности проживающих на Кубани этносов. Однако реально эффективно названная деятельность происходит, пожалуй, лишь на одном из направлений, более всего связанном с гастрономическими интересами, национальной кухней и обеспечивающей именно гастрономическую сферу музыкальным, художественно-изобразительным и иным творчеством. В краевом центре и иных населённых пунктах действительно можно найти центры питания, что называется, на любой вкус, однако, далее этого вопрос оказывается практически открытым.

Этнокультурные традиции народов, проживающих на территории Краснодарского края, географически шире территории Северо-Кавказского региона России. По этой причине в современных условиях глобализации экономики и культуры с интенсивными процессами миграции народов в «повестке дня» остро встаёт вопрос о будущем: как будет выглядеть культура российского региона Кубани, если забота о сохранении этнокультурной специфики продолжит носить традиционно формаль-

ный характер, если вопрос сохранения культуры отсылается носителям этнической культуры. При этом важно учитывать нарастающую маргинальность в среде представителей этнической культуры. Что ждёт культуру Кубани при таком подходе через 10, 20, 50 лет: маргинальная культура глобального фастфуда, китайского ширпотреба и «турецких помидоров»? Что ждёт территорию, на которой уже сегодня проживает «вся этническая палитра бывшего СССР», грозя обогатиться ещё и красками «Ближнего Востока», «Индии», «Африки» и других регионов планеты, тех, которые до сих пор на Кубани ещё не были представлены достаточно полно? Надеяться на естественное возникновение «новой культуры» при этом не стоит. Новая культура, способная сформироваться в условиях «естественного отбора», скорее всего (и это естественно), будет культурой маргинально-глобалистского уровня, в которой довлеющими окажутся ценности интернет-общения, гендерных тусовок и массмедиа.

Возможно ли данным тенденциям как-то противостоять? Если иметь в виду стимуляцию естественной потребности к формированию этнической идентичности у населения так, как это имело место, например, в первые десятилетия советской власти на территории СССР, то, думается, что всерьёз надеяться на успешное продвижение по данному направлению уже не стоит. Столетие спустя от начала советской власти население региона стало принципиально иным, иной этничности и иных жизненных и культурных интересов. Соответственно, надеяться на естественно происходящий расцвет национальных культур, как и на то, что однажды установится жизненная стабильность населения и появится культура исторически-традиционного типа, здесь не приходится. Глобализация в сфере культуры, непосредственно влияющая на регион Кубани, не оставляет традиционной культуре этого региона права на жизнь.

Но, если это так, если надежды на естественное сохранение, упрочение и продолжение культуры именно кубанской идентичности на земле Кубани всерьёз ожидать не приходится, то какие здесь возникают альтернативы?

Одну из альтернатив всерьёз подсказывает идеология наступившей истории современного человечества эпохи постмодерна. Постмодерн — это историческая эпоха, в которую вступает массовое человечество в условиях духовного крушения всемирно-исторического идеала. А это и есть современная нам историческая эпоха, в которую реальное

историческое будущее уже не светит эйфорическими красками всемирно-исторического идеала; настоящее историческое состояние, будучи устремлённым в переставшее быть желанным будущее, потеряло свою былую ценность и смысл его продолжения. Действительным смыслом и ценностью в таких условиях обнаруживает себя только прошлое, которое невозвратно и потому обнаруживает себя предметом ностальгии. В названных условиях только прошлое заслуживает специального внимания и духовной заботы. Однако прошлое уже ушло, оно невозвратно и одновременно как предмет ностальгических страданий продолжает к себе привлекать, тянуть.

Общение с историческим прошлым — главный предмет музейной культуры, которая сегодня обнаруживает тенденции перерастания из культуры экспозиции отдельных артефактов в культуру симулякр-восстановления реальности исторически уже ушедшего времени.

Человек исторической эпохи постмодерна, потерявший ранее естественно-крепкую связь с традициями духовности и культуры родной земли и генетически родного ему народа, как никогда исторически ранее, нуждается в восстановлении названной, обретшей черты разрушительной деструкции связи. Однако, если в условиях фактического разрушения традиционных форм этнической жизни, традиционной культуры, даже бывшего моноэтнического состава населения регионов, простой возврат в прошлое оказывается уже невозможным, это стимулирует, вызывает к жизни потребность псевдореального, адекватного формам туризма виртуального возврата.

На почве названного возврата, в формах духовной реставрации уже утраченной идентичности и восстановления последней посредством симулякра музейной культуры в достаточно высокой степени аналогичности предметов, можно сказать, что точно так же, как «писания» мудрецов и религиозных деятелей исторического прошлого нередко превращаются в глазах их исторических потомков в предмет особого почитания, совмещённого со стремлением герменевтической реконструкции скрытых в написанных когда-то строках неких «тайных смыслов», адекватных уже нашей современности, так и территория любого из регионов планеты, рассмотренная под углом зрения былой действительной жизни, скрытой в ландшафте и сохранившейся ещё в руинах прошлого, обнаруживает себя раскрытой книгой, в явленной тончайшими намёками и едва заметными свидетельствами тайнописи которой пытливым ум оказывается способным увидеть, реконструировать и выявить богатей-

шее содержание, способное стать основанием к развитию специфического погружения в идентичность, которую даёт многослойный симулякр исторической реконструкции.

Всякий симулякр имеет «ключ вхождения». Если мы говорим о феномене «музейной культуры», то таковым оказывается специально созданный и установленный «памятный знак», выполняющий своего рода «закладку» в той «книге исторической памяти», которую являет нам правильно обработанный и грамотно преподнесённый ландшафт. «Закладка» — это указатель на «специально выделяемую цитату», на то, что предполагает стимуляцию творческого воображения и напряжения познавательной интуиции.

Территория Краснодарского края — это поле встречи многих народов и судьбоносных событий в их истории. Краснодарский край знал поселения древнего человека, оставившего после себя дольмены и связанную с эпохой дольменов мифологию. Территория Кубани знала греческую и римскую античность, знала завоевателей-кочевников, Византию, Киевскую Русь, Китайский шёлковый путь, знала ордынских завоевателей, переселение запорожских казаков, вхождение земель Северного Кавказа в состав Российской империи, события истории новейшего исторического времени. И все эти исторические эпохи свидетельствами своими («слоёным пирогом») запечатлены на земле этого края. Было историческое время, когда потребности идеала устремлённого в будущее «настоящего» отнесяло на дальний план идею заключённого в настоящем уже свершившегося и снятого настоящим «прошлого бытия». Так было, однако, лишь до тех пор, пока люди, жившие на земле Кубани, сохраняли с этой землёй неразрывную живую связь, скреплённую живой традицией бытового уклада, языка, форм религиозной жизни и культуры. Сегодня всего этого практически уже нет. Если мы не хотим допустить разрыва живой связи времён, ухода книги истории в небытие, то необходимо восстановить её в формах музейной культуры, произведя герменевтическое прочтение территории. Только в этом случае «туристическая любознательность» обретёт способность преобразоваться в подлинную натурализацию духовности, обогащённой богатством понимания и чувствования подлинной истории.

Не буду делать выводов и рекомендаций «глобального уровня». Реконструкция подлинности — это, в определённом смысле слова, «личное дело». Однако, когда речь идёт о подлинности географических регионов, об ожившей восстановленной историчности последних, понятно, дело

такое оказывается по силам не энтузиастам, но только родовому социальному субъекту, представленному прежде всего государством и его стремлением к тому, чтобы не быть единственно «территориальной администрацией» [5].

Территории, которые потеряли собственный исторический лик, вряд ли могут успешно претендовать на способность продолжения своей былой утерянной идентичности. Поэтому утерянную идентичность необходимо восстанавливать: если не реальным образом, то хотя бы в формах художественного образа-симулякра [1]. И это именно то, что определяет, некоторым образом, дух исторической эпохи постмодерна (см.: [2] [3]).

И вот здесь возвратимся к нашему приморскому посёлку Кабардинка, с грустной новеллы о котором я начал свой рассказ. Северное Причерноморье — край с богатейшей историей. Он знает культуру традиционно проживающих здесь кавказских народов, греков, римлян, византийцев, знает «Китайский шёлковый путь», знает трудную историю последних столетий. Так почему бы не привести культурные достопримечательности городка в достаточное соответствие с таковой историей, так, чтобы приезжающие сюда на отдых туристы чувствовали, в какой исторически-культурно богатый анклав они входят, а местные жители, обретая натурализацию, с гордостью переживали бы себя действительными носителями этой постоянно исторически обновлявшейся культуры региона.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякр и симуляция / Пер. с фр. — М. : Постум, 2017. — 320 с.
2. *Борисов Б. П.* Постмодернизм. — М. : Директ-Медия, 2015. — 316 с.
3. *Борисов Б. П.* COVID-19: портал в постпостмодерн. — М. : Перо, 2022. — 412 с.
4. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. VIII междунар. науч. форума (22–25 сентября 2022 г., Краснодар). — М. : Институт Наследия, 2022. — 220 с. — DOI: 10.34685/NI.2022.78.26.001.
5. *Borisov B. P., Akoaeva N. B., Denisov N. G., Kovelina T. A., Oposhnyansky A. V. and Sadim K. B.* Monumental Sculpture in the Semantic Structure of a Provincial Russian City // *Revista Geintec-Gestao Inovacao e Tecnologias.* — 2021. — Vol. 11. — No. 4. — P. 3624–3639.

Boris P. BORISOV,
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Department of History and Theory of Music,
Volgograd State Institute of Arts and Culture, Prof.,
Department of Music Education and Education, Institute of Music,
Theater and Choreography, Russian State Pedagogical University,
Krasnodar, Russia, borisb50@mail.ru.

The city of the Future as a Materialized “Artistic Image”

Modern humanity is experiencing turbulent, acute and contradictory processes of globalization. The world is rapidly transforming. The spiritually isolated existence of peoples goes into the historical past.

At the same time, economic and ethnocultural globalization, along with the fundamental “advantages” of the processes associated with it, reveals no less significant “disadvantages”. The significantly economically determined movement of large masses of the population around the planet, which gives rise to the phenomenon of “mixing peoples” and the continuous expansion of the phenomena of multi-ethnicity and multicultural, is accompanied by a gradual extinction of the activity of the processes of formation of national identity, by the appearance and continuous growing manifestation of the features of a spiritually impersonal mass culture. The historical time of the multi-face ethno-territorial and linguistic-cultural picture of the global world is running out. In place of the former diversity, universalization must come. As a result, today it is a gap between the “historical culture captured in the stone of the cities” and the real culture of the population of these cities. Cities, all more and more discovered itself by the “passing yard” of planetary migration flows, lose momentum for non-eclectic-impersonal development.

The inability of the natural (spontaneous) formation of the ethno-cultural identity of cities in the conditions of globalization, does not cancel a social necessity, a socio-deterministic interest in ensuring harmony between the spirituality of a person and the environment of his life-activity. Awareness of this contradiction initiates an impulse of artificial harmonization, special ideological and educational activities in order to form on the side of the city residents respect for the place in which they live. Partly capable of providing the named effect is the transformation of the city into the bearer “of the artistic image of his own identity”.

Keywords: globalization, identity, North Caucasus, Kabardinka, Krasnodar Territory, USSR, postmodern, simulacrum, polyethnicity, multiculturalism.

РАЗДЕЛ 5

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ЯЗЫК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРЫ

А. С. Куёк*

Идентичность и мифоэпические воззрения адыгов (черкесов): история и современность

Изучение архаических форм мировоззрения, традиций и обычаев, отражённых в устном народном творчестве, имеет большое значение в исследовании идентичности традиционной культуры адыгов (черкесов). Выявление и изучение мифологических представлений, нашедших воплощение в эпосе, мифах, обрядах и ритуалах, воззрений, связанных с сакральными объектами, имеет основополагающее значение для понимания специфики и типологии народной культуры. Это также способ и форма художественного осмысления окружающего мира. Определено, что исследование и сохранение уникального культурного наследия адыгов как одного из компонентов культуры обогащает фольклористику определённого ареала, в частности Кавказа, а также России и мира.

Ключевые слова: идентичность, А. М. Гадагатль, Б. Х. Бгажноков, нартский эпос, сакральность, адыги, черкесы, Хасэ нартов, Адыгэ Хабзэ, мифоэпические воззрения адыгов.

---

* КУЁК Асфар Сагидович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклора Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Республика Адыгея, asfar52@mail.ru.

Исследуя проблему идентичности и мифоэпических воззрений адыгов (черкесов), сакральности духовно-эстетических смыслов в традиционном народном творчестве как источнике наследования исторической памяти и преемственности поколений, нужно отметить, что, хотя данная тема не раз становилась предметом обсуждения разных авторов, она всё ещё остаётся актуальной и востребованной.

Известно, что нартский эпос является достоянием многих кавказских народов — адыгов (черкесов), абхазов-абазин, вайнахов (ингушей и чеченцев), карачаевцев и балкарцев, осетин, отдельных дагестанских народов. По этому поводу патриарх отечественной науки в области нартоведения Аскер Магамудович Гадагатль отмечал, что нартский эпос является общекавказским, но его ядро — черкесским.

Каждый народ исследует свой эпос, проводит глубокие исследования пластов фольклора. Изучение архаических форм этнического сознания одного народа позволяет глубже понять специфику традиционной системы мировоззрения, особенностей национального характера и образа жизни других кавказских этносов, что способствует более углублённому взаимодействию и формированию духовной общности народов единого ареала проживания. А это, в свою очередь, становится вкладом в мировую культуру.

Нартскому эпосу, как, впрочем, и всем жанрам устного словесного творчества, присуще свойство перманентного обновления. «Под влиянием новой среды, — отмечал И. Мегрелидзе, — в них (эпических сказаниях. — А. К.) появляются новые наслоения, выпадают некоторые старые моменты, но в уцелевших их частях все же сказываются в какой-то мере взгляды и представления прежних поколений, отличающиеся от современных и потому не всегда понятные нам» [5, с. 9–10].

В сознании носителей эпической традиции происходили социокультурные изменения, которые всегда влияли на роль и функции мифологем. Данные изменения происходили в связи с насущными проблемами, возникавшими в нартском обществе. Именно на различных стадиях социального развития народа любые дела обсуждались всенародно, и решения принимались на заседаниях Хасэ нартов (народном Парламенте). Параллельно с мужским Хасэ, в доме нарта Алэджа собирались женщины на «Ны Хас» (Хасэ Матерей), где также принимались решения, которые непременно учитывались нартами, и они существенно влияли на развитие нартского общества.

«На собрания Ны Хасэ приходили мудрые пожилые женщины, — повествуется в сказании «Ны Хас». — Они прожили долгую жизнь, многое познали, услышали от старших, исходя из опыта своей жизни, они обсуждали, какой жизнью призваны жить их сыновья. Это они постановили, что никто не должен стремиться взять то, что ему не принадлежит, и брать его без разрешения; проблемы живота можно быстро решить — чтобы нарты были воздержанны, если на время у них сложились проблемы с едой» [6, с. 106]. Решения Ны Хасэ до сих пор бытуют в адыгском обществе и столь же востребованы, как и во времена нартов.

«Во всех этических системах выкристаллизовываются ведущие моральные принципы, подчиняющие себе многообразие частных принципов и норм, — отмечал один из самых известных исследователей Адыгэ Хабзэ профессор Барасби Бгажноков. — Они носят характер базовых, постоянно действующих ценностей, не связанных условиями и обстоятельствами времени, пространства, конкретных жизненных ситуаций, групповых или сословных отношений. В системе адыгской этики пять таких постоянств: *ц1ыфыггэ* — человечность, *намыс* — почтительность, *акъыл* — разум, *лыггэ* — мужество, *напэ* — честь» [1, с. 99].

Считается, что Адыгэ Хабзэ базируется на Нарт Хабзэ, так глубоко уходят корни Хабзэ, что подтверждает, что эпос архаичен так же, как и миф, и в его формировании последнему принадлежит весьма значимая роль. «Мифы — почва и арсенал адыгского народного эпоса «Нарты», — отмечал А. М. Гадагатль. — Мифологические легенды, созданные древним человеком с глубокой верой в их реальную основу, воспринимались как истинная правда, какими бы они ни были фантастическими. В мифах адыгов человек стремится объяснить непонятные ему явления природы» [2, с. 168].

Адыгская мифология широко представлена в эпосе, поскольку эпос родился в лоне мифологического сознания, однако на более поздних этапах развития он представляет собой явление новой ступени художественного мировосприятия и базируется на последующих этапах развития истории народа. «Долгое время в центре внимания нартоведов находились вопросы генезиса эпоса, — отмечает профессор А. М. Гуттов. — Поэтому эпос рассматривался чаще всего с точки зрения историко-этнографической... Имеющиеся материалы по эпосу разных народов позволяют говорить, что их поэтический язык <...> представляет в каждом случае именно свою, основанную на мировосприятии данного

народа систему. То же можно сказать и о мифологии, и о характере взаимодействия с другими жанрами фольклора» [4, с. 9].

Мифоэпические воззрения адыгов так же, как и у других народов, включают в себя архаические формы осмысления окружающего мира, явлений природы, всей Вселенной (Дунай). Древние люди стремились найти в природе могущественных покровителей, которые оберегали бы их в жизненных ситуациях, и такими были гиперболизированные боги и герои, в них они видели характер, силу, отвагу, героизм, ум и находчивость всего социума.

Герои со временем начинают приобретать эпические черты, народ наделял их характерными для своей эпохи чертами и чаще всего магическими способностями. Например, нарт Тлепш, покровитель кузнечного ремесла и кузни, мог «железо заклинять», ковать его голыми руками, Тхагэлэдж мог, не посеяв, взрастить поле проса, Саусэрук — привести стужу или ненастье, перевоплощаться даже в стальную крепость, а Емынэж имел способность превращаться «во что угодно» и т. д.

Культура, обычаи и традиции народа, в том числе мифоэпические воззрения, относятся к одним из существенных составляющих национального космоса. Л. Н. Гумилёв отмечал, что «... в основе эпической диагностики лежит ощущение. Человек принадлежит к своему этносу с младенчества. Именно ощущения, конкретно эмоциональные переживания, воспоминания образуют некий континуум, воспринимаемый как родной. Такие параметры, как язык, национальные традиции, национальный менталитет, осознаются человеком в качестве важных признаков этноса в более зрелом возрасте, накладываются на его первичные природные ощущения» [3, с. 49].

Адыгское миропонимание предполагает наличие мотивов о культурных подвигах. В адыгском эпосе они сами выступают с циклообразующей функцией, иногда представлены в нескольких циклах. Таков, например, цикл о появлении или выведении первых культурных растений, связанных с Тхагэлэждем, покровителем земледелия, растительности и изобилия. Или сюжеты об одомашнивании диких животных, а это связано с покровителем мелкого домашнего скота Амышем. Крупному скоту покровительствовал Ахын, а разведением свиней занимался лишь нарт Горгоныж.

Вокруг главного нартского кузнеца Тлепша, его учителя Дабэча и искусного кузнеца Худымыжа группируются сказания о появлении железа, изготовлении первых орудий труда и воинского оружия. Кстати,

с Тлепшем связан ещё один любопытный стихийно-философский мотив его поиска края земли, знаний мирового масштаба, допуска к «Всемирному разуму». Это был поиск истины, опыта синкретическо-познавательного осмысления мира, действительности и бытия вообще.

Мотив добывания огня относится к одним из древнейших мотивов мировой мифологии и фольклора, в нартском эпосе он связывается с циклом, посвящённым нарту Саусэруку, который своей смекалкой и сноровкой, хитростью смог отобрать огонь у иныжа (великана). Данный сюжет охватывает около тридцати сказаний, и только в одном отмечается, что Саусэрук *вернул* огонь, что никак не соответствует истине. Дело в том, что иныжи, испы и белые джины ещё до нартов обладали культурными благами. Отрицая мотив, что Саусэрук добыл и принёс огонь, отрицается вообще концепция появления культурных благ задолго до людей. Если огонь был похищен у иныжа, то тайну выплавки из руды золота, серебра и меди люди узнали от белых джинов, а чёрные джины всегда выступают их врагами, потому между этими группами джинов происходят противостояния.

Нужно отметить и мотив обладания даром предвидения, предсказания, чаще всего связанного с вечно прекрасной и мудрой наставницей нартов Сэтанэй гуаш, красавицей Бэдэф дах, мудрецом Усэрэж. Они жили в нартском обществе так же, как Тхагэлэдж и Амыш. А Тлепш вошёл в героический эпос с его системой условностей, ведь он раньше был огненным богом и был в одном ряду с космогоническими божествами. Когда нарты обратились к Тхэшхо прислать им кузнеца, покровителя кузницы, он спустил к ним Тлепша, который стал хтоническим божеством. А сами Тхэшхо, Псэтх (бог души) или Шыблэ (бог грома) не обрели в качестве идентифицирующего определения слово «нарт».

Эти все образы, какими бы популярными ни были в фольклоре, особенно в героическом эпосе, они условно «уступают» героям-воинам, совершающим подвиги на поле брани, нартам Саусэрук, Шэбатынук, Орзмэс, Пэтэрэз, Шэуай и другим. Среди нартских героев по количеству подвигов выделяется Саусэрук, который не только добыл огонь для нартов, но и вернул семена проса, похищенные Емынежем, своеобразным дуплетом иныжа и благо (дракона); он сбрасывает с Ошхамаф (Эльбруса) кадку с вином богов для нартов и придумывает интеллектуальную игру наподобие шахмат — сэнтращ. Его же не зря называли «умным рыцарем».

Саусэрук не только типичный герой, обладающий недюжинной силой, мужеством и отвагой, но в его образе усматриваются признаки его мифологической природы — связь с солярным культом, обладание магией и колдовством, способностью к перевоплощению и хитростью, иногда коварством. Ведь он победил нартского героя Тотреша обманом, и, когда налетел на него, чтобы обезглавить, тот сказал: «Я тебя в свое время не убил и дал время на новый поединок, теперь ты дай тоже мне». «Я не могу тратить свое время на постоянные противостояния», — ответил Саусэрук и замахнулся мечом. Тогда Тотреш сказал ему слова, которые несовместимы с понятиями чести рыцаря: «Ты рожден и воспитан не мужчиной, а женщинами...». А подобное не прощается, поэтому отдельные сказители игнорировали его как личность. Так, известный сказитель Кувай Зафес говорил: «Я не буду рассказывать об этом хитром, лукавом и коварном Саусэруке, пожалуйста, расскажу о Шэбатынуко...».

Но это не умаляет подвигов многих героев: Саусэрука, так же, как и доблестного витязя Шэбатынуко, постоянно воевавшего с врагами нартов; Пэтэрэза, вернувшего огонь нартам, похищенного злым божеством Пако и освободившего прикованного предводителя нартов Насрэн жач; Ащэмэза, первого нартского музыканта и обладателя волшебной свирели с одним белым и другим чёрным концом. Когда враги приходили на землю нартов, он дул в свирель с чёрной стороны, и холод и стужа заставляли их повернуть вспять. Затем Ащэмэз дул в белый конец, и земля снова расцветала и оживала. Такими были нарты.

Любопытно, что это достойное слово «нарт» у адыгов (черкесов) часто употребляется в качестве эпитета в песнях историко-героического эпоса, в которых упоминание о легендарных нартах становится средством поэтической идеализации героя позднего эпоса.

Нужно отметить и такие важные категории, как *время и пространство* в фольклоре, в частности, в нартском эпосе. Здесь пространственно-временные представления служат основой эволюции системы мифоэпических воззрений, где миф — это, прежде всего, верование, а эпос — сакральное понятие. Понятия мифического времени и самого времени в равной степени определяются термином «островное», где отсутствует линейная связь времени мифа и времени эпоса с реальным, исторически обозримым временем. Различие заключается в том, что обращение к категории времени в мифе более «реалистическое»,

чем в эпосе. Например, мера времени семь дней — семь ночей (цифра семь для черкесов сакральная), в течение которых нарт Саусэрук скачет с похищенным огнем, после чего иныж, не вставая с места, обшаривает рукой начала семи дорог и с лёгкостью ловит похитителя. Это больше гиперболизация, чем представление о реальности, даже если это реальность базируется на мифе.

Что касается понятия о пространстве, известно, что миф, как правило, не требует того, чтобы масштабы происходящих действий были непременно гигантскими, а концентрируется на самом событии, это при том, что данное событие должно признаваться знаковым. А эпос с мотивом героики как доминантой ориентируется на впечатление, которое должно оказать сказание на слушателя, что стимулирует исполнителя на предельную концентрацию своей фантазии. На это есть поговорка: «Когда он рассказывает (искусный сказитель), то, если даже с тебя снимут кафтан, не заметишь». Нужно сказать, что это было искусством речи и сказительства.

Если категория времени представляется явлением дискретным, то пространственные ориентиры оставались реально представимыми. Поэтому наряду с сакральной *Хьэрам Гуашьхь* (Харам горой), семью горными перевалами, местами слияния семи морей и т. д. появляются реальные географические ориентиры: *Юшъхьэмаф* (Ошхэмаф, Эльбрус), *Пшыз* (Кубань), *Тэн* (Дон), *Индыл* (Волга) и др. В мифологии они служат подтверждением достоверности повествования, в героическом эпосе они свидетельствуют об эпической масштабности описываемых действий и ситуаций. Героика предполагает соответствующий ему масштаб, в этом принципиальное различие между характером отношения к пространству в мифе и в эпическом сказании.

Бытуют два вида топонимов. Один — для подчёркивания подлинности повествования, связывая эпическое время-пространство с реальностью. Это подтверждается многочисленными названиями местностей, где якобы пребывал нарт: на этом камне сидел Саусэрук, а это пещера, в которой Шэбатынук прятал своего отца Шэбатына, здесь ров, который образовался волочившимся по земле мечом героя, святой насыпной курган, под которым похоронен тот или иной из нартских богатырей или его конь и т. д. Другой вид топонимов подчёркивает реальность и масштабность событий: например, говорится о расстоянии от Пшызэ до Тена, а то и Индыла, или о переправе через Тен или Индыл. Этот размах соответствует статусу настоящего героя нарта.

Можно предположить, что такие топонимы и гидронимы не столько указывают на реальность или подлинность событий, сколько оказывают эмоциональное впечатление на слушателя. Так проявляется эволюционный процесс формирования художественного мышления. При нарративе эпос определяет доминирование мотива героического плана, в мифологическом повествовании — информативность инициального характера. Если для мифа достаточно информативности, нартское сказание, или пщынатль, эмоционально более насыщено.

В заключение нужно отметить, что исследование архаических форм мировосприятия, мирозозерцания и мировоззрения, а также традиций и обычаев, отражённых в фольклоре, имеет большое значение в исследовании идентичности традиционной культуры адыгов. Выявление и изучение мифологических представлений, нашедших воплощение в эпосе, мифах, обрядах и ритуалах, и воззрений, связанных с сакральными объектами, имеет основополагающее значение для понимания специфики и типологии народной культуры, что требует продолжения дальнейшей работы в данном направлении.

Литература

1. *Бгажноков Б. Х.* Адыги / Ред. Т. Уджуху. — Тбилиси : б. и., 2010. — 410 с.
2. *Гадагатль А. М.* Память нации. Идеино-тематическое и художественное своеобразие героического эпоса «Нартхэр» адыгских народов. — Майкоп : Адыгейское книжное изд-во, 2002. — 440 с.
3. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. — Л. : Гидрометеиздат, 1990. — 528 с.
4. *Гутов А. М.* Народный эпос: традиция и современность. — Нальчик : КБГИ, 2009. — 228 с.
5. *Мегрелидзе И.* Руставели и фольклор. — Тбилиси : Сабчотамцерали, 1960. — 309 с.
6. Нартхэр. Адыгэ эпос. Томибл хъурэ текст угъоигъэхэр / зэфэзыхы-сыжыхы зэхэзгъэуцуагъэхэр, ублэпIэ очеркымрэ комментариэхэмрэ зытхыгъэр ХьэдэгъалIэ Аскэр. Мыекьуапэ : Б. и., 1971. — Т. 7. — 427 с. [Нарты. Адыгский эпос. Собрание текстов в 7 т. / Систематиз., сост., вступ. очерк и коммент. А. М. Гадагатля. — Майкоп : б. и., 1971. — Т. 7. — 427 с.]

Asfar S. KUYOK,
Dr. Sci. (Folklore Studies), Leading Researcher,
Department Folklore Studies, Adyghe Republic Institute
for Humanitarian Studies, Maykop, Republic of Adygea,
Russia, asfar52@mail.ru.

Identity and Mythological Views of the Adygs (Circassians): History and Modernity

The study of archaic forms of worldview, traditions and customs reflected in oral folk art is of great importance in the study of the identity of the traditional culture of the Adygs (Circassians). The identification and study of mythological representations embodied in the epic, myths, rituals and rituals, views related to sacred objects, is of fundamental importance for understanding the specifics and typology of folk culture. It is also a way and a form of artistic understanding of the surrounding world. It is determined that the study and preservation of the unique cultural heritage of the Adygs as one of the components of culture enriches the folklore of a certain area, in particular the Caucasus, as well as the whole of Russia and the world.

Keywords: *identity, Asker M. Gadagatl, Barasbi H. Bgazhnokov, Nart epic, sacredness, Adygs, Circassians, Khase Nartov, Adyge Khabze, mythoepical views of the Adygs.*

Ф. Н. Хуако*

Язык и культура в духовном бытии адыгского этноса: ПОИСКИ ВЗАИМОСВЯЗИ

Связь языка и культуры в духовном бытии адыгского этноса остается неизученной в филологии. С опорой как на понятийную, так и на фольклорно-эпическую составляющую указанных явлений автор прослеживает активность языковой культуры здесь как духовно-выразительного инструментария. Подобное рассмотрение позволяет автору сделать заключение об интенсивном наличии духа адыга непосредственно в адыгском устном эпическом эпосе «Нарты». Таким путём происходит сопоставление в статье данного фольклорного изложения с осуществляемой им выработкой народного этнического сознания адыгов в их оглядке и на слово, и на слог, то есть и на язык, и на культуру. Оба

---

* ХУАКО Фатимет Нальбиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры маркетинга, сервиса и туризма Майкопского государственного технологического университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, fatimah2@mail.ru.

данных компонента выступают в статейном изложении как смысловые и наглядные грани, характерные для рассматриваемой связи в социуме. Эта связь есть некое совокупное явление, несомое индивидом, но заимствованное у предков, понятное и потомками, что позволяет вести речь и о фольклоре как о социально зависимом наследии поколений. Непосредственно такие сведения приобрели веками свои успешные отображения в архетипном слого адыгской культуры, что и является авторским выводом в представленной научной работе.

Ключевые слова: язык, адыг, фольклор, этнознание, архетип, Ф. Боас, Северный Кавказ, Моздок, нартский эпос, Е. И. Крупнов, Л. А. Бекизова.

В пределах выверенных веками мировых цивилизаций выработалась убедительная доктрина: имеющее смысл слово не несёт что-либо, не связанное с культурой, и потому как отправитель, так и получатель, при работе со словом имеют дело с культурой. Современный лингвокультуролог национального мира профессор Зара Бижева пишет: «Сознание невозможно понять посредством лингвистического текста: оно проявляется не в силу закономерностей языка, а в силу закономерности самого сознания» [4, с. 56]. Продолжим это глубокое наблюдение таким образом: самого сознания, более предопределённого именно непосредственным хроникальным ресурсом и также эстетической заданностью предыдущих поколений, а отнюдь не единично выдаваемым шаблонным слогом.

Целевые установки продуктивной языково-культурной сочетаемости в национальном мире тех или иных этнических цивилизаций востребованы и в новом тысячелетии. Поскольку непосредственно сегодня, в более независимое в словесном выражении время, специалистами пересматривается тот или иной этнический инструмент — язык в способности его созвучия с культурным ресурсом того или иного этноса. Однако допускаемые сегодня расширение и доступность объектов изучения обуславливают умножение определённых сложностей для исследователей. Устойчивое присутствие языково-культурного объекта в различных предметных дисциплинах, их пересечённость на нём предопределяют непосредственную проблемную междисциплинарность, которая также усложняет для учёных доступ к освещению темы. Тем самым, несмотря на убедительно заданную актуальность подобной сочетаемости языково-культурных явлений, эта грань в филологии вплоть до нашего времени сохраняется малоизученной.

Первопроходцами данной тематики считаются американские исследователи (в частности, например, американский антрополог, этно-

лог и лингвист, один из основателей современной антропологии Франц Боас), которые делали свои выводы о спаянности языка и культуры в ходе прослеживания бытия и условий обитания всевозможных племён индейцев как коренных жителей земель Америки. Имеющиеся на этих географических землях языковые конструкции в пересечении с культурными, традиционными, художественными и ментальными макетами давали местным американским индейцам заметную энергетическую подпитку. Они своеобразно и ярко выделялись из того территориального ресурса, с которым до встречи с местными жителями знакомились здесь исследователи. Основанные американским антропологом Францем Боасом выводы о потенциале языково-культурных слияний оптимально допустимы, если предполагается именно внимание к сути мышления, а отнюдь не формально текстовое проявление языка. Такая логическая установка как раз и предопределяла для мировой науки заключения относительно непосредственной спаянности культурных, мыслительных, языковых ресурсов в пределах отдельных этносов.

На планетарной научной арене стартовые попытки обращения к языково-культурной тематике прослеживаются также в исследованиях таких признанных мировых лингвистов, как А. Потебня, В. Гумбольдт, Я. Гримм, Р. Раек и других. Одним из первых среди них в конце XVIII — начале XIX вв., основателем лингвистических учений в науке признаётся немецкий гуманитарий и политический деятель Вильгельм фон Гумбольдт. Проблемам соотношения языка и мышления посвящает свои теоретические исследования советский языковед В. А. Звегинцев. И уже в новом тысячелетии отечественный лингвист Евгений Тарасов, непосредственно считавший язык средством трансляции культуры, подчёркивает следующую закономерность взаимной включённости рассматриваемых явлений. Входящий в культуру язык предполагает и несёт как коммуникационную, так и языковую способность индивида. Также входящая в язык культура сконструирована на языковом тексте, несущем индивиду с его помощью культурные ценности.

На северокавказской сцене подобная проблематика порой интересовала старшие поколения национальных филологов и языковедов (З. Блягоз, Л. Бекизова, А. Абрегов, Б. Берсиров и др.) и более поздних учёных (Х. Багириков, З. Бижева и проч.). В частности, имеем в виду современные работы профессора Батырбия Берсирова, который затрагивал лингвокультурологическую теорию, ведя речь о методиках привития студентам интереса к такой области знаний. Либо, к примеру, как

считает уважаемый сегодня адыгский литературовед Лейла Бекизова, это вопрос благодатный. Она высказывается по поводу обязательной для изучения межнациональной контактной сферы так: «Действительно, генезис адыгской этнической культуры следует рассматривать на фоне и в контексте тесных контактов Синдики (древнее государство адыгов), Пантикапеи, Византии, Передней Азии, Скифии. Контакты вообще отразились в культурных судьбах народов Кавказа, адыгов в том числе, имевших с этими государствами прямой и опосредованный исторический диалог. В. Ф. Миллер, Е. М. Мелетинский, Ж. Дюмезиль, Е. И. Крупнов сходятся во взгляде на “общекавказский характер ядра нартского эпоса” и на желательность выявления в нем “культурного субстрата”» [2, с. 50]. Прослеживая в данных контактных обстоятельствах убедительное основание для налаживания тактики межкультурных отношений, межэтнических диалогов, автор Лейла Бекизова уверена в их продуктивности непосредственно на фоне культурных смыслов и пространств.

Начинаем именно с хроникальной обоснованности интересующей нас связи языка с культурой в пределах этноса. Рассматривая языковую конструкцию в качестве осязаемого инструментария, присущего всевозможным этническим группам и их культурам, необходимо учитывать такой контекст: культура есть стратегия доступной самореализации (как персональная, так и общенациональная). Так, в частности, уже упоминавшийся нами выше американский исследователь Франц Боас утверждает: «...язык представляет собой одну из наиболее благодарных областей исследования при изучении формирования основных этических представлений. Большим преимуществом лингвистики в этом отношении является тот факт, что лингвистические категории формируются бессознательно, и поэтому можно проследить процессы, ведущие к их формированию, не прибегая к помощи дополнительных объяснений, которые часто дезорганизуют и лишь мешают пониманию» [8, с. 70]. В роли существенных методологических установок при этом нередко срабатывает обращение к доступному преобразовательному ресурсу — это и перспективы заимствования шаблонных ментальных макетов в культурах этнических предков и соседей, и хроникальные проектные задумки, присущие стандартным культурам, и интерес к наукообразной философии тех или иных культур.

Тем не менее частое неимение заметной вероятности обращённости непосредственно к философским этническим установкам способно

принизить некоторые языково-культурные выводы. Условной помощью в вышеуказанном отношении может выступить ресурс, в частности, скопившийся в этническом фольклорном складе адыгов. Родившийся на Северном Кавказе (г. Моздок) в начале прошлого века советский археолог, профессор Евгений Крупнов (1904–1970), в 1969 г. высоко оценивая эпос народов Кавказа, указывал, что «в целом он до сих пор не подвергался еще всестороннему и сравнительному изучению в различных аспектах» [6, с. 15]. Разделяя подобную точку зрения, профессор Ачердан Абрегов уже в новом веке подтверждает: «Поэтому всестороннее изучение эпических произведений представляет большой научный интерес, для чего необходимо тесное взаимодействие специалистов различных наук: историков, лингвистов, литературоведов, географов, зоологов, ботаников и т. д.» [1, с. 54]. Действительное своеобразие наблюдаемого Е. И. Крупновым на родном для него Северном Кавказе нартского эпического кладезя заключается в следующем: он есть монументальное творение культуры духа, присущей древнему горскому жителю здесь.

Экспериментирующий археолог, признанный советскими историками, находит «поразительное совпадение исторических свидетельств о продвижении скифов в Переднюю Азию и топографии археологических находок скифского и саяронатского типа на Кавказе, на путях этого продвижения», убеждает в «реальности пребывания скифов на Кавказе и заметного их влияния на культурное развитие местных племен и народов» [5, с. 66]. И тогда уже, анализируя происхождение северокавказских жителей, Евгений Крупнов уверен: они «...исключительно развиты и не только дожили до эпохи освоенной демократии, но в известной мере, определили и ее своеобразие, как среды, в которой якобы протекал процесс создания основного ядра кавказского нартского эпоса» [5, с. 373]. Именно в такой, как считает цитируемый советский археолог, «... однородной среде и зародились начала эпических песен и основное ядро знаменитого богатырского нартского эпоса, в частности циклы сказаний о нарте Тлепше Нурдалагоне и других нартах, олицетворявшие высокое кузнечное мастерство» [5, с. 398]. Данный эпический комплекс адыгов сосредоточил в себе культурный стаж, накопленный не одним столетием и модифицированный в обильный образно-интеллектуальный клад, несущий и поясняющий реальность, а также присутствие в нём индивида.

Нередко ближе к нашему времени чаще упоминаемым оказывается тезис о твёрдой неизменности генетики индивида и культурного генотипа. К примеру, подчёркивая и поясняя связанную с языками

культур возможную хроникальную объективность времён, упоминаемый в науке Б. Уорф уверен: «Наше же объективизированное время вызывает в представлении что-то вроде ленты или свитка, разделенного на равные отрезки, которые должны быть заполнены записями. Письменность, несомненно, способствовала нашей языковой трактовке времени, даже если эта языковая трактовка направляла использование письменности» [7, с. 160–161]. Ввиду порой отсутствия механизмов письменности образ мыслей и бытие социума налаживались и на Кавказе с оглядкой на установки, сформулированные устно передаваемыми мифами аксакалов. Однако не один лишь письменный свиток способен оказался сохранить дух предков в этносах. Не менее интенсивно это удавалось именно фольклорному слогу в этносах, мало реагировавшему на изменения условий и обстоятельств, расположенных снаружи. Весьма заметно этим отличается адыгский эпический слог в эпосе «Нарты», несущий в себе дух истинного, весьма узнаваемого адыга. Соотнесим тем самым фольклор (народный слог) с производимой им реконструкцией адыгского этнического сознания, в их слиянии с языком и с их оглядкой на культуру. Так, по мнению цитируемого выше адыгского литературоведа Л. А. Бекизовой, «нартский эпос в этом смысле представляет собой уникальный итог многовекового диалога, многократного пересечения активных культурных взаимодействий» [2, с. 50]. Действительно, это есть обильное этническое языково-культурное средоточие адыгского менталитета. Причём центральные эпические персонажи здесь приобретают на строках эпоса своим мастерством или подвигами культы божественного почитания (к примеру, мастер Тлепш и его обожествление). В нартском и в следующем за ним адыгском мире лица сберегли именно веками (и даже, возможно, благодаря таковым) собственный ценностный расклад и его приоритеты. В случае преобразования неких, присущих этносу, ментальных канонов вполне вероятно форматирование и структурирование собственного языкового мышления его представителей. И это даёт возможность обратиться и к слову, и к культуре как к смысловым и наглядным чертам, присущим обусловленности рассматриваемой связи в социуме.

Так, к примеру, одной из задач, имевшихся перед языком в условиях социума, являлась расшифровка сложенных изложений, присущих тем или иным, как часто, так и редко контактными цивилизациям. Таким путём проявлялись и научные, и разговорные комментарии, сопровождавшие подобные повествования. Наиболее актуальным в этом случае

являлось комментирование, применительно непосредственно к прогрессированию звуковой и смысловой оформленности слога.

Рассматриваемая нами в социуме языково-культурная тенденция есть некое совокупное явление, несомое индивидом, но заимствованное у предков, понятное и потомками, что позволяет вести речь и о фольклоре как о социально зависимом наследии поколений. Частые в нартском тексте эпизоды культивирования и обращённости к божествам иллюстрируют собой имевшийся в адыгской культуре момент неуклонного движения и к Богу, и к космосу, и к мифу. Ведь подобно всякому иному в мире словесному механизму языковую культуру адыгов можно считать многогранной. Точнее, в древнем этническом мироустройстве социум достаточно открыто проступал сквозь грань природного и естественного компонента. Причём это было значимо не только тогда, но и для сегодняшних как личных, так и персональных порывов. Тем самым, начатый в древнем мире и продолженный сегодня механизм стандартной для адыгов культуры, подобно иным цивилизациям, выработался и продолжился ещё посредством заявленных Прометеем установок чело-века в мире. Также он определился традициями заявленного И. Кантом видения культуры в качестве тактики персонального проявления в социальной среде. И именно эти сведения приобрели веками свои успешные отображения в архетипном слоге адыгской культуры (в частности, в фольклорном ресурсе).

Литература

1. *Абрегов А. А.* Названия растений в адыгейском языке: Синхронно-диахронный анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.09. — Майкоп, 2000. — 60 с.
2. *Бекизова Л. А.* Проблемы изучения мифологии и эпоса адыгов // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка : материалы междунар. науч.-практ. конф. памяти М. И. Мижаева. — Майкоп : Паштов З. В., 2015. — С. 48–54.
3. *Берсиоров Б. М.* Формирование лингвистической культуры у студентов в процессе обучения язык // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3 : Педагогика и психология. — 2010. — № 2. — С. 71–76.
4. *Бижева З. Х.* Адыгский фольклор и этнолингвокультурология // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка : материа-

лы междунар. науч.-практ. конфер. памяти М. И. Мижаяева. — Майкоп : Паштов З. В., 2015. — С. 55–60.

5. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 521 с.
6. *Крупнов Е. И.* О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. — М. : Наука, 1969. — С. 15–29.
7. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике / Под ред. В. А. Звегинцева. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. — С. 135–168.
8. *Boas F.* Handbook of American Indian languages (Introduction). Part I. — Washington : U. S. Government Printing Office, 1911. — P. 1–85.

Fatimet N. KHUAKO,

Dr. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation),
Prof., Department of Marketing, Service and Tourism,
Maykop State Technological University, Maykop,
Republic of Adyghea, Russia, fatimah2@mail.ru.

Language and Culture in the Spiritual Existence of the Adyghe Ethnos: The Search for Relationships

The connection between language and culture in the spiritual existence of the Adyghe ethnic group remains unstudied in philology. Based on both the conceptual and folklore-epic components of these phenomena, the author traces the activity of linguistic culture here as a spiritual and expressive toolkit. Such consideration allows the author to draw a conclusion about the intense presence of the Adyghe spirit directly in the Adyghe oral epic “Narts”. In this way, the article compares this folklore presentation with the development of the folk ethnic consciousness of the Circassians carried out by it in their consideration of both the word and the syllable, that is, both the language and the culture. Both of these components appear in the article’s presentation as semantic and visual facets characteristic of the connection in society under consideration. This connection is a certain cumulative phenomenon, carried by the individual, but borrowed from ancestors, understood by descendants, which allows us to talk about folklore as a socially dependent heritage of generations. Over the centuries, such information has acquired its successful reflection in the archetypal syllable of the Adyghe culture, which is the author’s conclusion in the presented scientific work.

Keywords: language, adyghe, folklore, ethnic consciousness, archetype, F. Boas, Evgeniy I. Krupnov, North Caucasus, Nart epic, Mozdok, Leyla A. Bekizova.

О. И. Кускарова*

Социокультурный аспект языковой политики в полиэтничном пространстве Республики Адыгея

Статья посвящена выявлению основных тенденций развития языковой политики в условиях полиэтничного общества. Автор отмечает, что язык есть явление социальное, общественное, так как он не мог возникнуть и развиваться вне общества. Язык служит главным средством коммуникации людей в их повседневной деятельности. Отмечается также, что язык играет огромную роль в создании и развитии материальной и духовной культуры общества. Автор особо указывает на то, что язык любого народа является уникальной культурной ценностью, которая подлежит всемерной защите и сохранению. Не нарушая принципа равноправия, необходимо учитывать функциональные возможности каждого языка, жизненные интересы каждого народа. Только демократическое решение языковых вопросов может способствовать гармонизации межнациональных отношений, дальнейшему развитию наций, народностей, удовлетворению этнокультурных и этноязыковых интересов граждан данного государства, сохранению его целостности и единства.

Ключевые слова: культура, язык, ценности, языковая политика, культурное наследие, языковое регулирование, Республика Адыгея.

На всех этапах своего возникновения, функционирования и развития язык выступает как общественное явление. В языке всё социально не только по своей природе, но и в том, что он не мог ни возникнуть, ни функционировать, ни развиваться вне общества. Общественные функции языка не являются чем-то внешним к его структуре, закономерностям его развития. Невозможно утверждать, что язык как структура — это одно, а использование его в обществе — это совсем другое. Возможно, если подходить к языку статически, без учёта его истории, можно и не интересоваться особенно социальными проблемами его использования. Наличие языка — одно из необходимых условий существования и развития общества в любую историческую эпоху. Язык служит главным средством взаимодействия людей в их повседневной производственной деятельности. При помощи языка они согласовывают свои действия. Посредством языка осуществляется обогащение личного опыта за счёт своего коллектива и, наоборот, язык служит важнейшим

---

* КУСКАРОВА Ольга Ивановна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, olga.kuskarova.81@mail.ru.

средством распространения и хранения коллективного и личного опыта, знаний. Как важнейшее средство осуществления человеческого мышления язык играет огромную роль в создании и развитии материальной и духовной культуры общества.

В современную эпоху рост национального сознания, расширение демократических и гуманистических воззрений сыграли существенную роль в актуализации языковых проблем во всём мире. Одним из объективных критериев принадлежности личности к конкретному этносу является степень владения национальным языком. По мнению учёных, языковая ассимиляция является решающим фактором этнокультурной ассимиляции, поскольку языку отводится одна из решающих ролей в формировании национального самосознания [7]. Язык в этих условиях играет особую роль. Именно язык является неизменным элементом, который присутствует во всех культурах. Поэтому процесс утраты родного языка не может нас не тревожить.

Проблема сохранения и развития адыгейского языка в Республике Адыгея является актуальной. Адыгейский язык сегодня стал утрачивать силу в условиях глобализирующейся среды. Сегодня трудно найти современного молодого человека, владеющего как устной, так и письменной формой адыгейской речи, хотя многие из них просто не общаются с представителями своей же национальности на родном языке в силу каких-то обстоятельств, не поддающихся рациональному осмыслению. Как показывают наши исследования последних лет [8, с. 65–67] [9, с. 163–169] [4, с. 263–267] [3, с. 82], адыгейский язык функционирует и воспроизводится в основном лишь в сфере быта, в местах компактного проживания адыгов, в моноэтнических семьях, в других локальных моноэтнических группах.

В любом полиэтничном обществе, где используются разные языки, существует проблема языкового регулирования. Его основной задачей является обеспечение общими средствами коммуникации для данной территориальной единицы при одновременном предоставлении условий для сохранения и развития языков всех народов, населяющих данное государство.

Языковое регулирование в основном касается форм и методов использования языка в сфере образования, общественно-политической, производственной и научной деятельности, в средствах массовой информации. В меньшей степени оно затрагивает повседневную жизнь и художественное творчество.

Путь сознательного, целенаправленного воздействия на языковое развитие выражается в проведении государством языковой политики, под которой «понимается система мер, направленных на сохранение или изменение условий и норм функционирования языка или языков в социуме» [2, с. 39].

Языковая политика может осуществляться в различных направлениях. Она может быть нацелена как на сохранение и развитие какого-либо языка, на расширение его функциональных возможностей, так и на снижение функций какого-либо языка вплоть до полного его исчезновения.

Нельзя не отметить, что утрата национального языка приводит к заметному снижению интереса и к народной культуре. При этом культура народа, его литература и искусство являются одними из специфических средств, которые формируют определённую идеологическую, нравственную основу этнического сознания и несут ключевую нагрузку в этом процессе. Национальная культура способствует жизнедеятельности этноса, прочности его социальных связей, способности развиваться в определённой направленности, сохраняя устойчивость и жизнеспособность [1, с. 128]. Она играет большую роль в формировании духовности членов этнической общности, их жизненных установок.

Как было отмечено выше, адыгейский язык в существенной мере вытеснен в семейно-бытовую сферу, то есть в ту среду, которую нельзя назвать благоприятной для его полноценного сохранения и развития. Проблема сохранения и развития адыгейского языка тревожит общественность, представителей органов власти, учёных.

На рубеже XX–XXI вв. в свете обострившихся межнациональных противоречий в нашей стране особую актуальность приобретает проблема межэтнической социокоммуникативной совместимости. Сближению народов, более гармоничному общению способствует языковая толерантность как высшая степень культурного и языкового самосознания, выражающаяся в таком же уважении к иному языку, как и к своему родному.

С раннего возраста в детях необходимо развивать и укреплять чувство толерантности, уважительное отношение к человеку любой национальности, к его традициям и ценностям культуры. Толерантность по отношению к другому языку, менталитету, культуре — есть чувство не врождённое, а приобретённое. Оно формируется в результате контактов национальных языков и культур, преодоления конфликтов, через культурное взаимодействие и культурный компромисс. Его воспитание в каждом

из нас и повсеместное его распространение в практике межнационального общения — это активное участие в формировании новой этнической категории, обретающей характер и значение общечеловеческой ценности.

Языковое законодательство существует уже много веков. Одним из первых законов в Европе в области языка было постановление Турского собора 813 г., согласно которому проповеди можно было читать на родных языках вместо латыни. До XIX века в разных странах принимались законы в пользу мажоритарного языка. Со второй половины XIX века стали издаваться законы, защищающие миноритарные языки.

Языковая политика является составной частью национальной политики, поскольку её задачи непосредственно связаны с идеологическими и политическими проблемами. В многонациональных государствах существует объективная возможность появления противоречий в сфере языковых взаимоотношений. Прежде всего, они возникают тогда, когда «законодательная регламентация сфер использования языков не соответствует их функциональным возможностям и социальным потребностям носителей» [5, с. 15]. Главная роль в решении этих проблем отводится правительственным и законодательным органам, принимающим и реализующим законодательные акты, регулирующие употребление языков в данном обществе.

В Республике Адыгея издавна живут и совместно трудятся представители около 100 национальностей и народностей, в числе которых русские, адыгейцы, татары, армяне, греки и другие. Многовековой опыт взаимодействия, дружбы и сотрудничества разных народов, проживающих в Адыгее, общность исторического прошлого и настоящего помогли сохранить в республике спокойную, политически стабильную обстановку. Благодаря конструктивному диалогу власти с народом, усилиям общественно-политических движений и партий в регионе удалось избежать противоречий в вопросах национально-языковой политики.

Идея национального равноправия в республике соответствует Декларации прав человека и положениям Конституции Российской Федерации. Это отражено в Конституции Адыгеи, которая «гарантирует равноправие граждан во всех областях политической, социальной, духовной и культурной жизни» [6], закрепляет взаимное уважение и сотрудничество всех слоёв населения, запрещает разжигание национальной и религиозной розни.

На территории Республики Адыгея права народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора

и использование языка общения охраняются законом и гарантируются высшими государственными органами Республики Адыгея независимо от численности народа и его правового положения, а также независимо от происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания [6].

В Адыгее все языки равноправны, ни одному из них не отдаётся предпочтение. Они не соперничают, а взаимодействуют, дополняют, взаимообогащают друг друга. Наличие нескольких государственных языков в одной республике, стране — реальность, давно и естественно практикуемая в мире, реальность, позволяющая её жителям чувствовать себя комфортно и удовлетворять свои жизненные потребности.

Как известно, негативное отношение к какому-либо языку приводит к политической нестабильности, дезорганизации экономики и личной жизни, к росту шовинизма, что является огромным шагом назад в цивилизованном обществе. Это подтверждается печальными реалиями происходящих сегодня событий на международной арене. К счастью, подобных разрушительных тенденций в Адыгее не существует ни на правительственном уровне, ни на уровне отдельно взятой семьи.

Таким образом, языковая политика не должна исходить из выравнивания всех языков. Не нарушая принципа равноправия, необходимо учитывать функциональные возможности каждого языка, жизненные интересы каждого народа. Только демократическое решение языковых вопросов может способствовать гармонизации межнациональных отношений, дальнейшему развитию наций, народностей, удовлетворению этнокультурных и этноязыковых интересов граждан данного государства, сохранению его целостности и единства.

Литература

1. *Абузарова Н. А.* Влияние национальной культуры на формирование духовности // *Городские башкиры: проблемы языка и культуры, здоровья и демографии : материалы III межрегион. науч.-практ. конфер., посвящ. 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева.* — Уфа : б. и., 2004. — С. 128–131.
2. *Бабушкина Н. С.* Социальный аспект двуязычия. — Улан-Удэ : б. и., 1999. — 113 с.
3. *Гучетль З. Х.* Трансформация языка в полиэтничной среде (на материале социологических исследований в Республике Адыгея) // *Культурное*

наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. VIII междунар. науч. форума (22–25 сентября 2022 г., Краснодар). — М. : Институт Наследия, 2022. — С. 82. — DOI: 10.34685/НИ.2022.78.26.001.

4. *Гучетль З. Х.* Языковая ситуация в Республике Адыгея (социологический аспект) // 30 лет Республике Ингушетия: Исторические вехи и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Магас, 14–17 ноября 2022 г.). — Магас : КЕП, 2022. — С. 263–267.
5. *Дьячков М. В.* Языковая политика в современной России // Социс. — 1993. — № 9. — С. 99–103.
6. Конституция Республики Адыгея. — Майкоп : б. и., 1995.
7. *Костина А. В.* Глобализация и ее социокультурные аспекты // Глобальное пространство культуры : материалы международного научного форума (Санкт-Петербург, 12–16 апреля 2005 г.). — СПб. : Центр изучения культуры, 2005. — С. 33–37.
8. *Кускарова О. И.* К вопросу о сохранении этнических языков в условиях глобализации // Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии : материалы III международной научно-методологической конференции (Майкоп, 16–17 марта 2021 г.). — Майкоп : Магарин Олег Григорьевич, 2021. — С. 65–67.
9. *Кускарова О. И.* Язык как основа культурной коммуникации в глобализирующемся обществе (на примере северокавказских народов) // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций : сб. материалов III междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 11 ноября 2020 г.). — Краснодар : КубГТУ, 2021. — С. 163–169.

Olga I. KUSKAROVA,

Cand. Sci. (Sociology of Culture and Intellectual Life),
Senior Researcher, Department for Philosophy and Sociology,
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies, Maykop,
Republic of Adyghe, Russia, olga.kuskarova.81@mail.ru.

**Socio-Cultural Aspect of Language Policy
in the Multiethnic Space of the Republic of Adyghe**

The paper is devoted to identifying the main trends in the development of language policy in a multiethnic society. The author notes that language is a social phenomenon, since it could not arise and develop outside of a society. Language serves as the main means

of communication of people in their daily activities. It is also noted that language plays a huge role in the creation and development of the material and spiritual culture of society. The emphasis is placed on the fact that the language of any nation is a unique cultural value that is subject to all possible protection and preservation. It is concluded that the language policy should not proceed from the equalizing of all languages. Without violating the principle of equality, it is necessary to take into account the functionality of each language, the vital interests of each people. Only a democratic solution of language issues can contribute to the harmonization of interethnic relations, the further development of nations, nationalities, the satisfaction of ethno-cultural and ethno-linguistic interests of the citizens of this state, the preservation of its integrity and unity.

Keywords: culture, language, values, language policy, cultural heritage, language regulation, Republic of Adygea.

Р. З. Сагов*

Этноязыковая ситуация в Республике Ингушетия на современном этапе: вопросы письменности ингушского языка

В статье рассматривается проблема современного состояния ингушского языка, его функционирование в условиях двуязычия, а также знание языка его носителями, наличие и доступность литературы на родном языке в Республике Ингушетия. Современное состояние ингушского языка, этноязыковая ситуация в Республике Ингушетия оценивается по различным данным, в том числе и по результатам социологического исследования. По экспертным оценкам, как и по результатам опроса, этноязыковая ситуация в Республике Ингушетия характеризуется как неблагоприятная, что является важнейшим показателем этнокультурной ситуации в целом.

Ключевые слова: ингушский язык, родной язык, культура, литература, социологическое исследование, опрос, двуязычие, этноязыковая ситуация.

Современное состояние ингушского языка, проблемы письменности, знание родного языка его носителями неоднократно обсуждалось, в том числе и на уровне правительства Республики Ингушетия. Была создана Орфографическая комиссия при правительстве Республики Ингушетия, но ситуация остаётся неизменной.

---

* САГОВ Руслан Закреевич, старший научный сотрудник отдела этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук, Магас, Республика Ингушетия, Россия, aroslan@mail.ru.

Владение родным языком основной массой современного ингушского населения оставляет желать лучшего. В настоящее время в ингушском обществе часто можно слышать смешанную русско-ингушскую или русскую речь, чем ингушскую, особенно среди представителей женской половины населения, что видно и по данным социологического опроса 1995 г. [1].

Нами неоднократно проводилось социологическое исследование с целью изучения состояния национальной культуры, отношения современного ингушского населения к собственной культуре и ценностям. В поле зрения исследования были также проблемы ингушского языка и литературы.

Результаты социологического опроса, проведённого в 1995 г., показали, что хорошо ингушским языком владеют 19 % из числа опрошенных; 47 % ответили, что владеют разговорной речью (бытовым языком); 31 % опрошенных говорят на смешанном русско-ингушском языке; и 3 % знают родной язык очень плохо [1].

В 2015 г., через двадцать лет, мы повторно провели социологическое исследование, где также ставились вопросы на предмет знания ингушского языка, в том числе письменности и чтения на родном языке. Проведённый сравнительный анализ показал, что особых изменений нет по сравнению с 1995 г. Некоторые результаты повторного социологического опроса показали, что достаточно хорошо знают ингушский язык 22 % из числа опрошенных; не очень хорошо владеют языком — 39%; плохо — 38%; очень плохо — 3%. Как видим, разница по сравнению с результатами социологического опроса 1995 года в пределах допустимой погрешности.

Респонденты считают, что незнание и вытеснение ингушского языка из общества происходит по следующим причинам: искусственное вытеснение ингушского языка — 31%; недобросовестное отношение к ингушскому языку — 28%; немодно стало говорить на ингушском языке, так считают 19% из числа опрошенных; плохое преподавание в учебных заведениях — 9%; необходимость в ингушском языке с каждым днем сужается — 9%; затруднились ответить — 1,5%.

По мнению опрошенных, лучше ингушский язык знают и говорят на нем представители духовенства — 30%; рядовые граждане — 24%; научная интеллигенция — 18%; преподаватели общеобразовательных школ — 8%; представители средств массовой информации — 3%; никто — 3%, затруднились ответить — 13%.

Вместе с тем, как видно по результатам опроса, число желающих читать и читающих на ингушском языке, по сравнению с 1995 годом, хоть и незначительно, но всё же возросло. На вопрос «Как часто Вы читаете на ингушском языке?» респонденты ответили следующим образом: редко читаю — 41 %; каждый день — 37 %; раз в неделю — 10 %; не читаю вообще — 10 %, затруднились ответить — 1 %.

Как показал социологический опрос, среди населения республики бытует мнение, что читать на ингушском языке трудно из-за: непривычного чтения — 40 %; несовершенной грамматики ингушского литературного языка — 21 %; несовершенного алфавита, который не соответствует природе ингушского языка — 7 %; из-за плохого преподавания ингушского языка в учебных заведениях — 22 %, затруднились ответить — 7 %.

Одна из важнейших проблем, характеризующих этноязыковую ситуацию как негативную, отсутствие литературы на родном языке. Сегодня литература на ингушском языке малодоступна ингушскому читателю, особенно произведения классиков ингушской литературы, что совершенно справедливо отмечается и в общенациональной газете «Сердало» [9, с. 2]. Национальная литература стала редкостью, за исключением произведений нескольких современных писателей, что также отрицательно влияет на знание языка и вообще на этноязыковую ситуацию в Республике Ингушетия.

В анкету социологического опроса был включён вопрос «Как Вы считаете, литература на ингушском языке достаточно доступна для населения или нет?» Ответы респондентов на поставленный вопрос распределились следующим образом: 47 % респондентов ответили — да; 40 % ответили — нет, затрудняюсь ответить — 12 %. Как видим, участников опроса, считающих, что литература на ингушском языке доступна, всё же меньше половины из числа опрошенных. На вопрос «Как Вы считаете, произведения ингушских писателей необходимо переиздать или нет?» респонденты ответили: да — 90 %; нет необходимости — 8 %, затруднились ответить — 2 %.

С целью выявить, насколько хорошо знают читатели ингушских писателей и поэтов и их произведения, написанные на ингушском языке, в анкету социологического опроса был включён соответствующий вопрос. Респонденты назвали имена писателей и их художественные произведения, написанные на ингушском языке, которые, по их мнению, можно отнести к классике ингушской литературы (названия приводятся в соответствии с рейтингом нашего опроса): 1) «Беке кьонгаш» («Сыно-

вья Беки» А. Бокова), 2) «ГПалГай» («Ингуши» И. Кодзоева), 3) «Бертий бийсаш» («Волчьи ночи» С. Чаккиева), 4) «Хала урхе» («Трудный перевал» М-С. Плиева), 5) «Аьтгув» («Удача» А. Матиева), 6) «Дошо бЮагИий» («Золотые столбы» С. Чаккиева), 7) «Балан ди» («День скорби» М-С. Плиева), 8) «Цийенна сайре» («Багровые зори» А. Бокова), 9) «Турпалхочун вахара ийс ди» («Девять дней из жизни героя» Б. Зязикова) и др. При подведении итогов социологического опроса мы учли только произведения, написанные и названные на ингушском языке.

Отвечая на вопрос «Назовите произведения, русских и зарубежных писателей и поэтов, переведённые на ингушский язык, которые Вы знаете и читали», респонденты назвали: 18,3% — произведения различных авторов, переведенные на ингушский язык, в том числе «Капитана йоI» («Капитанская дочка») (Пушкин А. / Муталиев Х-Б.), «Ган сайре» («Зимний вечер») (А. Пушкин / Х-Б. Муталиев), «Гамлет» (Шекспир У. / М. Яндиев) и др., затруднились ответить — 81,7%.

Отвечая на соответствующий вопрос, опрошенные назвали имена своих любимых ингушских писателей и поэтов (имена приводятся в соответствии с рейтингом опроса): 1) Саид Чаккиев, 2) Ахмед Боков, Идрис Базоркин, 3) Джамалдин Яндиев, Гирихан Гагиев, 4) Магомед-Саид Плиев, 5) Иса Кодзоев, 6) Салман Озиев, 7) Хамзат Осмиев, 8) Хаджи-Бекир Муталиев, Ибрагим Дахкильгов, Абас Матиев, 9) Тембот Беков, Али Хашагульгов, Ахмед Веджижев, Багаудин Зязиков, Ваха Хамхоев, Бадрудин Горчханов, 10) Заурбек Мальсагов, Дошлуко Мальсагов, Капитон Чаккиев, Абдул-Гамид Гойгов, Магомед Вышегуров, Марьям Льянова и др.

Также респонденты назвали имена молодых ингушских писателей и поэтов, которых они знают (имена приводятся в соответствии с рейтингом опроса): 1) Горчханов Б., 2) Теркакиева Э., 3) Евлоев Б., 4) Хамхоев В., Вышегуров М., Махлоева Р., Арчаков С., Дидигова Р., 5) Евлова А., Баркинхоев М., Дударова М., Чаниева Т., Гагиева А., 6) Ахильгов М. и некоторые другие. Здесь следует отметить, что некоторые названные писатели и поэты, например, В. Хамхоев, М. Вышегуров, С. Арчаков, Б. Горчханов, М. Ахильгов, Р. Дидигова, неверно отнесены к числу молодых поэтов и писателей.

В ходе социологического исследования также была затронута проблема засорения языка, «перенасыщение чуждыми ингушскому языку словами», «деформации» некоторых лексем ингушского языка. Это слова, вызывающие споры, связанные с их произношением и написанием на ингушском языке: *худда* или *хургда* — «будет» — 16% и — 18%

%; ханний или хиннай — «была» — 17% и — 18%; хилда или халда — «была, быть» — 18% и — 14%; мегадда или мегаргда — «хорошо» — 15% и — 17%; бусалба дин да или бусалба ди ба — «религия Ислам» — 16% и — 15%; КъурІан да или КъорІа да — «Коран» — 18% и — 16%; и затруднились ответить — 7%.

Как видно, разница в написании или произношении одних и тех же слов составляет в среднем 2%, что свидетельствует о замешательстве современных носителей ингушского языка относительно правильного их произношения или написания. В газете «Сердало» отмечается о «перенасыщении чуждыми нашему языку словами», а также «религиозные песни назамаш» [9, с. 2]. Также справедливо, на наш взгляд, здесь ставится вопрос и относительно исполнения песен на ингушском языке современными «звездами» эстрады: «На каком языке они поют их?»

Следует ли эту ситуацию рассматривать с точки зрения этноязыковых процессов как закономерность или нет?

Займствованные из других языков слова произносятся, как известно, несколько иначе, чем в языке-оригинале, в соответствии с закономерностями принимающего языка. Так должно быть и в случае с ингушским языком. Но в ингушском случае как будто делаются попытки переиначить займствованные слова, произносить эти лексемы не по нормам ингушского языка, а нарушая эти нормы, искажая термины, ставшие уже лексическими единицами ингушского языка. Например, слова, займствованные из арабского языка: «КъорІа» (инг.) «КъурІан» (араб.), «мурд»-«мурид», «хъаккъат» («Іакъикъат»), «ди» («дин»), «солот» («салават») и т. д. Получается, что сегодня ингушам предлагается произносить эти слова по-арабски, так, как они звучат на арабском языке: «КъурІан», «мурид», «Іакъикъат» и т. д., что неправильно. Однако аналогичное явление имело место в 1960-е — 1970-е гг., когда слова, займствованные из русского языка, но уже ставшие ингушскими, по велению партийных органов, как об этом свидетельствовали (в устной форме) представители старшего поколения, стали писать, например, «школа» вместо «ишкола» (инг.), «книжка» вместо «кинишка» и т. д. Есть и другой пример, когда лексемы ингушского языка заменяются инородными словами: ингушское «ГІинбухе» (север) было заменено на чеченское «кълбаседа» и т. д.

Эта ситуация сложилась не сегодня и не случайно. Известно, что в соответствии с идеологией так называемой сталинской национальной политики языки некоторых народов национальных «окраин» объявлялись несовершенными и бесперспективными. «В советский

период здесь проводилась политика нивелирования этнической и культурной самоидентификации, что привело не к появлению нового типа “хомо советикус”, а к заполнению пустот в исторической памяти и морали самым широким спектром ценностей антигуманного и криминогенного порядка» [3, с. 21]. «Долгие годы культурная политика государства выстраивалась на приоритете интеграционных процессов, поощрений взаимодействий, взаимовлияний, а главное — сближении и слиянии различных наций и народностей» [6, с. 45].

Видимо, ингушский язык оказался в их числе и был отнесён к категории языков, подлежащих унификации. Надо полагать, потому «...в свое время были разработаны директивы по созданию единого чечено-ингушского языка (постановление Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) «О едином чечено-ингушском литературном языке», принятое ещё в 1934 году)» [8]. В свою очередь, до этого «на 2-й конференции по просвещению горцев в Ростове-на-Дону (1925г.) уже было принято постановление об унификации алфавитов по близкородственным группам языков». Для этого предполагалось проведение специальных конференций (черкесская в Кисловодске в июле 1925 г.), чечено-ингушская конференция во Владикавказе. Несмотря на то что представители Чечни поднимали этот вопрос, последняя в срок не состоялась [10, с. 6].

Из доклада Н. Ф. Яковлева «Проблема изучения чеченской культуры» очевидно, что велась активная работа не по развитию ингушского языка, а на сближение его с чеченским языком [10, с. 5]. Об этом свидетельствуют также исследователи, непосредственно занимавшиеся вопросами письменности ингушского языка и литературы. «Ингушская терминологическая комиссия <...> ещё в 1933 г. вынесла решение — «в целях упорядочения ингушской орфографии и сближения ее с чеченской...» — о немедленном введении для руководства определённых правил, в том числе введения зубного «н» как окончание, т. е. некоторые лексемы в родительном падеже следует «писать с немым «п»: говран, милицен, ГалГайн и т. д.» и т. п. [7, с. 151]. «Дательный падеж от масдаров обязательно, а от имён существительных предпочтительно писать через «нна»: эцарна, тахкарна, говранна, колхозанна, советанна и т. д.» [7, с. 151].

Данные нововведения, как и некоторые другие, не прижились, так как явно несвойственны для ингушского языка. Но в целом меры «по унификации алфавитов» и «упорядочения ингушской орфографии и сближения ее с чеченской», предпринятые в те годы, на наш взгляд,

оказали негативное влияние на письменность ингушского языка, и в конечном итоге, на разговорную речь.

Тем не менее письменность ингушского языка в целом следует приветствовать. Она сыграла позитивную роль. Благодаря собственной ингушской письменности стало возможным на языке-оригинале запечатлеть историческое наследие ингушского языка и культуры. Каждый язык, переходя на качественно новый уровень, естественно, развивается. Он фиксирует свои естественно-исторические и неповторимые языковые особенности, сохраняет как фонетический, лексический состав, так и природу — морфологию языка.

Вместе с тем с ингушским языком, как нам представляется, в отличие от других, сложилась немного иная ситуация, о чём и говорится выше. Получилось так, что с внедрением письменности ингушский язык подвергся в определённой степени «деформации». Поэтому литературный ингушский язык так или иначе оказывает негативное влияние на живую речь современных носителей ингушского языка.

Сегодня эта ситуация, кроме того, что она приводит к «эрозии» родной речи, приводит и к попыткам по созданию различных вариантов орфографии. В связи с этим, как отмечается в газете «Сердало», у современных авторов, пишущих на ингушском языке, чуть ли не у каждого «своя орфография, не совпадающая с традиционной грамматикой» [9, с. 2]. «По долгу службы приходилось направлять тексты для перевода с русского на ингушский язык», — говорится в газете «Сердало». — Стоит уже переведенный на ингушский язык текст дать другому такому же профессионалу, как его возвращают тебе основательно переделанным не по стилистике, а именно по орфографии! И попробуй докажи правоту любой из сторон. Не получится, поскольку аргументированных оснований ингушское языкознание им не предоставляет» [9, с. 2]. Может быть, это попытка отхода от «несовершенной» грамматики.

По мнению респондентов, литературный язык для большинства ингушского читателя непривычен, что позволяет говорить о несоответствии письменного языка природе ингушского языка. Сложность чтения на ингушском языке можно объяснить и втягиванием в течение длительного времени ингушского читателя в русскоязычную литературу, особенно подрастающее поколение. Условия двуязычия или билингвизм, преобладание одного языка над другим создают определённые сложности.

«Характер двуязычия неодинаков и проявляется различно в зависимости от условий, его породивших. Л. В. Щерба различает

“естественное двуязычие” и “искусственное двуязычие”, “чистое двуязычие” и “смешанное двуязычие”» [4, с. 18]. Вероятно, в условиях двуязычия ингушский язык оказался в тени русского языка. Эта ситуация сохраняется уже долгое время, возможно, она и привела к худшей форме смешанного (нечистого) двуязычия, что может быть чревато негативными последствиями.

В условиях «чистого двуязычия» языки сосуществуют на равных условиях, обогащая друг друга, в том числе и повышая интеллект их носителей. «Смешанное двуязычие» — это, по сути, незнание ни одного языка на должном уровне, которое, кроме всего прочего, рано или поздно приведёт к потере родного языка, родной речи. Эта проблема типична, наверное, для многих национальных республик Российской Федерации, что неоднократно отмечали исследователи.

Русский язык как государственный язык Российской Федерации, естественно, доминирует во всех сферах жизни. В условиях многонационального Северного Кавказа роль русского языка значительна. Исторически сложилось, что русский язык стал вторым родным языком для народов региона, языком межнационального общения. Это объективная реальность, без которой уже немыслима общественно-политическая, экономическая и культурная жизнь на Кавказе. Но наряду с этим должны быть созданы условия, которые позволили бы сохранить родной язык, обеспечить его полноценное функционирование и развитие.

К сожалению, в Ингушетии нет ни одной национальной школы, где обучение велось бы на родном языке, хотя бы в начальных классах. В связи с этим важно отметить, что преподавание родного языка в большинстве школ республики, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Проблемы ингушского языка всегда находились в поле зрения ингушских учёных. Так, профессор-языковед Р. И. Ахриева, обращая внимание на важность сохранения и развития родного языка, в своём докладе цитировала известного писателя: «А. Н. Толстой писал, что “обращаться с языком кое-как значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно. Почему так хорош и художественен язык народной речи? Потому что в народной речи живут и всегда действуют законы рождения языка”» [3, с. 104].

Подводя итоги, отметим, что для современного состояния ингушского языка в условиях смешанного двуязычия сохраняется угроза,

чреватая серьёзными последствиями не только для самого языка, но и для национального развития вообще. Данная проблема, как одна из проблем ингушского национального вопроса, требует к себе особого внимания, как того требует и законодательство. Ингушский и русский языки в соответствии с Конституцией Республики Ингушетия равно объявлены государственными языками Республики Ингушетия [5, с. 7]. Однако ингушский язык функционирует только в бытовой жизни, но и здесь, очевидно, он вытесняется русским языком.

Литература

1. *Акиев Б. А., Сагов Р. З.* Проблемы духовного возрождения ингушского народа (Опыт социологического исследования) // Ингушетия. — 1995. — № 74. — 13 июля. — С. 3.
2. *Ахриева Р. И.* Возрождение духовной культуры ингушей как средство консолидации народа // Роль духовно-нравственных ценностей ингушского народа в социально-экономическом развитии республики : материалы науч.-практ. конфер. (Назрань, 21 декабря 1996 г.). — Саратов : Детская книга, 1997. — С. 103–105.
3. *Варданян О. А.* Этнокультурная память: проблемы третьего тысячелетия // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру : тез. докл. междунар. конгресса. — Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 1998. — С. 18–26.
4. *Галич Н. В.* Феномен двуязычия и некоторые проблемы методики обучения языкам // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру : тез. докл. междунар. конгресса. — Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 1998. — С. 14–16.
5. Конституция Республики Ингушетия. — Магас : б. и., 2002. — 112 с.
6. Концепция развития Таймырского окружного музея. — М. ; Дудинка : Институт культурологии, Таймырский музей, 1993. — 128 с.
7. *Мальсагов Д. Д.* Избранное / Сост., автор предисл. и примеч. А. У. Мальсагов. — Нальчик : Эль-Фа, 1998. — 503 с.
8. *Патиев С. У.* К вопросу о «вайнахских» языках // Ингушетия. — 2004. — № 18. — 19 февраля. — С. 2.
9. *Патиев Я. У.* На каком языке пишут наши авторы // Сердало. — 2015. — № 22. — 19 февраля. — С. 3.
10. *Яковлев Н. Ф.* Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей // Многоликая Ингушетия. — СПб. : Айю, 1999. — С. 5–41.

Ruslan Z. SAGOV,

Senior Researcher, Ingush Research Institute of the Humanities, Magas,
Republic of Ingushetia, Russia, aroslan@mail.ru.

Ethnolinguistic Situation in the Republic of Ingushetia at the Present Stage: Issues of Writing the Ingush Language

The article deals with the problem of the current state of the Ingush language, its functioning in conditions of bilingualism, as well as the knowledge of the language by its native speakers, the availability and accessibility of literature in their native language in the Republic of Ingushetia. The current state of the Ingush language, the ethno-linguistic situation in the Republic of Ingushetia is assessed according to various data, including the results of a sociological study. According to expert estimates, as well as according to the results of the survey, the ethno-linguistic situation in the Republic of Ingushetia is characterized as unfavorable, which is the most important indicator of the ethno-cultural situation as a whole.

Keywords: *Ingush language, native language, culture, literature, sociological research, survey, bilingualism, ethno-linguistic situation.*

Ю. Н. Триль*

Детская обрядность адыгов как форма социализации: трансляция культурных кодов

Статья посвящена анализу адыгских культурных кодов, передающихся подрастающему поколению с помощью обрядов. С момента рождения каждый ребёнок через обряды или обрядовые игры приобщался к системе духовных ценностей этноса, постепенно усваивая культурные коды своего народа. Даны описания характерных для адыгейской культуры различных обрядовых действий, связанных с рождением и взрослением ребёнка: во время свадьбы его родителей, ожидания детей у бездетных пар, по получении известия о скором появлении ребёнка, при подготовке к родам, во время родов, через два-три дня после рождения сына, через две недели после появления малыша (обряд укладывания ребёнка), при имянаречении, после сделанного ребёнком первого самостоятельного шага, по прошествию первого года жизни и т. д.

Ключевые слова: культурный код, обряд, ритуал, подвязывание копычёного (красного) сыра, имянаречение, адыгская культура, предохранительная магия, обряд укладывания ребёнка в колыбель, С. Х. Мафедзев.

---

* ТРИЛЬ Юлия Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики Майкопского государственного технологического университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, seva.spb72@mail.ru.

Каждый этнос, стремясь сохранить единство и целостность, создаёт образцы поведения для своих членов — ритуалы и обряды. В науке обрядами называют совокупность символических действий, не имеющих утилитарного значения, с помощью которых индивид демонстрирует своё отношение к окружающей его действительности, происходящим событиям и явлениям жизни. В обрядовых действиях проявляется менталитет, этническая картина мира и общая память народа [5, с. 3].

С помощью обрядов транслируется культурный код данного этноса от поколения к поколению. Под культурным кодом понимают информацию, передающуюся от поколения к поколению в виде знаков и символов, понятных носителям данной культуры [3, с. 202].

Ещё в детстве на формирование личности большое влияние оказывает этническое окружение ребенка. В процессе воспитания через язык, ментальные установки, традиции и обряды передаётся культурный код этноса. Психологи утверждают, что закрепление культурного кода в сознании происходит в раннем возрасте и впоследствии почти не изменяется. Культурный код создаёт систему образов, определяющих ментальные установки и проявляющихся в действиях индивида. «Код позволяет проникнуть на смысловой уровень культуры, и без знания кода культурный текст окажется закрытым, не понятным, не воспринятым» [6, с. 79]. Умение интерпретировать культурный код позволяет не только понять, но и предугадать поведенческие реакции носителя данной культуры.

Для того чтобы понять культурный код, необходимо обратиться к обрядности — его главному способу трансляции. На основе анализа детской обрядности адыгов попытаемся выявить культурный код данного этноса.

Человек приходит в этот мир через определённое этническое общество, и с самого рождения ребёнка сопровождают обряды, направленные на включение его в конкретный социум и усвоение индивидом всего накопленного предшественниками социального опыта этноса. Обрядовые действия, связанные с рождением ребёнка, начинаются ещё во время свадьбы. С этой точки зрения, свадьба рассматривается как начальный этап родильной обрядности [2, с. 21]. Так, во время свадебного застолья люди, обращаясь к духам предков, духам-покровителям местности, божеству огня и Солнца, просили благополучия для новой семьи, богатства и чадородия. Рождение ребёнка считалось большим счастьем не только для семьи, но и для всего рода. Наличие детей —

это необходимое условие почётного положения человека в обществе. Убеждение, что семья может выполнить своё назначение лишь в том случае, если в ней есть дети, а главное, сыновья, отразилось во всех жанрах устного народного творчества: и в его малых формах, и в эпических сказаниях. Бездетность считалась настоящей бедой. Именно рождение ребёнка повышало социальное положение не только матери, но и отца. Если в семье не было детей, совершался обряд «испрашивания» ребёнка. С этой целью женщина отправлялась к «священным» местам: источникам, деревьям, пещерам.

Известие о скором появлении ребёнка у всех народов принималось с радостью. Будущую мать старались лучше кормить, выполняли все её пожелания. Хотя существовали определённые запреты, причём не только в пище. Так, например, у адыгов беременной женщине нельзя было есть рыбу (чтобы ребёнок не родился немым), кролика или зайца (чтобы не было заячьей губы). Было запрещено убивать насекомых, змей и птиц. Нельзя было раздувать огонь, садиться на сундук, ведро или корыто. Будущих матерей не пускали на похороны оплакивать умершего, запрещали ходить на кладбище. Считалось, что нарушение запретов отразится на внешности, здоровье или судьбе ребёнка. В этих запретах проявляются элементы предохранительной магии, направленные на безопасность матери и её ребёнка.

К рождению ребёнка готовились заранее. Однако считалось плохой приметой запасать для малыша одежду, пелёнки преждевременно. Обычно, как только становилось известно, что женщина ждёт ребёнка, будущий отец вешал над ней заряжённый пистолет, кинжал, саблю в качестве оберега от злых духов. Другие родственники тоже готовились к радостному событию. Причём каждый выполнял определённые обязанности, скрывая не только от посторонних, но и от домочадцев. Так, будущий дед пропитывал маслом длинную кожаную верёвку, а бабушка коптила большой круглый сыр для предстоящего обряда. Женщины вышивали кисеты и платки, а мужчины изготавливали ножны для сабель и кинжалов.

Если беременная женщина не возвращалась для первых родов к своим родителям, перед схватками муж, его родители и другие старшие родственники покидали на время дом. У адыгов, как, впрочем, и у многих других народов мира, считалось, что будущую мать преследуют злые силы. Поэтому женщины не рожали в «большом доме». Принимать роды приглашали повитуху или опытную немолодую женщину с хорошим характером

и «лёгкой рукой». С момента схваток в доме открывались все ящики, замки, развязывалось всё, что имеет узлы, распускались волосы у роженицы. Эти приёмы имитативной магии должны были способствовать быстрому разрешению от бремени. С помощью огня отпугивали злых духов.

Рождение мальчика и девочки встречалось по-разному. На сына смотрели как на продолжателя рода, на опору домохозяйства. Дочь, наоборот, считалась временным членом семьи. Поэтому если рождался мальчик, отец должен был щедро одарить повитуху, если девочка — можно было ограничиться небольшим подарком. Так же полагалось награждать и того, кто первым сообщил отцу о рождении ребенка. Поэтому подростки целые зимние ночи мёрзли у ворот хлева, где проходили роды, чтобы первыми сообщить отцу о рождении мальчика.

Рождение ребёнка считалось важным периодом как в жизни малыша (переход из природного мира в социальный), так и для матери. Именно рождение детей переводило женщину в иной статус, не только социальный, но и родовой. С появлением на свет первенца адыгейская молодая мать надевала платок с завязанными спереди надо лбом концами. Это означало, что теперь невестка стала полноправным членом рода её мужа. По случаю рождения внука дедушка резал жертвенного ягнёнка или барана. Шкуру и заднюю ногу такого животного отдавали повитухе, игравшей большую роль в появлении ребёнка на свет. В честь рождения ребёнка было принято сажать дерево — орех, грушу, яблоню — в зависимости от пола ребёнка.

Сначала на новорождённого смотрели как на некую «заготовку», из которой с помощью обрядовых действий можно получить «настоящего» человека. Тенденция к тому, чтобы «продолжить и завершить процесс, начатый природой», проявлялась уже с самых первых действий повитухи [1, с. 54]. Приняв ребёнка, она гладила ему головку, стараясь сделать её круглее, сжимала ноздри, чтобы они не были слишком широкими и плоскими. Элементом контактной магии можно считать нанесение на щёчки и губы младенца крови из пуповины. Считалось, что ребёнок после этого всегда будет румяным, а губы будут красными.

«Корректирование» природы проявляется в манипуляциях с пуповиной. Пуповину отрезали на определённом расстоянии (например, в три пальца), на каком-нибудь твёрдом предмете, имеющем отношение к будущей жизни ребёнка. Обычно у мальчика — на топоре или оружии, а у девочки — на гребне или на прялке. Родившемуся мальчику тотчас же давали в ручку нож или кинжал, чтобы из него вышел храбрый воин.

Этим окончательно фиксировался пол ребёнка. Пуповину закапывали в потаённом месте недалеко от дома, чтобы сохранить родственную связь между ребёнком и семьёй. Таким образом, отрезание пуповины, являясь практической операцией, по сути, приобретает отчётливое обрядовое значение: «...направляет природу в нужную сторону и в то же время очерчивает рамки будущей жизни, как в биологической, так и в социальной сфере» [1, с. 54].

В системе обрядовых действий о «доведении» новорождённого до состояния «настоящего» человека особое значение придавалось его обмыванию и одеванию. Причём данные процедуры имели не только гигиеническое значение. С помощью обряда обмывания происходило символическое отделение ребёнка от того мира, откуда он появился, то есть очищение от природного, нечеловеческого.

Для того чтобы новорождённый стал человеком, необходимо было придать ему крепость. Обмывали младенца в прохладной или кузнечной воде, в которой неоднократно закаляли железо, чтобы был крепким, как сталь. Считалось, что это будет способствовать долголетию и здоровью малыша. После купания ребёнка заворачивали в рубаху отца, причём рубаха не должна быть новой. Это не просто символизировало связь между младенцем и отцом, но и означало принятие малыша отцом. Ребёнок становился не только частью матери, но и отца. Использование поношенных вещей воплощало идею преемственности, передачи силы, благ и ценностей от одного поколения к другому.

Важным условием жизни человека представлялось получение доли жизненной силы и благ из общего их запаса, который распределяется между всеми людьми. Судьба ребёнка определялась уже временем рождения. Почти у всех народов, в том числе и у адыгов, удачный момент появления ребёнка на свет — это тот период, когда природная жизненная сила проявлялась в максимальной степени. Благоприятным временем рождения считалось утро. Однако значение имело не только время суток, но и день недели (у адыгов пятница — счастливый день), будни или праздники. На судьбу ребёнка указывают и многочисленные приметы. Если ребенок родится «в сорочке», то будет счастлив, с волосами на руках — богат, перевитой пуповиной — храбр, со сросшимися на переносице бровями — удачлив; дочь, похожая на отца, или сын, похожий на мать, — счастливы.

Через два-три дня после рождения сына в его честь устраивалась обрядовая игра «подвязывание копчёного (красного) сыра». Для

этого во дворе вкапывали два высоких столба (до 6 метров) с крепкой перекладиной, которая могла бы выдержать взрослого мужчину. Посередине перекладины подвешивали копчёный сыр. Рядом с ним закрепляли промасленную кожаную верёвку, по которой соревнующиеся мужчины должны были добраться до сыра и откусить кусочек. Тот, кому удавалось это сделать, награждался призом. Призами были те вещи (кисеты, чехлы, уздечки), которые готовили все взрослые члены семьи новорождённого.

Иногда к перекладине прикрепляли все призы в ряд. Участник должен был сначала забраться по скользкой верёвке до сыра, откусить кусочек, а затем, усевшись на перекладину, добраться до понравившегося приза. Причём каждый игрок мог снять за один раз только один подарок. Получить же приз считалось почётным, зрители хвалили победителя и его семью, вырастившую такого ловкого и умелого юношу. В игре «подвязывание копчёного (красного) сыра» принимали участие и взрослые мужчины. Однако они, в отличие от юношей, не поднимались по верёвке, а сбивали призы выстрелом, соревнуясь в меткости. Обычно игру со стрельбой устраивали и для почётных гостей [4, с. 176]. На наш взгляд, эта игра-состязание является остатком обряда инициации, в котором каждый молодой мужчина должен был доказать, что он способен добывать пищу или иные ценности своей ловкостью и силой.

В это же самое время в течение трёх дней девушки устраивали игру, для которой пекли специальное круглое, очень сухое, зазубренное по краям печенье «упац». Печенье подвешивали к потолку на верёвках и вращали. В этот момент девушки должны были схватить его зубами. Это было достаточно сложно, и многие девушки царапали себе губы, дёсны. И вместе с тем это было увеселительное зрелище, сопровождаемое песнями и катанием на качелях. Эта игра проводилась для того, чтобы весёлым шумом отогнать от новорождённого и его матери злых духов.

Приблизительно через две недели совершался обряд укладывания ребёнка в колыбель. Это был исключительно женский обряд, хотя в последние годы во время этого обряда разрешается присутствовать мужчинам. Однако они принимают пассивное участие, являясь, по сути, зрителями. Близкая родня матери не присутствует, но обязательно присылает подарки. Один из них, самый дорогой, предназначается для свекрови в качестве выкупа за право появляться перед ней с ребёнком и нянчить его. К этому дню адыги резали козу или барана, готовили

обильное угощение. Вновь приглашали родственниц и соседок, которым вручались мелкие подарки. Приглашённые, в свою очередь, приносили подарки для новорождённого.

В этом обряде совершались определённые действия, которые можно отнести к предохранительной (защитной) магии. Так, под постель клали кинжал, чтобы отпугнуть злых духов. На постель вешали амулеты, а в изголовье закрепляли морскую раковину. Считалось, если ребёнок выпьет воду из раковины, у него не будет ангины и болезней горла. Люльку делали только из «счастливых» пород дерева: ореха, дуба, бука, груши — и ставили изголовьем к юго-западу. Матрас набивали сухой, чистой просяной оболочкой, остающейся после рушения, поскольку полая оболочка проса хорошо пропускала воздух. Такой матрасик не сваливался, не сбивался и легко принимал форму тела ребёнка. Прежде чем положить ребенка в постель, на неё на несколько минут клали кошку. Это, по поверью, должно было обеспечить здоровый и крепкий сон ребёнку в данной колыбели. Завязывать ребёнка поручали самой опытной, доброй и многодетной женщине. При этом укладывающая ребёнка женщина желала счастья, здоровья младенцу и всей семье.

Неподалеку от колыбели должна была стоять мать новорождённого, для которой завязывающая ребенка женщина обязана была комментировать свои действия, между прочим. Молодая мать при этом делала безразличный вид, хотя за всем происходящим следила очень внимательно. Вообще, обряд укладывания в люльку преследовал практические цели. В нём было много эмпирических знаний, которые соотносились с иррационально-магическими действиями.

Новорождённого завязывали в люльку в распашонке, не имеющей грубых швов. Если мальчик похож на отца, то перед укладыванием его переодевали, а снятую рубашку торжественно сжигали в огне. Этот обряд должен был гарантировать долгую совместную жизнь отца и сына.

После торжественного укладывания младенца в колыбель кроватку переносили из комнаты матери в комнату свекрови, после чего она получала возможность нянчить внука. Этот обряд, на наш взгляд, символизировал окончательное приобщение новорождённого к семье. Ведь «новорожденный <...> может родиться лишь после получения благоволения всех присутствующих» [2, с. 51].

Процесс социализации начинался с обряда имянаречения. Получив имя, младенец не только становился индивидуальностью, но

и включался в определённую последовательность рода, уподобляясь другим носителям этого имени [2, с. 52]. Бытовало убеждение, что имя влияет на судьбу человека, предопределяя характер, поведение и физическое состояние. Именно поэтому у адыгов в имянаречении участвовали родные и близкие, соседи, уважаемые жители и почётные гости. Давший имя ребёнку, а значит, предопределивший судьбу, становился вторым отцом младенца и должен был подарить что-нибудь малышу.

Младенцев старались оградить от влияния злых духов с помощью оберегов: в маленькие кожаные мешочки, подобные славянским ладанкам, зашивали сакральные тексты, серебряные монеты, кору «священных деревьев». Как и все народы, адыги старались уберечь младенца от сглаза, поэтому избегали появляться в многолюдных местах с малышом. Когда впервые выходили из дома с ребёнком, обязательно приносили жертву духам земли — бросали яйцо. Каждый, кто увидел младенца в первый раз, должен был произнести благопожелание и сделать вид, что плюет на ребёнка. Все эти приёмы содержат элементы предохранительной магии. Ведь «...дети в первые месяцы очень красивы... но беспомощны, поэтому всегда подвержены влиянию дурного глаза...», — пишет исследователь адыгской культуры С. Х. Мафедзев [4, с. 171]. Кроме того, взрослые должны подарить малышу деньги или какую-то вещь. Так показывают ребёнку, что вокруг него живут добрые любящие люди, а окружающий мир к нему благожелателен.

Время от времени бабушка ребёнка поджаривала тонкие лепёшки на меду и угощала всех соседских детей. Это делалось, с одной стороны, для того, чтобы её внук не стал толстым, а вырос стройным, мускулистым, «поджарым». А с другой стороны, чтобы окружающие дети доброжелательно относились к ребёнку, не обижали его и приняли в свой круг.

Когда ребёнок начинал ходить, устраивали обряд первого шага, в котором участвовали дети и женщины. По этому поводу готовили специальное угощение — адыгейскую халву. Гости пели обрядовую песенку, а малыша подводили к столику с халвой, где рядом лежали разные предметы, символизирующие разные ремёсла. По предмету, до которого дотрагивался малыш, определяли его будущую профессию и социальный статус.

Когда младенцу исполнялся год, ему брили «мышинные волосы». Обычно для стрижки приглашали мужчину с хорошим характером, весёлого, родители которого были живы. В этом действии проявляется

приём магии уподобления: ребёнок будет обладать такими же качествами, а его родители будут жить долго. В честь малыша устраивали специальную игру. Присутствующие на празднике дети становились вместе, а ребёнка ставили поодаль от них. Дети пели песенку, хором подзывая младенца. Малыш подбегал к играющим и дотрагивался до кого-нибудь из них. Дети хором называли имя выбранного. Теперь этот малыш выходил из группы и называл имя нового водящего [4, с. 178]. Так, через игру ребёнок не только знакомился со всеми детьми, но и символически включался в детское сообщество этноса, а значит, становился полноправным участником всех детских массовых игр и развлечений. Обряд первой стрижки символизировал переход в новый этап жизни ребёнка и признание его полноправным членом детского коллектива.

Как видно из приведённых примеров, в обрядах проявляются культурные коды этноса, формирующие личность ребёнка, отображающие менталитет данного народа, его духовно-нравственные принципы, отголоски мифологических представлений и магических приёмов, способы регуляции поведения, мировоззрение и базовые ценности.

Литература

1. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб. : Наука, 1993. — 237 с.
2. *Геннеп А.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / Пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. — М. : Восточная литература, 2002. — 198 с.
3. *Кононенко Б. И.* Большой толковый словарь по культурологии. — М. : Вече, АСТ, 2003. — 512 с.
4. *Мафедзев С. Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX — начале XX в. — Нальчик : Эльбрус, 1979. — 246 с.
5. *Триль Ю. Н.* Социокультурные функции обряда (на материалах культуры народов Северного Кавказа) : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. — Майкоп : 2009. — 168 с.
6. *Халева С. А.* Экспликация биоморфного культурного кода в английских суевериях // Университетские чтения — 2017 : материалы научно-метод. чтений Пятигорского государственного университета. — Пятигорск : Пятигорский гос. ун-т, 2017. — С. 79–83.

Yulia N. TRIL,

Cand. Sci. (Sociology of Culture and Intellectual Life), Associate Professor,
Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy,
Maykop State Technological University, Maykop, Republic of Adygea,
Russia, seva.spb72@mail.ru.

**Circassian Children's Rituals As a Form of Socialization:
Translation of Cultural Codes**

The article is devoted to the analysis of the Adyghe cultural codes transmitted to the younger generation through rituals. From the moment of birth, every child, through rituals or ritual games, joined the system of spiritual values of the ethnic group, gradually assimilating the cultural codes of their people. The article describes various ritual actions characteristic of the Adyghe culture related to the birth and maturation of a child: during the wedding of his parents, the expectation of children for childless couples, upon receiving news of the imminent appearance of a child, in preparation to childbirth, during childbirth, two or three days after birth of a son, two weeks later after the appearance of the baby (the rite of laying the baby), at naming, after the first independent step taken by the child, after the first year of his life, etc.

Keywords: cultural code, rite, ritual, tying up smoked cheese, naming, Adyghe culture, protective magic, the rite of putting a child in the cradle, Sarabi H. Mafedzev.

РАЗДЕЛ 6

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОПЫТ АКТУАЛИЗАЦИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Н. С. Казачкова*

Волонтерские практики в сохранении традиций питания (на примере Республики Беларусь)

Одним из значимых компонентов культурного наследия Республики Беларусь являются традиции питания. На протяжении веков, сохраняя свою специфичность, они развивались под влиянием культур других народов. На современном этапе (конец XX — XXI в.) в сохранении и трансляции традиций питания Республики Беларусь стали применяться и различные формы социокультурной деятельности, например, волонтерство. При этом направления деятельности в самой сфере волонтерства ширятся. Волонтерскими движениями в Республике Беларусь охвачены разновозрастные группы, чему способствовали усовершенствование законодательства и целенаправленная внутренняя политика государства. Это привело к тому, что наряду с молодёжью в волонтерском движении социальной направленности участвуют и пожилые люди, доля которых в последние годы

---

* КАЗАЧКОВА Наталья Станиславовна, научный сотрудник республиканской лаборатории сохранения историко-культурного наследия «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы» Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь, laima77@mail.ru.

возрастает. Специфика волонтерской деятельности позволяет опираться в некоторых социальных акциях для сплочения участников разной этнической идентичности. Важным является видение межпоколенной трансляции традиций питания как одного из способов мотивации социальной активности у пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями. Роль социального волонтерства значительно возросла и стала востребованной во время пандемии коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: традиции питания, волонтеры, пожилые люди, лица с ограниченными возможностями, пандемия, культурное наследие, Республика Беларусь, толока.

Социальная сущность человека проявляется в осмысленном познании себя и окружающего мира, способности коммуникации с другими людьми, выполнении определенных ролей в социуме и т. д. В Республике Беларусь социальная культура имеет свои характерные особенности: одной из стремительно развивающихся форм социальной культуры в XXI веке (особенно в период коронавирусной пандемии) стало волонтерство.

Волонтерство на территории Беларуси своими корнями уходит в давние времена. Для менталитета славян традиционны такие качества, как сострадание, милосердие, поддержка, взаимопомощь и т. д. У белорусов издавна было принято помогать друг другу и многие работы делать сообща — толокой. Это давний народный обычай, в котором в выполнении трудоёмкой работы оказывали коллективную помощь. Очень распространена толока была при выполнении сельскохозяйственных работ (сенокос, жатва, уборка картофеля, постройка нового дома и т. д.) [22, с. 491]. Формы деятельности в толоке имеют много общего с направлениями в волонтерстве на территории Республики Беларусь, поэтому безвозмездная форма помощи не является чуждой для нашего общества.

В конце XX — начале XXI вв. деятельность в сфере волонтерства стала разноплановой. Волонтерскими движениями в Республике Беларусь охвачены разновозрастные группы. Это явилось результатом усовершенствования законодательной базы, а также целенаправленной внутренней политики государства. Наиболее массово и в различных вариациях волонтерство стало проявляться в последние десятилетия, так как в Республике Беларусь различные формы социокультурной деятельности и волонтерство не является исключением, стали востребованы в сохранении и трансляции духовной и материальной культур. Мировой опыт разработки проблематики волонтерства освещён в материале «Школа волонтера: инструмент формирования волонтерских

компетенций». Он был опубликован по инициативе государственного учреждения дополнительного образования «Центр творчества детей и молодежи Солигорского района». В нём отмечена необходимость дальнейших исследований волонтерства в Республике Беларусь, так как анализ публикаций в сфере педагогики, психологии, социологии выявил их недостаточность [21, с. 11].

В данной статье, в частности, волонтерство рассмотрено как способ передачи знаний о традициях питания, являющихся одним из значимых компонентов культурного наследия Республики Беларусь. На протяжении веков, сохраняя свою специфичность, они взаимодействовали с культурами других народов и развивались под их влиянием.

Целью работы является анализ волонтерской деятельности по сохранению историко-культурного наследия на примере традиций питания в Республике Беларусь.

В статье ставятся следующие задачи:

- рассмотреть направления волонтерской деятельности;
- определить роль волонтерства в сохранении традиций питания как историко-культурного наследия Республики Беларусь;
- охарактеризовать значение этнического фактора в волонтерской деятельности для сохранения традиций питания на примере Республики Беларусь.

Объектом исследования являются традиции питания в волонтерской деятельности. Предметом исследования служит процесс трансляции традиций питания посредством волонтерства в Республике Беларусь.

Теоретической и методологической основой исследования послужили исследования Т. А. Новогородского о традициях питания белорусов [11], общее представление о волонтерстве в Республике Беларусь [13] и об этнической идентичности Е. С. Бабосовой [1].

Для достижения поставленной цели и решения задач были использованы универсальные методы научного анализа и обобщения: описательный, типологический, сравнительно-исторический метод, методы компаративистики.

Анализ публикаций по оказанию безвозмездной помощи показал, что их авторы применяют схожие принципы для выделения направлений волонтерства, однако количество таких направлений может различаться (см.: [7] [14] [20]). Наиболее полно направления деятельности волонтеров представлены на сайте Департамента по гуманитарной деятельности Управления делами Президента Республики Беларусь в рубрике «Об

организации работ волонтерами» [12]: «социальное патронирование учреждений социального обслуживания; социальное патронирование пожилых людей и инвалидов (в том числе детей-инвалидов); медицинская помощь (службы милосердия в больницах); педагогическое сопровождение (поддержка детей и подростков); социально-психологическая и юридическая поддержка (молодёжные психологические и юридические службы); экологическая защита; интеллектуальное развитие (организация и проведение интеллектуальных конкурсов); спортивная и туристическая деятельность; культурное развитие (организация творческих мероприятий, конкурсов, праздников); досуговая деятельность (организация свободного времени детей, подростков и молодёжи, людей с инвалидностью, пожилых людей); помощь в ремонтных и реставрационных работах; восстановление и уход за воинскими захоронениями погибших в годы Великой Отечественной войны; экскурсионная деятельность; историко-культурное и природное наследие; ремесленные мастерские (помощь в возрождении народных художественных ремёсел); информационное обеспечение, преподавательская деятельность; доставка гуманитарных грузов» [13]. Отмечено также, что возможно увеличение количества выделенных направлений волонтерской деятельности в зависимости от специфичности необходимых работ для оказания помощи.

На территории Республики Беларусь волонтерскую помощь оказывают следующие организации: «Белорусское общество Красного Креста», РМОО «Лига добровольного труда молодежи», Молодежное волонтерское движение ОО «БРСМ» «Доброе сердце», МОБО «Надежда-Экспресс» и т. д. Достаточно активно развивается волонтерство в различных учебных заведениях, также созданы волонтерские отряды при территориальных центрах социального обслуживания населения.

Очень тесно с центрами социального обслуживания различных регионов Беларуси сотрудничают волонтеры — пожилые люди [18]. Намечалась тенденция к увеличению их численности среди волонтеров. Они оказывают помощь более старшим по возрасту людям, инвалидам, детям. Впервые в нашей стране 3 ноября 2022 г. прошёл слет волонтеров «серебряного» возраста, которых в стране уже насчитывается более 3000 человек. Наибольший охват такой деятельностью зафиксирован среди населения Витебской области. Волонтеры «серебряного» и «золотого» возрастов аккумулируют значительную часть культурного и духовного потенциала Республики Беларусь [8]. Сохранение и межпоколенная трансляция их навыков знаний, опыта играет ключевую роль в сохра-

нении историко-культурного наследия страны, в том числе и традиций питания.

Такой положительный опыт взаимодействия разных поколений встречается также в соседней Российской Федерации. Дети из детских домов многих российских городов (г. Воложск, Марий-Эл; в Тюменской области; г. Альметьевск, Республика Татарстан; в Когалыме, в Челябинской области и т. д.) охвачены вниманием и заботой «серебряных волонтеров», которые учат их готовить и рисовать (см.: [2] [3] [6] [16] [17]).

Некоторые волонтеры Беларуси придерживаются стремления к гуманитарной благотворительности посредством элементов традиций питания. В столице республики много лет функционирует благотворительное общественное объединение «Пища жизни». В реализацию его волонтерской программы входит приобретение продуктов питания, приготовление пищи и раздача вегетарианских блюд социально уязвимым категориям граждан, участие в благотворительных акциях. БОО «Пища жизни» при оказании волонтерской помощи контактирует с организациями «Белорусское общество Красного Креста», ГУ «Территориальный центр социального обслуживания Московского района г. Минска» [15]. Подопечные не только бесплатно получают пищу, также у них снижается социально-психологическая депривация за счёт общения с посетившими их волонтерами.

Лучшие человеческие качества проявили волонтеры во время пандемии коронавирусной инфекции. Их гуманность проявилась в организации ресторанами, кафе, столовыми горячего питания медицинских работников. Такой вид волонтерства поддержали во всех областях Республики Беларусь и столице государства.

В волонтерскую деятельность в Республике Беларусь вовлечено большое количество молодежи. Для «БРСМ» уже стало традицией проведение в Доме Москвы в Минске молодежного фестиваля-выставки «Пасхальный кулич», где работали различные мастер-классы, выставки творческих работ, поделок, писанок и т. д. Завершил это мероприятие конкурс на лучшую пасхальную выпечку [9].

Через несколько лет к организации данного фестиваля-выставки к православным соорганизаторам присоединились и католики. В Храме-памятнике в честь Всех Святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших, в столице нашей страны регулярно организуются встречи для представителей общественных организаций с присутствием религиозных деятелей разных конфессий. Такие ме-

роприятия, в том числе и с участием приглашённых лиц, занятых волонтерской деятельностью, приурочены к определённым религиозным праздникам. 16 апреля 2017 г. даты католической и православной Пасхи совпали. Поэтому Первый молодёжный межконфессиональный фестиваль-выставка «Пасхальный кулич» состоялся 18 апреля 2017 г. при поддержке Аппарата уполномоченного по делам религий и национальностей при Совете Министров Беларуси с присутствием представителей духовенства православной и католической конфессий. Молодёжь на этом мероприятии была представлена активистами «БРСМ» (Белорусского республиканского союза молодежи). Активисты «БРСМ» — участники волонтерского движения «Доброе сердце» — получили благодарности Белорусской православной церкви и Католической церкви в Республике Беларусь. На мероприятии был организован мастер-класс по росписи пасхальных яиц, тематическая выставка изделий декоративно-прикладного творчества, созданных молодёжью, организовано чаепитие с куличами — традиционной пасхальной выпечкой и для православных верующих, и для католиков [19].

Волонтерская деятельность потребовалась при оказании помощи беженцам, прибывшим в Республику Беларусь из-за военных действий на Украине. Так, волонтеры в Гомельской области перед православной Пасхой в апреле 2022 г. собирали куличи и другие пасхальные атрибуты, детские игрушки для беженцев с украинской территории, которых временно разместили в санаториях и т. д. Осознавая, что эти люди могут остаться без праздничной трапезы, так как не все из них были устроены на работу, волонтеры (и православные, и католики) для беженцев собрали и продукты питания (яйца, мясные продукты, овощи, фрукты) для приготовления праздничных блюд [10]. Таким образом, выявлена тесная связь традиций питания и их элементов при трансляции способом культурной диффузии с сохранением и популяризацией традиций христианства.

Обобщая сказанное, отметим, что за последнее десятилетие произошло значительное сближение государства и церкви в деятельности по организации некоторых волонтерских акций и мероприятий. При этом определённым продуктам питания, блюдам, традициям питания отводится существенная роль в выражении религиозного мировоззрения верующих, так как издавна пищевые обряды вплетены в канву истории и неотделимы от традиций религиозных праздников. В Республике Беларусь при оказании безвозмездной помощи в рамках волонтерских

движений появилась тенденция объединения усилий представителей религиозных и общественных (с наличием атеистов и представителей других конфессий) организаций.

Волонтерство в Республике Беларусь очень активно применяют в своей деятельности представители еврейской этнической общности. Ими была организована социально ориентированная интернет-платформа «Еврейское волонтерское движение», которая сплавивает представителей еврейской общности из различных еврейских общественных организаций столицы Республики Беларусь для решения проблем других людей. На данной платформе содержится информация об оказании помощи социально незащищённым категориям граждан, в том числе детям и молодёжи, о сохранении, приумножении и популяризации историко-культурного наследия и т. д.

Согласно информации, размещённой на этой интернет-платформе, воплотился в жизнь проект «В гости на Шаббат». Шаббат — это многовековой еврейский праздник, который традиционно отмечают в кругу родных и близких людей. Согласно этой древней традиции, волонтеры из проекта «В гости на Шаббат» посещали пожилых людей на дому для общения и оказания помощи [5].

Волонтерское движение среди представителей еврейской этнической общности активно и в областных центрах Республики Беларусь. В Гомельской области функционирует еврейская община «Ахдут», при которой был создан волонтерский центр. В этом центре объединилась еврейская и белорусская молодёжь для оказания помощи пожилым людям (почти 3 тыс. чел.), в том числе и участникам Великой Отечественной войны. Также при этом центре волонтеры усваивают правила кашрута и учатся, придерживаясь их, готовить традиционную еврейскую пищу [12].

В период пандемии коронавирусной инфекции еврейская община из Могилёва инициировала социальный проект под названием «Эпидемия». Волонтеры с соблюдением противоэпидемических мер покупали пожилым людям всё необходимое, в том числе и профилактические средства. Также волонтеры распространяли более удобные при чтении для лиц этой возрастной группы памятки с большим шрифтом. В таких памятках были прописаны правила поведения на время изоляции. Для большей коммуникабельности между собой лиц пожилого возраста волонтеры использовали и приёмы огородничества в проекте «Зеленая терапия». Он предусматривал обеспечение пожилых людей семенами,

грунтом, горшками для посадки и выращивания дома таких применяемых в кулинарии растений, как укроп, салат, петрушка. При такой деятельности у участников проекта активизируется познавательная деятельность, увеличивается общение с использованием современных средств связи [4].

Таким образом, следует отметить уникальность этнического фактора при реализации волонтерства и его значительный потенциал в дальнейшем развитии, востребованность которого очевидна в организации и реализации волонтерской деятельности, в том числе и для сохранения традиций питания как историко-культурного наследия Республики Беларусь.

Литература

1. *Бабосова Е. С.* Специфика этнонациональной идентичности в современном белорусском обществе // Социологический альманах: научное издание. — 2014. — Вып. 5. — С. 268–278.
2. В Алматы «серебряные» волонтеры учат «особенных» детей вкусно готовить и создавать обереги // Открытые НКО [сайт]. — URL: <https://dobro.live/publikacii/default/v-almetevske-serebryanye-volontery-uchat-osobennykh-detey-vkusno-gotovit-i-sozdavat-oberegi-2?ysclid=lb9v3oxdli894893955> (дата обращения: 27.06.2022).
3. В Когалыме «серебряные волонтеры» научат детей готовить и рисовать (2020): репортаж телеканал Югра : видеOVERсия : 00.01.18 (время воспроизведения). — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g1Rb9jQ4bVw> (дата обращения: 11.11.2022). Доступно на: YouTube.
4. Волонтерская помощь пожилым людям организована в Могилёве // Masheka.by [сайт]. — URL: <https://masheka.by/novosti-mogileva/4974-volonterskaja-pomosch-pozhilym-ljudjam-organizovana-v-mogileve.html> (дата обращения: 04.01.2022).
5. Волонтерский проект «В гости на Шаббат» // JEvents Минск : еврейская афиша Минска. — URL: <https://minsk.jevents.ru/2018/volonterskij-proekt-v-gosti-na-shabbat/> (дата обращения: 16.08.2022).
6. В Челябинской области «серебряные» волонтеры обучают детей кулинарии // РИА Новости [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20190211/1550677992.html?ysclid=lba98cdon9835041466> (дата обращения: 15.10.2022).
7. *Глазкова Е. А.* Формы осуществления волонтерской деятельности и виды волонтерства // Право и государство: Теория и практика. — 2019. — № 2. — С. 25–28.

8. *Дашкевич В.* В канун дня волонтера в Витебске встретились волонтеры серебряного возраста // 1PROF.by [сайт]. — URL: <https://1prof.by/news/v-strane/v-kanun-dnya-volontera-v-vitebske-vstretilis-volontery-serebryanogovozrasta/?ysclid=lb5yloq530291638603> (дата обращения: 15.11.2022).
9. Молодежный фестиваль-выставка «Пасхальный кулич» // Молодежь Беларуси [сайт]. — URL: <https://brsm.by/projects/festival-vy-stavka-pashalnu-j-kulich/?ysclid=lb56rp5du1942285339> (дата обращения: 17.09.2022).
10. На Пасху у православных гомельские волонтеры приедут к беженцам из Украины // Katolik.Life [текст]. — URL: <https://katolik.life/rus/news/v-gomele/item/4803-na-paskhu-u-pravoslavnykh-gomelskie-volontery-priedut-k-bezhentsam-iz-ukrainy.html> (дата обращения: 03.08.2022).
11. *Новгородский Т. А.* Традиции питания как элемент этнокультурного наследия Беларуси // Электронная библиотека Белорусского государственного университета. — URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/270257/1/Novogrodsky%20Tadeusz%20Antonovich.pdf?ysclid=lbagivpei3539211732> (дата обращения: 03.11.2022).
12. Объединяя континенты. Как областная еврейская община «Ахдут» переживает пандемию // Правда Гомель [сайт]. — URL: <https://gp.by/novosti/obshchestvo/news240038.html?> (дата обращения: 07.04.2022).
13. Об организации работ волонтерами // Управление делами Президента Республики Беларусь [сайт]. — URL: <https://dha.gov.by/об-организации-работ-волонтерами/> (дата обращения: 28.11.2022).
14. Основные направления волонтерства : презентация // Добро.университет [сайт]. — URL: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/a26/a2624450974d086d1e2bfb2f4244df23.pdf> (дата обращения: 21.11.2022).
15. Пища жизни // Пища жизни [сайт]. — URL: <https://fll.by/#contact-1> (дата обращения: 21.10.2022).
16. Серебряные волонтеры научат сирот готовить // Тюменская линия [сайт]. — URL: <https://t-l.ru/252804.html?ysclid=lb9spln0c2266392215> (дата обращения: 04.07.2022).
17. «Серебряные» волонтеры учат воспитанников Волжского детского дома готовить // Агенство социальной информации [сайт]. — URL: <https://www.asi.org.ru/report/2018/11/23/volzhskij-detdom-kulinaryj-master-klass-babushka-na-chas/> (дата обращения: 09.08.2022).
18. *Тимошук Ю.* Поиск пропавших, помощь пожилым, работа с больными детьми. Как волонтеры Гродненского Красного Креста помогают сделать этот мир лучше // Гродзенская праўда. — 2019. — 5 декабря.
19. Фестиваль-выставка «Пасхальный кулич» прошел в Минске // Минск-Новости [сайт]. — URL: <https://minsknews.by/festival-vyistavka-pashalnyiy-kulich-proshel-v-minske/> (дата обращения: 14.11.2022).

20. Шеметова О. В. Сценарий родительского собрания «Волонтер в каждой семье» // Мультиуроки [сайт]. — URL: <https://multiurok.ru/files/stsenarii-roditelskogo-sobraniia-volontior-v-kazhd.html> (дата обращения: 15.08.2022).
21. Школа волонтера: инструмент формирования волонтерских компетенций : Материалы из опыта работы / Авт.-сост. В. Е. Уласовец, О. А. Бабусько. — Солигорск, 2019. — 49 с.
22. Этнографія Беларусі : Энцикл. / Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. — Мінск : БелСЭ, 1989. — 576 с.

Natallia S. KAZACHKOVA,

Researcher, Republican Laboratory for the Preservation of Historical and Cultural Heritage, Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, laima77@mail.ru.

Volunteer Practices in Conservation Food Traditions (Using the Example of the Republic of Belarus)

Dietary traditions are one of substantial components of Republic of Belarus cultural heritage. Keeping their specificity for centuries, they are developed under influence of the cultures of other peoples. At the present stage (late XX – XXI centuries), various forms of socio-cultural activities, for example, volunteering, have become used in the preservation and broadcasting of the traditions of nutrition of the Republic of Belarus. Meanwhile, number of volunteering directions gets bigger. Volunteer movement embraces various age groups in Belarus Republic, to which improved legislation and targeted domestic policy contributed. This led to participation by senior people along with young people in the social directed volunteer movement, and senior people percentage tends to increase in recent years. The specificity of volunteer activities let one lean on ethnic participants identity to bring them together in some social actions. It is important to consider intergenerational dietary traditions transmission as one of way to spur senior people and people with disabilities toward social activities. Role played by social volunteering substantially increased and became needed in coronavirus pandemic.

Keywords: dietary traditions, volunteers, elderly, people with disabilities, pandemic, cultural heritage, Republic of Belarus, toloka.

Ю. С. Путрик*

Перспективы формирования и развития новых туристских продуктов в Чеченской Республике с использованием объектов культурного наследия

В статье рассматриваются особенности и перспективы освоения культурно-познавательного туризма в Чеченской Республике как региона с динамично развивающейся туристской инфраструктурой, предлагаются новые направления развития туристско-рекреационного комплекса, основанные на дальнейшем использовании историко-культурного и природного потенциала, на основе которого может быть сформирован туристский историко-культурный кластер. В сочетании с традиционными формами туризма можно рассмотреть перспективы создания тематического парка футуристической направленности.

Ключевые слова: Чеченская Республика, Дагестан, Северный Кавказ, Северо-Кавказский федеральный округ, Каякентский район, гастрономический туризм, культурное наследие, кластер, село Хайбах Галанчожского района.

В условиях кардинальных изменений на туристском рынке Российской Федерации и в связи с возрастанием туристского потока внутри страны всё более актуализируются вопросы освоения богатейших туристско-рекреационных ресурсов в различных регионах. Особенно растёт спрос на путешествия в традиционные дестинации, каковыми являются Северо-Кавказский федеральный округ и все входящие в него субъекты Российской Федерации. Отмечая Чеченскую Республику на фоне других субъектов СКФО как наиболее динамично развивающийся регион по показателям развития сферы туризма и гостеприимства, важно понимать, что дальнейшее успешное развитие туристско-рекреационной структуры во многом зависит от системности в подходах и последовательности действий государственных органов власти по мерам государственной поддержки в части более широкого и интенсивного вовлечения объектов культурного и природного наследия в туристский оборот. При этом необходим учёт и правильное использование как внешних, так и внутренних факторов и условий, которые не остаются неизменными.

---

* ПУТРИК Юрий Степанович, доктор исторических наук, руководитель центра социокультурных и туристских программ Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, Россия, putrik@list.ru.

В последние годы ситуация на туристском пространстве Российской Федерации претерпевает кардинальные изменения в пользу развития направлений внутреннего туризма в связи с изменившимися условиями выезда в зарубежные страны и, соответственно, заметным увеличением туристского потока внутри страны. И здесь Северный Кавказ, обладающий уникальным и богатейшим туристско-рекреационным потенциалом для развития широкого спектра видов и форм туризма, остаётся вне конкуренции по сравнению с другими внутренними макрорегионами нашей, по преимуществу, северной страны в силу наличия южных морей, продолжительного благоприятного сезона, обилия и многообразия историко-культурных и природных объектов и явлений, а также этнокультурных особенностей Кавказской цивилизации.

Фактор наличия теплого Каспийского моря в данном регионе в сочетании с горными ландшафтами и историко-культурными памятниками прилегающих или близко расположенных горных районов Дагестана и Чечни приводит экспертов туристской отрасли к выводу, что и внутри Юга России на Северном Кавказе начинает проявляться всё больше преимуществ и повышаться конкурентоспособность по сравнению с тем же Краснодарским краем и курортом Сочи. Сегодня Дагестан является востребованным регионом для туризма, куда приезжают не только для купания в море, но и ради экскурсионных программ. Море в Дагестане менее солёное и более мелкое, чем Чёрное, что очень хорошо для семей с детьми.

Актуальное и своевременное создание нового современного курорта на Каспийском побережье Дагестана в Каякентском районе с комфортной доступностью Дербента, идея которого была поддержана в сентябре 2022 г. на заседании Президиума Госсовета по вопросам развития туризма [3], будет иметь кумулятивный эффект дальнейшей активизации развития туристских структур и обслуживания в прилегающих горных территориях других республик Северного Кавказа. По мере развития и улучшения инфраструктуры и транспортных коммуникаций потоки туристов в этот регион, привлекаемые не только пляжным отдыхом, но и турпоездками по формуле «море — горы», будут только возрастать. Прежде всего, это коснётся непосредственно граничащей с Республикой Дагестан Чеченской Республики, туристские объекты которой находятся всего в полутора-двухчасовой доступности курортов Каспийского побережья. Поэтому помимо самостоятельного туристского продукта для туристско-рекреационной системы ЧР всё большие

перспективы открываются и для формирования *межрегионального туристского продукта* благодаря расширяющимся перспективам межрегионального взаимодействия и потенциальным возможностям развития транспортных коммуникаций.

На территории Чеченской Республики в настоящее время развиваются десятки видов форм туризма, делающие этот регион всё более привлекательным для туристских путешествий. Однако возможности этих видов туризма ещё далеки от своего исчерпания. По мере развития инфраструктуры и технологий, инноваций и мер государственной поддержки Чечня с каждым годом всё больше открывается миру благодаря увеличению туристского потока. Так, улучшение дорожной инфраструктуры и придорожного сервиса способствует дальнейшему развитию *автотуризма*.

Здесь необходимо предусматривать разработку комплекса мер по созданию сети многофункциональных объектов туристической инфраструктуры, придорожного сервиса в целях более активного привлечения автотуристов, в том числе съездов с автомобильных дорог в целях проезда к объектам туристско-рекреационного назначения (это не только кемпинги и глэмпинги, но и объекты культурного и природного наследия). При этом важно учитывать и групповые автопутешествия, которые всё чаще проводятся, например, Общенациональной ассоциацией автотуризма и караванинга, собирающей для проведения мероприятий и участия в событиях сотни любителей автопутешествий. Для обеспечения их комфортного пребывания в том или ином регионе также необходима вполне определённая придорожная инфраструктура и готовность местных администраций к принятию конкретных ситуативных решений, связанных, например, с выделением парковочных мест и мест для палаточных лагерей, в которых могут размещаться группы прибывающих автотуристов. Такой опыт постепенно накапливается в регионах и это, безусловно, способствует увеличению туристского потока¹.

---

¹ Для участия в проведении фестиваля лотоса в Республике Калмыкия в 2022 г. представители МОО «Лига караванеров» договорились с местными органами власти о выделении в природном комплексе 500 мест для караванеров, 100 мест для «палаточников», что способствовало успешному проведению данного мероприятия. Тенденция групповых посещений караванерами мест на расстоянии до 5 км от трассы вполне уже сложилась, что, несомненно, способствует расширению географии туризма.

Это направление развития инфраструктуры в интересах развития сферы туризма и лучшего обеспечения доступности к объектам культурного наследия было поддержано на заседании Президиума Госсовета, состоявшегося 6 сентября 2022 г. В частности, в Перечне поручений по итогам заседания в п. 6 указывается на необходимость определения целесообразности «введения упрощенного порядка получения разрешения на строительство съездов с автомобильных дорог в целях обеспечения проезда к объектам туристской индустрии (кемпингам, глэмпингам, автокемпингам, придорожным туристическим объектам) при условии обеспечения безопасности выезда на автомобильные дороги» [3].

Ключевым ресурсом туристского потенциала Чеченской Республики является его историко-культурное и природное наследие, обеспечивающее присутствие историко-культурной компоненты в большинстве видов и форм туризма как разностороннее проявление особенностей кавказской цивилизации в традициях, обычаях, исторических событиях, архитектуре, культурных ландшафтах и т. д. При определении перспектив туристского развития на это следует обратить особое внимание так же, как и на развивающиеся подвиды культурного (культурно-познавательного) туризма¹.

Культурно-познавательный туризм как вид путешествий с познавательными целями знакомит туристов с историко-культурными ценностями, памятниками природы, традициями и обычаями посредством экскурсионной деятельности, событийных мероприятий и т. д. Он во многом базируется на особенностях национальной культуры и этноса народа, проживающего на данной территории. Учитывая монолитность и цельность чеченского народа, этнокультурные особенности Чеченской Республики представляют собой богатейший ресурс для дальнейшего его вовлечения в туристский процесс, так как они всегда вызывают большой и неизменный интерес со стороны отечественных и иностранных граждан, являются одним из главных мотивантов туристских посещений республики.

---

¹ На сегодняшний день, согласно Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)», культурно-познавательный туризм определяется как один из приоритетных видов туризма. По данным UNWTO, ежегодно в мире совершается около 30–35 % туристских поездок с культурно-познавательными целями.

Этнокультурные особенности народа существуют, сохраняются и проявляются в разных формах народного и профессионального художественного творчества: музыке, танцах, народных художественных промыслах, традициях, литературе, фольклоре, театре, изобразительном искусстве, национальной кухне, генерируя различные подвиды культурно-познавательного туризма: этнографического, этнокультурного, этноэкологического, гастрономического, этнособытийного, культурно-археологического, культурно-исторического и др. Поэтому роль учреждений культуры для взаимодействия с туристскими организациями здесь может быть весьма значимой.

Так, среди многочисленных подвидов культурно-познавательного туризма в последние годы всё больше выделяется и институализируется гастрономический туризм. С учетом того, что в настоящее время происходит переориентация туристского потока на внутренний рынок и возрастание конкурентной борьбы внутрироссийских территорий за туристов и инвестиции, представляется необходимым развитие *гастрономического туризма* на территории Чеченской Республики, который позволит привлечь внимание к ней со стороны российских и иностранных туристов.

На сегодняшний день у туристских компаний, предлагающих маршруты по Чеченской Республике, отсутствуют полноценные гастрономические туры, хотя гастрономическая компонента является важным дополнением в рамках основных туристских программ. Наиболее популярные туры предлагают три ключевых туристических игрока, осуществляющих свою деятельность как на территории республики, так и за её пределами: ООО «Чечен Тур», ООО «Эльгас» и RussiaDiscovery.

Характерной чертой гастрономического туризма является неподверженность сезонности, которая сильно влияет на туристскую отрасль. Гастрономические туры могут быть созданы в любое время года, поскольку есть не только сезонные продукты и напитки, но также возможность сохранить еду посредством копчения, заморозки, закатывания и т. д. Ещё одной характерной чертой гастрономического туризма является возможность его участия в любом туре, поскольку питание является составной частью любого туристического продукта. Он в любом виде негастрономического туризма выступает пусть не первостепенным, но всё же одним из сопутствующих многих других видов туризма, получающим всё большее развитие на чеченской туристской территории. Появляются основания для проектирования и реализации

на территории Чеченской Республики специальных гастрономических туров.

Другим важным мотивом и сегментом для туристских посещений могут быть *исторические события*, происходившие на территории современной Чечни в разные исторические периоды, в том числе связанные с прохождением по территории современной Чечни Великого шёлкового пути — караванной дороги, связывавшей Восточную Азию со Средиземноморьем в древности и Средние века.

Нельзя исключать и возможности так называемого «тёмного» (или «мрачного») туризма, с местами драматических или трагических событий. Объективно такое направление существует, стимулируемое устойчивым спросом на посещение таких мест. Иначе говоря, «тёмный туризм» — это посещение таких мест, которые прямо или косвенно связаны со смертью реальных людей или подлинными бедствиями и являются при этом историческими объектами, а не аттракционами. К этому направлению относятся посещения кладбищ, мест, связанных с холокостом и иными случаями геноцида, тюрем, а также пространств, имеющих отношение к культуре личности, холодной войне или железному занавесу. Сюда же причисляют «ядерный туризм» и поездки в районы катастроф.

В то же время посещение мест сражений, парков развлечений «мрачной» тематики, «паранормальных» мест и объектов из вымышленного мира нередко относят и к другим разновидностям туризма, хотя грань может быть весьма тонкой. В Чеченской Республике к такому месту можно отнести мемориальный комплекс в селе Хайбах Галанчожского района, жители которого были замучены и сожжены в феврале 1944 г. сотрудниками НКВД в дни «сталинской» депортации. Исполнители этой депортации, не укладывавшиеся в установленные сроки и из-за неудобства вывозить людей в непогоду по узкой дороге, согнали местных жителей в колхозную конюшню, заперли и сожгли заживо более 700 человек [5, с. 275–277]. В 2018 г. принято важное решение — открыть здесь мемориальный комплекс. Развитию туристских посещений этого места будет, безусловно, способствовать и намерение властей Чеченской Республики о создании здесь туристического комплекса [6].

Другим значимым и весьма перспективным направлением развития культурно-познавательного туризма и средством активизации использования объектов культурного наследия на территории республики может стать *создание системы туристских троп* как линейного

инфраструктурного туристического объекта, то есть как инженерного сооружения линейного типа, оборудованного в соответствии с правилами соблюдения безопасности и обеспечивающего хорошую доступность к объектам культурного и природного наследия (перила, мостки, ограждения, нумерованные столбы и т. п.). Туристская тропа в настоящее время — это активно развивающаяся форма туристско-рекреационного освоения культурного и природного потенциала.

Предпосылки к созданию туристских троп возникают во многих регионах. Активно проводятся работы, например, по созданию Большой Байкальской тропы с привлечением всё большего количества волонтеров. Однако одних усилий общественных организаций здесь недостаточно. О необходимости включения мероприятий по созданию туристских троп федерального и регионального значения в государственные программы, направленные на улучшение социально-культурной и туристской инфраструктуры, автор этой статьи писал ещё в 2016 г. [4, с. 86–91].

Вопрос создания системы туристских троп как важной инфраструктурной составляющей отечественного туризма приобретает всё большее значение и требует последовательной государственной поддержки как на региональном, так и на федеральном уровнях. Поэтому не случайно в поручениях Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам заседания Президиума Госсовета, состоявшегося 6 сентября 2022 г., Правительству Российской Федерации предписано до 1 марта 2023 г. «...обеспечить разработку и утверждение программы развития туристских троп, предусмотрев в ней создание не менее тысячи туристских троп и обеспечение их объектами сопутствующего сервиса». Актуальность этого направления была поддержана 24 октября 2022 г. на заседании комитета Государственной Думы по туризму и развитию туристической инфраструктуры, на котором была продекларирована необходимость усиления межведомственного подхода к решению проблем развития туризма в стране, а среди наиболее приоритетных направлений развития были названы и туристские тропы [2].

В Чеченской Республике уже появился первый опыт создания туристской тропы. По сообщению информационного портала «Чеченинфо», в 2021 г. Министерство по туризму Чеченской Республики провело работы по благоустройству экологической тропы к Башин-Калинскому водопаду, который располагается между населёнными пунктами Итум-Кале и Борзой в Итум-Калинском районе. Тропа была расчищена от мусора, растительности и прочих природных препятствий. Также была проведена

маркировка тропы и установлены знаки навигации, что позволит наилучшим образом и с наименьшими затруднениями совершить намеченный поход для всех желающих. Протяжённость маршрута более 500 метров, преодолеть путь до водопада можно за 10–15 минут [1].

Конечной целью проекта по формированию системы туристских троп на территории республики может стать *создание Большой Чеченской Тропы*, которая будет проходить по ключевым точкам и пунктам с объектами чеченской истории и культуры. Подобно тому, как это сделано в Крыму, где успешно функционирует Большая Севастопольская Тропа общей протяжённостью около 250 км, и которая состоит из нескольких участков с большей или меньшей протяжённостью (от 3 км до 20 км) и является сегодня вполне доступной и безопасной средой даже для неподготовленных туристов. Полагаем, что идея создания Большой Чеченской Тропы может быть рассмотрена при формировании будущей Федеральной программы развития туристских троп.

Весьма перспективным направлением развития туризма в регионе становится *событийный туризм*, связанный со многими сторонами культурной жизни республики. Это не только национальные праздники и обычаи, которые привлекают к себе внимание туристов и экскурсантов, но и другие мероприятия культурной, спортивной и иной направленности, сопутствующие другим различным видам и формам туристско-рекреационной деятельности. Так, в развивающемся центре горнолыжного туризма «Ведучи» (Итум-Калинский район) программы по горнолыжным катаниям и спортивным соревнованиям следует всё более активно дополнять культурно-познавательной компонентой не только в плане организации экскурсий, но и интерактивными мероприятиями, связанными с историко-культурными и этнографическими особенностями данной местности.

Событийный туризм — вид туризма, связанный с посещением события туристами и экскурсантами в месте его проведения, отличного от места их постоянного проживания, в определённое время, соответствующее срокам проведения события.

Необходимо отметить связь событийного туризма с демографическими факторами, с изменением стиля жизни, характера отпуска и работы туристов. В связи с тем, что во многих странах отмечается процесс «старения» населения, возрастает поток туристов старшего поколения, людей так называемого «третьего возраста». Молодёжь нуждается в таких туристских продуктах и услугах, которые имеют специфику. Именно

такие продукты и услуги предлагает событийный туризм, и этот тренд следует, несомненно, учитывать при составлении планов и программ событийного туризма в Чеченской Республике.

В настоящее время отсутствует единая классификация элементов событийного туризма, но сами мероприятия, которые являются привлекательными для туристов, классифицировать представляется возможным.

К культурным мероприятиям относятся не только карнавалы и фестивали, но и религиозные события. Также поводом для посещения той или иной страны или города являются политические и государственные события, например, официальные визиты, встреча на высшем уровне.

В целом же богатство и разнообразие культурно-исторических объектов создают предпосылки к формированию *чеченского историко-культурного туристского кластера*, при формировании необходимо учитывать все особенности территории, функционирующие организации, поддерживающие туристскую отрасль, а также органы управления. Основой кластера (ядром) могут выступать три связующих элемента — историко-культурные объекты и учреждения культуры (1), туристские объекты (2), туристские фирмы (3). Их взаимодействие обеспечит интересное и содержательное пребывание туриста на территории республики.

Перспективы туризма в Чеченской Республике могут быть связаны и с принципиально новыми объектами для данной территории, такими как, например, новый *тематический парк футурологической направленности* и его коммуникационное взаимодействие в перспективе с новым морским курортом на побережье Каспийского моря, если его расположить вблизи с границей с Дагестаном, в Гудермесском районе. Возможен также альтернативный вариант создания футуристического тематического парка в Грозном.

Таким образом, подводя итог, приходим к выводу о том, что успех реализации стратегических направлений дальнейшего наращивания объёмов туристско-рекреационного обслуживания в Чеченской Республике может быть достигнут путём дальнейшей активизации использования историко-культурного потенциала в сочетании с созданием новых масштабных туристских комплексов. Стоит отметить также, что основными условиями успеха комплексного проектирования дальнейших успешных перспектив развития туризма на территории Чеченской Республики можно считать сбалансированное сочетание четырёх факторов: доступности (1), инфраструктуры (2), социокультурного программирования (3), продвижения (4). Оно призвано системно обеспечить

эффективное устойчивое функционирование дестинации на базе эффективного использования продуманного сочетания историко-культурных объектов и современных мотиваторов туристских поездок на Северный Кавказ, в частности в Чеченскую Республику.

Литература

1. ИА «Чеченинфо». Мультипортал. Все о Чеченской Республике [сайт]. — URL: <http://www.checheninfo.ru/> (дата обращения: 23.02.2023).
2. Круглый стол на тему «Туристический сезон 2022 года в Российской Федерации. Новые реалии и вызовы», 24.10.2022 // Государственная Дума [сайт]. — URL: <http://komtour.km.duma.gov.ru/rabota/Meropriyatiya-Komiteta/-Kruglyj-stol-na-temu-Turisticheskij-sez> (дата обращения: 23.02.2023).
3. Перечень поручений по итогам заседания Президиума Госсовета, состоявшегося 6 сентября 2022 г. // Президент России [сайт]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69735> (дата обращения: 23.02.2023).
4. Путрик Ю. С., Первунин С. Н. Туристская тропа как эффективное средство освоения территории и составная часть туристской инфраструктуры региона // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2016. — № 2. — С. 86–91.
5. Чеченцы: история и современность / Сост. и общ. ред. Ю. А. Айдаева. — М. : Мир дому твоему, 1996. — 352 с.
6. В чеченском селе Хайбах Рамзан Кадыров установит мемориальный комплекс // Победа 26 [сайт]. — URL: <https://pobeda26.ru/news/proisshestiya/2022-10-09/na-stavropolie-v-dtp-pogib-7-mesyachnyu-rebyonok-238618> (дата обращения: 15.08.2022).

Yury S. PUTRIK,

Dr. Sci. (National History), Head, Center for Sociocultural and Tourism Programs, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia, putrik@list.ru

Prospects for the Formation and Development of New Tourist Products in the Chechen Republic with the Use of Cultural Heritage Objects

The paper discusses the features and prospects for the development of cultural and educational tourism in the Chechen Republic as a region with a dynamically developing tourist infrastructure, suggests new directions for the development of the tourist and recreational complex, based on the further use of the historical, cultural and natural

potential, on the basis of which a tourist historical and cultural heritage can be formed a cultural cluster. In combination with traditional forms of tourism, it is possible to consider the prospects for creating a futuristic theme park.

Keywords: *Chechen Republic, Dagestan, North Caucasus, North Caucasus Federal District, Kayakentsky district, gastronomic tourism, cultural heritage, cluster, Khaybakh village of Galanchozhsky district.*

Л. Р. Барахоева* , М. А. Арсельгова**

Научно-просветительская деятельность Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук: современные тенденции и перспективы

Предмет исследования — научно-просветительская деятельность ингушских учёных, объект исследования — Государственное бюджетное учреждение «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева». Цель исследования — представление системы научно-просветительской деятельности, её миссии, механизмов и принципов организации в единственном в регионе научно-исследовательском институте гуманитарных наук, а также выявление основных проблем в деятельности по популяризации науки в Республике Ингушетия и в целом в Российской Федерации. Эмпирической основой статьи являются научные публикации ученых ГБУ «ИнгНИИ», Постановление Правительства РФ от 01.07.2022 г. № 1195 «Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности», архивные документы, материалы периодической печати, научные статьи и монографии, видеообзоры. В статье проведён анализ практической деятельности ингушских учёных, способствующей росту уровня общей культуры и образования населения. Основными формами научно-просветительской деятельности учёных ИнгНИИ являются научно-практические семинары и конференции, круглые столы, лекции в школах и вузах, участие в медиапроектах на региональном телевидении. Привлечено внимание к проблеме сохранения родного языка, культурного просвещения, воспитания, памятников

---

* БАРАХОЕВА Людмила Руслановна, кандидат экономических наук, заведующая отделом социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, Магас, Республика Ингушетия, Россия, lirout@mail.ru.

** АРСЕЛЬГОВА Марина Адамовна, научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, Магас, Республика Ингушетия, Россия, marinaarselgova@mail.ru.

истории и культуры ингушского народа. Особое внимание в статье уделено необходимости популяризации научных знаний.

Ключевые слова: научная популяризация, популяризация науки, культурное наследие, Ингушский научно-исследовательский институт, Осман С. Ахриев, Георгий К. Мартиросян, Леонид П. Семенов, Заурбек К. Мальсагов, Саид-бей А. Арсанов, Осман Д. Долаков, Марьям Д. Чентиева, Дослуко Д. Мальсагов.

Проблематика популяризации научных знаний в области гуманитарных наук остаётся злободневной, в особенности в условиях стремительного развития инновационной экономики, ставшей драйвером технической эволюции и социального прогресса. В современном социуме наука играет ключевую роль во многих сферах жизнедеятельности. Ещё философы Древней Греции видели лучшим обществом такое, в котором власть принадлежит мудрецам, людям науки. Общеизвестно, что глубокая вовлечённость населения стимулирует научное развитие, и для её обеспечения необходимо осуществлять научно-просветительскую деятельность с привлечением широкого сообщества учёных.

Под научно-просветительской деятельностью следует понимать особое направление человеческой активности, обеспечивающей массовое просвещение по поводу значимости науки (пропаганду научных знаний), а также повышение общего уровня владения специальными знаниями (всеобщее обучение) [14, с. 95–110]. Её основной целью выступает обеспечение состояния общественного понимания, одобрения и посильной поддержки научно-исследовательской деятельности, при которых общество сможет наиболее эффективно решать ключевые задачи социального развития, стимулировать прогресс по всем сферам жизнедеятельности индивида.

Важнейшими задачами научной пропаганды (первого крупного направления научно-просветительской деятельности) выступают популяризация науки, пропаганда значимости науки, профориентация в сфере научной деятельности (формирование интереса к профессиональной работе в исследовательской сфере, в том числе у представителей подрастающего поколения), распространение сведений о научном прогрессе.

Соответствующие задачи едины для всех сфер науки, в то время как научное всеобщее обучение строго дифференцировано по конкретным сферам. В частности, для гуманитарных отраслей науки в современной России остро стоит задача организации юридического всеобщего обучения, а также интегрального повышения финансовой грамотности населения [7, с. 106–108].

В перечень форм научно-просветительской деятельности входят пропаганда науки, обмен знаниями и опытом (в том числе международный), социальная реклама, открытые лекции, семинары и симпозиумы, организация специальных мероприятий (выставок и презентаций, «дней науки» и др.), размещение публицистических статей, выпуск в эфир научно-популярных программ и многие другие. Каждая из форм подобной деятельности имеет массовый характер и связана с работой с широкими слоями населения.

С 1 июня 2021 г. просветительская деятельность регулируется нормами специального закона (федеральный закон от 05 апреля 2021 года № 85-ФЗ), согласно которому под просветительской деятельностью понимается деятельность, «осуществляемая вне рамок образовательных программ, направленная на распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенций в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [9].

Научно-просветительская деятельность является важной частью работы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева. В истории развития и становления института можно выделить несколько этапов.

Первый этап: 1926–1934 гг. Ингушский научно-исследовательский институт краеведения был создан 5 декабря 1926 г. в г. Владикавказе в процессе реорганизации Северо-Кавказского института краеведения по решению Народного комиссариата просвещения РСФСР.

Первым директором Ингушского научно-исследовательского института краеведения (ИНИИК) и Ингуше-Осетинского музея (с 1928 г. Ингушский музей) был Осман Саидович Ахриев — заведующий Ингушским областным отделом народного образования. Сотрудники института занимались исследованиями в области естественных и социально-гуманитарных наук. Заместитель директора института Георгий Константинович Мартиросиан был автором многих трудов: «Нагорная Ингушетия: Социально-экономический очерк» (1928), «Колхозное строительство в ингушской деревне» (1929), «Естественные богатства Ингушии» (1931), «История Ингушии» (1933) и др.

Учёный секретарь Леонид Петрович Семёнов был известным литературоведом, выдающимся лермонтоведом, крупным археологом, этнографом, историком, автором ряда работ: «Ингушская и чеченская

народная словесность» (1928), «Чах Ахриев — первый ингушский краевед» (1928), «Фригийские мотивы в древней ингушской культуре», «Мавзолей Борга-Каш» (1928), «Нартские памятники в фольклоре ингушей и чеченцев» (1930), «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии» (1930) и др.

Штатными сотрудниками Ингушского НИИ являлись: Владимир Федорович Раздорский, занимавшийся исследованиями в области ботаники, являвшийся автором большого числа научных работ; Лев Борисович Беме — зоолог, в числе работ которого «Охотничье хозяйство Ингушии и его перспективы» (1929); более 1200 птиц Кавказа, собранные им, хранятся в данный момент в Зоологическом музее МГУ; Александр Карлович Вильямс, занимавшийся исследованиями в области географии, написавший «Географический очерк Ингушетии: с географическими картами и снимками» (1928); Хаджи-Бекир Ахриев — художник, резчик, активно участвовавший в археолого-этнографических экспедициях с Л. П. Семёновым, Е. И. Крупновым, А. К. Вильямсом, Г. К. Мартиросианом, И. П. Щерблыкиным (его работа: «Путеводитель по Ингушской автономной области», 1929 г.).

Внештатными сотрудниками НИИ были Борис Андреевич Алборов — учёный, поэт, драматург, собиратель фольклора, общественный деятель, автор работ «Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды» (К вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях)» (1928), «Ингушское DEALy “бог” и осетинское DALimon “злой дух”» (1930) и другие; Михаил Яковлевич Немировский — языковед, педагог, его работы: «Язык и культура» (1928), «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики» (1928), «К современному состоянию кавказской лингвистики» (1930), «Некоторые явления чеченско-дагестанских языков в свете общей лингвистики» (1930); «Хеттские местоименные формы на-I и яфетические языки Кавказа и Средиземноморья» (1930) и другие; Тембот Дордаганович Беков — поэт, писатель, первым начал работу над орфографией ингушского языка, автор первого терминологического словаря ингушского языка, первым начал преподавать ингушский язык; Абдул-Гамид Сипсоевич Гойгов — публицист, писатель; Лорс Ибишевич Ахриев — краевед, собирал и записывал фольклорные тексты, его работы: «Ингушские пословицы», «Рассказы о животных», «Детские игры» (1932) и другие; Орцхо Артаганович Мальсагов — учёный, переводчик, драматург, писатель, автор и составитель учебников ингушского языка для 1, 3, 4-х классов, трудов по общественно-политической деятельности

и многих других; Дошлуко Дехович Мальсагов — лингвист, диалектолог, фольклорист, литературовед, этнограф, историк, поэт и драматург, переводчик, вайнаховед, кавказовед.

Почётными членами НИИ были академик Николай Яковлевич Марр (востоковед, кавказовед, филолог, историк, этнограф, археолог), члены-корреспонденты Илья Николаевич Бороздин (историк, археолог, этнограф), Сергей Алексеевич Гатуев (геолог, гидрогеолог), Башир Керимович Далгат (просветитель, учёный в области права, этнологии, этнографии, фольклора народов Кавказа, общественный деятель, юрист-правовед, его работы: «Материалы по обычному праву ингушей» (1930), «Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом» (1934), Алексей Алексеевич Захаров (историк, археолог, занимался исследованиями в разных областях науки: востоковедении, антиковедении, кавказоведении, скифологии и медиевистике), Александр Николаевич Кириченко (энтомолог) [1].

С 1931 г. руководил ИНИИК Заурбек Куразович Мальсагов — литератор, лингвист, просветитель, создатель проекта ингушского алфавита на латинском языке, написавший первую пьесу на ингушском языке, создатель ингушской газеты «Сердало», объединения «Ингушское литературное общество» и мн. др. Его основные труды: «Ингушская грамматика с ингушско-русским словарем» (1926), «Культурная работа в Чечне и Ингушии в связи с унификацией алфавитов» (1928), «К вопросу о классных элементах в нахском языке» (1930) и др.

В период становления (1926–1934 гг.) Ингушский НИИ и Ингушский музей считались одними из лучших на Северном Кавказе, работа в институте велась на академическом уровне. Сотрудники НИИ занимались сбором материала по истории, языкам, этнографии, фольклору в научно-исследовательских экспедициях в плоскостной и горной Ингушетии, проводили геологические, орнитологические, климатологические и лингвистические исследования.

В 20-е гг. XX века в стране активно развивалось краеведение. В этой связи важным направлением научно-просветительской деятельности института было содействие развитию школьного и студенческого краеведения.

Научно-просветительская деятельность включала проведение краеведческих конференций и показательных лекций для учителей школ; чтение лекций о природе, экономике и истории края; проведение выставок.

На тот момент времени актуальными направлениями научно-просветительной работы были борьба с безграмотностью, пропагандистская, воспитательная и разъяснительная работа среди масс.

Второй этап: 1934–1944 гг. После объединения Ингушетии и Чечни в 1934 г. Ингушский НИИ и Чеченский НИИ были объединены в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и искусства. В этот период НИИ возглавляли: в 1935–1937 гг. Заурбек Куразович Мальсагов, в 1935–1937 гг. Саид-Бей Арсанбекович Арсанов, в 1938–1944 гг. Осман Даутович Долаков, в 1938–1941 гг. Марьям Джацаевна Чентиева, Ибрагим Абдураскиевич Оздоев, Дошлуко Дохович Мальсагов.

В этот период учёные института занимались разработкой школьных учебников, а цели научно-просветительской деятельности оставались прежними: пропагандистская, воспитательная и разъяснительная работа среди масс.

Третий этап: 1957–1991 гг. 7 июня 1957 г. Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и искусства был восстановлен после возвращения ингушского и чеченского народов и восстановления Чечено-Ингушской АССР. Директорами вновь созданного института были: в 1957–1958 гг. Мальсагов Дошлуко Дохович, в 1958–1970 гг. Абдулхалим Асхабович Саламов, в 1970–1991 гг. Сайд-Адлан Абдул-Хамидович Сангариев, Надирбек Керимович Байбулатов, Абу-букар Ахмедович Манкиев, Вахит Хумидович Акаев [8, с. 51–54].

В этот период Д. Д. Мальсаговым был написан ряд монографий: «О некоторых непонятых местах в “Слове о полку Игореве”», «Чечено-Ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского языка», «Нохч-ГалгIай литературан а йоазон а бокъонаш», «Фонетика ингушского языка», «Ингушский фольклор», «Исторические связи чеченцев и ингушей с восточными славянами и Россией», «Творчество А. М. Горького и перевод на ингушский язык “Буревестника” и “Песни о Соколе”», «Проблема грамматического класса» и другие [2, с. 7–38].

Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы 31 декабря 1976 г. был награждён орденом «Знак Почета» за заслуги в области исторической науки и филологии, в подготовке научно-исследовательских кадров.

На этот период основной задачей института была научно-исследовательская и научно-просветительская деятельность, касающаяся истории Чечено-Ингушетии.

С распадом Чечено-Ингушской АССР в 1991 г. ингушские учёные оказались без своего научного центра, воссоздание которого стало возможным благодаря образованию в 1992 г. Ингушской Республики.

Четвертый этап: 1993–1998 гг. 27 мая 1993 г. был вновь открыт научно-исследовательский институт. Директорами института в этот период были Чахкиев Джабраил Юрьевич, Мужухоев Макшарип Баудинович, Муталиев Тамерлан Хаджибикарович.

Основные направления деятельности института в этот период: изучение истории, археологии, антропологии, этнографии, языка, фольклора, литературы, растительного и животного мира Ингушетии.

В 1994 г. в институте открываются пять отделов: истории Ингушетии, ингушского языка, ингушской литературы, археологии и этнографии, экономики и социологических исследований.

В декабре 1998 г. на основании указа «О ликвидации Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук» институт прекратил свою деятельность. Вместо него в структуре Государственной архивной службы РИ было создано подразделение по научным исследованиям, функции ликвидированного института были переданы Государственной архивной службе РИ и Ингушскому государственному университету.

Пятый этап: 2001 г. — по настоящее время. Указом Президента РИ в январе 2001 г. государственное учреждение «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук» вновь создано при правительстве РИ. Ему присвоено имя первого ингушского учёного, просветителя, этнографа и историка Ч. Э. Ахриева. Возглавляли НИИ: в 2001–2004 гг. Куркиев Ахмет Бесланович, в 2004–2013 гг. Дахкильгов Ибрагим Абдурахманович, в 2013–2014 гг. Тангиев Бахаудин Батырович, в 2014 г. Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна, с 2014 г. по настоящее время Барахоева Нина Мустафаевна.

За этот период институтом выпущены многочисленные труды: «Антология ингушского фольклора» (в 10 томах) (И. А. Дахкильгов); «История Ингушетии» (М. Б. Долгиева, Н. Д. Кодзоев, М. М. Картоев, Т. Х. Матиев, З. Р. Дзумагова, М. Н. Катиева и др.); «Ханзара гIалгIай литература» («Современная ингушская литература»: в 4-х тт.) (А. М. Евлоева, Х. М. Мартазанова, А. И. Салсанова, Л. Х. Танкиева, А. А. Хаджиева, С. А. Шадиев), «Ингушский нартский эпос» (Н. Д. Кодзоев, М. А. Матиев), «Современный ингушский язык. Морфемика. Словообразование» (Н. М. Барахоева, Ф. М. Илиева, Р. Р. Хайрова) и другие.

Анализируя этапы развития и становления института и всей науки в регионе, можно сделать вывод о том, что сильнейший ущерб науке и научно-просветительской деятельности был нанесён такими трагическими событиями, как Великая Отечественная война, депортация, территориальные конфликты, а также вследствие утери, уничтожения, передачи в музеи за пределы региона представляющих ценность для научных исследований историко-культурных материалов, происходившие в результате всех преобразований.

Сейчас в институте всего 29 штатных единиц научных сотрудников, которые работают в следующих отделах: истории Ингушетии с сектором историко-культурного наследия; ингушского языка; ингушского фольклора и литературы; ингушской этнологии; социально-политических исследований.

На данном этапе основная направленность исследований института — это филология (языкознание, литературоведение); история и историография; этнография и этнология; этнопсихология; политология и социология; культурология; фольклористика.

Основными целями научно-просветительской деятельности института в настоящее время являются:

- сохранение родного языка;
- воспитание молодёжи;
- история народа и Ингушетии.

Основные формы научно-просветительской деятельности института:

- презентация научной литературы. Отдельные издания размещены на сайте института для полноценного свободного ознакомления с ними: например, монография «Культура уважения к старшему и речевой этикет ингушей» (Л. Т. Агиева). Сотрудники института также поддерживают связь с ингушскими диаспорами из стран СНГ и зарубежья, распространяют научную, методическую и другую литературу, а в последнее время проводят совместные онлайн-мероприятия;
- проведение публичных лекций и участие в дискуссиях на различных интеллектуальных площадках республики. Сотрудники института читают лекции для молодёжи, целью которых является сохранение и укрепление ингушских обычаев, традиций и языка;

- проведение мероприятий, нацеленных на формирование гражданской идентичности;
- выставочная деятельность, которая включает организацию и проведение выставок научных изданий института, фотодокументов, собранных в архивах РФ, Казахстана, Киргизии; предметов декоративно-прикладного искусства, являющихся воссозданными образцами национального творчества;
- организация и проведение творческих встреч;
- выступление в СМИ по разным актуальным вопросам: на радио «Ингушетия», ГТРК «Ингушетия», «НТРК «Ингушетия», в газетах «Ингушетия» и «Сердало»;
- размещение серии видеороликов о научной деятельности института, в частности, в области изучения культурного наследия. При этом используются приёмы, характерные для инфотейнмента, то есть нацеленные как на развлечение, так и на информирование аудитории. Простой и лёгкий стиль изложения позволяет донести серьёзную информацию до широкой аудитории;
- трансляция всех научных мероприятий, проводимых в стенах института, на национальном телеканале, что повышает интерес общества к проблемам национальной культуры, истории, языка, а также проводится с целью повышения прозрачности научной деятельности.

Научно-просветительская деятельность института также включает и решение задач по популяризации научно-психологического знания. На это направлено участие в теле- и радиопередачах по актуальным темам: «Этнокультурный аспект детско-родительских отношений», «Депрессия: признаки, способы помощи и меры профилактики», «Когнитивные нарушения у людей старшего и пожилого возраста», «Психологическая подготовка ребёнка к школе» (Р. Х. Ганиева) и др. Кроме того, проводятся дни открытых дверей для ознакомления школьников и студентов с деятельностью института.

Таким образом, со дня своего основания институт проводит разностороннюю научно-просветительскую работу и занимается популяризацией знаний. Основными задачами научно-популяризаторской деятельности в ближайшей перспективе являются создание положительного образа учёного и научной деятельности, укрепление горизонтальных связей института и гражданского общества.

Основные проблемы — высокая загруженность сотрудников основной работой и отношение научного сообщества к научно-просветительской деятельности, и, в частности, к популяризации науки. Так, «существует убеждение, что учёным необходимо больше участвовать в общественной жизни, в том числе через работу по популяризации науки, научно-просветительскую деятельность, и что существует запрос со стороны общества на это, но с другой стороны, научное сообщество нередко негативно относится к подобным “публичным представителям” науки» [5, с. 63–68].

Необходимость научно-просветительской работы заключается в том, что научные знания «позволяют адекватно реагировать на социальные изменения, принимать оптимальные решения в условиях неопределенности, противостоять воздействию конспирологических теорий, мифов и мистификаций» [5, с. 63–68], а также своевременно принимать меры по укреплению межнационального согласия и общероссийской идентичности.

Необходимость популяризации гуманитарных научных знаний в немалой степени связана не только со значением всемерного стимулирования национального инновационного развития, но и с упадком собственно гуманитарной науки (несмотря на общую популярность гуманитарных направлений профессиональной подготовки, его качество в последние десятилетия существенно снизилось, что негативно сказалось на репутации гуманитарного сектора), кадровым кризисом в системе гуманитарных знаний, «утечкой мозгов» [11, с. 112–119]. Среди проблем популяризации гуманитарной науки — низкий эффект впечатления от демонстрации достижений в сравнении с техническими областями, отсутствует неожиданность, wow-эффект. Задача показать силу гуманитарных знаний крайне сложная. Даже впечатляющие плакаты с пояснениями о том, как правильно ставить ударение, впечатлят аудиторию намного меньше, чем демонстрация оптической иллюзии или эффектный трюк с несложной химической реакцией.

Следует указать на другие современные проблемы популяризации гуманитарных наук, такие как номинальный характер соответствующей деятельности, отсутствие энтузиазма у учёных (ключевых субъектов научного просвещения), устаревшие технологии, ограниченность бюджетов.

Немаловажным фактором успешности научно-просветительской работы является готовность представителей различных возрастных

и социальных групп к восприятию научных знаний, на формирование которой оказывает влияние «широкий спектр социальных, исторических, психологических и когнитивных условий, задающих ключевые характеристики интеллектуальной среды и определяющих ее изменения» [13, с. 23–30]. Исходя из изложенного, целесообразным представляется определить пути развития научно-просветительской деятельности в области гуманитарных наук.

1. *Популяризация науки по принципам рекламной деятельности.* Один из приоритетных подходов к улучшениям в предметной области — существенное повышение профессионализации деятельности по популяризации гуманитарных наук. В то время как ранее к ней допускались лишь некоторые когорты профессионалов (сами учёные, а также журналисты с определённой подготовкой) и, с сожалением приходится констатировать, случайные люди, то для обеспечения скачка в качестве соответствующей деятельности нельзя обойтись без поддержки со стороны специалистов в области маркетинга и рекламы. Необходимо отметить, что в современных терминах деятельность в области популяризации научных знаний может рассматриваться как направление социальной рекламы [10, с. 84–94]. Следовательно, соответствующая деятельность характеризуется специфическими чертами: с одной стороны, подчиняется законодательству о рекламе, с другой стороны, позитивно воспринимается населением и пользуется многочисленными льготами. Представляется важным рекомендовать развитие системы подготовки профессионалов в области социальной рекламы, в том числе продвижения научных знаний и научной деятельности средствами и инструментами рекламы.

2. *Развитие пиар-деятельности в области науки.* С учётом кризиса общественного интереса к науке и научным исследованиям, особенно среди подрастающего поколения, необходимо обеспечить профессиональную пиар-поддержку гуманитарной науки, к которой должны быть привлечены не просто наиболее видные учёные, но, прежде всего, те, кто, с одной стороны, вызывают объективный интерес у целевой аудитории (для выявления которого могут быть применены методы социологических исследований, включая опросы и фокус-группы), и с другой стороны, обладают способностью лучше донести послание до аудитории с учётом сложности презентации гуманитарных знаний, не обладающих wow-эффектом. Соответствующая деятельность не может быть успешной без профессионального управления

пиаром (включая задействование специалистов, достигших успехов в коммерческом секторе), без сотрудничества с исследовательскими учреждениями — поставщиками лиц и историй научного успеха для результативной пиар-деятельности.

3. *Цифровизация научно-просветительской деятельности.* Новые цифровые технологии пользуются колоссальным интересом у различных групп населения и, прежде всего, у детей и молодёжи [3, с. 26–43]. Развивая это направление, не следует избыточно фокусировать внимание на том, что цифровизация относится к системе точных наук. Прежде всего, важно понимать, что цифровые технологии расширяют и укрепляют систему познаний, в том числе экспериментальной деятельности, во всех сферах жизнедеятельности общества, включая гуманитарные. В качестве примера могут быть приведены цифровые платформы комплаенса (проверки документации предприятий, заключаемых договоров и др. на соответствие нормам действующего законодательства) — это будущее юриспруденции, которое уже наступило [4, с. 15–26].

Искусственный интеллект способен анализировать большие массивы данных, в том числе, например, социологических, и предсказывать радикальные перемены в обществе на таком уровне качества, который ранее казался немислимым. А в экономике цифровизация и вовсе является главным трендом развития — от киберфизических технологий, заменяющих физических работников на различных сложных и опасных участках, до финансовых технологий, разрабатываемых на основе технологий блокчейна, которые полностью переворачивают устоявшиеся веками представления о финансах [6, с. 14–26].

Цифровые технологии, такие как искусственный интеллект и нейросетевые платформы, робототехника, «Интернет вещей», облачные хранилища и манипуляторы, а также многие другие стали незаменимым помощником учёного-исследователя, значительно улучшив потенциал высококачественных научных разработок и принципиальное проведение тех, которые прежде были невозможны для человека. Распространение цифровизации стало триггером столь глобальных перемен, что на международном уровне период со середины 2010-х гг. называют новой индустриальной цифровой революцией. Цифровые технологии, такие как пиринговые (распределённые, без централизованного оператора данных) платформы обмена знаниями, интерактивные стенды и роботы-популяризаторы, равно как и многие другие, оказывают посильную поддержку научно-просветительской деятельности.

В условиях кризиса гуманитарных научных знаний, сложностей популяризации гуманитарных наук важно пересмотреть подходы в данной сфере, полагаясь на конвергенцию усилий выдающихся учёных, способных увлечь массовую аудиторию, а также профессионалов в области социальной рекламы и связей с общественностью. Научно-популярная деятельность должна приобрести системный характер, что может быть обеспечено и за счет её цифровизации.

Литература

1. *Агиева Л. Т.* Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, 90 лет. — Ростов-н/Д. : Южный издательский дом, 2016. — 143 с.
2. *Агиева Л. Т.* История становления и развития Ингушского научно-исследовательского института: Владикавказ (1926) — Магас (2021) // Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра : материалы междунар. науч. конфер., посвящ. 95-летию создания Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева (Магас, 12–13 октября 2021 г.). — Магас : КЕП, 2021. — С. 7–38.
3. *Белоусов Ю. В.* Цифровая экономика: понятие и тенденции развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2021. — № 1. — С. 26–43.
4. *Головин С. В., Луценко М. С., Шендрикова О. О.* Вопросы организации комплаенс-контроля в условиях цифровой экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Экономика и управление. — 2021. — № 2. — С. 15–26.
5. *Горина Т. С.* Научное просветительство и развитие науки // Культура. Духовность. Общество. Современность : сб. материалов II междунар. науч.-практ. конфер. (Новосибирск, 01–29 ноября 2017 г.). — Новосибирск : Центр развития научного сотрудничества, 2017. — С. 63–68.
6. *Евдокимова Ю. В., Шинкарёва О. В.* Мировой финтех: основные тренды // Международная экономика. — 2021. — № 1. — С. 14–26.
7. *Коваль А. Н., Коваль Ю. Н.* Финансовая грамотность населения России // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2022. — № 1-1. — С. 106–108.
8. *Нанаева Б. Б.* Чечено-ингушский научно-исследовательский институт: вехи истории // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института) : сб. ст. междунар. науч. конфер. (Магас, 14–16 ноября 2016 г.). — Магас : Пилигрим, 2016. — С. 51–54.

9. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Федеральный закон РФ от 05.04.2021 г. № 85-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 15 (Ч. I). Ст. 2452.
10. Полушкин В. А. Проблемы популяризации науки в России в контексте изменений правового регулирования просветительской деятельности: Текст электронный // Национальная безопасность / Nota Bene. — 2021. — № 4. — С. 84–94.
11. Степанчук Ю. А. Гуманитарное знание между цифрой и смыслом: к вопросу о роли гуманитарных наук в цифровом обществе // Известия Уральского федерального университета. Сер. : Проблемы образования, науки и культуры. — 2020. — Т. 26. — № 1. — С. 112–119.
12. Ткачук С. П., Митяев Д. А. «Мягкая сила» науки и образования в развитии евразийской экономической интеграции // Экономические стратегии. — 2018. — Т. 20. — № 2. — С. 182–189.
13. Токарева С. Б., Горина Т. С. Научно-просветительские практики в условиях информационной технологизации интеллектуальной среды // Logos et Praxis. — 2017. — № 4. — С. 23–30.
14. Юдина И. Г. Некоторые аспекты локального регулирования просветительской деятельности в научных организациях // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2022. — № 3. — С. 95–110.

Lyudmila R. BARAKHOEVA,

Cand. Sci. (Economics and Management of the National Economy),
Senior Researcher, Ingush Scientific Research Institute, Magas,
Republic of Ingushetia, Russia, lirout@mail.ru.

Marina A. ARSELGOVA,

Researcher, Ingush Scientific Research Institute, Magas,
Republic of Ingushetia, Russia, marinaarselgova@mail.ru.

Scientific and Educational Activities of the Ingush Research Institute of Humanities: Current Trends and Prospects

The subject of the study is the scientific and educational activities of Ingush scientists, the object of the study is the State Budgetary Institution “Ingush Research Institute of Humanities”. The purpose of the study is to present the system of scientific and educational activities, its mission, mechanisms and principles of organization in the only research institute of humanities in the region, as well as to identify the main problems in the popularization of science in the Republic of Ingushetia and as a whole in the Russian

Federation. The empirical basis of the article is the scientific publications of scientists of the Ingush Research Institute of Humanities, the Decree of the Government of the Russian Federation dated 01.07.2022 No. 1195 "On approval of the Rules of educational activities", archival documents, periodicals, scientific articles and monographs, video reviews.

The article analyzes the practical activities of Ingush scientists contributing to the growth of the level of general culture and education of the population. The main forms of scientific and educational activity of scientists of the Ingush Research Institute of Humanities are scientific and practical seminars and conferences, round tables, lectures at schools and universities, participation in media projects on regional television. Attention is drawn to the problem of preserving the native language, cultural education, education, historical and cultural monuments of the Ingush people. Special attention is paid in the article to the need to popularize scientific knowledge.

Keywords: scientific popularization, popularization of science, cultural heritage, Ingush Research Institute, Osman S. Akhriev, Georgy K. Martirosian, Leonid P. Semenov, Zaurbek K. Malsagov, Said-Bey A. Arsanov, Osman D. Dolakov, Maryam D. Chentieva, Dosluko D. Malsagov.

А. А. Михайлова*

Деятельность А. С. Ярешко по возрождению и преемственности традиции православного колокольного искусства (к 80-летию со дня рождения)

Статья посвящена деятельности музыковеда-фольклориста, учёного-кампанолога А. С. Ярешко (1943–2018) по изучению и сохранению искусства колокольного звона через организацию образовательного процесса в учебных заведениях. Автор обобщает опыт работы факультатива «Колокольное исполнительство», впервые организованный в Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, а также школ звонарей. Рассматривается процесс обучения, где слушатели получали полноценные практические навыки игры на колоколах.

Ключевые слова: кампанология, колокольный звон, программа обучения, жанры колокольной музыки, региональные традиции звонов, школа звонарей, Ассоциация колокольного искусства России.

---

* МИХАЙЛОВА Алевтина Анатольевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, Саратов, Россия, jareshko@mail.ru.

Осознание роли и понимание безусловной ценности учёного-исследователя как традиционного музыканта, носителя традиции, выдающейся личности особенно актуально в настоящее время. Талантливые исследователи открывают нам шедевры традиционной культуры, происходившие в традиционной культуре процессы, многие из которых безвозвратно исчезли. В деятельности учёных-этномузыкологов старшего поколения сформировались методики исследования явлений и процессов традиционной культуры, практического постижения традиции в разных жанрах.

Александр Сергеевич Ярешко (1943–2018), профессор, доктор искусствоведения, музыковед, педагог, общественный деятель, учёный-кампанолог, лауреат национальной премии имени Д. С. Лихачёва «За выдающийся вклад в сохранение культурного наследия России», основатель научного направления «Музыкальная кампанология», известен как убежденный пропагандист одной из самых малоизученных до настоящего времени сфер отечественной культуры — русских колокольных звонов. Его деятельность по возрождению основ русской культуры — православных колокольных звонов ещё при его жизни снискала признание тех, кому не безразличны история, судьба, национальные традиции нашего Отечества.

Возрождение православных колокольных звонов после многих десятилетий забвения начиналось в 1970-х гг., когда несколько учёных-энтузиастов независимо друг от друга стали заниматься изучением колокольного искусства. А. С. Ярешко относился к задаче наполнения звукового пространства нашей страны колокольной музыкой как к миссии и отдавался изучению звонов с подлинно научной основательностью и творческим воодушевлением.

В 1978 г. появилась первая статья А. С. Ярешко «Колокольные звоны — инструментальная разновидность русского народного музыкального творчества» [2], ставшая основополагающей в определении смыслового наполнения и жанровой принадлежности колокольных звонов и ориентиром в их понимании в дальнейших научных исследованиях. В 1996 г. А. С. Ярешко защитил кандидатскую диссертацию по теме «Колокольные звоны — один из истоков национального своеобразия творчества русских композиторов» [3]. В ней искусство колокольного звона рассматривается музыкально-инструментальной формой традиционного народного творчества. Автором сформулированы положения о музыкально-художественной сущности отечественных колокольных

звонков, определено место этого искусства в общем ряду национальных духовных и культурных ценностей, подробно проанализировано влияние звонков на творчество русских композиторов. В 2007 г. им защищена докторская диссертация по теме «Русские православные колокольные звоны в синтезе храмовых искусств: история, стилистика, функциональность». Она была посвящена изучению аутентичных православных звонков как яркой составляющей храмовых искусств [6].

Помимо плодотворной научной работы Александр Сергеевич стоял у истоков создания в 1989 г. Ассоциации колокольного искусства России (АКИР), в структуре которой с активным его участием и под его руководством (её президентом он был почти 25 лет) осуществлялось множество мероприятий по возрождению православных колокольных звонков. Были встречи с высшими иерархами Православной церкви, с Патриархом Алексием II, который всячески поддерживал работу по восстановлению колоколен и возрождению колокольного звона в отрывающихся в тот период православных российских храмах.

Весь свой опыт, полученный в экспедициях от потомственных звонарей, с которыми ему удалось общаться в 1970-х гг. в монастырях, не закрытых в годы советской власти, а также от звонарей небольших кладбищенских церквей, он вложил в основу практического курса «Колокольное искусство». Зачастую ему приходилось выступать в роли консультанта не только по подбору звонных наборов колоколов, но и при восстановлении или строительстве колоколен, которые воспринимались как архитектурные сооружения, но не как музыкальные инструменты [4].

Деятельность Ярешко с 1990-х гг. связана с оказанием методической и практической помощи епархиям, музеям, администрациям городов и сёл, музыкальным коллективам различных регионов России в возрождении колокольного искусства. В дальнейшем список мероприятий значительно расширился: экспертиза колоколов на вновь организованных колоколотейных производствах, консультации по строительству, оснащению колоколен и звонниц колоколами, проведение всероссийских и международных фестивалей колокольной музыки, научно-практических конференций и др.

Я остановлюсь на рассмотрении его организации обучения звонарскому искусству. Ярешко первым стал разрабатывать и продвигать в академических заведениях учебное направление по изучению искусства колокольного звона.

Александр Сергеевич всегда подчёркивал значимость колокольного звона как важнейшего, уникального, художественно своеобразного вида искусства, занимающего достойное место в национальном наследии отечественной культуры. С его точки зрения, он был таким же важным видом искусства, как и вокал, иконопись, зодчество, народные ремёсла. По своему художественному содержанию колокольная музыка является инструментальной разновидностью русского народного музыкального творчества [2]. Её влияние на музыку великих русских композиторов, создавших классический стиль, неоспоримо. Для Глинки, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Скрябина, Рахманинова и других композиторов колокольные звоны — это голос Родины, русского народа, подлинно народное творчество, один из ярчайших источников колористичности музыкального языка. Музыка Свиридова, Щедрина, Гаврилина и других композиторов также впитала жанровое многообразие искусства колокольного звона. Поэтому логично было организовать подобный факультатив именно в музыкальном учебном заведении.

На протяжении более 30 лет А. С. Ярешко с энтузиазмом занимался профессиональной подготовкой звонарей. Первым опытом была организация в 1992 г. факультатива «Колокольное искусство»¹ в СГК имени Л. В. Собинова, а в дальнейшем осуществлялось в формах краткосрочных курсов, мастер-классов и школах звонарей при храмах и епархиях.

В этом была насущная необходимость, так как в 1990-е гг., в период начавшегося возрождения православных традиций, звонарей просто не было. Вот как он вспоминал свои поездки по Краснодарскому краю, *«где в 1990-х гг. восстанавливалось и строилось заново до тысячи церквей, при этом на весь край не было ни одного (!) звонаря. Пришлось открывать в университете культуры Краснодара школу звонарей, проводить фестиваль колокольных звонов в Краснодаре, по просьбе народного артиста РФ В. Г. Захарченко выделять для концертных поездок Кубанского хора несколько звонарей, которые сопровождали ряд песенных номеров звоном»* [4].

Ярешко обосновал наиболее приемлемую форму организации факультатива «Колокольное искусство» на кафедрах и отделениях народного хора, где студенты изучали народное музыкальное творчество

---

¹ «Колокольное исполнительство», «Искусство колокольного звона» (факультатив по-разному назывался в разные годы в образовательных программах специалитета, бакалавриата, магистратуры. — А. М.).

в его жанровом многообразии, проводили фольклорные экспедиции, приобретали навыки расшифровки фольклора.

Обучение студентов высшего звена предполагало комплексную систему, для чего А. С. Ярешко были разработаны и внедрены в учебный процесс разноуровневые программы подготовки звонарей. Факультатив по изучению звонов в Саратовской консерватории могли посещать студенты разных специальностей. В основном это интересовало народных хормейстеров, академических вокалистов, композиторов, музыковедов. При этом предпочтение не обязательно отдавалось юношам, из практики известны женщины-звонари, которые владели искусством звона на высоком художественном уровне.

В дальнейшем многие выпускники, наряду с основной специальностью, в той или иной форме работали и звонарями. Профессиональные музыканты-звонари востребованы не только в церковных храмах, но также в историко-этнографических музеях, музеях-заповедниках, учреждениях культуры, имеющих в своем распоряжении звонницы. В 1989 г. Министерством культуры РСФСР утверждена штатная единица мастера колокольного звона. Такая работа хорошо могла сочетаться с их основной специальностью, допустим, руководителя фольклорного ансамбля или народного хора.

Требования к уровню освоения содержания курса, изложенные в программе, говорят о серьезном научно-методическом подходе к процессу обучения. Они включали в себя следующее: «По окончании курса необходимо **знать** историю и теорию православной колокольной музыки во всем ее многообразии, жанровые разновидности и особые формы русской православной колокольной музыки, региональные традиции колокольной музыки и их стилевые особенности; **уметь** воспроизводить основные жанровые разновидности и формы православной колокольной музыки, расшифровывать колокольную музыку, передать свои знания и практические навыки начинающим звонарям; **владеть** принципами извлечения звука на колоколах, принципами музыкальной импровизации на колоколах; принципами нотировки колокольной музыки; методикой этнографического описания колоколов и записи колокольных звонов с помощью соответствующей аппаратуры» [5].

Программа освоения курса включала два взаимодополняющих раздела: лекции по истории и теории искусства колокольных звонов, куда входили темы по методике этнографического описания колоколов, записи и расшифровке колокольных звонов, и практические занятия.

При такой форме полученные на лекциях теоретические знания подкреплялись практическим освоением пройденных тем.

Работа факультатива предполагала обязательное наличие учебной базы-звонницы, где учащиеся получали полноценные практические навыки. Кроме этого, была оборудована «малая» звонница, которая располагалась в помещении учебного заведения. Такую звонницу Александр Сергеевич лично собирал, приобретая колокола в поездках по стране, подбирая их по эстетике звучания между собой.

При обучении особое внимание уделялось вопросам *жанровых разновидностей звонов* как особой формы русской православной музыки, анализ которых включал исторические сведения о возникновении жанра, описание музыки жанра в литературе прошлых столетий, указание на исполнение жанра в церковных уставах, современное бытование жанра, фольклорные записи жанра, их прослушивание и обсуждение с учащимися. В региональных традициях выделялись звоны Русского Севера, Москвы и Подмосковья, северо-западных областей России, Волжского региона. Изучение охватывало следующие темы: «история заселения региона; традиции архитектурных сооружений и колоколен региона; количество колоколен в прошлом и их сохранность в наши дни; оснащённость их колоколами в прошлом и в настоящее время; наиболее яркие традиции звона в регионе; звонари и их «школы»; особенности стиля колокольной музыки в данном регионе; жанры, бытующие в настоящее время»; а также включало прослушивание записей колокольной музыки региона и её анализ [5].

Существенной стороной постижения искусства колокольного звона были вопросы многоуровневых *канонических установок* в технике звона, его формообразовании, фактурной организации и жанровых особенностях — основ, сложившихся на протяжении столетий.

Импровизация и вариантность звонов как проявление когнитивных особенностей звонаря в большей степени реализовались в праздничных «красных» звонах, менее всего ограниченных стилевыми исполнительскими канонами и в большей степени выражающие творческую индивидуальность звонаря. Однако, как подчёркивал А. С. Ярешко, импровизация в звонах предполагает знание канонических основ традиции и может реализовываться только в рамках эстетики традиции. Он знакомил студентов со своими подлинными записями звонов 1970-х гг., записанных от потомственных звонарей в храмах и монастырях, которые чудом не были закрыты в XX веке. Это звоны Ростовского кремля,

Псково-Печерской лавры, звон Владимира Ивановича Машкова, звонаря Новодевичьева монастыря в Москве, звон игумена Михея, звонаря Троице-Сергиевой лавры. Они — своеобразные звоны-эталоны, которые он неоднократно записывал на протяжении своей деятельности [6].

Александр Сергеевич очень трепетно и с научным подходом относился к понятию «преемственности традиции звонов». На протяжении десятилетий он продолжал наблюдать процессы, которые происходили в том или ином регионе, в той или иной церкви в плане сохранности и передачи стилевых особенностей традиции звонов. Показательно интервью, данное в Астрахани Константину Гузенко в 2014 г.: *«Тридцать лет тому назад я записывал здесь колокольные звоны, причем записывал от потрясающих звонарей, потомственных звонарей, которым было по 80–85 лет. С этого, собственно, и начались мои колокольные записи. И вот мне очень нужно сейчас, когда я издаю монографию о колокольном искусстве, посмотреть, а что же за тридцать лет здесь произошло?... Насколько колокольное искусство за 30 лет претерпело какое-то или изменение, или полностью разрушилось, как это бывает с фольклором, или наоборот, уточнишь какие-то тенденции позитивные. И это вообще поразительная вещь! Я записал буквально вот в эти дни звон <...> в церкви Иоанна Златоуста. Там когда-то был старейший звонарь, ему было 80 лет, Василий Ефимович Материкин. И вот мне просто было потрясающе интересно: а что сейчас делается в этой церкви? И я вижу — колокольня новая, построенная, уже реставрированная по тому типу, который и был. Потому что раньше была маленькая, невзрачнейшая. И она не позволяла громко звонить. Все было очень скромно. Но этот старейший звонарь Материкин, он звонил по-настоящему ярко, по-волжски. Это потрясающий был звон! И вот мне звонит сегодняшней звонарь, через тридцать лет, и он продолжает ту же традицию Материкина. Я начинаю выяснять. Оказывается, он принял эту традицию не от самого Материкина, а от последующего ученика, а вот потом уже его ученика. И тот звон — это пример в тех же традициях... это просто какое-то замечательное потрясение!» [1].*

Возрождение колокольных звонов как важного и стилистически яркого элемента в синтезе храмовых искусств было воспринято как возвращение и обретение вновь утраченного культурного наследия. Звонарское искусство стало необычайно востребовано. При активном содействии Александра Сергеевича аналогичные факультативы и школы по подготовке звонарей, краткосрочные курсы при храмах и епархиях были открыты в различных городах: Астрахани, Краснодаре, Камышине,

Пензе, Ульяновске, Чебоксарах (Чувашия), Алексеевке, Елабуге (Татарстан), Минске (Белоруссия), Мехелене (Бельгия). Особенно эффективно школы звонарей работали при храмах и епархиях, взаимодействовавшие с казачьими объединениями, с атаманами станиц, которые были заинтересованы в возрождении православного искусства. А. С. Ярешко и созданный им ансамбль звонарей «Колокольные виртуозы России» с передвижной звонницей постоянно принимали участие в массовых праздниках, посвящённых дням Победы, дням города, памятным датам во многих регионах России.

Развивались и международные связи. В 1998 г. А. С. Ярешко со своими студентами приняли участие в Международном фестивале искусств в Бельгии, где он выступал с мастер-классом и докладом о русском колокольном искусстве и был награждён почётным дипломом. Одна из тем его докладов — «Православная звонница и западноевропейский карильон: музыка колокола и музыка на колоколах» — была посвящена различиям в стилистике звучания колоколов русской и европейской традиций. Там же его ученик Сергей Грачёв первым из российских звонарей стал лауреатом Международного конкурса и получил приглашение стажироваться в Королевскую школу звонарей. Его идея о создании Международной славянской ассоциации кампанологов осуществилась частично, когда в организацию включились белорусские звонари, учёные-кампанологи, производители колоколов. В 2001 и 2004 гг. он был одним из организаторов фестиваля и конкурса звонарей в Белоруссии, где соединилось искусство двух братских народов, одновременно оказывал методическую помощь творческим и научным кадрам: открытием школы звонарей при центральном соборе «Сошествия Святого Духа» в Минске.

Факультатив готовил специалистов «Мастер колокольного звона» на протяжении 26 лет и был очень востребован студентами разных специальностей — музыковедами, композиторами, вокалистами, народниками. Реализация программы курса — это образец сохранения национальных традиций в народно-инструментальном искусстве через образовательную систему. Необходимо обратить внимание на факторы, способствовавшие успешной работе. В основу программы были положены личный опыт изучения традиций колокольной музыки, истории и теории колокольного искусства, работа в архивах, научных библиотеках и практическое знание жанровых и региональных разновидностей колокольных звонов, полученное в экспедициях, регулярно проводившихся на протяжении десятилетий.

Безвременный уход Александра Сергеевича из жизни — это невосполнимая потеря. Он жил творческими планами, идеями научных исследований. Своей бесконечной неустанной деятельностью, эмоциональной наполненностью, творческой энергией он увлёк и воспитал много учеников и последователей. В настоящее время в консерватории продолжается работа факультатива, который с 2019 г. ведёт его ученица, лауреат всероссийских конкурсов звонарей, кандидат культурологии С. П. Маркина. Помимо педагогической работы, С. П. Маркина служит регентом будничного и руководителем любительского хора в Свято-Троицком соборе Саратова, а также регентом праздничного хора в Николо-Тихвинском храме Саратова, является автором ряда статей о церковном пении и колокольном звоне.

Свою идейную установку учёного-просветителя, которой Александр Сергеевич следовал всю свою жизнь, он озвучил в одной из своих лекций: *«По всей России высятся колокольни — монументальные музыкальные инструменты, роль которых в истории общества трудно переоценить. Именно колокольни как важнейший знаковый элемент храмового комплекса охватывали своей архитектурой и, главное, звуковой энергией все великое пространство страны, выполняя важную коммуникативную функцию, объединяя и сплачивая народ в его помыслах, верности абсолютным ценностям Православия, Родины, духовности, а в целом — священной Соборности. Поэтому социальная роль колоколов и звонов в России в этом аспекте представляется важной и особо значимой»* [4].

Литература

1. Ярешко А. С. Интервью К. Гузенко для астраханского радио. 2014 г.
2. Ярешко А. С. Колокольные звоны — инструментальная разновидность русского народного музыкального творчества // Из истории русской и советской музыки. — Вып. 3. — М. : Музыка, 1978. — С. 36–73.
3. Ярешко А. С. Колокольные звоны один из истоков национального своеобразия творчества русских композиторов : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02. — М., 1996. — 168 с.
4. Ярешко А. С. Личный архив.
5. Ярешко А. С. Рабочая программа факультативного курса «Колокольное исполнительство». — Саратов, 2010. — 35 с. Рукопись // Архив СГК имени Л. В. Собинова.
6. Ярешко А. С. Русские колокольные звоны в синтезе храмовых искусств: история, стилевые основы, функциональность : дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.02. — М., 2005. — 427 с.

Alevtina A. MIKHAYLOVA,
Dr. Sci. (Music Art), Prof., Head, Department
of Folk Singing and Ethnomusicology, Saratov State Conservatory,
Saratov, Russia, jareshko@mail.ru.

Alexandr S. Yareshko's Activity on the Revival and Continuity of the Tradition of Orthodox Bell Art (to the 80th Anniversary of his Birth)

The article is devoted to the activities of musicologist-folklorist, scientist-campanologist Alexandr S. Yareshko (1943–2018) on the study and preservation of the art of bell ringing through the organization of the educational process in educational institutions. The author summarizes the experience of the elective on the topic: "Bell Performance", organized for the first time at the Saratov State Conservatory, as well as bell ringers' schools. The learning process is considered, where students received full-fledged practical skills of playing the bells.

Keywords: *campanology, bell ringing, training program, genres of bell music, regional ringing traditions, bell ringers' school, Association of Bell Art of Russia.*

Л. Н. Кузнецова*

Взаимодействие национальных культур как путь духовного, патриотического и художественно-эстетического общения

Статья посвящена художественно-эстетическому общению как инструменту воспитания духовных качеств и патриотических чувств молодёжи. Исходя из широкого понимания категории *национальное чувство* (трактовка, предложенная И. А. Ильиным), автор статьи даёт анализ различных аспектов деятельности одного из ведущих просветительских учреждений Новороссийска — Городского центра национальных культур (ГНЦК), который в 2023 г. отмечает своё 25-летие. Материалами исследования послужили сведения об истории этого учреждения, планы работы, данные анкетирования руководителей ряда творческих подразделений ГНЦК. Сделан вывод о ключевой значимости и необходимости региональной и муниципальной поддержки учреждений, эффективно сочетающих в себе свойства платформы просвещения, культурного общения и воспитания молодёжи.

---

* КУЗНЕЦОВА Людмила Николаевна, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин Новороссийского музыкального колледжа имени Д. Д. Шостаковича, Новороссийск, Краснодарский край, Россия, lyuda.kuznetsova.2022@mail.ru.

Ключевые слова: взаимодействие национальных культур, социокультурная политика, гражданское самосознание молодёжи, Центр национальных культур города Новороссийска, фестиваль национальных культур «Новороссияне», традиции городского сообщества, духовность, суверенность, мораль.

Философ и историк первой половины XX века Иван Ильин, определяя понятие *национальное чувство* как «духовный огонь» и источник достоинства народов, подчёркивал, что национальное чувство «учит покаянию и смирению», «открывает глаза на достоинство и своеобразие других народов, необходимость чтить духовные достижения и национальное чувство других народов» [1]. Таким образом, сущность национального чувства коренится в гражданственности, культуре и духовности. Оно вбирает в себя проявление любви и уважения к истории своего народа, веру в силу его души, принятие его талантов и духовных проблем, его недостатков и достижений, уважение к культуре и национальным традициям народов мира, их историческому развитию.

Эти общезначимые историософские тезисы целиком подтверждают себя в истории города-героя Новороссийска, возникшего в 1830-х гг. как город-порт на Черноморском побережье, издревле заселённом разноликими этносами. Его история соткана калейдоскопом культур, присущих данному региону. Культурно-историческая память, стремление сохранить уважительное отношение к вкладу всех народов, населяющих город, очень важны на фоне многочисленных политических катаклизмов.

Как положительный фактор, стремление идти навстречу чувству национального самосохранения сочетается с умением уважать менталитет друг друга. Эту исторически свойственную жителям Новороссийска особенность подмечают многие гости города (и справедливо называют особенностью русского народа, чертой его уникально широкой культурной ментальности). Духовное единство людей доказано и сохранением самобытных культур живущих здесь национальностей, и их равноправием в душевно-дружеском и бытовом общении. Исторически сложившиеся культурные формы единения горожан поддерживаются Городским советом (руководитель совета Сергей Геннадиевич Новиков) и развиваются под эгидой национальных обществ Городского центра национальных культур (МБУ «ГЦНК», с 12 июля 2022 г. его директором является Гоар Давидовна Карапетян). В 2023 г. ГЦНК отпразднует своё 25-летие.

Здание дома, в котором работает ГЦНК, является одним из памятников истории и культуры Краснодарского края. Оно было построено как синагога в 1908 г. архитектором Борисом Александровичем Уховым.

Горожан знакомит с информацией о деятельности ГЦНК официальный сайт организации [3]. Представители всех национальностей, взрослые и дети, участвуют в мероприятиях, направленных на сохранение культурной памяти, упрочение высоких гражданских чувств, продолжение традиций добрососедства, поддержку языкового многообразия и изучение русского языка, — всего, что способствует быстрой адаптации и пониманию друг друга. Воспитание умственной восприимчивости, уважения к собственной национальной и русской культуре должно находить своё продолжение в семье и в школе.

Уникальность ГЦНК состоит в том, что в нём соединилась работа двух ведомств — управления культуры и департамента внутренней политики. Общим собранием национальных обществ муниципалитета 8 декабря 2021 г. была создана Новороссийская общественная организация «Центр национальных объединений», в который вошли председатели национальных обществ. Традиции и приоритеты остаются прежними: укрепление межнационального гражданского согласия, изучение, сохранение и взаимообогащение национальных культур, решение актуальных гражданских вопросов.

Постоянные тесные контакты связывают национальные общества с Историческим обществом и Обществом национальных культур. Например, по инициативе Совета и городской грузинской национально-культурной общественной организации «Багратиони», мэрия города в октябре 2022 г. одобрила установку на центральной улице города памятника Герою Советского Союза Константину Леселидзе. Генерал-полковник К. Н. Леселидзе (02.10.1903 — 21.02.1944) с марта 1943 г. командовал 18-й армией Северо-Кавказского фронта, удерживавшей позиции в районе Новороссийска, в том числе и на Малой земле. Под его руководством 18-я армия освободила Новороссийск и весь Таманский полуостров. Намеченной установкой памятника на аллее Славы (ул. Советов) накануне 120-летия со дня рождения Леселидзе горожане выражают почтение к памяти командарма.

Уже 30 лет насчитывает традиция проведения в городе Дня национальных культур. Первое такое мероприятие состоялось 4 ноября 1993 г. С 2022 г. его масштабы расширились до Недели национальных культур «Новороссияне». Инициатором грандиозной идеи стала Люд-

мила Арсентьевна Косторнова, тогда начальник управления культуры администрации г. Новороссийска, заслуженный работник культуры Российской Федерации (1994), обладатель медали «За заслуги перед Отечеством 2-й степени (2004) и общественной премии имени Н. Н. Раевского (2011). Одну из главных задач Центра — «нести мир через культуру» — сформулировала Л. А. Косторнова, немало сделавшая для того, чтобы у центра национальных культур появился свой дом на ул. Грибоедова.

Проект «Фестиваль национальных культур «Новороссияне-2022» стал победителем конкурса «Гранты губернатора Кубани». Он был приурочен к Году культурного наследия народов России и к 85-летию образования Краснодарского края. Инициатором проекта и организатором фестиваля выступила автономная некоммерческая организация поддержки социальных инициатив «Третий сектор». Исполнительный секретарь Центра национальных объединений города Новороссийска Инна Кудзиева рассказала, что изюминкой фестиваля явилось создание гигантского лоскутного полотна «Дружба народов» из разноцветных платков всех его участников и гостей. В завершение на Форумной площади 13 сентября прошел гала-концерт с участием более 30 творческих коллективов [4].

В доме ГЦНК (ул. Грибоедова, д. 12) и его филиалах в других районах города проходят концерты детских коллективов, выставки художников города. Работают группы по изучению национальных языков; через фольклор постигаются мировоззрение и традиции, обычаи народов. Сегодня состав Центра национальных культур — 778 чел. в 34-х коллективах различной направленности: хореографических, вокальных, вокально-хоровых, художественных студиях, студиях декоративно-прикладного искусства. Пять из них носят звание «Образцовый художественный коллектив», четыре — звание «Народный самодеятельный коллектив». Создана возможность изучать обычаи, традиции, национальные праздники всех народов, населяющих город. В этой статье будут названы имена руководителей клубов, ансамблей, потому что их работа их не только подвижническая, но и высокопрофессиональная. Качеству выступлений коллективов способствует то, что их лидеры относятся к работе с детьми не менее ответственно, чем к работе с профессионалами. Конечно, не все ребята вырастут профессиональными исполнителями, но они станут интернационалистами, сохраняют в душе любовь и уважение к традициям, обычаям предков, всему лучшему, что есть в современной культуре.

«Народ, который не знает своего прошлого — не имеет будущего». Эту известную мысль высказывали многие руководители коллективов. В ответах на предложенную им анкету они подчёркивали воспитательный и просветительский аспект: танец, песня, изделие, сделанное своими руками, — всё это требует знаний, навыков и мастерства. Увлекательно поведать о смысле народного танца, песни — в этом суть работы педагога. В общении с их учениками автор могла оценить степень доверия детей к своим педагогам, открытость их душ.

Была проведено специальное анкетирование среди преподавательского состава. Вопросы анкеты были следующие:

1. Кто или что помогло Вам при выборе профессии?
2. Что для Вас народный танец? Объясните ли Вы детям связь фигур и движений в танце (или смысл слов в песне) с их символическим смыслом?
3. Способствует ли репетиционная работа разговору с детьми о смысле народной культуры, о традициях, о любви к Родине?

4. Есть ли у Вас ученики, которые продолжают дело учителей?

5. Ваши личные замечания и суждения о смысле Вашей работы.

Ответы на вопросы анкеты включены мною в дальнейший обзор истории и деятельности коллективов.

Некоторые ответы на эти вопросы будут представлены в процессе описания деятельности различных обществ национальных культур.

Новороссийское отделение Всесоюзного общества советских греков зарегистрировано в городе одним из первых. 20 декабря 1989 г. собрание греческой общественности Новороссийска выдвинуло идею создания греческой общественной организации. «Новороссийское Городское Греческое общество» (дата регистрации 1992 г.) стало результатом активности одной из самых больших (свыше 3000 чел.) греческих диаспор в России; численность членов городского греческого общества — более 400 человек. Оно стало органической частью города, активным участником Объединения греческих обществ России (создано 31.10.1992), а также объединённого съезда в Ставрополе.

Греческий язык изучают в школах (№ 5, 8, 28), а также в ГЦНК — группа ок. 30 человек. Уроки ведёт уроженец Греции Ставроп Калимитрис.

В круг деятельности общества вошли помощь пожилым людям, открытие часовни Святого Великомученика Димитрия Солунского и памятника жертвам политических репрессий, восстановление изда-

ния газеты «Неа зои» (редактор Ксения Кабардияди). Общественная организация также ведёт большую работу с молодёжью, ветеранами, с социально незащищёнными категориями граждан. Общество является попечителем строительства Храма Спиридона Тримифунтского в парке имени Ленинского комсомола.

Первые шаги в работе греческого общества начались открытием при музыкальной школе № 1 первого класса в России по обучению игре на бузуки. Её преподаватель Елена Константиновна Миланиди ведёт кружок народной греческой песни «Элефтерия».

В октябре 1990 г. общество принимало в городе участников всесоюзного турнира «Юность России». Гордостью греческого общества стал танцевальный ансамбль «Фотини» с тремя возрастными группами (создан в 1990 г., в 1995 г. получил звание «Народный коллектив»). В его репертуаре народные танцы понтийских греков и танцы, способствующие возрождению этнической составляющей. В июле 2006 г. коллектив принят в члены Международного Совета Танца CID, старшая группа ансамбля выступала с программой понтийских танцев в театре «Дора Страту» (Афины) на всемирной встрече зарубежных танцевальных коллективов.

Общий состав ансамбля охватил более 100 человек, руководители — Светлана Викторовна Дромиади и Ольга Валерьевна Метакса — дипломированные хореографы. С. В. Дромиади окончила Краснодарский краевой колледж культуры, главным своим учителем называет педагога по предмету «Народный танец» Ольгу Александровну Галай.

Обычно работа над танцем начинается с самоподготовки (чтение литературы об истории танца, слушание музыки, осмысление символики и пластики), которая помогает педагогу, представляя танец детям, сопроводить это рассказом о его истории и развитии, выразительных особенностях движений. Понтийские танцы (танец сборщиков урожая винограда, танец воинов) — групповые и выражают чувство общности. На репетициях отрабатывается не только филигранная техника каждого элемента танца, идёт воспитание волевых качеств, чувства ответственности. Светлана Викторовна и Ольга Валерьевна считают, что знание народной культуры и языка воспитывают у детей любовь к родине, дают чуткость к национальному своеобразию. Сейчас в трёх группах коллектива занимаются 50 детей.

Новороссийская городская грузинская национально-культурная общественная организация «Багратиони» имеет основным направ-

лением деятельности оказание юридической и практической помощи соотечественникам. Сознанные под эгидой этого НКОО уникальные хореографические коллективы грузинского танца «Арагви» и «Метехи» — украшение любого праздника в Новороссийске.

Достигнутое студией в постановках народного кавказского (грузинского) танца было моим эмоциональным и художественным потрясением. Великолепный технический и художественный уровень характерен и для подготовленных под руководством Рамази Иродовича Цаава и Нари Иродовны Карабаевой постановок русского, греческого, армянского танцев. Ансамбль «Арагви» существует с марта 2010 г. Выбору профессии Рамази и Нари способствовало желание достичь совершенства, интерес к танцам как к национальной ценности. Оба (родные брат и сестра) родились и выросли в Тбилиси, начинали в государственных танцевальных ансамблях Грузии, окончили Народный университет хореографии имени Г. Я. Чохонелидзе (Тбилиси).

Рамази продолжает анализ танца с ребятами и после репетиции. Для обоих руководителей нет более значимого в жизни, чем хореография. Каждое занятие углубляет работу над танцем постижение значимости традиций и чувства Родины. Педагоги говорят о том, что в грузинском танце показываются самые главные черты мужчины: мужество, стойкость характера и сила духа, а в образе женщины воспеваются нежность и скромность.

Нари и Рамази часто говорят: «Народный танец — это искусство, сотканное из поэзии тела и души: чем богаче душа, тем грациознее танец. Народные танцы грузин пропитаны любовью и почитанием своей Родины. В танцах горцев прославляется сила и бесстрашие. Народные танцы эволюционировали: есть танцы военного характера, есть веселые и романтические танцы, танцы-соревнования. И каждый — маленькая часть жизни, в которой есть мужество, красота и любовь».

Зажигательному энергичному аджарскому танцу «Гандагана» присвоен статус памятника нематериального культурного наследия Грузии. Он составлен из нескольких аджарских танцев, передаваемых из поколения в поколение как семейная традиция.

«В ансамбле занимаются и наши дети. Старшие уже во многом нам помогают», — говорят Нари и Рамази. — Как профессиональные хореографы мы хотим, чтобы наше дело продолжалось, чтобы наши ученики хранили и развивали культуру грузинского танца. Мы повышаем квалификацию в Грузии, приглашаем на мастер-классы профессиональ-

ных танцоров, высококвалифицированных педагогов. Мы горды тем, что развиваемся, нас знают в Краснодарском крае и за его пределами. Приглашают на конкурсы, фестивали и просто любят наш ансамбль «Арагви»».

Ансамбль — обладатель призов зрительских симпатий в городских, краевых, всероссийских фестивалях, участник городских мероприятий («Венок дружбы», фестиваль дружбы народов «Мы вместе, мы едины»), награждён благодарственными письмами главы города-героя Новороссийска. Участники ансамбля — лауреаты диплома 1-й степени Всероссийского вокально-хореографического конкурса детского и молодёжного творчества «Хрустальная Ника».

Армянское культурно-просветительское общество «Луйс — Свет» курирует решение социальных вопросов и вопросов консолидации и укрепления отношений между представителями разных народов России. В центре внимания сохранение национальной самобытности армянской диаспоры, популяризация семейных ценностей, организация образовательных, культурных, спортивных программ. В 2018 г. при обществе «Луйс» появилась команда по мини-футболу. Председатель общества Владимир Амаякович Мхитарян уже 16 лет является депутатом городской думы. При обществе действует воскресная школа по изучению родного языка и литературы, в 14 школах города армянский язык преподают на факультативных занятиях. Выходящая с 1992 г. газета «Луйс» отражает все аспекты деятельности общества. Завершается строительство армянской апостольской церкви.

Народная культура представлена вокальной группой армянской песни «Крунк» (рук. Лиана Сирекановна Оганисян), кружком игры на национальном ударном инструменте с красивым названием *звук сердца* (кружок ведёт Ашот Валерьевич Макаров). Общество по праву гордится народным самодеятельным ансамблем танца «Ахтамар» (рук. Виктория Вартановна Гюрджиян). Экономист по первоначальному образованию, она посвятила себя народной хореографии, а глубокие знания о народном танце получила от своих учителей Вануша Ханамирана, Ованеса Хашкяна, Гашка Тнасяна.

Процесс работы над танцем, изучение его истории и традиций постановки приблизительно одинаковы у всех хореографов. Что говорят ученики и педагоги по этому поводу?

«Для меня народный танец — это история всего народа, его портрет. Не вижу более праздничного и скорбного, жизнелюбивого вида

искусства, чем народный танец. Занятия танцем помогают более тонкому восприятию всего прекрасного, — считает Виктория Вартановна. — Это путь очень сложный и мучительный, пока не приоткроется истина, после которой начинается следующий этап, когда из понимания народной жизни “рождается” смысл танца, а из высокой техники хореографии рождается понимание этого смысла. Исполнителю требуется огромная сила воли и смелость. В результате изменяется личность, меняется культура поведения, привычные взгляды на мир».

Причина успеха коллектива — в высокой технике, которая и приводит к слаженности движений, лёгкости и выразительности исполнения. У В. В. Гюрджиян, к счастью, уже есть ученица, которая продолжит её дело.

В ГЦНК бережно относятся к сохранению русской традиционной и современной славянской культуры, фольклорной культуры Кубани. В 2006 г. в селе Кирилловка учителями Бланкой Грунтовой и Ириной Третьяковой организован клуб *Mateřídouška* («Душа матери») с целью сохранения традиций общины северокавказских чехов, существующей около 140 лет [2]. Диаспора старается сохранять связи с этнической родиной, идентичность своего культурного наследия. Культурно-просветительская деятельность общества охватывает города Новороссийск и Анапу. В Кирилловке с 2009 г. силами преподавателей и студентов Российского государственного гуманитарного университета проводятся диалектологические экспедиции. Ими руководит доцент Сергей Сергеевич Скорвид.

Поддерживают своих соотечественников и Еврейская община города, Польское общество, общественная организация «Немецкая национально-культурная автономия», Таджикское, Азербайджанское, Дагестанское, Осетинское общества г. Новороссийска. При обществе Крымско-татарской национально-культурной автономии создан творческий коллектив «Къара дениз».

Важнейшей частью ГЦНК является работа отдела славянской культуры («Родные истоки»). С 1996 г. отделом руководит Светлана Александровна Гаврилова. Хорошо известна в крае деятельность национально-культурной общественной организации «Пересвет», Центра казачьей культуры (его возглавляет Карина Юрьевна Житенева). Председатель «Пересвета» Елена Анатольевна Прожогина руководит школой-студией авторской художественной куклы и дизайнера «Пеликан». Этот народный коллектив ведёт изучение культуры разных эпох

в сочетании компонентов: музыка — театр — живопись. Всё это вмещает кропотливое изготовление куклы и её костюма. Сейчас участники студии выбрали темой культуру Ренессанса и творчески осваивают её.

Елена Анатольевна и Сергей Владимирович Шницер (образцовый художественный коллектив — художественная студия «Волшебная палитра») — члены Союза художников России. Звание «Образцовый художественный коллектив» также имеет музыкальная студия «Дебют», которой руководят Любовь Владимировна и Павел Николаевич Сокол.

Работают «Мастерская хореографии XXI века» (рук. Евгения Алексеевна Чичева), музыкальный театр-студия «Чистый звук» (рук. Татьяна Форитовна Шариазданова), музыкальный театр-студия «Гармония» (рук. Галина Владимировна Сырохватова и Светлана Геннадиевна Титова).

Деятельность театра «Гармония» началась в 1997 г. премьерой музыкальной сказки Якова Дубравина «История кота Филофея», в 2002 г. сказка переросла в остросоциальную рок-оперу «На этой совсем небольшой планете». Спектакль получил Гран-при Всероссийского фестиваля детского творчества «Юность» (Москва), одержал в 2002 г. победу на краевом фестивале «Театр! — ты мне нужен!». Вторая значимая премьера — триптих «Христос с тобой» (музыка М. Славкина, стихи вел. кн. К. Романова) — прозвучал в совместном концерте с Кубанским казачьим хором.

В репертуаре театра — спектакли с авторской музыкой Галины Сырохватовой, сценографией режиссера Светланы Титовой, авторским текстом члена Союза писателей России Натальи Бондаревой. Музыкальная драма «Чужие сны», посвящённая городу-герою Новороссийску, награждена дипломом III степени за лучшую женскую роль (2010) и за глубокое раскрытие темы Великой Отечественной войны на Всероссийском фестивале в Ярославле. Спектакль «Восьмая нота ME» по пьесе Михаила Бартенева «Тук-тук, кто там?» (музыка Г. Сырохватовой) получил диплом I степени за лучшую режиссуру и сценографию, был трижды лауреатом за лучшие актёрские работы (Всероссийский театральный фестиваль «Маска» в Астрахани, 2013). На Международном фестивале «Музыкальная перспектива – 2014» в Санкт-Петербурге он награждён дипломами в номинациях «Лучшая композиторская работа», «Лучшая сценография», получил высокие отзывы экспертов национальной премии «Золотая маска» в 2014 г. на московском фестивале «Пролог. Вес-

на», а также взял Гран-при Международного фестиваля «Театральный переполох — 2016».

Звание «Образцовый художественный коллектив» музыкальный театр «Гармония» защитил оперной историей «Кот в сапогах» по музыкальной сказке Степана Соснина и Киры Алемасовой. Свидетельства признания талантливой постановки — диплом III степени Всероссийского фестиваля «Маска» в Астрахани, в 2010 г. 3-е место на Всероссийском фестивале музыкальных театров «Синяя птица» (Москва, театр Наталии Сац), в 2011 г. награда за лучшую актёрскую работу на Всероссийском фестивале «Русская драма» (Москва), победа на Международном фестивале «Музыкальная перспектива — 2017» в Санкт-Петербурге и Гран-при Международного фестиваля «Театральный переполох — 2017». С 2012 г. образцовый музыкальный театр «Гармония» входит в команду Международной ассоциации «Все настоящее — детям» фонда народного артиста России Олега Митяева, созданного для поддержки эффективных проектов в культуре и дополнительном образовании. 15 сентября 2022 г. театру исполнилось 25 лет. Он растёт и развивается со своей системой обучения, сочетающей вокал, хореографию и актёрское мастерство.

Успешно работают хореографический ансамбль «Маруся Дансе» (рук. Мария Викторовна Коричева), ансамбль русской песни «Яблонька» (рук. Вероника Вильевна Гадельшина), детский коллектив «Малинка» (рук. Антонина Владимировна Музафарова), литературно-музыкальная гостиная (рук. Вероника Вильевна Гадельшина) и два коллектива, возглавляемые Анной Александровной Сорокиной: эстрадный ансамбль русской песни «Березка» и вокально-инструментальный шумовой ансамбль «Калинка».

В рамках Центра казачьей культуры созданы народные самодеятельные коллективы: Черноморский вокальный ансамбль (рук. Ольга Петровна Додяк); ансамбль «Родная станица» (рук. Наталья Геннадиевна Масьярова); кружок индийского танца «Ганга» (рук. Елена Эльвертовна Вечерская). Среди не менее важных начинаний Центра казачьей культуры — группа патриотического воспитания «Пластуны» (преп. Андрей Владимирович Тимофеенко), класс благородных девиц (преп. Карина Юрьевна Житинева), кружок изучения немецкого языка (преп. Анна Михайловна Откидычева), этностудия «Родник» (занятия декоративно-прикладным искусством ведёт Светлана Александровна Гаврилова).

В богатой и разнообразной картине деятельности ГЦНК внимания достоин каждый коллектив. О вкладе таких творческих людей, ценном для страны и каждого её города, можно сказать словами Д. С. Лихачёва: чем выше культура народа (и, добавлю от себя, культура личности), тем сильнее в нём «связующие нити, тем он миролюбивее, тем он социальнее. К патриотизму нельзя призывать, его нужно заботливо воспитывать» [5, с. 66]. Творческая позиция педагогов и работников Городского центра национальных культур опирается на бережное отношение к традициям прошлого, прививает уважение к ним, поддерживает стремление приобщиться к классическому наследию, воспитывает в детях личность.

Необходимо всемерно поддерживать на региональном и муниципальном уровне подобные учреждения как платформу художественно-эстетического и гражданственного воспитания молодёжи, просвещения горожан разных возрастов. Культурное общение жителей полиэтничных регионов не должно и не может быть ничем иным как добрососедством, возводящим национальное чувство на уровень, где самоуважению неразрывно сопутствует уважение к достоинству и самобытному культурному опыту других народов.

Литература

1. *Ильин И.* За национальную Россию: Манифест русского движения // Иван Ильин [сайт]. — URL: <http://ivan-article.narod.ru/files/article.pdf> (дата обращения: 10.12.2022).
2. История // Новороссийская городская общественная организация Культурно-просветительский чешский клуб «Материодушка — душа матери» [сайт]. — URL: <https://materidouska.ru/index.php/ru/istoriya> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Городской центр национальных культур, город Новороссийск : официальный сайт. — URL: <http://xn--dtbbwfcscckbazpac5e.xn--p1ai/> (дата обращения: 10.12.2022).
4. Стартовал фестиваль национальных культур «Новороссияне-2022» // Новороссийск: Без Формата [сайт]. — URL: <https://novorossiysk.bezformata.com/listnews/nacionalnih-kultur-novorossiyanе/109289199/> (дата обращения: 10.12.2022).
5. *Лихачёв Д. С.* Прошлое — будущему. — Л. : Наука, 1985. — 575 с.

Lyudmila N. KUZNETSOVA,
Teacher of musical and theoretical disciplines,
Novorossiysk College of Music, Novorossiysk, Krasnodar Region,
Russia, lyuda.kuznetsova.2022@mail.ru.

**Interaction of National Cultures as a Way of Spiritual,
Patriotic, Artistic and Aesthetic Communication**

The paper is devoted to artistic and aesthetic communication as a tool for the education of spiritual qualities and patriotic feelings of young people. Based on a broad understanding of the category of national feeling (interpretation proposed by I. I. Ilyin), the author analyzes various aspects of the activities of one of the leading educational institutions of Novorossiysk — the City Center of National Cultures (GNCC), which celebrates its 25th anniversary in 2023. The research materials were information about the history of this institution, work plans, survey data of the heads of a number of creative departments of the GNCC. The conclusion is made about the key importance and necessity of regional and municipal support of institutions that effectively combine the properties of the platform of education, cultural communication and youth education.

Keywords: *interaction of national cultures, socio-cultural policy, civic consciousness of youth, the Center of National Cultures of Novorossiysk, the festival of National cultures “Novorossiysans”, traditions of the urban community, spirituality, sovereignty, morality.*

Научное издание

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

Сборник научных статей
по итогам VIII международного научного форума

***Ответственный редактор
Горлова Ирина Ивановна***

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*
Корректор: *И. А. Птицын*
Компьютерная верстка: *О. В. Клюшенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru